

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

МНР: дорогой прогресса и мира

**35 лет Китайской Народной
Республике**

**Грозный урок
второй мировой войны**

**Китай в стратегических
расчетах США**

Посмертная судьба Дэн То

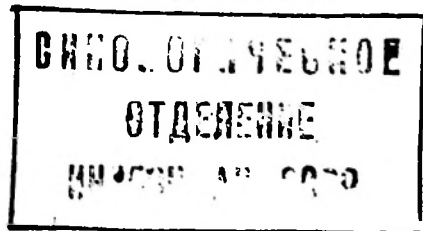
3

1984

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Политика разума — против политики террора и авантюры
- ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА
- Дорогой прогресса и мира
14 А. Н. КАТЕРИНИЧ
А. Д. ШЕРСТНЕВ
- 26 35-летие Китайской народной революции
С. Г. ЮРКОВ
- 37 Грозный урок второй мировой войны
А. Н. НИКОЛАЕВ
- 51 Развитие внешнеэкономических связей КНДР
В. В. СМЕРНОВ
- 63 Развитие сотрудничества стран Индокитая
М. П. ИСАЕВ
И. А. ОГНЕТОВ
- 76 К вопросу о воссоединении Тайваня с КНР
В. Н. БАРЫШНИКОВ
С. Н. ГОНЧАРОВ
- 88 Китай в стратегических расчетах США
В. И. БИРЮКОВ
- ТРИБУНА КОММЕНТАТОРА
- 99 К итогам II сессии ВСНП шестого созыва
Г. А. АЛЕКСЕЕВ
- 105 Индия и Китай: проблема нормализации отношений
Ю. М. РЯКИН
- 111 Опасный очаг военной напряженности
С. С. МОДЕНОВ
- КУЛЬТУРА
- 115 Посмертная судьба Дэн То
А. Н. ЖЕЛТХОВЦЕВ
- 127 На московской выставке Сюй Бэйхуна
Л. И. КУЗЬМЕНКО
- ИСТОРИЯ
- 134 «Нян Зан» о некоторых аспектах политики КНР на Женевском совещании по Индокитаю 1954 г.
- 136 Ось Токно — Вашингтон: истоки одного союза
С. И. ВЕРБИЦКИЙ
- ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, СПРАВКИ
- Ученые КНР о стратегии социально-экономического развития страны
147 В. Я. ПОРТЯКОВ
С. В. СТЕПАНОВ

по-1523

- Китайская печать о некоторых вопросах экономики КНР
155 **Б. К. ЧИЖОВ**
Новое в налоговой политике КНР
159 **И. Б. ШЕВЕЛЬ**
Телевидение Китая
167 **Д. Г. НАПАРА**

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- Роль пролетарского интернационализма в социалистическом строительстве
173 **Т. А. ЯКИМОВА**
Китайская революция и армия
175 **Н. Е. САВРАСОВ**
Современная Япония
177 **В. Б. РАМЗЕС**
В отблесках чужого золота
181 **В. С. МЯСНИКОВ**
Книга об экономике Китая
184 **В. И. ПОТАПОВ**
Из истории антицинской борьбы во Внутренней Монголии
187 **В. Э. РАДНАЕВ**
Советско-японские экономические отношения
189 **Ю. Е. БУГАЕВ**
«Культурная революция» глазами китайских писателей
192 **З. Ю. АБДРАХМАНОВА**
Социально-классовая структура японского общества
194 **В. Н. ХЛЫНОВ**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Арсеньевские чтения в Хабаровске
198 **А. И. ТАРАСОВА**

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

- Успехи братского монгольского народа
200
Памятные страницы истории советско-китайского сотрудничества
202

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- 206 60-летие О. Б. Рахманина

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор), **В. А. АРХИПОВ** (зам. главного редактора), **Г. В. АСТАФЬЕВ**, **Р. С. БЕЛОУСОВ**, **Г. А. БОГДАНОВ**, **Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ** (зам. главного редактора), **М. С. КАПИЦА**, **И. И. КОВАЛЕНКО**, **В. А. КРИВЦОВ**, **О. Б. РАХМАНИН**, **Б. В. САГАРЕВ** (отв. секретарь), **А. И. СЕНАТОВ**, **В. М. СОЛНЦЕВ**, **М. Л. ТИТАРЕНКО**, **С. Л. ТИХВИНСКИЙ**, **Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ**, **Н. Т. ФЕДОРЕНКО**, **В. И. ШАБАЛИН**

Политика разума — против политики террора и авантюры

Перед современным человечеством стоит множество проблем, экономических и социальных, политических и нравственных, экологических и этнических, но решение их, даже частичное, прямо зависит от главной — сохранения мира на земле. По вине империализма впервые в истории возникла угроза самому существованию человечества, человеческой цивилизации и даже биосферы нашей планеты.

Исчерпав свою историческую миссию, капитализм даже на стадии империализма еще не исчерпал своего ресурса исторического развития, но уже выступает не только как помеха социальному прогрессу, носитель тенденции к застою и тупику через посредство войн, колониального или неоколониального ограбления, но и как носитель катастрофической угрозы.

Как известно, во внешней политике США с приходом к власти администрации Рейгана в январе 1981 г. произошел резкий поворот в сторону прямой конфронтации с СССР, с социализмом в целях установления военного превосходства над ним, в сторону непосредственной подготовки к ядерной войне. Причина этого поворота, конечно, не составляет секрета. В предшествующий период, в условиях разрядки этого сделать не удалось. «Пришлось» вернуться к «классическим» методам империализма — к позиции силы, ставке на силу. Это самая примитивная, но и самая опасная реакция на прогрессивные изменения в мире.

К власти в США пришли те круги, которые не в состоянии мыслить категориями мирного сосуществования, которые фетишизировали научный, технико-экономический, военный потенциал США и сделали крупную ставку на антикоммунистическую «идеологизацию» внешней политики Соединенных Штатов. Военная программа Рейгана получила известность настолько быстро, что нет сомнений в том, что она подготовлена давно. Она предусматривает, помимо совершенствования «традиционных» видов оружия (ракетные системы «Трайдент», «МХ», «Миджитмен», крылатые ракеты, а также Б-1, «Стэлс» — «бомбардировщик-невидимка», «нейтронное оружие» и т. д.), исследования и разработку в области космического оружия всех классов («земля — космос», «космос — земля» и «космос — космос»), в том числе лазерного, пучкового (корпускулярного) и др. Триллионы долларов в течение 10—15 лет Рейган и генералы Пентагона рассчитывают израсходовать на выполнение второй части милитаристской программы, чтобы создать ситуацию, когда СССР, по их расчетам, должен склониться перед Вашингтоном. Эта программа преследует и другую цель — дискредитацию СССР и социализма вообще. Шумиха о «советской угрозе» достигла наивысшего накала. Рейган не устает твердить, что ему приходится «восполнять более 10 лет практически полного пренебрежения к оборонным потребностям». Первым шагом было начало размещения в Западной Европе новых американских ракет «промежуточной дальности» в 1983 г. Ради этого американская

администрация не остановилась даже перед срывом переговоров с СССР как по вопросам ядерного оружия в Европе, так и по ограничению и сокращению стратегического ядерного оружия в целом. Второй шаг империализм США собирается предпринять, видимо, в ближайшее время: в американские средства массовой информации были запущены данные об успешном испытании новой системы ПРО (класс «земля — космос») «с неядерным боеприпасом». Это означает, что правительство Рейгана, игнорируя известное заявление Советского правительства по поводу недопущения милитаризации космоса, пошло на прямой отказ от переговоров с СССР по этим вопросам. Опасность в том, что новые системы оружия (для космического театра военных действий) будут все труднее поддаваться контролю.

Советский народ, построив в сложных исторических условиях социализм, решая задачи экономического роста, совершенствования системы развитого социализма, всегда проявлял и проявляет заботу об укреплении оборонной мощи, о защите своих завоеваний и добился военно-стратегического равновесия с Соединенными Штатами Америки. Это яркое свидетельство бесспорного преимущества социалистической системы, ее способности эффективно решать самые сложные задачи. Казалось бы, правящие круги империалистических государств, и прежде всего США, должны сделать соответствующие выводы. Между тем, они вновь взяли опасный курс на достижение военного превосходства над Советским Союзом и странами социалистического содружества, на то, чтобы занять доминирующие позиции в мире и, опираясь на силу, диктовать свою волю другим народам. Деятели Пентагона, атлантические политики и натовские стратеги работают ныне в направлении усиления милитаристских приготовлений. Объявлен «крестовый поход» против коммунизма. Всевозможными запретами и «санкциями» Вашингтон пытается задержать динамичное развитие СССР. По заявлению американских политиков, США хотели бы «довести Советский Союз до экономической смерти».

На достижение этой цели и направлена политика безумной гонки вооружений, грубого давления, усиления международной напряженности, в частности, посредством применения вооруженной силы против суверенных государств. Но полезно напомнить Вашингтону, что остановить поступательный ход истории никому не удавалось и не удастся. Трезвый анализ реальной обстановки в мире администрации Рейгана не свойственен, зато в избытке — демагогия, лицемерие, коварство и авантюризм в политике. Вашингтон, конечно, беспокоит то, как смыть с Пентагона клеймо автора концепции «ограниченной» ядерной войны в Европе, как оправдаться в глазах европейцев и народов других континентов, как связать им американскую версию исхода переговоров с СССР по вопросам разоружения и укрепления международной безопасности. Но прежде всего в Белом доме думают о том, как вслед за ядерными ракетами протащить в Западную Европу нейтронное и новейшее химическое оружие, как добиться военного превосходства не только в сфере ядерных, но и обычных вооружений.

Более того, нынешняя администрация США в официальных документах объявила своей целью «уничтожение социализма» как общественно-политической системы. Политическая, экономическая, идеологическая жизнь США во все большей степени оказывается подчиненной этой, по существу безумной и опасной по возможным последствиям для всего мира задаче. Через конгресс протаснены крупные ассигнования на производство новых видов оружия массового уничтожения.

Ответственность за такой поворот событий, за их последствия несут не только империалистические круги США, но и их союзники по НАТО, которые вопреки воле собственных народов открыли зеленый свет для «Першингов» и крылатых ракет.

Примеров откровенного милитаризма, претензий на мировое господство, нарушения прав человека и свободы народов в «послужном списке» Белого дома немало. Это и вторжение в Ливан, и оккупация Гренады, и необъявленная война против Никарагуа, и угрозы в адрес Сирии. Это превращение Западной Европы в стартовую площадку для нескольких сот ядерных ракет США, нацеленных на СССР и его союзников.

В одностороннем порядке Белый дом прекратил переговоры о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия, переговоры по Индийскому океану, по противоспутниковым системам и другие, в том числе и те, которые были начаты по инициативе самих США. В результате процесс ограничения гонки вооружений по вине администрации США заторможен. Воинственный курс Вашингтона усиливает угрозу для всего мира, да и для самих США, поскольку увеличивается риск термоядерной катастрофы. Безответственная, авантюристическая милитаристская политика администрации США привела к обострению напряженности во всем мире. Безумная попытка сломать существующее ядерное равновесие неизбежно вызывает необходимые и справедливые ответные меры.

«Те, кто находится сегодня у руля правления США, заявляют о намерении вести внешние дела, действуя с позиции силы, — подчеркнул товарищ К. У. Черненко. — ...Не на базе равенства и одинаковой безопасности, а именно с такой позиции, когда США и их ближайшие союзники могли бы диктовать свою волю, а всем другим оставалось бы только подчиняться».

В Вашингтоне бредят «звездными войнами», стремясь через космос проложить дорогу к военному превосходству, пытаются протолкнуть через конгресс 10-миллиардную программу химического перевооружения и, в частности, заполучить средства для начала производства нового поколения химического оружия — бинарного. И все это делается Соединенными Штатами, судя по словам их высокопоставленных деятелей, во имя... мира и безопасности. Эти деятели твердят, что только вооружение способно обеспечить разоружение, что мир может быть лишь результатом «равновесия страха».

Одновременно Вашингтон бесцеремонно требует от своих союзников также усилить милитаристские приготовления. Вашингтон ориентирует своих союзников на широкомасштабную гонку вооружений, исключительно опасную политически и весьма обременительную экономически. Военные приготовления США и некоторых их союзников, как отметил Министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, активизировались по всем направлениям и во всех основных регионах мира. Увеличивая в беспрецедентных размерах военные расходы, Вашингтон требует, чтобы и союзники ежегодно увеличивали их на 3 процента, а еще лучше на 4—5 процентов в реальном исчислении. Это ведет к дальнейшему росту милитаризации внутренней и внешней политики, усилению зависимости этих стран от агрессивного, авантюристического курса США на мировой арене. В результате гонка вооружений, осуществляемая Вашингтоном, перестала быть только их «внутренним» делом. Она во все большей мере ведется не только за счет ресурсов самих США, но и за счет ресурсов ряда других стран, находящихся в военной, политической и экономической зависимости от американского империализма.

Иногда в американской печати проскальзывает «убаюкивающий» тезис о том, что рост международной напряженности, ухудшение американо-советских отношений, происшедшие по вине администрации Р. Рейгана, вовсе не означают возрастания опасности для дела мира. Мол, было и похуже. Все утрясется, так как нигде нет прямой конфронтации с СССР, непосредственного столкновения США с Советским Союзом. Это поверхностное и неверное суждение. Новый виток гонки вооружений, попытки ее перенесения в космос, разработка новых систем ору-

жия — все это, во-первых, увеличивает степень риска в международных отношениях. Во-вторых, рост напряженности еще и затрудняет выход из подобной ситуации, возврат к процессу нормализации обстановки в мире, к разрядке. И, наконец, в третьих, рост напряженности создает ситуацию, способствующую обострению прежних и возникновению новых локальных конфликтов. Тем самым образуется своеобразная цепная реакция роста напряженности в мире. Авантюристический, террористический характер американской внешней политики дает тому массу подтверждений. Достаточно Соединенным Штатам объявить какой-либо район мира «сферой своих жизненных интересов», как они начинают там вести себя совершенно беспардонно и безрассудно, попирая все нормы международного права и человеческой морали.

Госсекретарь Дж. Шульц дал свое определение терроризма в обстоятельном докладе скандально известной «второй международной конференции по борьбе с терроризмом»: это те, «кто пытаются силой навязать другим свою волю, причем используют силу особого рода, призванную создать атмосферу страха». Вряд ли можно более точно передать суть внешнеполитической деятельности нынешнего руководства США, которое именно так и поступает либо само, либо с помощью таких режимов, как в Израиле, ЮАР, некоторых центральноамериканских странах. «Осыпанный звездами» флаг можно увидеть в самых разных частях света, но нигде появление этого символа не приводило ни к миру, ни к урегулированию, ни к спокойствию. Планы администрации США в развертывании гонки вооружений, государственный терроризм в отношении революционных режимов, национально-освободительных движений и прогрессивных деятелей очевидно свидетельствуют о стремлении создать в мире «порядок страха», а не закона.

Широко используются американским империализмом (и не только в последние четыре года) средства экономического террора, стремление утвердить в мире, особенно среди развивающихся стран, такой экономический «порядок», когда развитые капиталистические страны, прежде всего США, и институты, ими контролируемые, могли бы беспрепятственно творить разбой, выкачивать ресурсы, искусственно сдерживать прогресс этих стран и народов.

Не следует забывать и об «идеологическом» терроризме, в котором администрация Рейгана, по всей вероятности, побила все рекорды. Непрерывные клеветнические кампании — антикоммунистические, антисоветские, антикубинские, антивьетнамские и т. п. — явно направлены на идеологическое подавление, дискредитацию, шельмование всего, что не покоряется идее американского мирового господства.

Во внутренней политике террористический характер американского империализма не менее очевиден. Не случайность в Америке ни физическое устранение политических лидеров, не только прогрессивных, но и стоящих на позициях здравого смысла, ни массовые расправы над борцами за гражданские права и целыми группами населения, ни создание огромной системы концентрационных лагерей, ни акты террора в отношении дипломатов и иностранных граждан и угрозы их применения.

Террористическая сущность американского империализма наряду с тягой к внешнеполитическим и военно-политическим авантюрам обнаруживается во всех направлениях деятельности администрации Рейгана, в том числе и в отношениях с союзниками. Попытки утвердить в мире капитализма «принципы» диктата и угроз, произвола и насилия, стремление навязать свой «новый порядок» в НАТО, принудить к послушанию Западную Европу, взнудать ее «общей ответственностью» и страхом — очевидны. И чем меньше остается у империализма, прежде всего США, рычагов удержания господства в мире, тем больше у него жажды этого господства, тем неразборчивее он в средствах, но и тем чаще он вынужден маскироваться, прибегать к дипломатическому или идеологическому

прикрытию своей сути, отсюда и тактические повороты, и даже элементы заискивания в политике рейгановской администрации, особенно в предвыборный период. Дело в том, что курс на конфронтацию с Советским Союзом, внешнеполитический разбой, произвол в отношениях с союзниками все труднее «продавать» избирателю, и тем паче выдавать все это за политику сохранения мира на планете.

В свое время наша партия отмечала как характерную черту современного капитализма его вынужденные попытки приспособиться к коренным изменениям эпохи. Не лишен этой черты и современный американский империализм. Это особенно заметно проявляется в двух важных аспектах политики Рейгана — в американо-советских и американо-китайских отношениях. Все еще помнят, как рьяно начал Рейган свою «новую политику». Его не смущало ни то, что он оказался президентом, за которого проголосовало чуть больше четверти избирателей, ни то, что впоследствии было названо «рейгангейтом», ни роль большого бизнеса в его судьбе, ни предыдущие провалы. Экономическая политика, основанная на идеях «неоконсерватизма», несколько поправила дела американского бизнеса ценой обострения социальных проблем США. Курс на подготовку к войне привел к демонтажу едва ли не всех механизмов разрядки в отношениях с СССР. Был у Рейгана и свой «Фултон», даже не один. Антисоветизм стал органической потребностью и функцией правительства миллионеров — участников военно-промышленного комплекса.

И вот на последнем году первого срока своего пребывания на посту Рейган стал в своих выступлениях упирать на «миролюбие» и готовность «лететь куда угодно и вести переговоры с кем угодно без предварительных условий» ради мира на земле. На деле, и это известно всем, политика США была иной все эти годы. «То обстоятельство, что Рейган не сумел действовать в сфере внешней политики так, чтобы организовать и провести встречу с кем-нибудь из советских руководителей, как это удавалось его предшественникам в условиях не менее сложных, говорит не в его пользу», — писала «Вашингтон пост». «Тревогу и гнев Советского Союза», — продолжает газета, — он «ошибочно принимает за доказательство того, что его нажим достигает цели». «Впустую истраченные годы» — так характеризуют серьезные американские обозреватели деятельность Рейгана в сфере внешней политики.

Советское правительство неоднократно предупреждало США о серьезных последствиях размещения новых ракет в Западной Европе. Специалисты и общественность многих стран мира знают о том, что и повод для этого шага, и его последствия не были достаточно серьезно продуманы Рейганом. Советские ракеты «СС-20», как их обозначают на Западе, были средством достижения военного равновесия между НАТО и ОВД в целом, а не свидетельством «отставания» стран Запада. Установка «евроракет» отнюдь не укрепила безопасность Соединенных Штатов. Как и в стремлении перенести гонку вооружений в космос, администрация Рейгана во всех областях отношений с СССР действовала без учета возможных последствий для США. Между тем, мысль о том, что «Рональд Рейган может привести нас к войне», все чаще беспокоит умы американцев. Представление, что Советский Союз путем шантажа можно сделать уступчивым на переговорах, — это тоже авантюра. Разглаживания о «пустых стульях», «несговорчивости», о «контроле на местах», о «необходимости доказательств искренности» и «бóльшего доверия», как показала практика, не в состоянии скрыть этот авантюризм и не годятся даже для внутреннего потребления. США всерьез не рассмотрели ни одного советского предложения, «сознательно» ухудшили отношения с СССР и весьма неловко пытаются свалить вину за опасную ситуацию в мире на Советский Союз. Тем временем американские бизнесмены подсчитали, что рейгановские «санкции» обходятся им примерно в 10 млрд. долл. в год. Очевидна полная безответственность курса Рейга-

на в отношениях с СССР. Накануне выборов он намеревался поразить мир своими предложениями о восстановлении научных и культурных связей с СССР, но даже если бы это произошло, это не могло бы серьезно повлиять на оценки рейгановской политики.

Не менее сомнительны успехи нынешней администрации Белого дома и в азиатской политике, хотя этому направлению Рейган уделяет особое внимание. Сам американский президент в пекинских и шанхайских выступлениях не скрывал своих целей: создать в Восточной Азии такой же военно-политический блок против СССР, каким НАТО является для Западной Европы, чтобы «сдерживать экспансионизм и гегемонизм» СССР.

Под прикрытием антисоветской и антикоммунистической риторики, шумихи о «советской угрозе» империализм США в первой половине 80-х годов приступил к активному осуществлению своих гегемонистских целей в Азии и бассейне Тихого океана. Страны АСЕАН он пытается превратить в военно-политическую группировку, используя военные соглашения с Таиландом и Филиппинами. Ведется дальнейшая милитаризация Южной Кореи, где к началу этого года сосредоточились не только 40 тыс. солдат оккупационного корпуса США, но и около 1000 единиц ядерного оружия, нацеленного на СССР. Начато вооружение кораблей 7-го флота США крылатыми ракетами «Томагавк», что представляет собой прямой отход от соглашений по ОСВ-2. За всем этим — стремление США обеспечить себе военно-политический контроль в регионе, подчинить своим экспансионистским и гегемонистским интересам страны этой части мира. Аналогичную деятельность в сочетании с подрывными акциями развернули США в Южной Азии и бассейне Индийского океана. Они вооружают Пакистан, помогают военным баз в Бангладеш, «осваивают» Диего-Гарсиа, превратив этот остров в мощную военную базу, поощряют сепаратистов в различных районах Индии, затягивают петлю финансово-экономической кабалы на горле ряда азиатских стран. Не прекращаются провокации и другие враждебные акции против СРВ и других стран Индокитая.

Госсекретарь США Дж. Шульц однажды многозначительно напомнил слова генерала Макартура о том, что «хотя Азию принято называть воротами в Европу, в не меньшей степени верно, что и Европа является воротами в Азию». Подобная формула очевидно означает попытку увязать европейское и азиатское звенья агрессивной стратегии США. Президент Р. Рейган, как оповестил представитель госдепартамента, добивается «принятия Японией обязательств, равнозначных тем, которые несут союзники США по блоку НАТО». Японию открыто призывают, как часто можно слышать от высокопоставленных натовцев, «принимать более активное участие в делах Североатлантического союза, касающихся стратегических вопросов». Вашингтон продолжает лихорадочно укреплять восточный фланг милитаристских «клещей». За последнее время значительно возрос личный состав американских войск в районах, прилегающих к дальневосточным границам СССР и ряда других социалистических стран Азии.

Под предлогом «модернизации» вооруженных сил Вашингтон намеревается разместить на юге Корейского полуострова новые системы ядерного оружия средней дальности, способные создать угрозу не только в районе дальневосточных проливов, но и непосредственно территории СССР, а также Китая и других азиатских стран. Южнокорейская армия уже сегодня является одной из самых крупных и самых оснащенных армий мира.

Политика постоянного «военного присутствия» США в Азии рассчитана на разъединение стран Азии, на противопоставление одних государств другим, на осуществление гегемонистских планов чужими, азиатскими руками, как это и следует из «тихоокеанской доктрины», принятой на вооружение дипломатией США. Объективно страны Азии остро нужда-

ются в разрядке напряженности, в том числе и военной, в обеспечении безопасности, в создании такой политической атмосферы, которая благоприятствовала бы мирному созидательному труду, упрочению национальной независимости стран региона, их взаимовыгодному сотрудничеству. А им навязывается новый антисоветский, антисоциалистический блок Вашингтон — Сеул — Токио.

В связи с визитом Р. Рейгана в КНР в различных странах Азии стал обсуждаться вопрос: «А не возникает ли еще один альянс, „треугольник Вашингтон — Токио — Пекин“?» Мировая общественность проявляет законный интерес к двум аспектам визита Рейгана в КНР (конец апреля 1984 г.): значение американо-китайских переговоров и характер отношений между США и Китаем в его связи с проблемой сохранения и упрочения мира, развития международного сотрудничества. Касаясь целей своего визита, Р. Рейган откровенно заявил, что он стремится создать на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана новое антисоветское «сообщество». Госсекретарь Дж. Шульц высказался столь же прямо: визит в КНР имеет «важное значение с точки зрения стратегии в отношении СССР». «Визит Рейгана в Пекин, — писала в те дни лаосская «Пасасон», — преследовал цель втянуть пекинское руководство в орбиту американского империализма посредством предоставления современной техники». Японская «Акахата» также заявила, что цель Рейгана — втянуть Китай «в глобальную стратегию, направленную против Советского Союза», и «замазать дипломатические провалы своей политики на Ближнем Востоке, в Центральной Америке, в отношениях со странами Европы». Оставим в стороне предвыборную, рекламную сторону визита. Важнее другое — была ли достигнута главная цель, которую ставил перед собой президент США, — использование «китайской карты» против СССР.

Американские журналисты отмечали, что сотрудники Белого дома в канун визита «сбились с ног», разыскивая хоть один документ, который можно было бы подписать в Пекине, и, наконец, нашли соглашение о сотрудничестве в области ядерной энергетики, оно и было парафировано во время визита (но впоследствии отклонено при обсуждении в сенате США). Подписано соглашение о налоговых льготах для американских бизнесменов в Китае и соглашение о взаимном культурном обмене, сотрудничестве радиоцентра Пекина с радиоцентром «Голос Америки». Американские обозреватели не скрывали разочарования и скепсиса по поводу итогов визита. Правда, их несколько ободрил последовавший вскоре визит в США министра обороны КНР Чжан Айпина и достигнутые с ним договоренности.

Между тем у Рейгана была еще одна цель, помимо антисоветских замыслов и демонстрации «миролюбия» и «сотрудничества». Ханойская «Нян Зан» так формулировала ее: «Рейган вынашивает коварные планы еще и о постепенном «мирном вовлечении» Китая в систему капиталистического рынка, пытаясь утвердить капитализм непосредственно в самом Китае, который по-прежнему называет себя социалистической страной». Сам Рейган по возвращении в США высказался следующим образом: «Теперь китайцы согласны на создание американскими фирмами своих филиалов в Китае, в этом так называемом коммунистическом Китае... Вот на этих предприятиях и будет существовать капитализм».

Итак, Рейган и американский империализм явно делают ставку на «китайскую карту» в конфронтации с СССР, стараясь использовать известные разногласия Китая с нашей страной. Возможно, что рассчитывают они и на капиталистическое перерождение китайского общества.

Средства массовой информации ряда стран Азии, как социалистических, так и несоциалистических, выразили настороженность и обеспокоенность по поводу политической игры Рейгана в Азии и прежде всего — в отношениях с КНР, причем, естественно, беспокойство вызывают не сами контакты, а их военно-политический и военно-технический аспект.

Вьетнамская «Куан дой нян зан» писала: «Визит Рейгана в Пекин сгустил тучи над Азией». Газета японских коммунистов «Акахата» заявила: «Ясно, что независимо от того, каковы оказались результаты утилитарных расчетов США и Китая в связи с визитом Рейгана, его нельзя рассматривать как «успех» с точки зрения сохранения мира в Азии и во всем мире». Определенную обеспокоенность выразила и печать стран АСЕАН. Антисоветские, провокационные замыслы и дела Вашингтона в Азии, стремление насадить и там международную напряженность, шумиха насчет «советской угрозы» в условиях, когда СССР лишь принимает меры по обеспечению своей безопасности в ответ на концентрацию у его границ многих сотен единиц американского ядерного оружия, не содействуют решению вопроса о мире на Азиатском континенте. Однако нас интересует и более «частный» вопрос — имеет ли эта политика реальные основания и шансы на успех?

Международные обозреватели многих стран подчеркивают, что конкретная суть американско-китайских отношений весьма прозаична: США желали бы видеть конфронтацию КНР с СССР, а Китай заинтересован в американской технологии и технике, в том числе военной, для осуществления модернизации. Более того, что касается собственно экономических связей, то, как считают эти обозреватели, Пекин в качестве партнера предпочитает Японию Соединенным Штатам. В то же время китайское руководство неоднократно выражало заинтересованность в улучшении отношений с Советским Союзом. Китайские власти, как известно, не выпустили ни в эфир, ни на страницы прессы грубые и непристойные выпады гостя в адрес СССР. КНР в ООН поддержала резолюцию о недопущении милитаризации космоса, о мирной Антарктиде и объявлении Центральной Америки безъядерной зоной (правда, США тоже подписали это соглашение, но речь идет о пограничной им зоне, позиция же США относительно создания безъядерных зон в Северной Европе, на Балканах или в бассейне Индийского океана, то есть вблизи советских границ, совершенно иная). КНР также взяла на себя обязательство не содействовать распространению ядерного оружия.

Не слишком ли размахнулся Рейган в своих расчетах на антисоветизм китайских руководителей или на перерождение китайского общества? Иными словами, нет ли в азиатской и дальневосточной, в частности, политике Рейгана привкуса авантюры? Не построена ли в целом внешняя политика американской администрации на фетише и иллюзии — иллюзии всемогущества и вседозволенности, а стремление к государственному терроризму — на сомнительных «ценностях» и возможности? Ответ достаточно очевиден: мы наблюдаем острейший кризис американской внешней политики и лихорадочные, без разбора, без долгих рассуждений, опасные попытки установления мирового господства, опасные не реальностью целей, а риском, угрозой делу мира, независимости и прогресса.

Исторические судьбы претензий на мировое господство достаточно известны и на примере развала «мировых империй», и на опыте сокрушительного разгрома фашизма в Великой Отечественной войне.

Многие миллионы людей самых различных политических и идейных убеждений все более активно выступают против политики США, политики агрессии, авантюры и террора как в самих Соединенных Штатах, так и во всем мире. Более 6 тыс. национальных и международных организаций объединяют ныне массы участников антивоенного движения. Авантюризм, государственный терроризм, ставка на ядерную войну или использование ее угрозы противны человеческому разуму, противоречат действительным жизненным интересам человечества, они не могут не вызывать растущего и крепнущего сопротивления прогрессивных сил и даже умеренных кругов Запада.

Ведущую роль в постановке и решении задач сохранения мира играет Советский Союз. «Растущая военная угроза со стороны США и их

союзников по НАТО требует постоянно укреплять обороноспособность нашей Родины, боевую мощь Советских Вооруженных Сил», — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Товарищ К. У. Черненко отмечал в речи на Всесоюзном совещании секретарей комсомольских организаций: «...Незаменимую роль играет сдерживающая мощь нашего оборонного потенциала. Ныне он является не только гарантом созидательного труда советского народа, но и гарантом всеобщего мира на земле». Твердо заявляя, что Советский Союз и братские страны социализма не допустят нарушения военно-политического равновесия, руководство СССР и стран социалистического содружества не останавливается на этом.

С созданием Советского Союза появилось государство, для которого борьба за мир стала глубокой потребностью, исходящей из самих основ нашего строя. Еще на заре советской власти В. И. Ленин подчеркивал, что Октябрь — это первая победа в деле уничтожения войн и что сейчас вопрос о мире является самым актуальным, самым насущным вопросом современности, поскольку война может повести — и она неминуемо поведет — к подрыву самих условий существования человеческого общества. Эти ленинские идеи исключительно актуальны и сегодня, когда в арсеналах государств находится ядерное оружие — самое разрушительное из всех видов оружия, которые знало человечество.

В нынешней сложной и напряженной международной обстановке наша партия, Советское государство делают все возможное, чтобы сохранить и упрочить мир, уберечь человечество от ядерной войны, расширить и углубить взаимовыгодное сотрудничество. Советский Союз действует на мировой арене вместе со своими надежными союзниками — странами социалистического содружества. Эта твердая миролюбивая линия нашей партии пользуется полной поддержкой советского народа. Она находит понимание и одобрение у всех людей доброй воли.

Повсеместно с большим удовлетворением воспринята преемственность принципиального внешнеполитического курса КПСС и Советского государства, подтвержденная внеочередным февральским (1984) Пленумом ЦК КПСС, курса на устранение угрозы термоядерной войны, на твердый отпор агрессивным проискам империализма, на упрочение мира и безопасности народов. «Эта ленинская политика мира, основные черты которой на современном историческом этапе определены решениями последних съездов КПСС, отвечает коренным интересам советского народа, да, в сущности, и других народов мира, — заявил на февральском Пленуме К. У. Черненко. — И мы решительно заявляем: от этой политики мы не отступим ни на шаг».

К устранению смертельной угрозы, нависшей над миром, был бы сделан важный шаг, если бы все ядерные державы поддержали выдвинутую Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем К. У. Черненко инициативу подчинить отношения между ядерными державами следующим нормам:

«— Рассматривать предотвращение ядерной войны как главную цель всей внешней политики. Не допускать ситуаций, чреватых ядерным конфликтом. А в случае возникновения такой опасности проводить срочные консультации, чтобы не дать вспыхнуть ядерному пожару. — Отказаться от пропаганды ядерной войны в любом ее варианте — глобальном либо ограниченном. — Взять обязательство не применять первыми ядерного оружия. — Ни при каких обстоятельствах не применять ядерного оружия против неядерных стран, на территории которых такого оружия нет. Уважать статус уже созданной и поощрять образование новых безъядерных зон в различных районах мира. — Не допускать распространения ядерного оружия в любой форме: не передавать кому бы то ни было этого оружия или контроля над ним; не размещать его на территориях стран,

где его нет; не переносить гонку ядерных вооружений в новые сферы, включая космос. — Шаг за шагом, на основе принципа одинаковой безопасности добиваться сокращения ядерных вооружений вплоть до полной их ликвидации во всех разновидностях».

СССР призывает все страны на деле способствовать повороту от конфронтации к разрядке и сотрудничеству. Наша страна за радикальное сокращение вооружений, прежде всего ядерных, на базе строгого соблюдения принципа равенства и одинаковой безопасности, за создание климата доверия между государствами.

Этот подход был вновь подтвержден товарищем К. У. Черненко на апрельском (1984) Пленуме ЦК КПСС: «КПСС и Советское государство прилагают огромные усилия, чтобы предотвратить ядерную войну, сохранить и упрочить мир на земле. Последовательно, инициативно мы ведем дело к тому, чтобы снять напряженность в мировой политике, обуздать гонку вооружений, надежно обеспечить безопасность страны. В круг наших повседневных забот входит укрепление международных позиций социализма, солидарности с освободительными движениями».

Советский Союз искренне предлагает только один путь — путь мирного сосуществования, путь взаимовыгодного международного сотрудничества. Советские люди глубоко убеждены, что мир можно сохранить. СССР готов к диалогу, готов активно сотрудничать с теми правительствами и организациями, которые хотят честно и конструктивно работать во имя мира.

В последнее время Советский Союз по всем проблемам современного мира внес далеко идущие реалистические и конструктивные предложения: о недопущении милитаризации космоса, о сокращении стратегических ядерных сил, об устранении с территории Европы ядерного оружия, о полном и всеобщем запрещении ядерных испытаний, о неприменении военной силы в отношениях между странами НАТО и ОВД, о запрещении и ликвидации химического оружия, о создании безъядерных зон и т. д. СССР и другие страны социализма не декларируют, но практически работают в интересах мира. Кое-кто на Западе любит поговорить о необходимости большего доверия. Оно действительно необходимо, но достигнуть его можно лишь в практической деятельности, в конкретном решении актуальных проблем разоружения и упрочения мира.

Огромное впечатление на широкую общественность произвели документы Экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне: Заявление об основных направлениях дальнейшего развития и углубления экономического и научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ и Декларация стран — членов СЭВ «Сохранение мира и международное экономическое сотрудничество». Наметив основные направления развития связей между странами социалистического содружества, изложив программу перестройки мировых экономических отношений, устранения из этой сферы эксплуатации, неравенства и шантажа, руководители стран СЭВ продемонстрировали социалистическое решение проблем общественного развития. Становится все более очевидным, что именно совместными, коллективными усилиями возможно решение непростых экономических задач как в международном, так и во внутреннем плане. Сформулированы принципы и цели международных экономических отношений нового типа, открывающие путь к преодолению слабо-развитости, постепенному сокращению разрыва в уровнях развития и другим позитивным процессам, определяемым действительными интересами человечества.

Известны также и инициативы СССР, открывающие путь к упрочению мира и обеспечению безопасности в Азии, в частности содержащие программу мер доверия на Дальнем Востоке. Существенный вклад вносит дипломатия Социалистического Вьетнама и других стран Индокитая в дело нормализации отношений стран Юго-Восточной Азии, всего региона

Дальнего Востока. Визит в СССР и социалистические страны Европы Генерального секретаря ЦК Трудовой партии Кореи, Президента КНДР Ким Ир Сена явился крупным шагом в развитии сотрудничества социалистических стран Европы и Азии, важным фактором упрочения позиций КНДР в исторической борьбе за мирное воссоединение Кореи и за вывод американских оккупационных войск с территории юга страны.

Монгольская Народная Республика выступила с ценной инициативой по заключению конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и бассейна Тихого океана. Эта инициатива положительно воспринята международной общественностью, которая в этом году вместе с монгольским народом, Монгольской народно-революционной партией торжественно отметила славное 60-летие МНР. Наша партия и советский народ с особой сердечностью приветствовали этот юбилей, памятуя о том, что народ МНР и его революционная партия первыми стали рядом с нами в борьбе против международной реакции и фашизма, в борьбе за новую жизнь.

Советский Союз неоднократно подтверждал свое стремление к улучшению отношений с Китайской Народной Республикой, и это стремление с пониманием воспринято руководителями КНР. В деловой и спокойной атмосфере продолжаются встречи и переговоры представителей наших стран. Существенно выросла торговля между СССР и КНР, шире развиваются культурные, научные и спортивные связи. Все это, безусловно, полезно для дела мира и безопасности в Азии, на Дальнем Востоке. Это не по душе лишь тем, кто хотел бы погреть руки на обострении отношений между Советским Союзом и Китаем. В 1984 г. прогрессивное человечество, как и китайский народ, отмечает 35-летие образования Китайской Народной Республики. Советские люди искренне желают китайскому народу больших успехов в строительстве социализма, в борьбе за мир во всем мире, за упрочение мира и безопасности на Азиатском континенте.

Каждая из многочисленных и непрерывных акций советской внешней политики, проводимой во имя интересов человечества, является еще одним подтверждением ее научного характера, ее гуманистических основ, ее практической действенности. Это вселяет уверенность в том, что дело мира и международного сотрудничества надежно и непобедимо.

Дорогой прогресса и мира

[К 60-летию III съезда Монгольской народно-революционной партии и провозглашения Монгольской Народной Республики]

А. Н. КАТЕРИНИЧ

А. Д. ШЕРСТНЕВ

26 ноября 1984 г. исполняется 60 лет со дня принятия III съездом Монгольской народно-революционной партии генеральной линии на развитие страны по некапиталистическому пути и провозглашения Монголии народной республикой. Эти события знаменовали собой «важнейший рубеж в осуществлении коренных преобразований в политической и социально-экономической жизни страны и создании необходимых предпосылок для перехода МНР в дальнейшем к строительству социализма»¹.

Свой путь к новой жизни монгольский народ начал в 1921 г. Под влиянием идей Великого Октября монгольские араты поднялись на борьбу за национальное и социальное освобождение. Эту борьбу возглавила Монгольская народно-революционная партия. Монгольская народная революция в июле 1921 г. поставила у власти в стране представителей трудового аратства. Она носила антиимпериалистический, антифеодальный, народно-демократический характер и являлась неотъемлемой частью мирового революционного процесса, начатого Октябрьской революцией в России.

Сразу после победы Народной революции перед МНРП и Народным правительством со всей остротой встал вопрос, каким путем пойдет дальше страна, какую политику в социальной, экономической и других сферах следует проводить народной власти.

В наследие от прошлого революционная Монголия получила крайне примитивную социально-экономическую базу. Она была одной из самых отсталых стран Азиатского континента. Страна не имела промышленности, современных средств транспорта и связи, почти единственной сферой производственной деятельности населения было примитивное кочевое скотоводство. Народ нещадно эксплуатировался иностранным торгово-ростовщическим капиталом. Крайняя нищета, полное отсутствие медицинской помощи вели к катастрофическому сокращению численности населения. Картина жизни дореволюционной Монголии дополнялась засильем ламаистской церкви и почти поголовной неграмотностью трудового народа. Для непосредственно социалистических преобразований Монголия не имела необходимой материальной и социальной базы.

В этих условиях найти ответы на множество вопросов, связанных с разработкой политического курса МНРП и Народного правительства, монгольским революционерам помогли постоянные и тесные связи с Коминтерном, большевистской партией Советской России, ориентация на положения марксистско-ленинской теории.

¹ Постановление ЦК МНРП о подготовке и проведении 60-летия III съезда МНРП и провозглашения МНР. — «Новости Монголии», 31.I.1984.

Изучая различные потоки революционного движения современности, В. И. Ленин уделил внимание и перспективам революционной борьбы народов отсталых стран. Он сделал вывод, что в новых условиях, после победы пролетарской революции в России, «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»². Это положение стало для монгольских революционеров надежным компасом, позволившим им правильно сориентироваться в ситуации, сложившейся в стране после победы Народной революции, и повести свой народ по трудному, но теоретически обоснованному и возможному пути к социализму.

Вскоре после победы Народной революции состоялась встреча в Москве В. И. Ленина с Д. Сухэ-Батором и другими руководителями революционной Монголии, во время которой вождь мирового пролетариата развил идею возможности и необходимости для Монголии перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию. Главным условием движения Монголии к социализму В. И. Ленин считал усиление работы партии и народной власти, распространение кооперации, внедрение новых форм хозяйствования и культуры, сплочение аратства вокруг партии и народной власти, тесный классовый союз монгольского аратства с победившим пролетариатом России.

Руководствуясь теорией марксизма-ленинизма, МНРП и Народное правительство с первых шагов повели настойчивое наступление на позиции феодалов и иностранного торгового капитала. Были ликвидированы крепостное право и феодальная система налогов, аннулированы внешние долги, создавались и укреплялись революционные органы власти в центре и на местах. Начали создаваться государственный сектор народного хозяйства и система потребительской кооперации. Первые шаги сделала культурная революция.

Естественно, революционный процесс в Монголии развивался в условиях острой классовой борьбы. Начинания революционной власти встречали ожесточенное сопротивление феодальной власти и верхушки ламантской церкви. Условия деятельности органов народной власти серьезно осложнялись и тем, что после революции 1921 г. Монголия хотя и номинально, но оставалась монархией. Реальная власть была сосредоточена в руках ЦК МНРП и Народного правительства. Однако сохранение богдо-гегена, неограниченного правителя дореволюционной Монголии, служило фактором, стимулирующим объединение сил реакции на борьбу за реставрацию старых порядков.

Укрепление позиций МНРП и народной власти, рост революционного самосознания масс создали условия для осуществления в 1924 г. ряда крупных мер, направленных на углубление антифеодальной революции и обеспечивающих более благоприятную почву для дальнейшего движения страны по пути социального прогресса. В августе 1924 г. III съезд МНРП провозгласил генеральной линией партии некапиталистический путь развития к социализму. Чуть раньше, в июне 1924 г., по предложению ЦК МНРП Народное правительство приняло решение о введении в Монголии республиканского строя. В стране развернулась подготовка к созыву Великого народного хурала, которому предстояло законодательно оформить провозглашение республики, принять ее конституцию и наметить конкретные политические и экономические задачи развития на последующий период.

26 ноября 1924 г. Великий народный хурал утвердил первую в истории страны конституцию, которая провозглашала Монголию народной республикой. Эта дата стала знаменательной вехой в истории монгольского народа и государства.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

В первой Конституции МНР нашли свое отражение все завоевания монгольского народа, добытые им на предыдущем этапе борьбы. Конституция законодательно закрепила основы народно-демократической власти и государственной независимости монгольского народа.

Монгольская Народная Республика приступила к реализации генеральной линии III съезда МНРП на некапиталистическое развитие, к подготовке условий для перехода к непосредственному социалистическому строительству. Народная революция продолжала коренную ломку сложившегося социального уклада, подготовку базы для победы социалистической революции.

Народная революция в Монголии в своем развитии прошла два этапа, занявших довольно длительный период — почти четыре десятилетия.

На первом, демократическом этапе народной революции руководимый МНРП монгольский народ укреплял свою политическую власть, что являлось основным условием успешного решения всех социальных и экономических задач революции. Другим основным условием победоносного развития монгольской революции было обеспечение тесного классового союза с первой страной победившей социалистической революции — с Советским Союзом, опора на его помощь в решении задач, связанных с защитой суверенитета молодого монгольского государства, с созданием необходимой материальной базы для неуклонного продвижения по некапиталистическому пути к социализму. Обеспечение этих двух основных условий успешного развития революционного процесса в Монголии постоянно оставалось в центре внимания Монгольской народно-революционной партии, которая в ходе борьбы постепенно превращалась в подлинно марксистско-ленинскую партию, в закаленный коммунистический авангард своего народа.

В условиях ожесточенной классовой борьбы на демократическом этапе революции осуществлялась экспроприация хозяйств бывших феодалов и ламаистских монастырей, принимались меры к предотвращению возникновения и роста элементов национальной буржуазии. Большое значение имела работа по созданию и всемерному развитию государственного и кооперативного секторов народного хозяйства. Буквально на пустом месте создавались национальная промышленность, современные транспорт и связь, организовывались государственные и кооперативные предприятия в сельском хозяйстве и торговле.

В 1940 г., к концу демократического этапа революции, в Монголии уже существовала промышленность как самостоятельная отрасль народного хозяйства. Появился и стал расти национальный рабочий класс, что имело чрезвычайно важное значение для углубления социальной базы революции, создавало условия для перерастания революционной диктатуры трудового аратства в диктатуру рабочего класса.

Второй, социалистический, этап революции решал задачи дальнейшего развития производительных сил и обеспечения полной победы социалистических производственных отношений в масштабах всего народного хозяйства. Примерно за 20 лет, которые приходились на этот этап революции, промышленное производство в МНР возросло в 5,4 раза. Страна из животноводческой превратилась в аграрно-индустриальную. Были созданы системы народного просвещения, среднего специального и высшего образования, народного здравоохранения. Практически все взрослое население республики стало грамотным. Неизмеримо вырос материальный и культурный уровень жизни монгольского народа.

Главным же итогом борьбы МНРП и всего монгольского народа за социализм на этом этапе стало завершение социалистической перестройки деревни. К лету 1959 г. все аратские хозяйства объединились в производственные кооперативы — сельскохозяйственные объединения.

По своему социально-экономическому значению в истории МНР завершение кооперирования аратских хозяйств следует поставить сразу вслед за победой революции 1921 г., так как оно привело к полному и безраздельному торжеству социалистических производственных отношений во всей системе народного хозяйства страны и окончательно ликвидировало корни экономического неравенства и эксплуатации. Это означало, что задачи социалистического этапа Монгольской народной революции, а вместе с этим задачи некапиталистического пути развития были успешно решены. Переходный период в движении Монголии от феодализма к социализму был завершен, исторические решения III съезда МНРП, принятая им генеральная линия на некапиталистическое развитие были полностью реализованы. Монгольская Народная Республика стала социалистическим государством и вступила в новый этап своего развития — в период завершения строительства социалистического общества.

Опыт некапиталистического развития МНР составной частью входит в сокровищницу теории и практики мирового коммунистического движения. Впервые в мировой истории на примере суверенного государства была убедительно продемонстрирована правильность ленинского учения о возможности перехода ранее отсталых стран к социализму, минуя капитализм. Этот опыт показал, что подлинно революционная партия, даже первоначально непролетарская по составу, если она выражает коренные интересы трудящихся масс и руководствуется марксистско-ленинской теорией, может возглавить движение своего народа по пути к социализму и привести его к цели. Другой, не менее важный вывод из опыта некапиталистического развития Монголии состоит в том, что такой путь к социализму возможен лишь при тесном союзе с международным коммунистическим движением, при политической и экономической поддержке победившего социализма.

* * *

За годы народной власти в жизни монгольского народа произошли поистине грандиозные изменения. Создан сложный современный народнохозяйственный комплекс. В 1980 г. основные фонды народного хозяйства МНР по сравнению с 1960 г. возросли почти в 6 раз. Национальный доход за этот период увеличился почти в 2,5 раза.

Промышленность республики производит уже 40 % валового общественного продукта и одну треть национального дохода. Значительное развитие получила новая для Монголии отрасль сельского хозяйства — высокомеханизированное земледелие, которое уже удовлетворяет потребности населения в хлебе и овощах и становится все более важным средством обеспечения животноводства кормами. Большие изменения произошли в традиционном для экономики страны животноводстве. Здесь трудится многочисленный отряд специалистов высшей и средней квалификации, все более укрепляется материально-техническая база этой важнейшей отрасли экономики республики.

Для экономической жизни МНР характерен высокий динамизм. Об этом свидетельствуют как названные выше цифры, так и данные статистики за последние годы. Среднегодовой прирост национального дохода в 1981—1983 гг. составил 7,5 %. За этот же период валовая продукция монгольской промышленности ежегодно возрастала в среднем на 9,6 %.

Изменения в структуре народного хозяйства отразились, естественно, и на социальном составе населения. Рабочие вместе с членами их семей теперь составляют 40 % всего населения. Они являются ведущей политической силой монгольского общества, обслуживают более 70 % основных фондов народного хозяйства и производят основную долю

общественного продукта. Значительную часть населения республики составляет выросшая за годы народной власти интеллигенция: ученые, специалисты многочисленных отраслей народного хозяйства, врачи, педагоги.

Неуклонный и быстрый рост всех отраслей народного хозяйства, науки, образования, здравоохранения вывел МНР на передовые позиции среди стран Азиатского континента. На каждые 10 тыс. населения Монголии сейчас приходится 2770 учащихся, 110 больничных коек, 23 врача. По этим показателям МНР достигла среднего уровня социалистических стран и опередила большинство развитых капиталистических государств. Убедительным показателем коренного улучшения материальных и культурных условий жизни монгольского народа являются данные о средней продолжительности жизни населения. В настоящее время этот показатель равен 68 годам, в то время как в дореволюционной Монголии он не достигал и 30 лет.

Ныне трудящиеся Монголии упорно работают над реализацией решений XVIII съезда своей партии, завершают создание материально-технической базы социализма путем дальнейшей индустриализации страны, механизации сельскохозяйственного производства, повышения уровня технической оснащенности всех отраслей народного хозяйства.

* * *

Вся история становления и развития суверенного монгольского государства, избравшего социалистический путь развития, неизменно связана с тесным союзом и многогранным сотрудничеством с СССР. Советско-монгольские отношения явились первым в мировой практике опытом межгосударственных отношений нового, социалистического типа, получившим свое дальнейшее воплощение и развитие в мировом социалистическом содружестве. Это обстоятельство определяет особую историческую значимость сотрудничества Советского Союза и Монголии — двух стран, которые на протяжении почти четверти века представляли мир социализма.

В основе советско-монгольской дружбы всегда находились единство и братский союз КПСС и МНРП — двух партий, придерживающихся одной идеологии, марксизма-ленинизма, ведущих свои народы к одной цели — коммунизму, и кровно заинтересованных в успехах друг друга. Искренняя дружба, подлинно равноправный союз и бескорыстная взаимопомощь всегда были и остаются отличительными чертами советско-монгольского сотрудничества, основанного на надежном фундаменте социалистического интернационализма.

Поддержка КПСС и Советского государства дала возможность МНРП и монгольским трудящимся завоевать политическую власть, утвердить суверенитет своей страны и отстоять его от посягательств извне, создать и развить ростки социалистической экономики и культуры, готовить национальные кадры строителей социалистической Монголии. «В нашем многотрудном восхождении от отсталости к прогрессу, в нашем приобщении к достижениям современных научных знаний, в каждом нашем начинании и каждом шаге вперед, — отмечал Ю. Цеденбал, — мы всегда опирались на богатырское плечо своего друга и союзника — советского народа, всегда чувствовали присутствие и заботливое участие советских людей — наших старших братьев, братьев по классу и по духу»³.

Дружба советского и монгольского народов прошла испытания в течение длительного времени и в самых различных условиях. В ожесточенных боях в 1921 г. против оккупировавших Монголию белогвардей-

³ По пути социализма, дружбы и мира. Улан-Батор, 1974, с. 49.

ских банд Унгерна, затем в 1939 г. — против посягнувших на независимость МНР войск японских милитаристов дружба наших народов была скреплена кровью воинов, совместно выступавших против общих врагов. Еще больше укрепился боевой союз СССР и МНР в годы Великой Отечественной войны, когда монгольский народ отдавал все силы, чтобы помочь своим советским братьям одержать победу над фашистскими захватчиками, и в совместных боевых действиях в 1945 г. советских и монгольских войск по разгрому японской Квантунской армии и освобождению Северо-Восточного Китая.

Сотрудничество и дружба советского и монгольского народов постоянно крепили и в годы мирного труда. Нет ни одной отрасли народного хозяйства, ни одной сферы культурного строительства МНР, в создании и развитии которых не участвовали бы советские люди и не использовалась бы помощь Советского государства. Советский Союз оказывает МНР содействие в развитии топливно-энергетической, горнорудной, пищевой, легкой и других отраслей промышленности, предприятий строительных материалов, в освоении целинных земель и расширении производства кормов для животноводства. При экономическом и техническом содействии СССР в Монголии созданы и развиваются железнодорожный, автомобильный и авиационный транспорт, современные средства связи и телевидение. Достаточно сказать, что на предприятиях, построенных и реконструированных с помощью Советского Союза, производится около 50 % валовой промышленной продукции МНР.

Постоянно возрастают объемы экономического сотрудничества Советского Союза и Монголии. Только в текущей пятилетке 1981—1985 гг. они увеличатся почти в два раза по сравнению с предыдущей. Множатся формы деловых дружественных контактов в различных сферах советско-монгольского сотрудничества.

Одной из важных форм экономического сотрудничества Советского Союза и Монголии являются совместные хозяйственные организации. Такие производственные объединения и предприятия отличаются значительными масштабами и играют большую роль в ускорении темпов продвижения МНР по пути индустриализации. Так, совместный советско-монгольский горнообогатительный комбинат «Эрдэнэт» вырос в самое крупное в республике промышленное предприятие. Более того, оно входит в число десяти крупнейших в мире предприятий подобного направления. Горнообогатительный комбинат дал жизнь самому молодому в Монголии городу Эрдэнэт.

Надо отметить, что Советский Союз и Монголия, будучи пионерами становления и развития социалистических межгосударственных отношений, первыми начинали практиковать многие новые формы сотрудничества, которые затем получили широкое применение в общении между другими социалистическими государствами. К таким формам сотрудничества, помимо создания совместных предприятий, можно отнести координацию народнохозяйственных планов, непосредственные связи между министерствами и ведомствами, прямые дружественные связи советских автономных республик, областей и городов с аймаками и городами Монголии и ряд других форм и направлений сотрудничества, обеспечивающих постоянное расширение и углубление взаимовыгодных и эффективных связей двух братских стран.

Активно развиваются отношения по линии науки и культуры, здравоохранения и спорта, между общественными организациями двух стран: профсоюзными, молодежными, женскими и др. Большую и систематическую работу проводят Общество советско-монгольской дружбы и Общество монголо-советской дружбы.

Диапазон связей наших государств и народов настолько широк, что только один их перечень занял бы немало страниц. Но главным, определяющим в этом перечне направлением советско-монгольского сотруд-

ничества, центральным фактором дружбы советского и монгольского народов являются отношения между КПСС и МНРП. Эта сфера советско-монгольского сотрудничества цементирует всю систему отношений Советского Союза и МНР и определяет их характер.

Центральные Комитеты КПСС и МНРП поддерживают между собой постоянные контакты. Они знакомят друг друга с ходом коммунистического и социалистического строительства в своих странах, обмениваются опытом работы в различных сферах партийной деятельности, ставят перед соответствующими организациями своих стран задачи дальнейшего углубления и повышения эффективности советско-монгольского сотрудничества.

Особенно важное значение для развития и обогащения двустороннего сотрудничества новыми формами и содержанием, координации внешнеполитической деятельности имеют встречи и беседы руководителей партий и правительств наших стран на высшем уровне. Они подтверждают волю и решимость советских и монгольских коммунистов делать все для дальнейшего укрепления традиционной советско-монгольской дружбы и тесного сотрудничества. Руководители наших партий и государств констатировали полное совпадение позиций СССР и МНР по всем принципиальным проблемам международного положения.

Успешно развивается сотрудничество Монгольской Народной Республики и с другими социалистическими странами. ЦК МНРП и правительство МНР поддерживают с братскими социалистическими странами постоянные контакты, обмениваются опытом партийного, государственного, хозяйственного и культурного строительства, координируют с ними свою внешнеполитическую деятельность.

Монголия — полноправный член социалистического содружества государств. В 1962 г. она первой из неевропейских социалистических стран вступила в Совет Экономической Взаимопомощи и активно развивается со странами — членами этой организации как двусторонние, так и многосторонние экономические связи. Новые широкие возможности для МНР в рамках многостороннего сотрудничества стран — членов СЭВ открылись с принятием в 1971 г. Комплексной программы социалистической экономической интеграции, в которой вопросам содействия Монголии в ускоренном развитии ее экономического потенциала отведено особое место. В соответствии с Комплексной программой МНР была оказана помощь в осуществлении ряда важных народнохозяйственных мероприятий, например в создании научно-исследовательских лабораторий и центра научно-технической информации. С 1976 г. в Монголии работает крупная геологоразведочная экспедиция, организованная по просьбе правительства МНР странами — членами СЭВ.

Ряд долгосрочных целевых программ сотрудничества в рамках СЭВ предусматривает важные мероприятия, направленные на ускоренное развитие и повышение эффективности экономики МНР, особенно в области сельского хозяйства и пищевой промышленности. Международный инвестиционный банк стран — членов СЭВ выделяет Монголии кредиты на льготных условиях.

Болгария, Венгрия, ГДР, Польша и другие члены СЭВ оказывают МНР большую помощь в развитии различных отраслей народного хозяйства и в рамках двусторонних отношений. В Монголии трудится многотысячный интернациональный отряд специалистов и рабочих из многих стран — членов СЭВ.

Следует отметить, что при сравнительно скромных общих масштабах народного хозяйства МНР экономическое сотрудничество с Советским Союзом и другими странами — членами СЭВ имеет для республики особое значение. Оно дает МНР возможность участвовать в специализации и кооперировании производства в рамках СЭВ и с учетом

социалистического международного разделения труда и собственных возможностей создавать у себя наиболее рациональный и экономически эффективный народнохозяйственный комплекс. Это позволит Монголии более успешно решать задачу постепенного достижения уровня передовых социалистических стран по основным показателям экономического и социального развития.

* * *

Монгольская Народная Республика является одним из активных создателей нового мира, рожденного и успешно развивающегося после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Это обстоятельство оказывало и оказывает определяющее влияние на сущность внешней политики страны и ее задачи. Вместе с Советским Союзом и другими государствами социалистического содружества МНР стоит в первых рядах борцов за мир, безопасность народов и широкое международное сотрудничество. Она активно выступает за укрепление позиций мирового социализма, в поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс.

Последовательная миролюбивая внешняя политика МНР, ее замечательные успехи в социалистическом строительстве получили широкое международное признание и снискали ей заслуженный авторитет. Монголия имеет дипломатические отношения с 93, торговые связи — более чем с 30 и культурные — почти с 50 государствами. С 1961 г. МНР является членом ООН. Ее представители активно участвуют в работе международных организаций и различных форумов.

Внешняя политика МНР определяется принципиальными положениями, содержащимися в Конституции республики, Программе МНРП, решениях ее съездов и других основополагающих партийных и государственных документах. Приоритетным направлением внешней политики МНР является основывающаяся на принципе социалистического интернационализма линия на всемерное укрепление союза, дружбы и тесного всестороннего сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами, проведение на международной арене общей, согласованной политики социалистического содружества.

ЦК МНРП и правительство МНР полностью одобряют и поддерживают конструктивные и реалистичные предложения Советского Союза и других братских социалистических стран, направленные на решение назревших международных проблем, всемерно содействуют их деятельности по претворению в жизнь этих важных инициатив. Одобрение и широкую поддержку правительства и общественности МНР получили Пражская декларация стран — участников Варшавского Договора, совместное заявление этих государств, подписанное в Москве, заявления советских руководителей, отражающие позицию ЦК КПСС и правительства СССР, инициативы братских стран Индокитая, имеющие целью обеспечение безопасности и мира в Азии.

В свою очередь все инициативы МНР по оздоровлению международной обстановки находят полную и активную поддержку Советского Союза и других братских социалистических стран.

Важным направлением внешнеполитической деятельности МНР является установление и укрепление дружественных отношений с молодыми независимыми государствами, поддержка борьбы народов за национальное и социальное освобождение, против всех форм расовой

дискриминации, национального гнета, экономической эксплуатации со стороны международного империализма, за полную ликвидацию колониализма во всех его формах и проявлениях. Монголия полностью солидарна с народами, борющимися за национальное освобождение, против империалистической агрессии, и оказывает им всемерную политическую поддержку и посильную материальную помощь.

Некапиталистический путь развития Монголии от феодализма к социализму, ее переход от колониальной зависимости к полному национальному суверенитету являют собой пример практического единства революционно-демократического процесса в отсталых странах и мировой социалистической революции. Понятен и закономерен большой интерес развивающихся стран Азии и Африки к монгольскому опыту развития. В соответствии с принципиальными установками программных партийных и государственных документов МНР ведет значительную работу по разъяснению и распространению своего опыта движения к социализму.

В международных организациях МНР совместно с другими социалистическими и прогрессивными странами последовательно выступает за ликвидацию любых форм и проявлений колониализма и расовой дискриминации, за установление нового международного экономического порядка, за обеспечение условий достижения развивающимися странами социального прогресса и подлинной независимости.

На 38-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по инициативе монгольской делегации была принята резолюция о национальном опыте осуществления глубоких социально-экономических преобразований в целях социального прогресса, в которой подтверждается право каждого народа на самостоятельное определение своей социально-экономической системы. Вопрос актуальный, особенно в настоящих условиях, когда американская администрация, объявившая «крестовый поход против коммунизма», стала на путь диктата своей воли другим народам, любыми средствами, вплоть до вооруженной интервенции, препятствует народам следовать по избранному ими пути, если этот путь не устраивает империализм.

Монгольские представители проводят большую работу в Экономической и социальной комиссии ООН для стран Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) и других региональных и специализированных организациях. Внимание мировой общественности привлекло рассмотрение в ЭСКАТО поставленных по инициативе МНР вопросов «О роли государственного сектора в экономическом развитии развивающихся стран» и «О роли национальных квалифицированных кадров в социально-экономическом развитии развивающихся стран». Большой интерес вызвал проведенный недавно в Улан-Баторе семинар на тему «Альтернативный путь развития развивающихся стран и опыт Монголии», в работе которого приняли участие представители ряда государств Азии и Африки.

Развиваются и связи МНР с капиталистическими странами. Монголия проводит курс на установление и развитие нормальных контактов с ними, исходя из принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем, на основе взаимного уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга, в интересах дела мира и международного сотрудничества.

Большое значение для Монголии имеют ее отношения с южным соседом — Китайской Народной Республикой. МНР выступает за восстановление и развитие отношений с КНР на основе принципов мирного сосуществования, справедливо считая, что это будет отвечать не только интересам двух соседних стран, но и оздоровлению обстановки в Азии и во всем мире.

* * *

МНР — азиатская страна, и азиатское направление занимает особое место в ее внешнеполитической деятельности. Монголия всегда последовательно выступала за превращение Азии в континент мира и добрососедства и предпринимала активные шаги в этом направлении.

В последнее время обстановка в Азии по вине империалистов США обострилась.

Такое развитие событий, естественно, вызывает тревогу у Монгольской Народной Республики, как и у всех миролюбивых сил континента. Сессия Великого народного хурала МНР, состоявшаяся в конце 1983 г., выразила обеспокоенность монгольского народа положением в Азии и выступила с Обращением Великого народного хурала МНР к парламентам стран Азии и Тихого океана. «Монгольские парламентарии, — говорилось в Обращении, — выражают свою готовность объединить усилия с парламентариями стран Азии и Тихого океана в области активизации антивоенного и антиядерного движения путем участия в организации различных международных мероприятий, преследующих цель упрочения мира и безопасности в Азии и во всем мире»⁴. Массовое антивоенное движение общественности азиатских стран, к усилению которого призывали монгольские парламентарии, может стать серьезной преградой на пути опасного наращивания ядерной мощи и другой военной активности американского империализма на Азиатском континенте.

МНР находится в самом центре Азии, что делает эту страну особенно чувствительной к общей политической ситуации на Азиатском континенте, сопричастной обеспокоенности и тревогам, возникающим в различных его частях. Этим отчасти следует объяснить тот факт, что Монголия выступила с важной миролюбивой инициативой общеазиатского значения. В 1981 г. XVIII съезд МНРП выдвинул предложение разработать и заключить Конвенцию о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана. Этот акт явился закономерным следствием усилий по укреплению взаимопонимания и взаимного доверия на континенте, предпринимаемых Монголией в течение длительного времени.

Выступая с инициативой заключения конвенции, МНР исходит из того, что ее положения будут совместно разработаны всеми государствами, желающими стать участниками конвенции. С этой целью Монголия выступила с предложением созвать конференцию государств Азии и Тихого океана. В работе конференции, по мнению инициаторов, могли бы принять участие наряду со странами региона и все государства — постоянные члены Совета Безопасности ООН, что повысило бы международные гарантии эффективности действия будущей конвенции.

Уже само название монгольской инициативы раскрывает существо и основные элементы предлагаемой конвенции. Говоря об основополагающих ее положениях, авторы инициативы называют такие принципы, как взаимное уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности, нерушимость границ, равенство, невмешательство во внутренние дела друг друга, неприменение силы или угрозы силой, урегулирование спорных проблем исключительно мирными средствами, развитие взаимовыгодного сотрудничества. Вместе с тем они полагают, что при разработке конвенции должны быть учтены опыт Бандунгской конференции и провозглашенные на ней известные принципы. Конвенция также могла бы развить и закрепить применительно к конкретной обстановке в регионе положения Устава ООН и ее резолюций по вопросу об отказе от применения силы. Важное место в конвенции должны занять

⁴ «Новости Монголии», 9.XII.1983.

положения, предусматривающие активные действия участвующих государств по уменьшению военного противостояния, сдерживанию вооружений и разоружению.

Реакция на монгольскую инициативу не была однозначной. Правительства, в которых преобладает влияние империалистических и милитаристских кругов, не высказали готовности обсуждать ее. В то же время инициатива МНР получила полную поддержку Советского Союза, братских социалистических стран, а также ряда прогрессивных государств региона. Многие страны проявили большой интерес к монгольской идее и выразили готовность детально изучить и продолжить ее обсуждение.

Выступая с собственными инициативами по оздоровлению обстановки в Азии, МНР активно поддерживает предложения других стран, направленные на смягчение напряженности на континенте и в различных его регионах. Монголия полностью и решительно поддержала такие важные инициативы, направленные на укрепление мира и безопасности в Азии, как предложение Советского Союза о разработке и осуществлении мер доверия на Дальнем Востоке, советские инициативы по всеобъемлющему урегулированию положения на Ближнем Востоке, предложение трех стран Индокитая о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира, стабильности и сотрудничества, предложение КНДР о выводе с Корейского полуострова войск и вооружений США и объединении Кореи на мирной, демократической основе без вмешательства извне.

Мирные инициативы и акции социалистических государств разрабатываются в ходе взаимных консультаций. Монголия явилась одним из инициаторов созыва Консультативных рабочих встреч заместителей министров иностранных дел братских стран по проблемам безопасности в Азии. Первая такая встреча состоялась в декабре 1981 г. во Вьентьяне. В коммюнике встречи подчеркивалось, что ее участники приветствуют любые усилия правительств и народов стран Азии, направленные на то, чтобы межгосударственные отношения в регионе строились на основе принципов взаимного уважения, независимости, суверенитета и территориальной целостности, нерушимости государственных границ, равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы или угрозы силой, урегулирования спорных проблем исключительно мирными средствами и развития взаимовыгодного сотрудничества.

Вторая Консультативная рабочая встреча заместителей министров иностранных дел Болгарии, Вьетнама, Венгрии, ГДР, Кампучии, Кубы, Лаоса, Монголии, Польши, СССР и Чехословакии состоялась в конце октября 1983 г. в Улан-Баторе. На ней состоялся обстоятельный обмен мнениями по широкому кругу вопросов, связанных с обстановкой в Азии. Участники встречи отметили чрезвычайную важность советских инициатив, направленных на ограничение ядерных средств в Азии, а также действий военно-морских флотов в акватории морей и океанов, подчеркнули все возрастающее практическое значение предложения о проведении переговоров по мерам доверия на Дальнем Востоке. Они еще раз подтвердили актуальность известных инициатив МНР, государств Индокитая, КНДР, ДРА и других миролюбивых стран Азии.

Активно участвует в азиатском движении за мир и безопасность и общественность Монголии. Общественные организации республики стремятся расширить свои контакты с соответствующими организациями других азиатских стран, наладить с ними взаимодействие с целью активизации антивоенного движения. В апреле 1983 г. в Улан-Баторе состоялась региональная конференция за мир и безопасность в Азии и районе Тихого океана, организованная Всемирным Советом Мира совместно с Монгольским комитетом защиты мира. В ее работе приняли участие представители общественности более 30 стран и 9 между-

народных организаций. В ходе конференции отмечалось, что монгольская политика мира и ее инициатива, направленная на упрочение мира и безопасности в Азии общими усилиями всех заинтересованных стран, играют большую положительную роль в деле защиты всеобщего мира. Конференция высказалась за проведение Всемирной ассамблеи «За мир и жизнь, против ядерной войны».

У разрядки напряженности в Азии немало врагов. Прежде всего ей противостоят империалистические круги. И только настойчивые усилия всех миролюбивых государств Азии, всех сторонников мира на континенте могут стать преградой на пути преступных происков агрессивных сил, сохранить мир и создать надежные основы безопасности. Активные действия МНР в пользу нормализации положения на Азиатском континенте становятся все более важным фактором в борьбе за достижение этой цели.

Монгольский народ под руководством своего марксистско-ленинского авангарда — МНРП уверенно идет вперед по пути социалистического созидания. Встречая 60-летие III съезда МНРП, выработавшего генеральную линию МНРП — линию развития МНРП по некапиталистическому пути к социализму и провозглашения Монгольской Народной Республики, наш народ по праву гордится своими достижениями, той революционной исторической миссией, которую с честью выполняет МНРП, — подчеркнул в своем выступлении Генеральный секретарь ЦК МНРП Ж. Батмунх на внеочередном пленуме ЦК МНРП (август 1984 г.).

Как отметил Ж. Батмунх, велики достигнутые монгольским народом успехи, они создают надежную основу для успешного решения еще более крупных задач, встающих на пути поступательного развития Монгольской Народной Республики.

60-летие III съезда МНРП и провозглашения республики народ братской Монголии встречает полный решимости крепить единство и могущество великого содружества социалистических государств — главного условия торжества мира и безопасности народов, обеспечить успешное движение своей Родины к коммунизму.

35-летие Китайской народной революции

С. Г. ЮРКОВ

1 октября 1984 г. исполняется 35 лет со дня провозглашения Китайской Народной Республики. Образование народной республики достойно увенчало многолетнюю борьбу китайского народа под руководством коммунистов за победу народно-демократической революции. Страна встала на путь социалистического развития.

Путь КНР за прошедшие 35 лет изобилует крутыми виражами, изломами, резкими скачками вперед и попятными движениями. Это было обусловлено как субъективными, так и объективными причинами.

Социализм — это общество, которое приходит на смену капиталистическому обществу, и чем более высокоразвиты производительные силы при капитализме, тем прочнее основа для последующего разбега, для строительства социализма. Народно-демократическая революция в Китае победила в условиях отсталой полуфеодальной страны. Капиталистические отношения были развиты крайне слабо, промышленная база ничтожна, слабыми были и социальные силы, долженствующие задать тон строительству социализма. Китай был крестьянской страной, в которой рабочий класс, насчитывавший менее 3 млн. человек, тонул в океане мелких крестьянских хозяйств.

К Китаю полностью применимы слова В. И. Ленина: «Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные»¹.

Действительно, КНР столкнулась с многочисленными проблемами: социальными, политическими, экономическими, научно-техническими, которые приходится и еще предстоит ей решать.

* * *

В течение первого десятилетия китайский народ осуществлял демократические преобразования, решал социально-экономические проблемы, проявляя настойчивые усилия и самоотверженность, используя опыт и опираясь на поддержку Советского Союза и других социалистических стран. Это давало КНР большие преимущества, и в это десятилетие она сделала очень много. До 1952 г. государство взяло в руки ключевые отрасли экономики, была завершена аграрная реформа, восстановлена промышленность. 1953—1957 гг. пришлись на первую пятилетку. Были осуществлены социалистические преобразования в деревне и в городе. Кооперирование нередко проводилось поспешно, принудительными средствами, что потом отрицательно сказалось на развитии экономики. И все

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 5—6.

же страна быстро шла вперед. В 1957 г. валовая промышленная продукция составляла 65 млрд. юаней, сельскохозяйственная продукция — 60 млрд. юаней. Китай произвел 5,5 млн. т стали (в 1952 г. — 1,35), 130 млн. т угля (в 1952 г. — 63,5), 19,3 млрд. кВт·ч электроэнергии (в 1952 г. — 7,3), собрал 185 млн. т зерна (в 1952 г. — 154), 1600 тыс. т хлопка (в 1952 г. — 1303 тыс.); была создана прочная основа для развития сельского хозяйства и индустриализации страны.

Второй пятилетний план, принятый в 1956 г. на VIII съезде КПК, предусматривал удвоение производства: валовая промышленная продукция должна была составить 130 млрд. юаней, продукция сельского хозяйства — 80 млрд. юаней, производство стали — 10,5—12 млн. т, угля — 190—210 млн. т, электроэнергии — 40—43 млрд. кВт, сбор зерна — 200—250 млн. т, хлопка — 2400 тыс. т. Успешное выполнение второй пятилетки — а в этом никто не сомневался — должно было обеспечить претворение в жизнь третьего пятилетнего плана, в результате реализации которого Китай по валовым показателям оставил бы позади одну из самых развитых стран мира — Англию.

Однако осуществление второго пятилетнего плана было сорвано, так как китайские руководители, не считаясь с законами экономики, решили совершить «скачок», который должен был за несколько лет вывести Китай в разряд самых развитых стран. «Три года напряженного труда, десять тысяч лет счастья!» — такой лозунг выдвинул Мао Цзедун. Решалась эта задача созданием коммун в деревне и политикой «большого скачка» в промышленности. Необоснованные экономические расчеты провалились. Образование коммун и «большой скачок» вызвали громадные диспропорции в экономике, дезорганизацию производства, растрату материальных средств. Впоследствии потребовалось много лет для «урегулирования».

Главная задача внешней политики КНР в первые годы ее существования состояла в том, чтобы защитить народную республику от империалистов, прежде всего американских. Эту задачу Китай успешно решил, опираясь на подписанный 14 февраля 1950 г. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи с СССР, на тесное равноправное сотрудничество с социалистическими странами. В соответствии с договором Советский Союз направил в Китай ряд авиационных дивизий, которые пресекли налеты чанкайшистской авиации на Шанхай и другие районы страны, обеспечили безопасность восточного побережья КНР. В дальнейшем 19 советских авиационных дивизий, дислоцированных в Китае, надежно прикрывали от налетов американской авиации северо-восточный Китай и все восточное побережье страны. Во время корейской войны американский генерал Макартур предлагал применить против Китая ядерное оружие. Тогдашний президент США Г. Трумэн писал в мемуарах, что он не решился пустить в ход ядерное оружие, так как США неизбежно должны были бы ожидать возмездия, поскольку СССР и КНР являлись союзниками. Как признается в недавно рассекреченных в США документах, в дни кризиса в Тайваньском проливе в 1958 году в Вашингтоне опять всерьез обсуждался вопрос о нанесении ядерного удара по Китаю. И на этот раз преступную руку международного разбойника остановило предупреждение со стороны Советского Союза.

СССР, другие социалистические страны оказали неоценимую помощь Китаю в восстановлении и развитии народного хозяйства. В течение первого десятилетия при содействии Советского Союза в Китае было построено более 250 крупных промышленных предприятий, цехов и объектов, оснащенных новейшим оборудованием, в том числе Аньшаньский (частично) и Уханьский металлургические комбинаты, Чанчуньский автомобильный завод, комплекс Лоянских заводов (тракторный, подшипниковый, горного оборудования), электромашиностроительные, турбинные и котельные заводы в Харбине, завод синтетического каучука и неф-

теперерабатывающий завод в Ланьчжоу, азотно-туковые заводы в Цзинлине и Тайюане, сланцеперерабатывающие заводы в Фушуне, завод тяжелого машиностроения в Фулаэрцзи, оборонные заводы, ряд мощных электростанций и других специальных объектов. Советский Союз передал Китаю более 24 тыс. комплектов научно-технической документации, включая проекты 1400 крупных современных предприятий, лицензии на изготовление большого числа промышленных изделий, машин и материалов. В СССР прошли обучение, научную подготовку и практику около 11 тыс. китайских инженеров, техников, квалифицированных рабочих. В Китай было направлено более 10 тыс. советских специалистов.

Как признают даже наши недруги, имела место крупнейшая в истории передача современной технологии другой стране, значительно превзошедшая по масштабам заимствование иностранной технологии послевоенной Японией. Причем если Японии пришлось выплатить в течение 10 с небольшим лет за патенты, лицензии и «ноу-хау» более 6 млрд. долларов, Китай получал все это практически бесплатно (оплачивалось только копирование чертежей, документов и стоимость бумаги).

Экономическая и техническая помощь СССР позволила КНР создать целые отрасли промышленности, которые раньше просто не существовали в Китае: авиационную, автомобильную, тракторную, радиотехническую, тяжелое и точное машиностроение, многие отрасли химической промышленности, а также модернизировать и развивать энергетическую, целлюлозно-бумажную, легкую и пищевую промышленность и транспорт.

Около 100 предприятий было построено в Китае при участии других социалистических стран. В братских странах прошли подготовку сотни китайских инженеров, техников и квалифицированных рабочих.

Однако эти достижения вызвали у части китайского руководства подобие головокружения от успехов, а также претензии на лидерство в социалистическом содружестве. По мере развития Китая рамки сотрудничества с братскими странами казались китайскому руководству все более тесными, оно стало тяготиться положением «равного среди равных». Возникли споры по проблемам войны и мира. Мао Цзэдун считал, что поскольку Советский Союз стал обладателем мощного ракетно-ядерного арсенала, то надо им и воспользоваться, чтобы уничтожить империализм. Жертвы, какими бы значительными они ни были, дескать, не имеют значения.

Породившие эти разногласия претензии тогдашнего руководства КНР на то, чтобы «вести за собой» остальные социалистические страны, вскоре переросли в самую настоящую раскольническую деятельность, а в начале 60-х годов, убедившись в безуспешности своих попыток, китайские лидеры взяли линию на разрыв с социалистическим содружеством.

* * *

В начале 60-х годов китайское руководство было занято «урегулированием» экономики, то есть разборкой тех завалов, которые образовались в результате «большого скачка». Дела вроде бы налаживались. Появились планы модернизации, с которыми в середине 60-х годов выступил Чжоу Эньлай. Однако начатая Мао Цзэдуном в 1966 г. «культурная революция» опрокинула и эти планы. На первое место вышли проблемы политической борьбы. Значительная часть партийных и государственных руководителей, многие работники культуры, общественные деятели были отстранены от работы, скомпрометированы и оказались в ссылке, а то и просто были убиты. Экономика была парализована. Этот период в истории страны сами китайские лидеры назовут «несчастьем», трагедией, «феодалным фашизмом», «потерянными годами».

В области внешней политики китайское руководство повело борьбу на два фронта: против социалистических стран — эта борьба становилась все более ожесточенной, и апогеем этой борьбы явились военные провокации на советско-китайской границе в 1969 г., и против империалистических государств, причем выступления против империализма сменились в конечном счете сигналами о готовности сотрудничать, «пинг-понговой дипломатией». В середине 60-х годов Пекин хотел опереться на национально-освободительное движение, которое в Китае объявили главной революционной силой современности. Однако призывы к водружению знамени «культурной революции» во всем мире и грубое вмешательство хунвейбинов в дела многих развивающихся стран резко ухудшили связи КНР с этой группой стран, в том числе с Бирмой, Шри-Ланкой (Цейлоном), Кампучией (Камбоджей), рядом африканских государств.

До опасного предела были накалены отношения с СССР. В Китае безраздельно господствовал оголтелый антисоветизм, культивировалась ненависть ко всему русскому и советскому. Мощный отпор, который дала советская сторона провокациям, учиненным китайскими властями весной и летом 1969 г. на границе с Советским Союзом, видимо, подействовал отрезвляюще. Вместе с тем Советский Союз, осуждая антисоветизм Пекина и «культурную революцию» в целом, подтверждал стремление к нормализации двусторонних отношений, выступал с соответствующими предложениями.

Когда А. Н. Косыгин возвращался из Ханоя, где он участвовал в похоронах Хо Ши Мина, 11 сентября 1969 г. на аэродроме в Пекине состоялась встреча глав правительств двух стран. А. Н. Косыгин и Чжоу Эньлай договорились возобновить обмен послами, расширить торговлю и провести переговоры об уточнении линии границы на отдельных участках.

Хотя СССР и КНР вскоре обменялись послами, несколько оживилась торговля и 20 октября 1969 г. начались переговоры, существенного улучшения отношений не произошло. Китайская печать призывала к наращиванию усилий для борьбы против СССР, который, дескать, является врагом № 1; представители КНР противодействовали всем шагам СССР на международной арене, направленным на укрепление мира и упрочение позиций социализма. Что касается переговоров, то они зашли в тупик, поскольку китайские власти под видом «спорных районов», по существу, требовали признать правомерность их территориальных претензий к СССР и отвергли проекты документов, выдвинутых Советским Союзом, в которых, кстати, в значительной мере учитывались позиции китайской стороны.

На международной арене был взят курс на активизацию отношений, прежде всего с империалистическими государствами. В феврале 1972 г. после тщательной закулисной подготовки состоялся визит президента США Р. Никсона в Пекин. Было принято так называемое Шанхайское коммюнике, которое, по существу, положило начало нормализации отношений. В сентябре того же года были установлены отношения между КНР и Японией, стороны условились заключить договор о мире и дружбе.

Чтобы подвести «теоретическую базу» под линию на сближение с империалистическими государствами, китайские руководители, в первую очередь — Мао Цзэдун, выдвинули концепцию «трех миров». Выступая 10 апреля 1974 г. на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Дэн Сяопин пояснял следующую схему расстановки сил на международной арене: США и СССР составляют «первый мир», развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки — «третий мир», развитые страны, находящиеся между этими двумя мирами, — «второй мир». Дэн характеризовал «первый мир» как самого крупного эксплуататора.

татора, угнетателя, а также очаг новой мировой войны, «второй мир» как противника двух сверхдержав и «третий мир», включающий все развивающиеся страны, как главную революционную силу, толкающую вперед колесо мировой истории в борьбе против «сверхдержав». Дэн Сяопин отводил Китаю место развивающейся страны, относящейся к «третьему миру»². Китай заявлял о своей готовности объединиться с развивающимися странами, с империалистическими государствами под флагом борьбы против «двух сверхдержав».

В дальнейшем по мере сближения Китая с империалистическими государствами теория «трех миров» претерпит эволюцию; окажется, что все страны, в том числе и США, должны вести единым фронтом борьбу только против одной «сверхдержавы» — против Советского Союза.

* * *

9 сентября 1976 года умер Мао Цзэдун. В стране развернулась острая полемика вокруг Мао Цзэдуна и других деятелей, стали все громче говорить о громадном ущербе партии и государству, нанесенном раздутым культом личности Мао Цзэдуна, его непомерными амбициями, грубой расправой над многими партийными руководителями, «большим скачком» и насаждением сельских коммун, злодеяниями «культурной революции».

После долгих споров был достигнут компромисс. VI пленум ЦК Компартии Китая (июнь 1981 г.) принял «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», в котором делается попытка проанализировать (с тогдашних, разумеется, позиций Пекина) опыт развития китайского общества после 1949 г., поворотные моменты во всей 60-летней истории КПК. Смысл этого решения состоял в том, чтобы, ограничившись некоторой критикой Мао Цзэдуна за «большой скачок», коммуны, бесчинства в ходе «культурной революции» и культ личности, закрепить препарированные «идеи Мао Цзэдуна» в качестве выработанной коллективно государственной концепции, националистической по своей сути идеологии, обосновать нынешний курс развития страны, взятый после III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.).

Наиболее острая борьба в партии и в стране развернулась вокруг вопроса о том, как развивать народное хозяйство. Все признавали, что экономика Китая переживает тяжелейший кризис, что для развития страны были упущены многие годы. Всем хотелось форсировать модернизацию. Вопрос стоял о том, как это сделать. Многие защищали тезис, что 50-е годы позволили Китаю сделать хороший задел и что надо вернуться к опыту того времени, внося, разумеется, нужные коррективы. Другие считали, что в Китае должен быть социализм, но обязательно «китайского типа», то есть под предлогом учета специфики Китая и под предлогом «отсутствия готовых моделей социализма», выискивали недостатки в практике реального социализма и гипертрофировали национальные особенности Китая. Последняя точка зрения стала преобладающей, она легла в основу так называемого «курса III пленума ЦК КПК» и нашла выражение в речи Дэн Сяопина на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.).

Осуществление четырех модернизаций (промышленности, сельского хозяйства, науки и техники, обороны) стало увязываться с «оживлением» экономики внутри страны путем проведения глубоких реформ и с привлечением массовой помощи извне в различных формах в рамках политики «открытых дверей».

Прежде всего возник вопрос, где взять средства, в том числе и на то, чтобы приобрести за рубежом огромное количество оборудования. Не-

² «Жэньминь жибао», 11. IV. 1974.

которые высокопоставленные руководители отвечали, что у развитых капиталистических стран нужно взять займы, быстро, не дожидаясь конца нынешнего столетия, модернизировать Китай, а потом рассчитаться с ними. А чтобы империалистические государства были готовы помогать, у их представителей вызывали заинтересованность в сильном Китае, который-де уже сейчас сковывает 50 советских дивизий, а потом, по мере модернизации, будет, мол, сковывать на Дальнем Востоке половину Вооруженных Сил СССР. Развитые капиталистические страны вскоре выразили готовность предоставить Китаю займы более чем на 30 млрд. долл., но в Пекине убедились, что Китай окажется в финансовой кабале, так как большинство займов придется брать под огромные проценты. Кроме того, империализм в обмен ждет крупных политических уступок со стороны Пекина. Поэтому в дальнейшем было решено опираться главным образом на внутренние ресурсы, используя иностранные займы осторожно и только в качестве вспомогательного средства.

Одновременно кое-кому в Китае показалось, что большие потенции для развития экономики кроются в решительном ослаблении центрального планирования. Высказывались предложения оставить под контролем Госплана только небольшое количество крупных предприятий, а остальные «бросить в стихию рынка». И здесь получилась осечка. Уже первые эксперименты привели к дезорганизации производства, диспропорции, нарушению сложившихся каналов снабжения и распределения, к росту автаркических тенденций на местах.

Преобразования вылились пока в ликвидацию системы народных коммун и переход на семейный подряд как в земледелии, так и в отраслях деревенской экономики; в возрождение многоукладности, в поощрение создания мелких торговых и промышленных предприятий, в стимулирование строительства смешанных предприятий с участием иностранного капитала и предприятий, сооруженных полностью на средства иностранных предпринимателей.

В деревнях повсеместно земля передана в подряд отдельным дворам, являющимся собственниками всего произведенного продукта, фиксированную часть которого они должны сдавать государству по контракту. Поощряется закупка крестьянами в частную собственность средств производства, в том числе тракторов, автомашин. Допускается в установленных пределах наем рабочей силы и передача участков в субподряд. Опубликованный в июне 1984 года Циркуляр № 1 ЦК КПК о работе в деревне³ закрепил передачу земельных наделов в пользование крестьянам сроком на 15 лет (а в некоторых районах этот срок определен в 20—30 лет), постепенную концентрацию земли в руках «умелых земледельцев» и «сильных хозяйств» (без права ее покупки и продажи), продолжение найма рабочей силы и т. д.

В городах было выдано более 5 млн. лицензий на создание мелких предприятий: небольших мастерских, закусовых, лавочек. Здесь также разрешается использование в определенных рамках наемного труда.

Официальные представители, печать активно пропагандируют политику «открытых дверей», чего, как мы помним, всегда добивался в отношении Китая американский империалистический хищник. Издаются соответствующие законы. В ряде городов на средства иностранных предпринимателей уже построены отели, туристические фирмы, таксомоторные парки. Помимо четырех «специальных экономических зон», где созданы особо льготные условия для привлечения иностранных инвестиций, недавно определены 14 приморских городов, где будут расширены права зарубежных вкладчиков. В 1984 г. сумма иностранных капиталовложений (включая совместные предприятия, кооперацию и компенсацион-

³ «Жэньминь жибао», 12.VI. 1984.

ные сделки) составит 6,5 млрд. юаней. Политика «открытых дверей» закреплена в документах сессий ВСНП, активно пропагандируется во время поездок китайских лидеров по странам Запада.

В Китае публикуются цифровые данные, говорящие о том, что страна стала развиваться стабильнее и что темпы развития высокие. Согласно данным китайской статистики, за период с 1953 по 1982 г. совокупная валовая продукция промышленности и сельского хозяйства возросла в 10,3 раза, в том числе промышленности — в 21,2 раза, сельского хозяйства — в 3,1 раза, национальный доход — в 5,8 раза. Производство стали составило в 1983 г. 40 млн. т, электроэнергии — 351 млрд. кВт/час., добыча нефти — 106 млн. т, угля — 715 млн. т. Но только время покажет, компенсирует ли это те издержки, которые уже несет Китай из-за попыток противопоставить проводимые преобразования и одностороннюю ориентацию на капиталистический Запад коллективному опыту социалистических стран.

Многие в Китае бьют тревогу по поводу неконтролируемой погонии предприятий за прибылью, подрывающей плановость, расслоения крестьянства, коррупции должностных лиц, «духовного загрязнения» и других негативных явлений — результатов уступок капитализму. Не случайно экономические «преобразования» вызвали острые споры в партии и стране. Как отмечается в китайской печати, многие считают, что после III пленума ЦК КПК (1978) партия «поправела», «направление курса партии вызывает беспокойство», что политика «открытых дверей» оказывает негативное воздействие на строительство социалистической духовной цивилизации⁴. Отмечалось, что во многих парторганизациях лишь 20 % членов КПК активно поддерживает нынешний курс, 20 % относятся к нему отрицательно, остальные — пассивно.

Что касается внешней политики китайского руководства на рубеже 70—80-х годов, то по основному вопросу, беспокоящему человечество, по вопросу о том, как предотвратить войну, китайские руководители сначала рассуждали в том духе, что ничего страшного не произойдет, если и начнется война. После XI съезда КПК китайская печать отмечала, что, когда разразится война, народы мира окажутся в «выгодном», «благоприятном» положении. «В нынешних исторических условиях, — писала «Жэньминь жибао» 1 ноября 1977 г., — прочный мир невозможен, новая мировая война неизбежна». Показательно, что Китай не поддержал на XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН Декларацию «Предотвратить ядерную катастрофу».

Время от времени критикуя империалистические державы, Пекин вел дело к налаживанию связей с ними, убеждая их постоянно в том, что Китай им нужен как партнер в борьбе против Советского Союза. 12 августа 1978 года был подписан Договор о мире и дружбе между КНР и Японией, статья 2 которого имеет антисоветский подтекст. С 1 января 1979 года установлены дипломатические отношения между КНР и США. США отказались от признания тайваньского режима, аннулировали договор о совместной обороне, но выговорили себе право продолжать полуофициальные связи с Тайванем и оставили себе право снабжать его оружием. Во время поездки в США в начале 1979 г. Дэн Сяопин выступил с идеей «альянса» Китай — США — Япония — Западная Европа против СССР. Эта «концепция» на несколько лет определила практические действия китайского руководства в международных делах.

В сфере отношений с «третьим миром» Пекин поддержал контрреволюционные группировки во время борьбы в Анголе, одобрил расправу суданских властей с левыми силами, приветствовал интервенцию западных держав в Заире с целью подавления восстания в провинции Шаба,

⁴ «Жэньминь жибао», 18.V. 1984.

его симпатии оказались на стороне Сомали во время нападения правящих кругов этой страны на Эфиопию, китайское руководство полностью одобрило кэмп-дэвидский сговор. Пекин всячески пытался поддержать режим шаха во время революции в Иране, он с неприязнью встретил Апрельскую революцию 1978 г. в Афганистане, а с начала 1980 г. стал принимать участие в необъявленной войне против ДРА на стороне империалистической реакции и внутренней контрреволюции (при этом Китай поддерживает дипломатические отношения с ДРА).

Из социалистических стран Китай поддерживал активные отношения только с КНДР, Югославией и Румынией.

Отношения с Советским Союзом были трудными, торговля не превышала 400 млн. руб., никаких других связей фактически не было. В апреле 1979 г. правительство КНР отказалось от продления Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи с СССР.

Основные контуры нынешней внешней политики КНР были очерчены XII съездом КПК и повторялись в документах сессий ВСНП. Применительно к современному этапу характеристику принципов и задач внешней политики КНР дал на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва в мае 1984 г. премьер Государственного совета Чжао Цзыян⁵. Эта характеристика подкрепляется практическими делами.

Премьер отметил, что КНР проводит «принципиальный курс», составными элементами которого являются «независимость и самостоятельность, сплоченность со странами третьего мира, борьба против гегемонизма, за сохранение мира во всем мире». Вместе с тем было сказано, что Китай «сообразно развитию и изменению обстановки своевременно регулировал, пополнял и развивал некоторые конкретные политические установки и мероприятия». Так глава правительства КНР объяснил повороты в китайской дипломатии, попытки подстроиться, приспособиться к быстро меняющейся ситуации, что прослеживается во многих аспектах внешней политики Пекина.

Акцент сделан на роли и значении пяти принципов мирного сосуществования как единственной и универсальной основы международных отношений, в том числе и между социалистическими странами. Рассматривая отношения Китая с другими странами, Чжао Цзыян делил их не по классовому, социальному признаку, а по географическим районам, что отражает геополитический, внеклассовый подход Пекина к внешнеполитическим проблемам. Это подтверждается и другими высказываниями китайского премьера. Так, в одном из недавних интервью он утверждал, что отношения между странами не определяются, мол, существующим в них общественным строем, что нельзя «классифицировать правительства, исходя из системы, существующей в данной стране», поскольку подобные критерии «совершенно устарели».

Главной причиной международной напряженности вновь объявляется «схватка двух сверхдержав за мировую гегемонию», против чего, дескать, и следует вести борьбу, защищая мир. Ответственность за обострение международной напряженности возлагается в равной мере на СССР и США, причем действия Соединенных Штатов изображаются как ответ на «гегемонизм» Советского Союза. Как бы в развитие этого тезиса Чжао Цзыян во время своей поездки в ряд стран Западной Европы в июле 1984 г. подчеркивал понимание китайской стороной того, что Западная Европа и США были вынуждены-де реагировать на «угрозу» со стороны СССР путем разворачивания американских ракет в Западной Европе.

Каких-либо серьезных предложений по международным проблемам на сессии ВСНП выдвинуто не было. Повторено прежнее требование о том, что СССР и США должны первыми прекратить испытания, ус-

⁵ «Жэньминь жибао», I.VI. 1984.

вершенствование и производство ядерного оружия и достичь договоренности о значительном сокращении ядерных арсеналов. И только после этого Китай подсядинится к мерам по разоружению.

По вопросу о войне и мире китайское руководство в последние годы заняло более гибкую по сравнению с прошлым позицию, оно считает, что войну можно не только «отсрочить», но и предотвратить и что мир нужен Китаю для осуществления модернизации. Однако ответственность за гонку вооружений по-прежнему возлагается на «две сверхдержавы». Вместе с тем не говорится, кто несет ответственность за обострение напряженности в мире, даже не упоминаются инициативы СССР, других социалистических стран по вопросам разоружения, смягчения международной напряженности в мире, улучшения политического климата в Азии. Начав проявлять больший интерес к вопросам разоружения, например, выступая за запрещение и ликвидацию химического оружия, китайское руководство в целом стоит на той позиции, что разоружаться должны «две сверхдержавы», а другие пока будут вооружаться.

Китайское руководство всячески поощряло администрацию США к новому витку вооружений, к размещению ракетно-ядерного оружия в Европе, осуждало антиракетное, антивоенное движение. В последнее время оно перестало нападать на антивоенное движение, а по вопросу о размещении ракетно-ядерного оружия заняло позицию, играющую на руку Вашингтону: пусть-де обе стороны приостановят дальнейшее размещение ракет и начнут переговоры.

Пекин закрывает глаза на наращивание американских вооружений на Тихом океане, в ряде районов Индийского океана и отделяется призывами: пусть США и СССР не размещают новых ракет и сократят число ракет, размещенных на Азиатском континенте. На сессии указывалось, что Китай стремится к улучшению отношений с СССР и США, хотя и выступает против «осуществления ими гегемонизма». Как пояснялось, подобная позиция, названная «принципиальной», не означает, что Пекин будет занимать «равноудаленное» положение от США и СССР.

США отводится роль основного партнера в ускорении военного строительства. О расширении военного сотрудничества министр обороны КНР Чжан Айпин вел переговоры в Вашингтоне в июне 1984 г. При этом китайская сторона, конечно, хочет получить технологию, образцы оружия, не привлекая особого внимания к этому и сохранив полную свободу рук для его применения. Американцы же озабочены тем, чтобы оружие, сконструированное по их образцам, не могло быть использовано против США и их союзников. Ради выгод такого сотрудничества правительство Китая очень вяло протестует против продолжающихся поставок Соединенными Штатами оружия на Тайвань. В 1983 г. США поставили Тайвань оружие и снаряжения на 800 млн. долл., в текущем году эта сумма составит 780 млн. долл.

На сессии ВСНП отмечалось, что в Китае «придают большое значение» развитию китайско-американских отношений, считая их «важным фактором мира и стабильности». Поэтому о тайваньском вопросе было сказано мимоходом. Акцент сделан на том, что в Китае «приветствуют» заявления президента США Рейгана, сделанные им в ходе недавней поездки в КНР, о готовности соблюдать положения трех американо-китайских коммюнике, в том числе по тайваньскому вопросу, и ожидают, что американское правительство действительно выполнит взятые на себя обязательства.

Хотя в Пекине заявляют, что КНР не пойдет на союз ни с какой державой, что она не будет осуществлять «стратегическое взаимодействие» с США, между Китаем, США и Японией наладилась система обмена информацией военного характера и, по сути дела, осуществляется согласование деятельности на международной арене. Особо подчеркивается, что отношения с Японией строятся на четырех принципах — «мир и друж-

ба, равенство и взаимная выгода, взаимное доверие, сохранение стабильности надолго». Никаких оценок внешней политики Японии на сессии дано не было. Япония, по мнению Пекина, является наиболее подходящим экономическим партнером. Японские торгово-промышленные круги в свою очередь считают, что помощь Китаю принесет отдачу: наладив тесные экономические связи, Япония, дескать, сможет влиять на политику Китая. Ведь уже сейчас ради хороших отношений с Токио китайские руководители заявляют, что в Японии не осуществляется милитаризация.

В Пекине вновь слышны заявления, что КНР относится к странам «третьего мира». Однако отношения с этими странами противоречивые. Обхаживая одни неприсоединившиеся страны и даже подчас подлаживаясь под их позицию, КНР проявляет откровенную враждебность к другим. Китай не только участвует, но всячески поощряет необъявленные войны против Кампучии и Афганистана. Его большими друзьями в этом отношении являются правящие круги Таиланда и Пакистана. Хотя Пекин внешне демонстрирует желание нормализовать отношения с Индией, но продолжает поддерживать различные сепаратистские, антиправительственные движения в этой стране. Китайское оружие, согласно многим источникам, поступает в Иран, чьи лидеры отказываются пойти на переговоры о прекращении войны с Ираком. По проблемам Ближнего Востока, Южной Африки, бассейна Карибского моря Пекин иногда выступает с критикой США, но тут же пытается бросить тень и на политику СССР.

Как и раньше, Китай осуществляет «дифференцированный подход» к социалистическим странам. На упомянутой сессии ВСНП отмечено «хорошее развитие отношений» с КНДР, Румынией и Югославией, сказано о «широкой перспективе» развития дружественных отношений между Китаем и «социалистическими странами Восточной Европы», но обойдены молчанием Куба и МНР. В практическом плане из социалистических стран наиболее активные связи КНР поддерживает с КНДР, Румынией, Югославией. После долгого перерыва китайское руководство опять стало называть страны Восточной Европы социалистическими и расширять торгово-экономические связи с ними. Политику постоянного нажима, в том числе военными средствами, КНР проводит в отношении Вьетнама и Лаоса.

Хотя китайское руководство заявляет, что Китай за установление добрых отношений с соседними странами, за разрешение разногласий путем дружественных консультаций, тем не менее провокации на границе с СРВ, усилившиеся именно в период проведения сессии и достигшие особого накала в первой половине мая 1984 г., говорят о другом. Улучшение отношений с Вьетнамом оно однозначно ставит в зависимость от выполнения им целого ряда китайских условий, в том числе касающихся оказания помощи Кампучии. Провокационная активьетнамская направленность придана решению сессии об организации Хайнаньского административного района КНР, в который включены острова Спратли и Парасельские.

В докладе Чжао Цзяна на сессии говорилось об «искреннем желании» китайской стороны нормализовать отношения с Советским Союзом и о готовности развивать с СССР обмены в области экономики, техники и культуры, о том, что «мир и согласие» отвечают интересам обеих стран и «служат делу мира во всем мире». Вместе с тем Чжао обвиняет СССР в создании «серьезной угрозы безопасности» Китая. Перспективы советско-китайских отношений по-прежнему увязываются с требованиями к советской стороне предпринять «практические действия» по устранению «препятствий», под которыми китайское руководство имеет в виду отношения СССР с Вьетнамом, пребывание ограниченного контингента советских войск в Афганистане, советские воинские части в Монголии и в районах советско-китайской границы.

За последние два года в советско-китайских отношениях произошли известные изменения. Имеются контакты в области спорта, науки и техники, значительно возрос объем торговли. Осуществляются политические консультации по вопросам двусторонних отношений, происходит обмен мнениями по международным проблемам. Однако в Китае продолжается недружественная СССР пропаганда: публикуются статьи и книги, явно рассчитанные на то, чтобы привить молодежи чувство вражды к СССР, оправдать территориальные претензии к Советскому Союзу.

В Советском Союзе неизменно исходят из того, что долговременные интересы советского и китайского народов не противостоят друг другу, а наоборот, совпадают. У наших стран существуют немалые возможности для налаживания крупномасштабного сотрудничества. Больше того, нормализация отношений между СССР и КНР способствовала бы повышению роли социализма в международной жизни, упрочению всеобщего мира. «Мы — последовательные сторонники такой нормализации, — сказал К. У. Черненко. — Политические консультации показывают, однако, что сохраняются разногласия по ряду принципиальных вопросов. В частности, мы не можем пойти на какие-либо договоренности в ущерб интересам третьих стран. Но обмен мнениями продолжается, и мы считаем его полезным»⁶.

* * *

35 лет — это немалый срок. Китайская Народная Республика за это время достигла больших успехов. Они могли бы быть еще большими, но в этом нет вины трудящихся Китая. Советские люди поздравляют китайский народ с его праздником и желают ему больших свершений на пути строительства социализма.

⁶ «Правда», 3.III. 1984.

Грозный урок второй мировой войны

А. Н. НИКОЛАЕВ,
доктор юридических наук

После разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии при решающей роли Советского Союза и его Вооруженных Сил союзными державами были приняты решения о наказании немецких и японских военных преступников за совершенные ими преступления. Еще 4 декабря 1941 г. правительство СССР выступило с декларацией, в которой впервые в истории заявлялось, что наказание гитлеровских преступников неразрывно связано с обеспечением прочного и справедливого мира. «После победоносной войны, — указывалось в декларации, — и соответственного наказания гитлеровских преступников задачей союзных государств будет обеспечение прочного и справедливого мира»¹.

В ноте Народного Комиссара Иностранных Дел СССР от 27 апреля 1942 г. говорилось, что «гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные злодеяния, совершенные против народов СССР и против всех свободолюбивых народов»².

Требования наказать гитлеровских преступников высказывались и в других странах, которые участвовали в войне против гитлеровской Германии.

В августе 1942 г. президент США Франклин Д. Рузвельт, касаясь вопроса об ответственности гитлеровских преступников, заявил: «Справедливость требует, чтобы они получили предупреждение о том, что придет время, когда они должны будут предстать перед судом в тех самых странах, которые они сейчас угнетают, и нести ответственность за свои деяния»³.

В опубликованной в Москве 2 ноября 1943 г. декларации глав трех правительств — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства было сказано: «...Три союзные державы, выступая в интересах тридцати двух объединенных наций, торжественно заявляют и предупреждают... что... те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за... зверства, убийства и казни, или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там

Автор статьи, гвардии майор юстиции в отставке, участвовал в Токийском процессе в качестве судебного секретаря Советской части Международного военного трибунала для Дальнего Востока.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. I. М., 1944, с. 169.

² Там же, с. 235.

³ Цит. по: А. Н. Трайнин. Уголовная ответственность гитлеровцев. М., 1944, с. 5.

созданы»⁴. Эта декларация не затрагивала вопроса об ответственности главных преступников, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые должны были быть наказаны совместным решением правительств союзников.

Вопрос о наказании гитлеровских преступников обсуждался на конференциях трех держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — в Крыму (февраль 1945 г.) и в Берлине (июль 1945 г.).

8 августа 1945 г. в Лондоне представители СССР, США, Великобритании и Франции подписали Соглашение о создании Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси и приняли устав, определивший порядок организации трибунала и принципы его работы⁵.

Учрежденный Международный Военный Трибунал имел «право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организаций, совершили любое из следующих преступлений:

а) *преступления против мира*, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

б) *военные преступления*, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

с) *преступления против человечности*, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана»⁶.

На основании своего устава Международный военный трибунал, заседавший в Нюрнберге (Германия) с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., осудил главных немецких военных преступников за совершенные ими преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций своей резолюцией от 11 декабря 1946 г. подтвердила принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в его приговоре. Таким образом, ООН признала, что агрессивная война, военные преступления и преступления против человечности являются тягчайшими международными преступлениями.

⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. I, с. 363.

⁵ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III. М., 1944, с. 369.

⁶ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 7-ми томах. Т. I. М., 1957, с. 67—

Впервые как уголовные преступники были подвергнуты наказанию государственные деятели, виновные в подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны.

На основе нюрнбергских принципов был создан Международный военный трибунал для Дальнего Востока, который осудил главных японских военных преступников.

Решение о суде над японскими военными преступниками было выражено в обращении глав правительств США, Великобритании и Китая с требованием безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил, получившем название Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., к которой впоследствии присоединился Советский Союз. В декларации заявлялось: «Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманул и ввел в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний, ибо мы твердо считаем, что новый порядок мира, безопасности и справедливости будет невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изгнан из мира»⁷.

Советский Союз присоединился к Потсдамской декларации, имея в виду ускорить окончание войны и тем самым содействовать восстановлению всеобщего мира.

«Советское Правительство считает, — говорилось в заявлении Народного Комиссара Иностранных Дел СССР от 8 августа 1945 г., — что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции»⁸.

Вступление Советского Союза в войну против Японии быстро решило судьбу японского милитаризма и привело к окончанию второй мировой войны.

2 сентября 1945 г. в Токийском заливе, на борту американского крейсера «Миссури», представителями союзных наций, включая советского представителя генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко, и представителями Японии — министром иностранных дел Мамору Сигэмицу и начальником генерального штаба генералом Ёсидзиро Умэдзу — был подписан исторический акт о безоговорочной капитуляции Японии.

Как и победа над фашистской Германией на Западе, победа над милитаристской Японией на Востоке явилась важным историческим событием на пути освобождения человечества от темных сил реакции.

На Московском совещании министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании, проходившем в декабре 1945 г., было принято решение о том, что Главнокомандующий союзных держав в Японии будет проводить все мероприятия, необходимые для осуществления условий «капитуляции, оккупации и контроля над Японией». К данному решению присоединился и Китай⁹.

В итоге дипломатических переговоров между заинтересованными государствами — СССР, США, Великобританией, Китаем, Францией, Австралией, Канадой, Новой Зеландией, Голландией — было достигнуто соглашение о том, что главных японских военных преступников будет судить Международный Военный Трибунал, состоящий из представителей названных девяти государств. Позже к этому соглашению присоединились Индия и Филиппины.

Таким образом, Международный Военный Трибунал в Токио был образован из 11 судей, представлявших 11 объединенных наций.

⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. VI. М., 1980, с. 383.

⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III, с. 363.

⁹ См.: «Известия», 28.XII.1945.

Сравнение уставов Международных военных трибуналов для суда над главными немецкими и японскими военными преступниками¹⁰ показывает, что они существенно различались в главных принципах организации трибуналов.

Международный Военный Трибунал в Нюрнберге, как отмечалось выше, создавался на основе соглашения, заключенного между правительствами четырех держав, и состоял из четырех членов, назначенных этими державами. Члены трибунала до начала судебного заседания выбирали одного из их числа председателем.

Каждое из четырех государств назначало главного обвинителя для расследования дел и обвинения главных военных преступников; они договаривались между собой о распределении обязанностей по поддержанию обвинения по отдельным разделам обвинительного акта. Главные обвинители составляли Комитет по расследованию дел и обвинению главных военных преступников и председательствовали в нем поочередно; решения принимались большинством голосов. Главные обвинители решали в комитете многие важные вопросы, в том числе окончательно определяли круг лиц, подлежащих суду трибунала, и утверждали обвинительное заключение.

Приговор трибунала считался окончательным и не подлежащим пересмотру, он должен был приводиться в исполнение согласно приказу Контрольного Совета в Германии. Контрольный Совет мог смягчить или изменить приговор, но не мог повысить наказание.

В общем, Международный военный трибунал для суда над главными немецкими военными преступниками был образован четырьмя союзными державами на демократических паритетных началах.

Международный военный трибунал для суда над главными японскими военными преступниками был образован на совершенно иных принципах.

Трибунал был создан на основании прокламации-приказа «об организации Международного военного трибунала для Дальнего Востока», изданной 19 января 1946 г. Главнокомандующим союзных держав на Дальнем Востоке генералом армии США Д. Макартуром. Им же единолично был утвержден устав трибунала.

В соответствии с Уставом Международного военного трибунала для Дальнего Востока члены и председатель трибунала назначались Главнокомандующим союзных держав из числа кандидатов, представленных государствами, подписавшими акт о капитуляции, а также из представителей Индии и Республики Филиппины (ст. 2 и 3).

Главнокомандующий назначал и главного обвинителя, который являлся ответственным за расследование дел и поддержание обвинения.

Любое государство, входящее в Объединенные Нации, с которыми Япония была в состоянии войны, вправе было назначить дополнительного обвинителя в помощь главному обвинителю (ст. 8).

Обязанности между дополнительными обвинителями распределял главный обвинитель, который и определял, по каким разделам обвинительного акта должен поддерживать обвинение каждый дополнительный обвинитель.

Обвинительный приговор должен был приводиться в исполнение согласно приказу Главнокомандующего союзных держав, который был вправе смягчить приговор или каким-либо образом его изменить, но не повысить наказание (ст. 17).

Следовательно, Международный военный трибунал для суда над главными японскими военными преступниками был образован не на

¹⁰ См.: Нюрнбергский процесс, т. I, с. 66—73; М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит. Международный процесс главных японских военных преступников. М. — Л., 1950, с. 45—56.

принципах паритетности участников суда, а на условиях их зависимости от Главнокомандующего союзных держав.

Указанные принципы организации Международного военного трибунала для суда над главными японскими военными преступниками, несомненно, обеспечили Соединенным Штатам Америки ведущее положение в трибунале и, таким образом, дали им возможность оказывать свое влияние на всю подготовительную стадию и на весь ход судебного процесса.

Важно отметить, что Международный военный трибунал в Токио начинал свою работу спустя два месяца после того, как Черчилль 5 марта 1946 г. в присутствии президента Трумэна выступил в Фултоне (США) с резко антисоветской речью, в которой предложил образовать англо-американский военный союз для борьбы с «восточным коммунизмом» и для установления господства «мира, говорящего по-английски». В этой речи Черчилля, по сути, была изложена программа «холодной войны», развязанной Западом против социализма. Начавшаяся «холодная война» определенно отразилась на работе Международного военного трибунала в Токио.

Каков же был состав трибунала?

Трибунал в Токио был назначен приказом Главнокомандующего союзных держав в составе следующих одиннадцати судей: В. Пэл — Индия; Б. Роллинг — Голландия; С. Макдугалл — Канада; У. Патрик — Великобритания; М. Крамер — США; У. Уэбб — Австралия; Д. Мэй — Китай; И. М. Зарянов¹¹ — СССР; А. Бернар — Франция; Э. Норткрофт — Новая Зеландия; Д. Джаранлла — Филиппины.

Председателем трибунала был назначен австралийский судья У. Уэбб.

Знакомясь со списком судей, легко заметить, что трибунал по своему национальному составу являлся в основном англо-американским, с политической точки зрения большинство членов трибунала также было настроено проамерикански.

За исключением судьи от Советского Союза, все судьи были представителями буржуазной интеллигенции, воспитанными в духе буржуазной философии и буржуазного права.

Главным обвинителем на Токийском процессе был назначен представитель США — видный адвокат Дж. Кинан. Он был близок к президенту США Трумэну и, будучи в Токио, являлся ближайшим сотрудником и юридическим советником Макартура. На Токийском судебном процессе Кинан в силу своего положения вынужден был выступать с разоблачением преступлений, совершенных главными японскими военными преступниками.

После нескольких месяцев работы трибунала Кинан был отозван в Вашингтон, откуда вернулся в Токио и приступил к исполнению своих обязанностей только в августе 1947 г. Таким образом, Токийский судебный процесс почти в течение года проходил в отсутствие главного обвинителя. При этом Кинан, вернувшись в Токио, значительно изменил свою позицию по сравнению с той, которую занимал в начале Токийского судебного процесса. На его поведении в трибунале, несомненно, сказалась новая внешнеполитическая программа правительства США, изложенная 12 марта 1947 г. президентом Трумэном в его послании конгрессу («Доктрина Трумэна»), — она оформила политику «холодной войны», ставшую официальной внешней политикой США.

По прибытии в Токио Кинан освободил из токийской тюрьмы Сугамо 23 японских деятеля, подозревавшихся в совершении военных преступлений, среди которых были и видные представители крупного промышлен-

¹¹ И. М. Зарянов — член Военной коллегии Верховного суда СССР, генерал-майор юстиции.

ного капитала, якобы за отсутствием доказательств против них. В обоснование этого решения Кинан заявил, что он «не считает, что японские промышленники в прошлом разжигали войну».

На заседании трибунала 25 сентября 1947 г. Кинан в ходе перекрестного допроса адмирала Окада всячески стремился показать, что император Японии Хирохито не желал развязывания войны, и в подтверждение этого заявил: «...Я, как Главный обвинитель, назначенный по этому Уставу, почтительно обращаю внимание трибунала на тот факт, что подсудимых, находящихся сейчас на скамье подсудимых, мы считаем ответственными за развязывание этой войны. Если бы были ответственны еще другие люди, то они тоже сидели бы на скамье подсудимых»¹².

Отсюда вытекало, что японский император, поскольку он не сидит на скамье подсудимых, не виновен в развязывании войны.

Дополнительными обвинителями на Токийском судебном процессе являлись: от СССР — С. А. Голунский, а с ноября 1946 г. — А. Н. Васильев; от Голландии — В. Бергергоф-Мульдер; от Канады — Г. Нолан; от Великобритании — А. Коминс-Карр; от Австралии — А. Мэнсфилд; от Китая — Ч. Сянг; от Франции — Р. Онето; от Новой Зеландии — Р. Квиллям; от Филиппин — П. Лопец.

Советские обвинители вели упорную борьбу за торжество правосудия, за разоблачение и осуждение главных японских военных преступников. Другие обвинители в ходе судебного процесса вынуждены были во многом придерживаться позиции советских обвинителей.

Защита главных японских военных преступников была представлена американскими и японскими юристами из расчета один американский и один японский защитник на каждого подсудимого.

Американские защитники неоднократно подчеркивали, что они прибыли в Международный военный трибунал по назначению военного министра и выступают в нем от имени американского народа. Главным американским защитником являлся майор Блекни. Выступления Блекни нередко носили резко антисоветский характер. Было очевидно, что Блекни и некоторые другие американские защитники выступают в антисоветском духе по прямому указанию штаба Макартура.

Японская защита была сформирована из ведущих юристов Японии. Главным японским защитником являлся доктор права Сомэй Удзава. В последние годы он был членом палаты пэров — верхней палаты японского парламента — и президентом христианской ассоциации. Удзава — ярый реакционер, полностью разделявший идеи главных японских военных преступников, и потому защищал их по своему убеждению, со рвением.

Кого же судили в Токио?

На скамье подсудимых в Международном военном трибунале в Токио находились 28 главных японских военных преступников. Каждый из них имел весьма длинный послужной список. Так, в послужном списке Х. Тодзио записано 120 должностей, которые он занимал в разное время своей служебной деятельности, 23 почетных звания и 11 наград, которыми он был награжден императором Японии. Ниже в порядке английского алфавита следуют фамилии подсудимых и основные должности, которые они занимали к моменту капитуляции или незадолго до нее.

С. Араки — генерал, военный министр, позже министр просвещения; К. Доихара — генерал, известный разведчик, специалист по организации «инцидентов» в Китае, командующий воздушной армией; К. Хасимото — «идеолог» японского империализма и агрессии, издатель и редактор молодежной фашистской газеты; С. Хата — фельдмаршал, командующий экспедиционными войсками в Центральном Китае; К. Хираума — барон,

¹² Стенограмма Токийского процесса от 25 сентября 1947 г.

премьер-министр, позже председатель Тайного совета; К. Хирота — министр иностранных дел, позже советник кабинета; М. Хосино — председатель планового бюро, вице-премьер-министр; С. Итагаки — генерал, военный министр, позже командующий японской армией в Корее; О. Кайя — министр финансов; К. Кидо — маркиз, министр двора, позже лорд-хранитель печати и главный тайный советник императора; Х. Кимура — генерал, заместитель военного министра; К. Койсо — генерал, министр колоний, позже премьер-министр; И. Мацуи — генерал, командующий экспедиционными силами в Китае, председатель Общества развития Великой Восточной Азии, советник Ассоциации помощи трону; Ё. Мацуока — министр иностранных дел; Д. Минами — генерал, военный министр, позже командующий Квантунской армией, председатель общества «Великая Япония»; А. Мито — генерал, начальник бюро военных дел военного министерства; О. Нагано — адмирал, военно-морской министр; Т. Ока — адмирал, вице-морской министр, командующий военно-морской базой в Корее; С. Окава — философ, идеолог японского милитаризма; Х. Осима — генерал, посол в Германии; К. Сато — генерал, начальник бюро военных дел военного министерства; М. Сигэмицу — посол в СССР в 1936—1938 гг., министр иностранных дел в 1943—1945 гг. и одновременно с 1944 до апреля 1945 г. — министр по делам Великой Восточной Азии; С. Симада — адмирал, морской министр, начальник главного морского штаба; Т. Сиратори — посол в Италии, советник министерства иностранных дел; Т. Судзуки — генерал, председатель планового бюро, позже советник кабинета; С. Того — посол в СССР в 1938—1941 гг., с апреля 1945 г. — министр иностранных дел и министр по делам Великой Восточной Азии; Х. Тодзиро — полный генерал, военный министр в 1940 г., с декабря 1941 до июля 1944 г. — премьер-министр; Ё. Умэдзу — генерал, командующий Квантунской армией, последний начальник генштаба японской армии, подписавший от имени армии акт о капитуляции Японии.

Таким образом, из 28 японских деятелей, преданных суду Международного военного трибунала, 18 являлись военными, входившими в состав общей японской милитаристской клики.

Следует сказать, что далеко не все главные военные преступники оказались на скамье подсудимых. На ней сидели только политические, военные и идеологические лидеры. А те, кто, по сути, руководил их действиями — хозяева крупных японских промышленных монополий, остались безнаказанными. Главный обвинитель американец Кинан и главнокомандующий союзных держав на Дальнем Востоке генерал США Маккартур, действуя по инструкции из Вашингтона, не допустили включения в список главных японских военных преступников ряда реакционных деятелей, и прежде всего руководителей крупнейших японских финансово-промышленных объединений (дзайбацу), которые создали материальную базу для ведения Японией агрессивных войн. При этом явно преследовалась цель сохранить их и в будущем использовать для реализации планов восстановления военного потенциала Японии для войны против Советского Союза и Китая.

Некоторые японские лидеры предпочли сами себе вынести смертный приговор, чтобы не подвергать себя подробным допросам и публичному осуждению на долгих и мучительных заседаниях Международного военного трибунала в столице своей страны. Так, трижды занимавший пост премьер-министра Японии князь Коноэ, который находился в родственных связях с императорским домом и являлся крупным акционером ряда важнейших промышленных компаний, вечером 15 декабря 1945 г., за несколько часов до истечения срока явки в тюрьму Сугамо, принял яд и умер.

Главным японским военным преступником, находившимся на скамье подсудимых в Международном военном трибунале в Токио, был Тодзиро.

Небольшого роста, худой, с пожелтевшим лицом, напоминавшим бронзовую маску, с узким разрезом глаз, приплюснутым носом и плотно сжатыми тонкими губами, этот человек считал себя всемогущим политическим и военным лидером Японии и надеялся осуществить мечту о мировом господстве. Будучи подсудимым, он был одет в японский военный мундир, но уже без погон полного генерала. На скамье подсудимых Тодзио пытался сохранить апломб премьер-министра среди бывших подчиненных ему министров и военачальников. Но он знал, какой приговор его ждет, и поэтому еще до суда пытался покончить с собой, но неудачно. В течение месяца он находился в военном госпитале, а затем был заключен в тюрьму Сугамо. Уже находясь в тюрьме, он вновь пытался совершить самоубийство, но тюремный полицейский воспрепятствовал этому.

За что же судили главных японских военных преступников, какова была формула обвинения?

В соответствии с Обвинительным актом, составленным от имени одиннадцати Объединенных Наций, который был представлен Международному военному трибуналу 29 апреля 1946 г., 28 обвиняемых обвинялись в совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, которые были определены уставами Международных военных трибуналов в Нюрнберге и в Токио.

Во вступительной части Обвинительного акта излагается общая политическая характеристика преступной деятельности правящей милитаристской клики Японии. В частности, указывается, что на протяжении многих лет «внутренняя и внешняя политика Японии возглавлялась и направлялась преступной милитаристской кликой, и эта политика была причиной больших мировых потрясений, агрессивных войн и великой опасности для интересов как миролюбивых народов, так и для самого японского народа... Сознание японского народа систематически отравлялось опасными идеями о так называемом расовом превосходстве над другими народами Азии и даже всего мира...

Был составлен заговор между подсудимыми, в котором участвовали правители других агрессивных государств, а именно: нацистской Германии и фашистской Италии. Главной целью этого заговора было обеспечить господство агрессивных государств и эксплуатацию ими остальной части мира и для того, чтобы совершать или вдохновлять совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, в том смысле, как они определены Уставом настоящего Трибунала»¹³.

Обвинительный акт включал 55 пунктов, содержащих общие обвинения всех подсудимых и указание виновности каждого в отдельности. Эти обвинения были систематизированы в трех разделах, озаглавленных «Преступления против мира» (п. 1—36), «Убийства» (п. 37—52) и «Преступления против законов и обычаев войны и преступления против человечности» (п. 53—55).

Обвинительный акт был подписан главным обвинителем от имени США и десятью обвинителями от других стран, в том числе от СССР.

Обвинение провело большую работу по расследованию преступных деяний подсудимых и подготовило обстоятельный аргументированный Обвинительный акт против 28 главных японских военных преступников и представило его на рассмотрение Международного военного трибунала.

В пункте 1 Обвинительного акта сформулировано обвинение в составлении или исполнении имевшего характер заговора общего плана, ставившего целью установить военное, морское, политическое и экономическое господство Японии над Восточной Азией, Тихим и Индийским

¹³ М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, Указ. соч., с. 87—88.

океанами и всеми странами и островами, находящимися на них или граничащими с ними.

Этот пункт обвинения разоблачал выдвинутую Тодзио, Того, Хасимото, Минами и другими японскими лидерами идею создания «Великой восточной сферы процветания» под руководством японской нации, которая включала бы в себя собственно Японию, Маньчжурию, Китай, Филиппины, Австралию, Новую Зеландию, Индию, Индокитай, Голландскую Восточную Индию, Алеутские острова, Таиланд, Малайзию, Бирму, Новую Гвинею и другие страны Азиатского континента, а также восточную часть Советского Союза. Японские фанатики мечтали о превращении Японского моря в Японское озеро и об установлении полного контроля над Тихим и Индийским океанами.

Первое открытое заседание Международного военного трибунала для Дальнего Востока началось 3 мая 1946 г. в Токио, в здании бывшего военного министерства.

В краткой вступительной речи председатель трибунала Уэбб заявил: «Мы будем вести наше заседание с наибольшей быстротой, не нарушающей справедливости в отношении обвиняемых». После этого было оглашено Обвинительное заключение и опрошены подсудимые. Все они заявили, что не признают себя виновными по всем пунктам обвинительного акта.

4 июня 1946 г. началась фаза обвинения. С большой речью выступил главный обвинитель Кинан, который, в частности, сказал: «Это не обычный процесс, так как он является частью битвы, которую ведет цивилизация за спасение всего мира от полного уничтожения. Эта угроза уничтожения исходит не от сил природы, а от заранее спланированных преднамеренных действий как отдельных лиц, так и членов различных групп, которые хотят привести мир к преждевременному концу в своем безумном стремлении к господству»¹⁴.

После вступительной речи Кинана обвинение приступило к представлению доказательств. Трибунал принял от обвинения в качестве доказательств 2485 документов, 561 письменное свидетельское показание и допросил в суде 109 свидетелей. Стенограмма этой стадии судебного процесса составила 16 259 страниц¹⁵.

8—21 октября 1946 г. советское обвинение представляло доказательства по разделу обвинительного акта «Агрессия Японии против СССР».

С большой вступительной речью выступил обвинитель от СССР член-корреспондент АН СССР С. А. Голунский. Его полтора часовая политически острая, юридически обоснованная, содержательная речь была заслушана с большим вниманием. Речь заканчивалась следующими словами: «Понадобился сокрушительный удар Красной Армии по сосредоточенным в Маньчжурии отборным японским войскам, чтобы зарвавшиеся японские империалисты, наконец, поняли, что они проиграли войну. Они поняли, что они побиты, да и трудно было не понять этого при том положении, в каком оказалась разгромленная и окруженная со всех сторон Япония. Одного они до сих пор не признают и не хотят признать, что они совершили преступление. Они все, как один, заявили здесь, на суде, что не считают себя виновными ни в чем. Это еще раз подчеркивает, что, если бы они оказались на свободе, если бы в их руках оказались необходимые средства, они опять стали бы действовать точно так же, как они действовали до сих пор»¹⁶.

В обоснование своего раздела обвинения советские обвинители представили 174 документа, в том числе 24 письменных свидетельских показания, и допросили в суде 7 свидетелей, в том числе 5 японцев. Убеди-

¹⁴ Стенограмма Токийского процесса от 4 июня 1946 г.

¹⁵ Цит. по: М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит. Указ. соч., с. 155.

¹⁶ Стенограмма Токийского процесса от 8 октября 1946 г.

тельные показания в подтверждение японской агрессии против Советского Союза дал бывший император Маньчжоу-го Генри Пу-И.

По окончании девятимесячной фазы обвинения, 24 февраля 1947 г., началась фаза защиты, которая длилась почти 10 месяцев. Американские и японские адвокаты пошли в лобовую атаку против трибунала и обвинения. Сначала они заявили отвод председателю трибунала Уэббу, потом члену трибунала от Филиппин Джаранилле. Затем они выступили с рядом ходатайств, основной смысл которых сводился к тому, что данный трибунал является незаконным, а все подсудимые — невиновны и должны быть освобождены из-под стражи. Рассмотрев все эти ходатайства и заслушав доводы защиты и обвинения, трибунал признал ходатайства безосновательными и отклонил их¹⁷.

Большим подспорьем для защиты оказалась упомянутая ранее «доктрина Трумэна», в которой содержался призыв к борьбе против коммунизма. Американские адвокаты ссылались на это послание Трумэна и просили трибунал принять его в качестве обоснования тезиса о том, что трибунал несправедливо судит обвиняемых. Трибунал отклонил эту просьбу защиты.

Интересно отметить такой эпизод. Когда главный обвинитель Кинан в своей речи заявил, что «намерен выступать от имени Америки», защитник майор Блекни отметил, что американские защитники также выступают от имени Америки. Возражая против того, чтобы обвиняемых судили за убийства, Блекни тогда же заявил: «Если гибель адмирала Кидда при налете на Пирл-Харбор является убийством, то мы знаем имя того человека, руками которого была сброшена атомная бомба над Хиросимой, мы знаем начальника штаба, который составлял план этой операции, мы знаем главнокомандующего ответственного за это государство»¹⁸.

Трибунал отверг это возражение защиты.

Защита выдвинула много возражений против доказательств, представленных советским обвинением, но все они были отклонены трибуналом.

Трибунал принял от защиты 1527 документов и 214 письменных показаний свидетелей, в том числе бывшего министра иностранных дел Германии Риббентропа, который подписал свои показания накануне его казни 15 октября 1946 г. В ходе судебного процесса были допрошены в качестве свидетелей защиты 310 человек, в том числе 16 подсудимых. Интересно отметить, что девять подсудимых — Доихара, Хата, Хиранума, Хирота, Хосино, Кимура, Сато, Сигэмицу и Умэдзу — отказались от дачи показаний.

После завершения судебного следствия была оглашена заключительная речь обвинения. В отличие от Нюрнбергского процесса, на котором каждый из четырех главных обвинителей выступал с самостоятельной заключительной речью, на Токийском судебном процессе была лишь одна заключительная речь обвинения. Вступительная ее часть была произнесена главным обвинителем, а все остальные разделы — дополнительными обвинителями и их помощниками. Вся речь обвинения заняла 14 дней работы трибунала и 3126 страниц стенограммы судебного процесса.

В речи обвинения был подведен итог двухгодичного судебного процесса, раскрыто его политическое значение, даны анализ и оценка доказательств, представленных обвинением, разоблачены и подвергнуты критике маневры защиты, показана неполноценность представленных ею доказательств, необоснованность ее выводов и заключений, рассмотрены правовые вопросы, касающиеся судебного процесса, дан подроб-

¹⁷ Стенограмма Токийского процесса от 3 февраля 1947 г.

¹⁸ Стенограмма Токийского процесса от 14 мая 1946 г.

ный анализ преступлений, совершенных всеми подсудимыми и каждым из них в отдельности, сделан вывод, что подсудимые совершили тягчайшие преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности и должны понести суровое наказание.

Во вступительной части речи обвинения, в частности, сказано: «...Доказательства показывают, что правящая клика Японии проводила агрессивную политику против СССР, совершала акты агрессии и в течение ряда лет подготавливала агрессивную войну больших масштабов против Советского Союза»¹⁹.

Советский обвинитель, оглашая раздел заключительной речи, касающийся агрессии Японии против СССР, отметил, что цель приговора трибунала — «осудить японскую агрессию против миролюбивых народов, сурово покарать главных японских военных преступников и этим помочь превращению Японии в мирное демократическое государство и предохранить мир от новой агрессии, предостеречь тех, кто, ослепленный сумасбродной идеей мирового господства, идеями захвата чужих земель и покорения народов, захотел бы осуществить что-либо подобное тому, во имя чего развивали свою преступную деятельность японские сподвижники Гитлера»²⁰.

4 ноября 1948 г., в итоге совещания судей, длившегося 6 месяцев и 19 дней, был подготовлен и согласован текст приговора, который оглашался в трибунале по 12 ноября. Весь приговор занимает 1214 страниц. Отметим, что приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге составил 340 страниц.

Приговор состоит из трех основных частей: в части I (А) излагаются общие вопросы, относящиеся к судебному процессу; в части II (Б) описываются конкретные преступные действия и факты, установленные в ходе судебного следствия; в части III (В) формулируются выводы трибунала по отдельным пунктам Обвинительного акта, устанавливается виновность каждого подсудимого и определяется мера наказания каждому из них.

Приговор Международного военного трибунала в Токио подтвердил, что агрессивная война является преступлением.

В приговоре признается, что главные японские военные преступники совершили преступления против мира — планировали, подготавливали, развязывали и вели агрессивные войны против других стран; грубо нарушали международное право, договоры и соглашения; в широком масштабе совершали военные преступления и преступления против человечности; участвовали в общем плане или заговоре в целях осуществления любого из перечисленных преступлений.

В приговоре значительное место отводится японской агрессии против СССР. В нем записано: «Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода (1928—1945. — А. Н.), что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территории СССР на Дальнем Востоке»²¹.

В приговоре содержатся факты, доказывающие, что сразу же после захвата Маньчжурии Япония начала планировать захватническую войну против СССР, чтобы «продвинуться, по крайней мере, до озера Байкал».

«В 1942 г., — говорится в приговоре, — японский генеральный штаб и штаб Квантунской армии разработали новые планы наступательной войны против СССР, которые оставались в силе и на 1943 г. Согласно этим планам, война против СССР должна была начаться неожиданно, после сосредоточения в Маньчжурии около 30 дивизий. Эти планы, как

¹⁹ Стенограмма Токийского процесса от 11 февраля 1948 г., с. 38987.

²⁰ Там же, с. 39736.

²¹ Приговор Токийского международного военного трибунала, с. 803.

и планы, составленные раньше, не были проведены в жизнь. В это время военные перспективы стран оси — Германии, Италии и Японии — стали ухудшаться. Они вынуждены были занимать все более и более оборонительную позицию, и такая авантюра, как намеченное Японией нападение на СССР, становилась все менее и менее возможной, пока, наконец, в 1945 г. державы оси не потерпели окончательного поражения. Трибунал считает, что, во всяком случае, до 1943 г. Япония не только планировала агрессивную войну против СССР, но также активно продолжала готовиться к такой войне»²².

В приговоре указывается, что так называемый Антикоминтерновский пакт, заключенный между Японией и Германией 25 ноября 1936 г., к которому через год присоединилась Италия, а также пакт о союзе Германии, Японии и Италии, заключенный 27 сентября 1940 г., были направлены в первую очередь против СССР.

Касаясь Пакта о нейтралитете, заключенного Советским Союзом и Японией 13 апреля 1941 г. в Москве, приговор отмечает, что Япония не была искренней при заключении этого пакта и использовала его как ширму для оказания помощи Германии и для подготовки нападения на СССР.

В этой связи в приговоре приводятся такие факты. 27 марта 1941 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп в беседе с министром иностранных дел Японии Мацуока заявил ему, что «немецкие армии на востоке могут быть использованы в любую минуту. Если Россия когда-нибудь займет позицию, которую можно будет истолковать как угрозу Германии, фюрер сотрет Россию с лица земли. В Германии существует уверенность, что такая военная кампания против России закончится полной победой германского оружия и окончательным уничтожением русской армии и русского государства. Фюрер уверен, что в случае нападения на Советский Союз Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава».

«В тот же день Гитлер в беседе с Мацуока высказался в том же духе, заявив в присутствии Осима, Отта и Риббентропа, что Германия заключила несколько договоров с Россией, однако гораздо более важным является тот факт, что Германия имеет в своем распоряжении от 160 до 200 дивизий против СССР»²³.

Вскоре после возвращения в Японию, после того как в Москве был подписан пакт о нейтралитете, Мацуока сообщил Отту следующее: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной в случае конфликта между Россией и Германией. В этом случае Япония будет вынуждена в силу необходимости напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете»²⁴.

Так германские и японские руководители бесцеремонно нарушали международное право и заключенные с другими государствами договоры и соглашения.

Трибунал в своем приговоре признал, что Япония вела агрессивную войну против Китая и развязала тихоокеанскую войну, совершив агрессию против США, Великобритании, Голландии, Франции и других стран.

В приговоре подробно описываются военные преступления, предусмотренные международными конвенциями, в том числе Женевской конвенцией о военнопленных 1929 г. В нем приводятся многочисленные факты массовых убийств, истязаний, пыток военнопленных и мирного

²² Приговор Токийского международного военного трибунала, с. 818.

²³ См.: М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, Указ. соч., с. 254—255. Осима, и Отт — японский и германский послы в Берлине и в Токио.

²⁴ Там же, с. 255.

населения. В приговоре записано: «К концу Тихоокеанской войны японская армия и флот скатились до каннибализма, поедая части тел незаконно убитых ими союзных военнопленных. Эта практика имела место не без ведома и согласия командования японской армии». В доказательство этого приводятся показания японского военнопленного Ямакидзавы. Он показал: «10 декабря 1944 года штабом 18-й армии был издан приказ, которым войскам разрешалось есть мясо умерших союзников, но не разрешалось поедать своих мертвецов... Иногда употребление мяса врагов имело место на офицерских квартирах во время празднеств. Даже офицеры в ранге генерала и контр-адмирала принимали в этом участие»²⁵.

Таким образом, каннибализм — самое отвратительное преступление против человечности — был возведен в ранг легализованного института и широко практиковался в японской армии.

Как уже отмечалось, в начале Токийского судебного процесса на скамье подсудимых сидело 28 человек.

Подсудимые Мацуока и Нагано умерли во время судебного процесса, и дело в отношении их было прекращено. Подсудимый Окава оказался психически больным, был признан невменяемым, и дело в отношении его было приостановлено производством.

Таким образом, к концу судебного процесса на скамье подсудимых было 25 человек.

По приговору Международного военного трибунала в Токио были осуждены: Тодзио, Итагаки, Хирота, Мацун, Доихара, Кимура, Мута — к смертной казни через повешение; Хасимото, Хата, Хиранума, Хосино, Кайя, Кидо, Койсо, Минами, Ока, Осима, Сато, Симада, Сиратори, Судзуки, Умэдзу, Араки — к пожизненному заключению; Того — к 20 годам лишения свободы; Сигэмицу — к 7 годам лишения свободы.

Генерал Макартур после утверждения приговора Международного военного трибунала 22 ноября 1948 г., явно злоупотребляя своими полномочиями, принял для направления в Верховный суд США апелляции Хирота, Доихара и других пяти осужденных и в связи с этим отложил исполнение приговора в отношении всех осужденных.

Верховный же суд США — национальный суд — в нарушение всех норм международного права принял жалобы осужденных на приговор Международного военного трибунала к своему рассмотрению. И только потом, под давлением международного общественного мнения, правительство США выступило против вмешательства Верховного суда в приговор Международного военного трибунала. В этих условиях Верховный суд США был вынужден отказаться от рассмотрения жалоб осужденных приговором Международного военного трибунала, и приговор над семью осужденными к смертной казни через повешение был приведен в исполнение в ночь с 22 на 23 декабря 1948 г. между 0.00 и 0.30 часов во дворе тюрьмы Сугамо в Токио.

При исполнении приговора присутствовали представители в Союзном Совете для Японии от СССР, США, Англии и Китая, а также врачи и представители тюремной администрации.

* * *

Международный военный трибунал в Токио, так же как и Международный военный трибунал в Нюрнберге, сыграл важную историческую роль.

Он осудил агрессивную войну как тягчайшее преступление против человечества и сурово наказал конкретных виновников, то есть тех, кто

²⁵ Приговор Токийского международного военного трибунала, с. 1067.

планировал, подготавливал и развязывал войны в целях установления господства над другими странами.

Токийский судебный процесс разоблачил политический, экономический, идеологический и военный механизм подготовки Японии к агрессивным войнам, характер и цели японского милитаризма, его зловещные планы порабощения других народов, его преступные человеконенавистнические войны, в результате которых сам японский народ, а также народы других стран понесли бесчисленные людские жертвы и огромные материальные потери.

Токийский судебный процесс вместе с Нюрнбергским судебным процессом создали фундаментальную международно-правовую базу для суда над военными преступниками независимо от их ранга и служебного положения.

Приговоры Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов являются грозным предостережением всем милитаристам и поджигателям войны.

Многочисленные документы этих международных судебных процессов призывают все народы планеты к бдительности, к активной борьбе за мир, к разоблачению и осуждению тех, кто разрабатывает безрассудные планы установления своего господства над миром, кто готовится к мировой термоядерной войне, которая может превратить в руины нашу Землю.

Приговор Международного военного трибунала в Токио особенно должен предостеречь тех японских государственных, политических, экономических и военных деятелей, которые стремятся возродить в стране милитаризм, развернуть в широком масштабе производство смертоносного оружия.

Об этом приговоре должны помнить и те, кто вынашивает идеи пересмотра итогов второй мировой войны.

Развитие внешнеэкономических связей КНДР

В. В. СМЕРНОВ

Опыт социалистического строительства в КНДР подтверждает правильность тезиса о ведущей роли внутренних факторов и собственных усилий народа в решении коренных проблем той или иной страны. В то же время он показал жизненную необходимость для государства, строящего социализм, упрочения экономического и политического союза со странами победившего социализма.

Большая экономическая и военная помощь советского народа, народов других социалистических стран помогла КНДР выстоять в войне по отражению агрессии империализма США в 1950—1953 гг. и достичь заметных успехов в социалистическом строительстве в исторически короткие сроки и в чрезвычайно сложных внешнеполитических условиях. В послевоенный период (1954—1956) социалистические страны безвозмездно предоставили КНДР на нужды восстановления народного хозяйства экономическую помощь в сумме 800 млн. руб., в том числе Советский Союз — 292,5 млн., КНР — 258,4 млн., ГДР — 122,7 млн., Польша — 81,5 млн. руб.¹ В 1954—1960 гг. на товары, полученные в счет безвозмездной помощи социалистических стран и кредитов, приходилось 77,6 % общего импорта КНДР², безвозмездная помощь этих стран составила примерно три четверти капитальных вложений республики³.

Развитие экономических и научно-технических связей с СССР и другими странами социализма стало стержнем внешнеэкономической политики ТПК в период первого пятилетнего плана развития народного хозяйства республики (1957—1961). III съезд ТПК указал на необходимость «шире развивать торговлю с братскими странами во главе с Советским Союзом»⁴. В связи с этим план первой пятилетки предусматривал расширение производства экспортных товаров, «повышение роли предприятий внешней торговли, усиление ответственности работников данной отрасли»⁵.

В 1954—1960 гг. благодаря безвозмездной помощи социалистических стран было восстановлено, построено или реконструировано около 50 промышленных предприятий, составивших основу национальной экономики. При участии СССР были построены заново или же восстановлены Сунхунская ГЭС, Хыннамский химический комбинат, металлургический завод им. Ким Чака, завод цветных металлов в Нампхо и другие объекты⁶. При содействии Чехословакии были построены

¹ См.: Коре́йская Народно-Демократическая Респу́блика. М., 1975, с. 50.

² См. там же.

³ См.: Развитие народного хозяйства страны после освобождения. Пхеньян, 1960, с. 123 (на кор. яз.).

⁴ См.: Первый пятилетний план развития народного хозяйства КНДР. 1957—1961. Пхеньян, 1961, с. 68.

⁵ См. там же, с. 72.

⁶ См.: «Коммунист», 1968, № 13, с. 126.

Хиэхонский станкостроительный завод, завод запчастей, Усанский инструментальный завод, три крупные ГЭС общей мощностью 890 тыс. кВт; ГДР принимала участие в строительстве полиграфического комбината и нескольких объектов по выпуску стройматериалов; Венгрия — в сооружении Кусонского станкостроительного завода, завода красителей, завода мер и часов; Польша — в строительстве двух паровозоремонтных заводов и трех угольных шахт; Румыния — цементного и кирпичного заводов; Болгария — керамического и бочарно-паркетного заводов. КНР содействовала строительству предприятий, производящих товары народного потребления, в том числе стекольного завода в Нампхо, шелкопрядильной и ткацкой фабрик⁷.

IV съезд ТПК, принявший первый семилетний план развития народного хозяйства КНДР на 1961—1967 гг., подчеркнул важность участия КНДР в международном социалистическом разделении труда для решения задач индустриализации национальной экономики и одновременно закрепил курс на расширение сотрудничества с социалистическими странами. «Тесные экономические и технические связи и взаимное сотрудничество с народами Советского Союза и других социалистических стран, — отмечалось на съезде, — имеют важное значение для выполнения семилетнего плана»⁸. Съезд указал на то, что КНДР и в дальнейшем «в более тесной связи со всеми братскими странами будет развивать свое народное хозяйство, укреплять экономическое, научное и техническое сотрудничество со странами социалистического лагеря и тем самым будет добиваться дальнейшего упрочения самостоятельной экономической основы... страны»⁹.

В 60-е годы социалистические страны, учитывая дополнительные возможности, появившиеся у окрепшей корейской экономики, перешли на новые формы экономического сотрудничества с КНДР: безвозмездная помощь была заменена кредитами. Большое значение для решения задач индустриализации и создания материально-технической базы социализма в КНДР имело заключение в 1966 г. советско-корейского межправительственного соглашения о предоставлении КНДР кредита в размере 160 млн. руб. из 2 % годовых на строительство при содействии СССР предприятий в металлургической, энергетической, нефтяной и химической промышленности. Кредит был предоставлен на льготных условиях, его погашение предусматривалось осуществить в течение 10 лет равными ежегодными долями начиная с года, следующего за годом завершения работ для каждого объекта¹⁰. По этому соглашению СССР предоставил КНДР отсрочку всех платежей, причитавшихся Советскому Союзу в 1966—1970 гг. по долгосрочным кредитам от 17 марта 1949 г., 6 июля 1961 г. и 31 мая 1965 г.¹¹

В 60-е годы КНДР продолжала наращивать объемы экономического сотрудничества и с другими социалистическими странами. В те годы на долю стран социализма приходилось около 90 % внешнеторгового оборота КНДР, среднегодовые темпы прироста взаимной торговли составили в 1961—1970 гг. около 11 %¹².

⁷ См.: Современная Корея. М., 1971, с. 217.

⁸ Ким Ир Сен. О семилетнем плане развития народного хозяйства КНДР на 1961—1967 годы. IV съезд Трудовой партии Кореи. М., 1962, с. 265.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Отношения Советского Союза с Народной Кореей. М., 1980, с. 241—243.

¹¹ См. там же.

¹² Здесь и далее темпы развития внешней торговли КНДР, объемы ее экспорта и импорта рассчитаны по: Чосон чуанг сингам. Пхеньян, 1965, с. 117—119; Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. М., 1961, 1971, 1976, 1981, 1983; Чжунго тунцзи няньцзянь 1981. Пекин, 1982; «Хайгуань тунцзи» (Пекин), 1982, № 4, с. 18—20; Japan Trading Statistics. Токуо, 1961, 1971, 1976, 1981, 1983; Таможенная статистика ФРГ, Австрии, Швеции, Швейцарии, Англии, Голландии, Италии, Финляндии за 1970, 1975, 1980, 1982 гг.; Таможенная статистика Саудовской Аравии, Эр-Риад, 1982;

Директивы шестилетнего плана экономического развития КНДР на 1971—1976 гг., принятые V съездом ТПК, нацеливали экономику страны на решение задач, связанных с ускорением научно-технического прогресса, внедрением в производство новых технологических методов, повышением качества выпускаемой продукции. Хотя в директивах V съезда не было специального раздела, посвященного развитию внешнеэкономических связей, на практике решение выдвинутых им задач обеспечивалось расширением экономического и научно-технического сотрудничества с социалистическими и отдельными капиталистическими странами.

Важное значение для корейской индустрии имело развитие сотрудничества с СССР в строительстве на компенсационной основе ряда важных промышленных предприятий. Их создание способствовало упрочению экспортной базы национальной экономики: 80 % производимых на таких предприятиях аккумуляторов, 60 % микроэлектродвигателей, 50 % карбида кальция предназначалось к поставке в СССР в счет погашения предоставленных корейской стороне кредитов на строительство компенсационных объектов¹³.

Новой вехой в советско-корейском сотрудничестве явилось заключение в 1976 г. межправительственного советско-корейского соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве. По данному соглашению КНДР получила кредит в 400 млн. руб. из 2 % годовых с рассрочкой на десять лет начиная с 1981 г. на покрытие причитающихся в 1976—1980 гг. платежей в погашение основного долга и процентов по ранее предоставленным кредитам. Кредит до 45 млн. руб. предназначался для оплаты проектных работ, оборудования, материалов и услуг советских специалистов по расширению конверторного цеха и цеха горячей прокатки листа на металлургическом заводе им. Ким Чака; до 40 млн. руб. — для оплаты оборудования, материалов и услуг советских специалистов по строительству Чондинской ТЭЦ; по 20 млн. руб. — для оплаты оборудования для заводов по производству подшипников, аммиака, алюминиевого завода. Все эти кредиты были также предоставлены на льготных условиях: исходя из 2 % годовых с рассрочкой на десять лет¹⁴.

Сотрудничество с Советским Союзом имеет очень большое значение для развития корейской экономики. На предприятиях, построенных при техническом содействии СССР, производится 63 % общего объема вырабатываемой в стране электроэнергии, 50 — угля, 33 — стали, 42 — железной руды, 44 — органических удобрений, 50 — нефтепродуктов, 20 % тканей¹⁵. В настоящее время при техническом содействии советских организаций продолжают работу по наращиванию мощностей в металлургической, энергетической, горнодобывающей и машиностроительной отраслях корейской индустрии.

В конце 70-х — начале 80-х годов экономика КНДР вступила в новый этап своего развития, связанный с решением задач, поставленных планом второй семилетки (1978—1984), и взятием десяти перспективных высот экономического строительства, намеченных VI съездом ТПК (1980). Второй семилетний план и решения VI съезда ТПК ориентируют экономику страны, с одной стороны, на осуществление крупномасштабного капитального строительства, с другой — на повышение эффективности общественного производства в целях экономии капиталовложений, сырья и энергии. В решении этих задач большое значение придается внешнеэкономическим связям. «Быстрое развитие внешней

¹³ Статистические ежегодники внешней торговли Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии за 1960, 1970, 1975, 1980, 1982 гг.

¹⁴ См.: Отношения Советского Союза с Народной Кореей, с. 282.

¹⁵ См. там же, с. 343—347.

¹⁶ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 3, с. 16.

торговли, — отмечалось на съезде, — является в настоящее время одним из важных условий подъема экономики нашей страны»¹⁶.

Съезд поставил задачу ускорения темпов роста корейского экспорта: за 80-е годы его объем должен увеличиться в 4,2 раза¹⁷, тогда как за 70-е годы он вырос в 2,2 раза¹⁸. Во внешнеэкономической деятельности КНДР по-прежнему отводит важное место социалистическим странам. На съезде говорилось: «Мы должны на основе принципов равноправия, взаимной выгоды и взаимодополняющего обмена продолжать развивать торговлю с социалистическими странами»¹⁹. Одновременно отмечалась необходимость расширения экономических контактов с развивающимися и капиталистическими государствами²⁰.

Решение задач, поставленных перед внешней торговлей VI съездом ТПК, потребовало дополнительной мобилизации внутренних экспортных ресурсов, более активного вовлечения корейской экономики в международное разделение труда. Расширение экспортной базы способствовало бы покрытию затрат на импорт машин, оборудования, сырья, спрос на которые возрастает в связи с принятием программы развернутого капитального строительства.

Для увеличения экспорта КНДР стремится ускорить развитие традиционных экспортных отраслей с достаточно большой степенью включения в мировые хозяйственные связи и вместе с тем изыскать новые экспортные ресурсы, в том числе путем увеличения выпуска продукции компенсационных объектов. Одновременно предпринимаются усилия для увеличения экспортного потенциала других отраслей — производителей готовой продукции: химической, машиностроительной, легкой и пищевой. Приведенные в таблице 1 данные свидетельствуют о наличии существенных резервов увеличения степени экспортной направленности этих отраслей. В настоящее время в относительно большей мере вовлечены во внешнеэкономические связи такие отрасли промышленности КНДР, как горнорудная, металлургическая, стройматериалов (см. табл. 1).

Таблица 1

Производство и экспорт промышленной продукции КНДР в 1980 г.

Отрасль	Доля в промышленном производстве (а)	Доля в экспорте (б)	б: а
Промышленность в целом	100,0	100,0	1,0
В том числе:			
Горнорудная и металлургическая	20,0	42,6	2,1
Машиностроительная	33,7	5,5	0,2
Химическая	5,4	1,6	0,2
Стройматериалов	7,0	21,0	3,0
Текстильная	18,0	7,5	0,4
Пищевкусовая	9,0	14,7	1,6

Источники: Промышленность КНДР. М., 1976, с. 62; Чосон чуанг сингам 1965, с. 121; «Нодон синмун», 1.1.1980, 1.1.1981, 1.1.1982; Japan Trading Statistics, Токио, 1971, 1976, 1981, 1982; Таможенная статистика ФРГ, Австрии, Швеции, Швейцарии, Англии, Голландии, Италии, Финляндии за 1970, 1975, 1980, 1982 гг.; Таможенная статистика Саудовской Аравии. Эр-Риад, 1982; Статистические ежегодники внешней торговли Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии за 1970, 1975, 1980, 1982 гг.

На 80-е годы КНДР наметила дополнительные меры по укреплению и развитию экспортной базы путем создания новых мощностей в цветной и черной металлургии, цементной промышленности. Перед

¹⁶ «Нодон синмун», 13.X.1980.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: «Внешняя торговля КНДР», 1979, № 5, с. 3; «Нодон синмун», 1.1.1980.

¹⁹ «Нодон синмун», 13.X.1980.

²⁰ См. там же.

трудящимися страны поставлена задача довести к концу нынешнего десятилетия производство цинка, свинца, меди и других цветных металлов до 1,5 млн. т²¹. С этой целью в районе Танчхона создается крупная металлургическая база, включающая Мундокский и Комдокский рудники, Танчхонский комбинат цветных металлов, новый Танчхонский порт и город Новый Танчхон. После выполнения намеченных задач здесь будет производиться до половины общего объема цветных металлов, запланированного на текущее десятилетие. До двух третей продукции намечается поставлять на экспорт²².

Расширение экспортной базы должно быть достигнуто также путем наращивания производства стали до 12 млн. т к концу 80-х годов, причем до половины этого объема планируется производить на металлургическом заводе им. Ким Чака, расширяемом при содействии СССР²³. Принимаются меры для увеличения экспорта цемента, магнезитового клинкера, текстильных товаров. Реализация намеченных планов расширения экспорта будет способствовать облагораживанию его структуры, усилению международной специализации КНДР как поставщика черных и цветных металлов, минерального сырья, строительных материалов, то есть тех товаров, которые сегодня преобладают в структуре корейского экспорта. В 1980 г. экспорт КНДР имел следующую структуру (в %):

Всего	100,0
Машины, оборудование, транспортные средства	5,5
Топливо, минеральное сырье, металлы	42,6
Сырье: непродовольственное и продукты его переработки для производства пищевкусовых товаров и пищевкусовые товары	22,1
Промышленные товары народного потребления	7,5
Химические продукты, удобрения, каучук, строительные материалы и пр.	22,3
(Источники те же, что у табл. 1.)	

Импортные потребности корейской экономики в решающей степени определяются двумя факторами: отсутствием в стране ряда важных видов промышленного сырья (нефть, кокс, коксующийся уголь) и потребностями в современных машинах и оборудовании, возрастающими по мере осуществления принятых планов крупного капитального строительства и модернизации промышленных фондов. Эти потребности нашли отражение в структуре корейского импорта, почти две трети которого приходится на машины и сырье, как видно из нижеследующих данных (в %):

Всего	100
Машины, оборудование, транспортные средства	30
Топливо, минеральное сырье, металлы	34
Сырье: непродовольственное и продукты его переработки для производства пищевкусовых товаров и пищевкусовые товары	20
Промышленные товары народного потребления	7
Химические продукты, удобрения, каучук, строительные материалы и пр.	9
(Источники те же, что у табл. 1.)	

²¹ См.: «Нодон синмун», 13.X.1980.

²² In: "Asia Wall Street Journal", 25.V.1979.

²³ См.: «Нодон синмун», 12.IX.1982.

Структура импорта КНДР в целом схожа со структурой импорта европейских социалистических стран — членов СЭВ, у которых также до двух третей всего импорта приходится на топливо, сырье, машины и оборудование²⁴. Это подтверждает интенсивный характер экономического развития КНДР, при котором учитываются и используются возможности внешней торговли как одного из решающих факторов этого развития.

На динамике внешнеторгового оборота КНДР в последнее десятилетие отразилось изменение соотношения факторов, обеспечивающих рост корейской внешней торговли. Получение в счет кредитов оборудования, игравшего важную роль в обеспечении общего объема торговли КНДР с зарубежными странами, обусловило опережающие темпы роста корейского импорта по сравнению с экспортом в первой половине 70-х годов. В конце 70-х — начале 80-х годов преимущество в темпах роста переходит к экспорту (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика внешнеторгового оборота КНДР
(среднегодовые темпы прироста), %

	1971—1975 гг.	1975—1980 гг.	1981—1982 гг.
Внешнеторговый оборот	12,6	9,8	10,0
Экспорт	9,2	14,6	10,0
Импорт	15,4	5,9	10,0

Источники: те же, что у табл. 1.

Во второй половине 70-х годов на рост внешнеторгового оборота страны во многом повлиял переход в торговле с социалистическими странами на новую базу цен. При подписании долгосрочных протоколов о товарообороте и платежах начиная с 1976 г. СССР, НРБ, ВНР, Куба, ПНР, СРР, ЧССР придерживаются принципов ценообразования, действующих в Совете Экономической Взаимопомощи²⁵. С 1978 г. на этих условиях стала осуществляться торговля КНДР с ГДР. С 1979 г. по текущим ценам мирового рынка ведется торговля КНДР с Китаем. Текущие мировые цены действуют в торговых отношениях КНДР с Югославией. Переход на новую базу цен позволяет точнее учитывать динамику цен мирового рынка, более последовательно проводить в жизнь принципы взаимной выгоды в экономических отношениях КНДР с социалистическими странами.

Торговля КНДР с социалистическими странами носит стабильный характер. На их долю в начале 80-х годов приходилось примерно 60 % внешнеторгового оборота республики. Главными экономическими партнерами КНДР остаются СССР и КНР, удельный вес которых в настоящее время составляет соответственно около 30 и 20 % внешнего товарооборота республики. Со второй половины 70-х годов наблюдается увеличение темпов роста экспорта КНДР в социалистические страны и, наоборот, некоторое замедление импорта. В 1971—1975 гг., по подсчетам автора, среднегодовые темпы прироста экспорта КНДР в социалистические страны составили 6,1 %, в 1975—1980 гг. — 11, в 1981—1982 гг. — 10,5, а импорта — соответственно 5,2, 7,9 и минус 5 %.

²⁴ См.: Статистический ежегодник стран — членов СЭВ. М., 1981.

²⁵ См.: «Нодон снмун», 14.III, 15.VI и 20.VIII.1977.

Товарооборот КНДР с Советским Союзом в 1982 г. составил 681 млн. руб. по сравнению с 572,1 млн. руб. в 1980 г. и 329,3 млн. руб. в 1970 г. Корейский экспорт в СССР достиг к 1982 г. 362,5 млн. руб., импорт — 318,5 млн. руб. по сравнению с соответственно 284,2 млн. и 287,9 млн. в 1980 г. и 122,3 млн. и 207 млн. руб. в 1970 г.²⁶ Основными товарами корейского экспорта в СССР являются магнетитовый клинкер (около 20 % объема экспорта), прокат черных металлов (около 20 %), текстильные изделия, рис, металлорежущие станки. Из Советского Союза КНДР ввозит нефть и нефтепродукты (около 30 % импорта), машины и оборудование (более 20 %), а также пшеницу, хлопок, твердое топливо и ряд других товаров²⁷.

Товарооборот КНДР с Китаем в 1982 г. достиг 1,1 млрд. юаней, в том числе корейский экспорт — 0,6 млрд., импорт — 0,5 млрд. юаней²⁸. КНДР входит в число 15 основных торговых партнеров КНР. КНДР поставляет в Китай антрацит, железную руду, черные и цветные металлы, минтай и ряд других товаров, а в Китае покупает нефть, за счет которой ежегодно удовлетворяется до 50 % потребностей корейской экономики в этом виде сырья, коксующийся уголь, поваренную соль. Между странами завязывается сотрудничество в использовании корейского порта Чондин для транспортировки транзитных грузов китайско-японской торговли.

Экономические отношения КНДР с европейскими социалистическими государствами в силу географической отдаленности и ряда других объективных факторов не отличаются большими объемами взаимной торговли. До 50 млн. руб. в год доходит товарооборот КНДР с Румынией и Польшей, до 30—40 млн. — с ГДР и Чехословакией, до 20 млн. руб. — с Болгарией. В целом на страны СЭВ (без учета СССР) приходится около 10 % внешнеторгового оборота КНДР. Структура товарообмена КНДР с данной группой стран примерно одинакова: КНДР экспортирует черные и цветные металлы, стали, магнетитовый клинкер, а также рис, табак, некоторые другие виды продовольственного сырья. Из социалистических стран республика получает машины и оборудование, кокс, коксующийся уголь, другие сырьевые товары, удобрения, отдельные промышленные товары народного потребления. В ряде случаев доля КНДР в импорте социалистическими странами отдельных видов продукции весьма существенна. Так, на КНДР приходится около 20 % импортируемого Болгарией табака, КНДР — основной поставщик магнетитового клинкера в Польшу, ГДР, Чехословакию²⁹.

Торгово-экономические отношения КНДР с развитыми капиталистическими странами получили ускоренное развитие только в последнее десятилетие. До этого они носили эпизодический характер, что в значительной степени объяснялось проведением правящими кругами этих стран открыто дискриминационной политики в отношении КНДР, а также относительно незначительными в послевоенный восстановительный период экспортными возможностями корейской экономики.

Однако несмотря на меры дискриминационного характера, отсутствие нормальных межгосударственных отношений КНДР со многими капиталистическими государствами, республика установила отдельные торговые контакты с рядом фирм Западной Европы и Японии. В 1960 г. товарооборот КНДР с промышленно развитыми капиталистическими странами составил около 5 млн. руб., в том числе экспорт — 2 млн., импорт — 3 млн. руб. К 1970 г. он увеличился до 100 млн. руб., в том числе экспорт — до 60 млн., импорт — до 40 млн. руб. В дальнейшем до сере-

²⁶ См.: Внешняя торговля СССР. Статистический справочник за 1971, 1981, 1982 гг.

²⁷ См. там же, 1982.

²⁸ См.: «Хайгуань тунцзи», 1982, № 4.

²⁹ См.: Статистический ежегодник стран — членов СЭВ. М., 1980, с. 141.

дины 70-х годов развитие торговли с капиталистическими странами происходило в основном за счет поставок в КНДР промышленного оборудования по среднесрочным кредитам. К 1975 г. товарооборот возрос до 440 млн. руб., в том числе корейский экспорт — до 130 млн., импорт — до 310 млн. руб. К 1980 г. товарооборот с данной группой стран увеличился до 620 млн. руб. при примерном равенстве объемов экспорта и импорта. Дефицит торговли с Западом в первой половине 70-х годов привел к образованию задолженности в сумме около 1,2 млрд. долл.

Первоначально кредиты предоставлялись КНДР капиталистическими странами на три-пять лет исходя из 5—6 % годовых. В конце 70-х годов процентная ставка была увеличена до уровня, превышающего на 1,25 пункта уровень процентной ставки на Лондонской бирже капитала (ЛИБОР)³⁰. Жесткие условия предоставления КНДР кредитов (короткие сроки погашения, высокая процентная ставка) привели к созданию такой ситуации, когда страна оказалась вынужденной осуществлять выплаты в счет образовавшейся задолженности в неполных размерах. Капиталистические страны использовали это обстоятельство для дискриминационного решения о прекращении всех видов кредитования торговых сделок с КНДР, в результате чего торговля с фирмами западных государств в настоящее время ведется за наличный расчет³¹. Это затрудняет развитие корейской внешней торговли, создает препятствия на пути диверсификации экспорта и закупок за рубежом необходимого для народного хозяйства оборудования.

Таблица 3

Структура экспорта КНДР в Японию, % к итогу

Товар	1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.	1981 г.	1982 г.
Сельскохозяйственная продукция	1,5	1,0	1,0	1,0	2,1	3,7
Продукты моря	7,9	16,6	24,9	14,5	19,4	23,0
Одежда	4,0	10,7	8,6	5,4	7,7	8,3
Химические продукты	1,4	1,1	0,3	0,2	0,7	1,0
Сырье для текстильной промышленности	10,7	15,3	6,0	6,9	3,6	8,3
Минеральное сырье	19,8	12,2	18,7	19,4	21,1	18,9
Антрацит	2,7	1,3	2,1	3,4	5,8	1,5
Металлы	50,0	40,4	36,1	47,3	37,4	31,8
Прочие	2,0	1,4	2,3	1,8	2,2	3,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Japan Trading Statistics, 1977—1982.

Главным торговым партнером КНДР среди капиталистических стран является географически близко расположенная Япония. Ее доля во внешнеторговом обороте КНДР возросла с 7,6 % в 1970 г. до 18,2 % в 1980 г. Объем торговли КНДР с Японией увеличился с 57,7 млн. долл. в 1970 г. (в том числе корейский экспорт — 34,4 млн., импорт — 23,35 млн. долл.) до 554,35 млн. долл. в 1980 г. (в том числе экспорт — 180,05 млн., импорт — 374,3 млн. долл.)³². В 1982 г. корейско-японский

³⁰ In: "Far Eastern Economic Review", December 3, 1982, p. 17.

³¹ Ibid., February 24, 1983, p. 5.

³² In: Japan Trading Statistics, 1982.

товарооборот несколько сократился, составив 465,2 млн. долл. (корейский экспорт — 152 млн., импорт — 313,2 млн. долл.).

Основными товарами корейского экспорта в Японию являются черные и цветные металлы, минеральное сырье, продукты моря. В последние годы наметилась тенденция к увеличению доли продуктов моря в экспорте КНДР в Японию. Так, в 1982 г. их доля составила 23 % всего экспорта по сравнению с 7,9 % в 1977 г., в то время как доля металлов сократилась соответственно с 50 до 31,8 %. На уровне 18—20 % остается в последние годы удельный вес минерального сырья, на уровне 8—10 % — сырья для текстильной промышленности и одежды (см. табл. 3).

В структуре корейского импорта из Японии преобладают транспортные средства, различные виды промышленного оборудования, электротовары бытового назначения, продукция химической промышленности. Структура импорта из Японии остается на протяжении последних лет достаточно стабильной, изменения удельного веса тех или иных товаров носят в большей степени конъюнктурный характер (см. табл. 4).

Таблица 4

Структура импорта КНДР из Японии, % к итогу

Товар	1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.	1981 г.	1982 г.
Минеральное сырье	4,4	2,0	3,6	4,6	4,5	4,5
Химические продукты	12,2	15,6	10,6	10,5	11,8	11,8
Каучук	2,3	3,1	2,5	2,9	2,2	2,1
Бумага	4,2	4,2	6,5	5,3	3,8	4,0
Текстильная продукция	16,1	11,5	11,0	7,6	5,9	10,5
Металлы	15,0	15,9	13,9	14,7	19,0	15,4
Транспортные средства	6,2	7,3	16,9	12,5	10,9	12,6
Машины и оборудование	29,1	26,5	22,3	30,7	31,5	26,2
Прочие	10,5	13,9	12,7	11,0	10,4	12,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источники: тот же, что в табл. 3.

Вследствие отсутствия между КНДР и Японией дипломатических отношений стороны ищут такие пути, которые способствовали бы развитию двусторонних связей. Важную роль в этом играет Японо-корейская торговая ассоциация, объединяющая 70 японских промышленных, торговых и судовладельческих фирм. С корейской стороны с ассоциацией поддерживает связи Комитет содействия развитию международной торговли КНДР. Значительную роль в развитии корейско-японской торговли играет Ассоциация корейских граждан, проживающих в Японии (Чхонрэн). На акционерные общества и торговые компании, действующие при Чхонрэн, приходится более 50 % товарооборота между КНДР и Японией³³. Крупнейшими из акционерных обществ при Чхонрэн являются «Тхонхэ» (осуществляет прямые и посреднические операции по экспорту и импорту металлов, металлических изделий, машин и оборудования, запасных частей к ним, химических товаров), «Квансан» (по-

³³ In: "Asia Wall Street Journal", 24.II.1981.

купает и продает сырье и минералы), «Тхыксанмуль» (реализует специфическую национальную продукцию КНДР: изделия из женьшеня, керамики, рисовой соломки и пр.). Акционерные общества ставят своей задачей продажу на японском рынке как можно большего числа товаров, производимых в КНДР, и закупку необходимых для народного хозяйства КНДР японских товаров. Работа этих обществ испытывает существенные трудности из-за дискриминационной политики японских властей, проводящих линию на ущемление прав корейцев, проживающих в Японии.

В последние годы возрастает интерес крупных японских корпораций к торговле с КНДР, прежде всего к закупкам у нее цветных металлов. В июле 1980 г. в Японии был создан Комитет по изучению проблем торговли со странами Юго-Восточной Азии, который среди прочих ставит задачу изучения вопросов об участии японских компаний в разработке запасов полезных ископаемых и о перспективах их импорта из КНДР. Инициаторами создания комитета стали 20 крупнейших японских компаний, в том числе «Ниппон стил корпорейшн» и «Индастриал бэнк»³⁴.

Среди других капиталистических партнеров КНДР наиболее крупным является ФРГ. Годовой объем торговли между этими двумя странами превышает 150 млн. долл. КНДР вывозит в ФРГ главным образом золото, серебро, цветные металлы, закупает машины и оборудование для различных народнохозяйственных объектов. В торговле с ФРГ КНДР имеет положительный платежный баланс, за счет которого частично покрывается дисбаланс в торговле с Японией. Доля ФРГ в корейском экспорте в начале 80-х годов превышала 10 %, в импорте составляла около 2 %. КНДР поддерживает также торговые связи с фирмами Австрии, Швеции, Франции, Швейцарии, Италии, Финляндии, однако объемы их взаимной торговли незначительны.

Стремясь лучше приспособить свой внешнеторговый аппарат к условиям мирового рынка, повысить эффективность работы корейских внешнеторговых организаций, правительство КНДР вносит коррективы в сложившуюся систему управления внешнеторговой деятельностью страны. На рубеже 70—80-х годов были созданы внешнеторговые фирмы двойного подчинения, работающие под руководством как министерства внешней торговли КНДР, так и соответствующего отраслевого министерства или комитета. По мнению корейских экономистов, такие фирмы, приближенные непосредственно к производителю той или иной продукции, способны оперативнее реагировать на запросы торговых партнеров КНДР³⁵.

Новым моментом в работе внешнеторговых организаций КНДР стало создание в конце 70-х годов крупных промышленно-внешнеторговых финансовых объединений. Два первых таких объединения созданы «вокруг» внешнеторговых фирм «Тэсонг» и «Понхва». В распоряжении объединений имеется ряд промышленных предприятий, производящих преимущественно на экспорт, внешнеторговые организации, торгующие практически неограниченной номенклатурой товаров, в том числе теми, что производятся на предприятиях объединения по образцам заказчиков, а также самостоятельные банки — соответственно «Тэсонг-бэнк» и «Кымган-бэнк». В обязанности последних входит осуществление расчетных операций с зарубежными партнерами по сделкам, заключенным внешнеторговыми организациями объединений «Тэсонг» и «Понхва». Работая в контакте с Банком внешней торговли, данные банки осуществляют расчеты в свободно конвертируемой валюте и поддержи-

³⁴ Ип: "Mainichi Daily News", 18.VIII. 1980.

³⁵ См.: «Внешняя торговля КНДР», 1980, № 8, с. 10.

вают отношения преимущественно с контрагентами из капиталистических и развивающихся государств. «Тэсонг-бэнк», созданный в 1978 г., постепенно расширяет сферу своей деятельности, его представительства открыты в Гонконге, Макао, Вене³⁶. Подобные объединения призваны оперативно реагировать на импортные потребности экономики, изыскивать пути освоения новых для КНДР рынков сбыта продукции.

* * *

Курс на ускоренное развитие внешнеэкономических связей был закреплён на состоявшейся в январе 1984 г. III сессии ВНС КНДР седьмого созыва. На сессии была поставлена задача «мобилизовать огромный экономический потенциал страны и ещё больше развивать внешнюю торговлю и внешнеэкономические связи в интересах экономического строительства в нашей стране, углубления дружбы и сотрудничества с другими странами»³⁷.

Сессия констатировала некоторые итоги развития внешнеэкономических связей КНДР: в 1978—1983 гг. внешнеторговый оборот возрос в 2,2 раза, за последние годы страна оказала немалую экономическую помощь развивающимся государствам, направив в 50 стран около 5 тыс. инженерно-технических работников и построив в 22 странах 30 заводов. Сессия отметила большой вклад сотрудничества с социалистическими странами в укрепление экономического потенциала КНДР и роль капиталистических государств в развитии цементной, химической, целлюлозно-бумажной промышленности КНДР³⁸.

Сессия поставила перед внешнеторговыми организациями задачу углубления сотрудничества с развивающимися странами в рамках Юг — Юг, прежде всего в области сельского хозяйства, а также в текстильной, пищевой, химической отраслях промышленности. В числе приоритетных направлений внешнеэкономической политики КНДР было упомянуто развитие торговых связей со странами Азии: Индией, Малайзией, Индонезией, Ираном и Пакистаном. КНДР предполагает поставлять в эти страны стальной прокат, цемент, металлорежущие станки, локомотивы, вагоны и пр. в обмен на каучук, нефть, руды, легирующие элементы.

Важное место в материалах сессии было отведено сотрудничеству с социалистическими странами. Перед народным хозяйством КНДР поставлена задача экспортировать в социалистические страны не только сырьевые товары (металлы, руды), но и готовую продукцию машиностроения: суда, вагоны, генераторы, станки, стиральные машины и т. д. Сессия поставила задачу в ближайшие 5—6 лет расширить торговлю с социалистическими странами в 10 раз, увеличив объём закупок нефти, коксующегося угля, хлопка, легирующих элементов, листовой стали, средств автоматизации, электронных приборов, транспортных средств.

Сессия ВНС КНДР указала также на необходимость искать пути для развития торговли с капиталистическими странами, прежде всего с теми, с которыми у КНДР уже установлены дипломатические отношения (Австрия, Швеция, Финляндия). В то же время КНДР будет искать возможности и для развития экономических связей со странами, не имеющими с нею дипломатических отношений (ФРГ, Франция, Япония). На сессии было объявлено, что в настоящее время ведутся пере-

³⁶ См. там же, с. 10—12.

³⁷ «Нодон синмун», 26.I.1984.

³⁸ См. там же, 27.I.1984.

говоры о закупке у западноевропейских фирм оборудования для строительства ТЭЦ на 1,2 млн. кВт и крупного завода по обработке цветных металлов. Для оплаты этого оборудования в капиталистические страны предполагается наращивать экспорт цветных металлов, стали, цемента. КНДР взяла на себя обязательства в ближайшее время погасить просроченную задолженность отдельным капиталистическим странам.

Итоги сессии продемонстрировали стремление КНДР и дальше идти по пути развития взаимовыгодного сотрудничества с различными странами мира, открыли новые возможности для более широкого вовлечения КНДР в международное разделение труда.

Развитие сотрудничества стран Индокитая

М. П. ИСАЕВ

И. А. ОГНЕТОВ

Три страны Индокитая — Вьетнам, Лаос и Кампучия — издавна связаны между собой в силу географических, исторических, социально-экономических, культурных и других факторов. Эти страны не раз подвергались чужеземному вмешательству, и история знает немало примеров их совместной борьбы против захватчиков. Совершая агрессию против народов Индокитая, колонизаторы и империалисты либо вторгались одновременно в три страны Индокитая, либо, закрепившись в одной из них, использовали ее как плацдарм для нападения на другие две; для иноземных захватчиков Индокитай всегда был единым театром военных действий. В этих условиях сама жизнь диктовала народам трех стран необходимость объединять свои усилия для совместного отпора врагу. Революционный союз патристических сил трех стран Индокитая превратился в объективную закономерность их борьбы за свободу и независимость каждой страны.

Победы народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии, завоевание ими подлинной независимости привели к тому, что на Индокитайском полуострове сложилась качественно новая ситуация — впервые в истории три братских народа, в едином строю, опираясь на помощь СССР и других стран социалистического содружества, встали на путь строительства фундамента социализма в своих странах, совместными усилиями противодействуют посягательствам сил империализма и гегемонизма на свою свободу и независимость. Солидарность и взаимодействие Вьетнама, Лаоса и Кампучии на этом новом этапе являются важным фактором их продвижения по пути социалистического строительства, оказывают благотворное воздействие на формирование международной обстановки в Юго-Восточной Азии, в Азии в целом.

* * *

История антимпериалистического, национально-освободительного движения народов Индокитая, их шаги по пути создания основ нового общества — это летопись их совместной борьбы, в которой укреплялись и получали дальнейшее развитие единство и сплоченность коммунистов, народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии во имя достижения общих целей. «У народов Индокитая,—подчеркивал Генеральный секретарь ЦК НРПЛ, Председатель Совета Министров ЛНДР Кейсон Фомвихан,— была одна и та же тяжелая судьба; нас связывают общие революционные идеалы, совместная борьба против общего врага. Тесное боевое содружество трех стран послужило важным фактором победы революции в каждой из них, оно является гарантией наших будущих побед»¹.

¹ Цит. по: «Новости Вьетнама», 1976, № 8, с. 11.

Непреходящее значение для судеб национально-освободительного движения в Индокитае имел тот факт, что революционную борьбу народов трех стран возглавили коммунисты, объединенные в период с 1930 по 1951 г. в рядах Коммунистической партии Индокитая (КПИК). Благодаря многогранной деятельности КПИК тенденция к укреплению сплоченности революционно-патриотических сил трех стран получила устойчивый характер. Их совместные действия в антимпериалистической, антиколониальной борьбе приобретали все новые формы и проявления. Именно после создания в 1930 г. КПИК борьба трудящихся Вьетнама, Лаоса и Кампучии стала по-настоящему организованной и целенаправленной.

Образование и деятельность КПИК были тесно связаны с Коммунистическим Интернационалом. Учитывая рост революционного движения во Вьетнаме в конце 20-х годов и отсутствие организованной в масштабах всей страны силы, способной возглавить и повести за собой это движение, Исполком Коминтерна в октябре 1929 г. направил послание действовавшим в то время во Вьетнаме коммунистическим организациям. В этом послании указывалось, что отсутствие единой коммунистической партии в период нарастания массового движения в стране представляет опасность для судеб вьетнамской революции, создает угрозу осуществлению ее конечных целей, мешает коммунистам завоевать руководство этим движением.

Создание в начале 1930 г. Компартии Вьетнама оказало стимулирующее воздействие на развитие революционного движения в Лаосе и Кампучии, где весной 1930 г. появились первые организации коммунистов. Этот процесс еще более активизировался после того, как Исполком Коминтерна, ознакомившись с документами объединительной конференции по образованию Компартии Вьетнама и учитывая развитие движения в других странах Индокитая, порекомендовал переименовать партию в Коммунистическую партию Индокитая, с тем чтобы она стала руководителем антиколониальной борьбы в масштабах всего Индокитая. Рекомендации Коминтерна легли в основу решений первого пленума ЦК партии, состоявшегося в октябре 1930 г.

В листовке КПИК, разъяснявшей цели переименования партии, отмечалось: «Класс пролетариев и все угнетенные массы трудящихся во всех трех странах хотят свергнуть иго империализма, завоевать независимость, изгнать королей, сановников, помещиков, чтобы добиться освобождения. Однако этих задач не решить, если вести борьбу разрозненно»². Необходимость объединения передовых представителей рабочего класса и крестьянства трех стран в единую партию нового типа подчеркивалась в письме ЦК КПИК партийным организациям от 9 декабря 1930 г.: «С точки зрения политической все три наши страны угнетает один империализм — французский, который стремится подчинить своей власти весь Индокитай. Поэтому если в одной из стран получит развитие революционное движение, а в двух других нет, то невозможно будет свергнуть власть французского империализма»³.

Учитывая неодинаковый уровень развития национально-освободительного движения в трех странах, Коминтерн рекомендовал вьетнамским коммунистам содействовать организации ячеек КПИК в Лаосе и Кампучии. В сложных условиях подполья вьетнамские коммунисты выполняли революционный долг по отношению к своим товарищам по партии. Позднее, говоря об этом периоде, Кейсон Фомвихан отмечал: «С глубочайшим уважением и благодарностью вспоминаем мы о президенте Хо Ши Мине — общепризнанном вожде индокитайской революции, который первым донес до народов Вьетнама, Лаоса и Кампу-

² «Тап ти конг сан», 1983, № 11, с. 53.

³ Там же.

чин свет идей марксизма-ленинизма»⁴. Образование Коммунистической партии Индокитая расценивалось Исполкомом Коминтерна как событие исторического значения, сыгравшее важную роль в развитии освободительной борьбы на Индокитайском полуострове⁵.

Укрепление союза народов трех стран Индокитая тесно связано с деятельностью КПИК по руководству трудящимися массами Вьетнама, Лаоса и Кампучии в их борьбе за национальную независимость, свободу и социальный прогресс. Основной формой этого сплочения стали патриотические фронты, созданные во всех трех странах под руководством коммунистов. В конкретных условиях Индокитая КПИК творчески использовала ленинский лозунг поддержки революционно-демократических сил в колониях при условии сохранения организационной и идеологической самостоятельности коммунистических элементов, идеи В. И. Ленина и Коминтерна о создании единого антиимпериалистического фронта.

Большое значение для КПИК имели решения VII Всемирного конгресса Коминтерна. В духе его установок руководство партии взяло курс на создание Единого демократического фронта Индокитая, который включал бы в свои ряды все классы, партии, нации, организации, политические группировки, выступавшие за демократические и прогрессивные преобразования. Для этого эффективно использовались возможности, возникшие в результате прихода к власти во Франции правительства Народного фронта и некоторого смягчения в связи с этим колониального режима в Индокитае. В период борьбы за создание Единого демократического фронта Индокитая (1936—1939) начали выпускаться, особенно во Вьетнаме, десятки газет, которые пропагандировали в массах линию КПИК, идеи марксизма-ленинизма.

Своеобразием положения в Индокитае было то, что одна коммунистическая партия действовала там в трех странах. Это требовало от ее руководства внимательного и взвешенного подхода к решению многих практических вопросов, в частности к проблеме интернационального воспитания масс, разъяснения необходимости укреплять сплоченность народов трех стран во имя достижения единых целей и прежде всего освобождения от колониального владычества.

Курс на тесное единство народов трех стран получил развитие в годы второй мировой войны, когда народы Индокитая оказались под двойным гнетом — французских колонизаторов и японских оккупантов. В материалах VI пленума ЦК КПИК (ноябрь 1939 г.) указывалось: «Ни одна нация Индокитая не может освободиться по отдельности, так как Индокитай находится под единым политическим, экономическим и военным гнетом империалистов. Объединение народов трех стран Индокитая отнюдь не ведет к созданию единого государства, ибо вьетнамский, лаосский и кампучийский народы издревле были независимыми. Каждый народ имеет право решать свою судьбу по собственному выбору»⁶. Позиция КПИК относительно сочетания национальных и интернациональных задач трех народов в антиимпериалистической революции получила развитие в решениях VIII пленума ЦК КПИК (май 1941 г.). В них подчеркивалось: «В настоящее время ЦК партии ограничивает национальный вопрос рамками каждой отдельно взятой страны — Вьетнама, Лаоса и Кампучии. При этом учитывается, что, совершая национально-освободительную революцию, народы трех стран опираются друг на друга, тесно взаимосвязаны, помогают друг другу одержать победу»⁷. Пленум принял решение об ока-

⁴ «Новости Вьетнама», 1983, № 4, с. 2.

⁵ См.: Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. Материалы, М., 1935, с. 484.

⁶ «Тап ти конг сан», 1983, № 11, с. 54.

⁷ Там же, с. 55.

зании вьетнамскими коммунистами помощи своим лаосским и кампучийским товарищам в деле создания Лиг независимости Лаоса и Кампучии, с учетом опыта Вьетнама, где в мае 1941 г. была образована Лига независимости Вьетнама (Вьетминь).

Победа Августовской революции 1945 г. во Вьетнаме и провозглашение Демократической Республики Вьетнам — первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян — дали мощный импульс подъему освободительной борьбы народов Лаоса и Кампучии. После победы Августовской революции, отмечал на II съезде КПИК (1951) Хо Ши Мин, народы Лаоса и Кампучии «решительно поднялись на борьбу против империалистов»⁸.

Рубеж 1945—1946 гг. был сложным для народов Индокитая: в этот период Франция развязала новую колониальную войну с целью вторичного захвата Вьетнама, Лаоса и Кампучии. В ответ на контрреволюционное насилие империализма Компартия Индокитая выдвинула лозунг сплочения народов трех стран с целью разгрома колониальной агрессии, завоевания ими подлинной независимости. В директиве ЦК КПИК (ноябрь 1945 г.) указывалось на важность образования единого фронта народов трех стран во имя отражения агрессии французских захватчиков. Годы войны сопротивления народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии (1946—1954) характеризовались укреплением союза революционных сил народов трех стран. Так, после подписания навязанного колонизаторами «временного франко-кампучийского соглашения» от 7 января 1946 г. и провозглашения «внутренней автономии» Кампучии многие кхмерские патриоты нелегально перешли во Вьетнам и создали на его территории Комитет независимости Кампучии, который осуществлял необходимую работу по подготовке к развертыванию партизанского движения. Деятельность комитета способствовала тому, что уже в 1947 г. в юго-восточных районах Кампучии была создана опорная база сопротивления. Объединенный кхмеро-вьетнамский отряд освободил ряд населенных пунктов в провинции Прейвентг. В 1948 г. новая база сопротивления была сформирована на северо-востоке Кампучии. При поддержке отрядов вьетнамских народных добровольцев кхмерские партизаны создали в провинции Свайрентг несколько освобожденных зон.

В апреле 1950 г. на конференции патриотических сил был образован Национальный фронт Кампучии и избран его Центральный комитет во главе с видным кхмерским революционером Сон Нгок Минем. В конце 1950 г. фронт насчитывал в своих рядах свыше 200 тыс. членов.

Уверенно развивалось в тот период национально-освободительное движение в Лаосе, где уже в 1947 г. была создана система партизанских баз, развертывалась вооруженная борьба против колонизаторов. В 1950 г. в Лаосе был образован Объединенный национальный фронт, сформировано правительство сопротивления.

Таким образом, к концу 1950 г. во всех трех странах Индокитая были созданы массовые патриотические организации, руководимые находившейся в подполье Компартией Индокитая. Это позволило поставить в практическую плоскость вопрос об образовании единого фронта народов Индокитая. На состоявшемся в феврале 1951 г. II съезде КПИК было принято решение о создании Партии трудящихся Вьетнама (с 1976 г. — Коммунистической партии Вьетнама). Что касается Кампучии и Лаоса, то было решено образовать в этих странах революционные партии с учетом особенностей каждой страны. Выступая на съезде, Хо Ши Мин указал, что вьетнамские коммунисты «...должны помогать своим братьям в Лаосе и Кампучии вести войну сопро-

⁸ Хо Ши Мин. Сочинения (1920—1969). Ханой, 1970, с. 114.

тивления и готовиться к созданию фронта народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии»⁹. Образование этого фронта было провозглашено 11 марта 1951 г. на конференции народов трех стран. Это историческое событие стало важной вехой на пути дальнейшего сплочения народов трех государств Индокитая в совместной борьбе против общего врага за достижение единой цели — национальной независимости.

В комплексе усилий революционных сил трех стран по координации действий на том этапе особого внимания заслуживают их шаги в военной области. Так, в декабре 1953 г. Освободительная армия Лаоса в тесном взаимодействии с частями вьетнамских народных добровольцев освободила от войск агрессора обширные территории в Центральном Лаосе, а в январе 1954 г. была расширена освобожденная зона в Нижнем Лаосе, в результате чего эта область фактически соединилась с освобожденными районами в Центральном Вьетнаме. Действуя в боевом взаимодействии с вьетнамскими добровольческими силами, части Армии освобождения Кампучии овладели значительными районами на северо-востоке Кампучии, которые граничили с освобожденными районами в Нижнем Лаосе.

Боевое содружество патриотических сил трех народов особенно проявило свою эффективность на заключительном этапе войны сопротивления в 1954 г., когда под ударами Вьетнамской народной армии капитулировал окруженный патриотами французский гарнизон в Дьен-бьенфу. К этому времени патриотические силы освободили около двух третей территории Лаоса, на которой проживало более половины населения страны. Столь же значительными были успехи революционных сил Кампучии, свыше половины населения которой проживало в зоне контроля Кхмер Иссарак. Все это и определило окончательный крах военной авантюры французских колонизаторов в Индокитае, вынудило их пойти на политическое урегулирование, отвечающее интересам народов трех стран. Состоявшееся в 1954 г. Женевское совещание в международно-правовом аспекте подтвердило право народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии на независимость, единство, суверенитет и территориальную целостность.

После достижения женевского урегулирования развитие революционного процесса в странах Индокитая пошло путями, соответствовавшими конкретной обстановке в каждой стране. Север Вьетнама встал на путь социалистических преобразований; одновременно на Юге развернулось мощное национально-освободительное движение, направленное против проамериканского марионеточного режима в Сайгоне. Север Вьетнама стал играть роль надежного тыла освободительной борьбы населения Юга и вместе с тем оказал необходимую поддержку революционным силам Лаоса и Кампучии. Действовавшие в этих странах в условиях подполья Народная партия Лаоса (образована в 1955 г., с 1972 г. — Народно-революционная партия Лаоса) и Народно-революционная партия Кампучии (создана в 1951 г.) поддерживали товарищеские связи с вьетнамскими коммунистами.

Резкое обострение обстановки в Индокитае в начале 60-х годов, вызванное действиями американского империализма, вставшего на путь прямой вооруженной интервенции против народов трех стран, потребовало от них еще большей сплоченности, тесной координации действий в интересах организации эффективного отражения агрессии США. Эти вопросы стояли в повестке дня состоявшейся в Пномпене в 1965 г. конференции народов Индокитая, в работе которой приняли участие представители всех ведущих массовых патриотических организаций стран Индокитая, в том числе Отечественного фронта Вьетнама, На-

⁹ Хо Ши Мин. Сочинения (1920—1969), с. 131.

ционального фронта освобождения Южного Вьетнама, Патриотического фронта Лаоса и др.

Последующее развитие обстановки в трех странах Индокитая свидетельствовало о том, что сплоченность вьетнамского, лаосского и кампучийского народов, координация усилий революционно-патриотических сил трех стран в совместной антиимпериалистической борьбе приносили ощутимые итоги, вынуждали агрессора шаг за шагом отступать, маневрировать. Принципиально важным представляется то, что потерпели крах попытки США и местных реакционных режимов подорвать единство народов стран Индокитая. Подтверждением этого стали итоги конференции народов Индокитая на высшем уровне (апрель 1970 г.), участники которой высказались за необходимость и впредь укреплять боевое единство и стратегический союз Вьетнама, Лаоса и Кампучии в борьбе против общего врага — американских агрессоров и их прихвостников.

Период, последовавший за конференцией, отмечен дальнейшим укреплением взаимодействия вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама, Лаоса и Кампучии. При содействии вьетнамских патриотов значительно возросла мощь подлинных революционных сил Кампучии. Их совместными усилиями в 1970 г. был сорван план Вашингтона оккупировать Кампучию вторгшимися американо-сайгонскими войсками; расширились освобожденные районы, в которых в начале 70-х годов проживало две трети населения страны.

Важное значение для перспектив усиления национально-освободительной борьбы народов трех стран, срыва расчетов США изолировать патриотические силы Южного Вьетнама имела победа, одержанная в 1971 г. объединенными силами частей Освободительной армии Лаоса и вьетнамских патриотов над вторгшейся в южные районы Лаоса крупной американо-сайгонской группировкой. Развернувшееся весной 1972 г. генеральное военно-политическое наступление сил освобождения Южного Вьетнама было подкреплено ударами патриотических сил Лаоса и Кампучии по вооруженным силам интервентов и местных реакционных режимов.

Опираясь на всестороннюю материальную и морально-политическую помощь и поддержку Советского Союза, других стран социалистического содружества, всего прогрессивного человечества, патриотические силы Вьетнама, Лаоса и Кампучии приступили к решению коренной проблемы — к достижению такого политического урегулирования, которое в полной мере учитывало бы коренные национальные интересы народов Индокитая. Подписание в январе 1973 г. Парижского соглашения по Вьетнаму, заключение в феврале того же года Вьентьянского соглашения о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе стали важным этапом на пути завоевания народами этих стран подлинной свободы и независимости, способствовали кардинальному оздоровлению международной обстановки в Юго-Восточной Азии. В результате дальнейшего укрепления единства революционных сил трех стран к началу 1975 г. обстановка в Индокитае складывалась в пользу сил освобождения.

Полное освобождение Южного Вьетнама весной 1975 г. оказало решающее воздействие на изменение обстановки в Индокитае. В самый разгар наступления сил освобождения Южного Вьетнама, когда трещал по швам главный оплот реакционных сил в Индокитае — проамериканский сайгонский режим, появились благоприятные условия для решающего наступления кампучийских патриотов, которые 17 апреля 1975 г. свергли проимпериалистический лонноловский режим.

В условиях, когда в Сайгоне и Пномпене пали продажные марionеточные режимы, когда происходил процесс неуклонного ослабления реакционных сил в Лаосе, в этой стране сложилась революционная си-

туация. В декабре 1975 г. в Лаосе победила национальная, народно-демократическая революция. Кейсон Фомвихан в речи на IV съезде КПВ (1976) подчеркивал, что эта победа явилась «торжеством боевого союза и тесной сплоченности трех народов Лаоса, Вьетнама и Кампучии, победой особых отношений лаосского и вьетнамского народов. Этот выдающийся успех тесно связан с огромной эффективной помощью со стороны СССР и других братских социалистических стран»¹⁰.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что полпотовский режим, проводивший в Кампучии политику геноцида, одновременно стал на путь подрыва солидарности народов трех стран Индокитая. Он служил орудием в руках внешних сил, стремящихся к разобщению индокитайских государств. Свержение этого антинародного режима не только открыло перспективы строительства новой Кампучии, но и явилось важным вкладом в дело упрочения боевого союза и сотрудничества народов Индокитая.

В результате победы народов трех стран в антиимпериалистической национально-освободительной борьбе в декабре 1975 г. была создана Лаосская Народно-Демократическая Республика, в июле 1976 г. — Социалистическая Республика Вьетнам и, наконец, в январе 1979 г., после свержения преступного полпотовского режима, — Народная Республика Кампучия. Все это привело к формированию на Индокитайском полуострове качественно новой ситуации. Впервые в своей истории три независимых индокитайских государства, укрепляя особые отношения дружбы и солидарности, сложившиеся между ними в ходе длительной совместной освободительной борьбы, в едином строю стали на путь созидания нового общества.

Линия на дальнейшее упрочение этих братских отношений между тремя странами была подтверждена в решениях IV и V съездов КПВ, III съезда НРПЛ, III и IV съездов НРПК. В докладе Генерального секретаря ЦК КПВ Ле Зуана на V съезде КПВ (1982) указывалось, что боевая сплоченность между Вьетнамом, Лаосом и Кампучией вступила в новый этап развития, привела к невиданным изменениям в революционной обстановке в этих странах. Особые отношения, сложившиеся между ними, являются закономерностью революционного развития трех стран, жизненно важны для судеб трех стран Индокитая¹¹.

Период, прошедший со времени образования в Индокитае трех независимых государств, отмечен их усилиями по дальнейшему укреплению отношений сотрудничества и взаимопомощи. Солидарность и взаимопомощь трех стран — это тот рычаг, который позволяет народам Вьетнама, Лаоса и Кампучии изыскивать эффективные пути решения сложных задач, стоящих перед ними на нынешнем, начальном этапе перехода к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Совместными усилиями им легче преодолевать трудности социально-экономического характера, являющиеся следствием того, что в течение почти трех десятилетий народам этих стран приходилось в тяжелейших условиях противостоять империалистической агрессии.

Переход к социализму стран с неразвитой экономикой — это весьма своеобразный революционный процесс; успех его развития зависит от наличия необходимых внутренних и международных предпосылок. Во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии существуют политические условия для такого перехода. В этих государствах утвердилась власть трудящихся, руководимых марксистско-ленинскими партиями, которые выражают интересы широких народных масс. Это, несомненно, является решающей предпосылкой, обеспечивающей возможность развития стран Индокитая по пути социализма. Исключительно важен внешний фак-

¹⁰ К. Фомвихан, Строить мирный и независимый Лаос, Ханой, 1978, с. 89.

¹¹ См.: V съезд Коммунистической партии Вьетнама, М., 1983, с. 12.

тор и особенно то, что в строительстве новой жизни трудящиеся Вьетнама, Лаоса и Кампучии получают всестороннюю помощь и поддержку СССР, других стран социалистического содружества, всего прогрессивного человечества.

Стержневым фактором упрочения сплоченности трех государств Индокитая является крепнущее единство, тесное сотрудничество марксистско-ленинских партий этих стран — КПВ, НРПЛ и НРПК, которые осуществляют обмен мнениями о путях решения стоящих перед тремя странами актуальных задач в области внутренней и внешней политики.

Регулярно происходят встречи партийно-государственных руководителей трех стран. Как отмечалось в выступлении на III съезде НРПЛ (1982) главы делегации НРПК, Генерального секретаря ЦК НРПК, Председателя Государственного совета НРК Хенг Самрина, «дело революции во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии уверенно продвигается вперед. Боевая солидарность, союз и всестороннее сотрудничество трех стран Индокитая являются требованием самой жизни».

Отношения между тремя странами Индокитая зиждятся на прочной договорной основе — Договоре о дружбе и сотрудничестве между СРВ и ЛНДР 1977 г. и Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве между СРВ и НРК 1979 г. Между ЛНДР и НРК в марте 1979 г. было подписано долгосрочное соглашение о сотрудничестве в экономической, культурной и научно-технической областях. В соответствии с этими международно-правовыми документами страны Индокитая обязались оказывать друг другу всестороннюю помощь и поддержку во всех областях и в любых необходимых формах, с тем чтобы укреплять способность защищать важнейшие завоевания их народов — независимость, суверенитет, единство, территориальную целостность и мирный труд во имя построения социализма — от враждебных действий империализма и сил международной реакции.

Заклученный на 25 лет Договор о дружбе и сотрудничестве между СРВ и ЛНДР от 18 июля 1977 г. заложил фундамент для долгосрочного сотрудничества в деле социалистического строительства и укрепления обороноспособности двух стран.

Событием большого политического значения стало подписание 18 февраля 1979 г. Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между НРК и СРВ. В соответствии с Договором СРВ и НРК обязались оказывать взаимопомощь в области экономики, культуры, просвещения, народного образования, науки и техники, в подготовке кадровых работников, в обмене специалистами и обмене опытом во всех областях национального строительства. Стороны обязались «оказывать всестороннюю помощь и поддержку друг другу во всех областях и во всех необходимых формах, чтобы укреплять способность защищать независимость, суверенитет, единство, территориальную целостность и мирный труд народа каждой страны от всех замыслов и подрывных акций сил империализма и международной реакции». Это имело особенно важное значение для Народной Республики Кампучии, поскольку силы империализма и международной реакции сразу после ее образования развернули против НРК ожесточенную кампанию, используя в этих целях окопавшиеся в пограничных с Кампучией районах Таиланда силы кхмерской контрреволюции, прежде всего остатки полпотовской армии.

Конкретным свидетельством дружеских отношений между тремя странами Индокитая является решение в интересах каждой из этих стран пограничного вопроса, которое базируется на договорной основе. В 1977 г. был заключен Договор о демаркации национальных границ между СРВ и ЛНДР, в 1982 г. — соглашение об исторически общих водах между СРВ и НРК, а в 1983 г. — Договор о принципах погра-

ничного урегулирования между СРВ и НРК и соглашение о государственной границе между этими двумя странами.

Как указывалось во вьетнамской печати, эти документы «обеспечивают суверенитет каждой из стран и поддержание безопасности в пограничных районах, создают благоприятные условия для строительства границы мира и братской дружбы. В них воплощено сочетание подлинного патриотизма с социалистическим интернационализмом в решении проблем, доставшихся в наследство от прошлого»¹².

Особое место в истории отношений сплоченности и сотрудничества, связывающих народы трех стран, принадлежит состоявшемуся в феврале 1983 г. Совещанию высших руководителей СРВ, ЛНДР и НРК. На этой первой после победы революции в трех странах встрече в верхах была сформулирована принципиальная линия трех братских партий на развитие долговременного сотрудничества и взаимопомощи во всех областях. В совместном заявлении, принятом на совещании, были определены четыре основополагающих принципа, на которых строятся отношения между тремя странами:

- развивать солидарность и сотрудничество в целях оказания помощи друг другу в деле национального строительства и обороны, тем самым внося вклад в дело мира и стабильности в Юго-Восточной Азии и во всем мире и не затрагивая интересов никакой другой страны;

- неуклонно крепить солидарность и сотрудничество на основе марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма. Все проблемы, касающиеся отношений между тремя государствами, должны решаться путем переговоров, в духе уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, взаимопонимания, уважения законных интересов народа каждой страны, а также народов всех трех стран;

- развивать долгосрочное сотрудничество и взаимопомощь на двусторонней или трехсторонней основе во всех областях в духе дружбы и братства, свободного согласия, а также на основе равенства и взаимной выгоды;

- крепить солидарность трех народов против любых предпринимаемых врагами усилий, направленных на их раскол, а также против любых проявлений великодержавной идеологии и национализма, постоянно воспитывать народы трех стран в духе традиционной дружбы и особых отношений между ними, а также в духе непримиримости к любым действиям, способным нанести ущерб их дружбе¹³.

Совещание приняло ряд важных решений организационного характера. Была достигнута договоренность о том, что встречи руководителей СРВ, ЛНДР и НРК на высшем уровне будут проводиться впредь после предварительного обмена мнениями на конференциях министров иностранных дел трех государств. Конференции министров должны созываться дважды в год для решения всех проблем, касающихся отношений между тремя странами, которые будут возникать в периоды между совещаниями на высшем уровне.

На современном этапе отношения между Вьетнамом, Лаосом и Кампучией представляют собой многогранный комплекс всестороннего сотрудничества в самых различных областях и сферах — политической, экономической, научно-технической, культурной и многих других, которое развивается как на двусторонней, так и на трехсторонней основе.

В соответствии с решениями совещания на высшем уровне за прошедший период в трех индокитайских государствах была проделана значительная работа по расширению и совершенствованию дружественных отношений между ними во всех областях.

¹² «Нян зан», 22.VII.1983.

¹³ См. там же, 24.II.1983.

Укрепляется сотрудничество на трехсторонней основе между КПВ, НРПЛ и НРПК в области идеологической, организационно-партийной работы, в деле руководства народным хозяйством трех стран, внешних сношений. Систематический обмен опытом взаимобогащает практическую деятельность каждой партии в указанных направлениях. Особое значение имеет он для Народно-революционной партии Кампучии, которая понесла огромные потери в период полпотовской тирании.

Большое внимание уделяется тремя партиями укреплению сотрудничества в области идеологической и политико-воспитательной работы. На состоявшейся в октябре 1983 г. в Пномпене второй конференции трех стран по вопросам идеологии и пропаганды был намечен ряд мер по координации идеологической работы отделов пропаганды трех братских партий в 1984—1985 гг., намечены области сотрудничества в пропагандистско-воспитательной работе в массах. На конференции указывалось, что противники вьетнамской, лаосской и кампучийской революций прибегают к различным уловкам, чтобы сдержать революционный процесс в Индокитае, в том числе к развязыванию психологических диверсий, распространению клеветнической пропаганды, организации вооруженных провокаций на границах трех стран. Большую опасность приобретают идеологический саботаж и разжигание межнациональной розни. Коммунисты стран Индокитая считают, что в сложившихся условиях как никогда актуальна координация совместных усилий КПВ, НРПЛ и НРПК в идеологической работе в массах, в воспитании членов партий в духе преданности идеям марксизма-ленинизма.

С учетом сохраняющейся внешней угрозы для стран Индокитая актуальной проблемой является их тесное сотрудничество в военной области. В соответствии с договоренностью между правительствами СРВ, ЛНДР и НРК сохраняется присутствие на территории Лаоса и Кампучии ограниченных контингентов вьетнамских добровольческих войск. Как неоднократно указывалось в заявлениях правительств этих стран, выполняющие свой интернациональный долг вьетнамские добровольческие войска будут выведены из Лаоса и Кампучии, как только будет ликвидирована внешняя угроза независимости и суверенитету этих стран.

Исключительно большое внимание придается в странах Индокитая углублению их сотрудничества в экономической, научно-технической и культурной областях. В практическую плоскость ставится задача поднять это сотрудничество до уже достигнутого довольно высокого уровня сотрудничества в таких сферах, как межпартийные связи, координация усилий на международной арене, военное сотрудничество.

Закладывание материально-технической базы социализма в СРВ, строительство фундамента социализма в ЛНДР, процесс национально-го возрождения в НРК происходят в непростых условиях. Задачи поэтапного перехода к социализму решаются в странах, народное хозяйство которых было серьезно подорвано многолетней войной, разрушительным воздействием неокOLONиализма. Экономические условия в странах Индокитая пока еще определяются наличием в них слаборазвитой хозяйственной структуры, для которой характерны многоукладность, преобладание мелкого производства, низкий технический уровень. В Кампучии народно-демократической власти до сего времени приходится уделять немало внимания ликвидации катастрофических последствий правления полпотовского режима.

Органы массовой информации в странах Индокитая отмечают, что по сравнению с передовым уровнем экономического развития, достигнутым во многих странах мира, в государствах Индокитая много слабых мест в самых различных областях. Страны Индокитая весьма нуждаются в разносторонней помощи Советского Союза, других стран со-

циалистического содружества, мирового сообщества. Хотя уровень экономического развития трех стран в общем низок, между ними в этом имеются отличия. Вместе с тем каждая из них в хозяйственном отношении имеет и сильные стороны. Поэтому необходимо и возможно оказывать друг другу помощь, чтобы экономика одной страны дополняла другую. Эта взаимопомощь позволит развивать сильные стороны экономики каждой страны, будет способствовать решению неотложных задач развития производства и повышения жизненного уровня населения¹⁴.

Следует указать, что социалистический Вьетнам, несмотря на имеющиеся трудности, оказывает существенное содействие Лаосу и Кампучии в решении стоящих перед ними социально-экономических задач. В 1976—1985 гг. СРВ предоставила и предоставит ЛНДР помощь в размере 1,3 млрд. донгов, причем половина этой суммы предоставляется безвозмездно. СРВ оказывает Лаосу технико-экономическое содействие в осуществлении более чем 200 проектов в различных областях народного хозяйства, в том числе в сельском хозяйстве, лесоводстве, ирригации, образовании, здравоохранении. Лаосские граждане ежегодно направляются на учебу во Вьетнаме. Эта помощь в немалой мере содействует решению задач строительства фундамента социализма в Лаосе.

Ежегодно между СРВ и ЛНДР заключаются важные соглашения о сотрудничестве. Так, только в 1983 г. между ними были подписаны соглашения о предоставлении помощи и кредитов, о сотрудничестве в области лесного хозяйства, о пограничных перевозках, о содействии Вьетнама в строительстве в Лаосе гидротехнических сооружений и др.

Существенно значение содействия Вьетнама социально-экономическому возрождению Кампучии, народное хозяйство которой было до основания разрушено в годы правления полпотовского режима. СРВ оказывает НРК посильную помощь в восстановлении сельского и лесного хозяйства, в создании системы народного просвещения и здравоохранения, поставками товаров широкого потребления, продовольствия, сельскохозяйственных орудий, в подготовке национальных кадров.

В подписанном в апреле 1983 г. вьетнамо-кампучийском соглашении об экономическом сотрудничестве и предоставлении помощи в 1983 г. особый акцент был сделан на вопросах восстановления кампучийской экономики, развитии сотрудничества в области медицины, осуществления транзитных перевозок и расширения товарообмена между двумя странами. В апреле 1983 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения, в мае — о сотрудничестве в юридическо-правовой области и др. В Лаосе и Кампучии работают группы специалистов из СРВ различного профиля. Между тремя странами заключаются торговые соглашения, причем объем товарооборота имеет тенденцию к постепенному увеличению.

В соответствии с решением совещания высших руководителей трех стран 1983 г. новый мощный импульс получило сотрудничество стран Индокитая на трехсторонней основе. В каждой из них сформированы комитеты по экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между тремя странами Индокитая. В их обязанности входит реализация практических мер по развитию сотрудничества трех стран в различных сферах хозяйственного и культурного строительства, а также координация народнохозяйственных планов.

В 1983 г. состоялось два заседания этих комитетов, на которых были утверждены общие принципы и направления сотрудничества трех стран в экономической, научно-технической и культурной областях. На проходившем в декабре 1983 г. в Пномпене втором заседании комите-

¹⁴ См.: «Тап тн конг сан», 1983, № 12.

тов были подписаны документы о сотрудничестве в этих областях в 1984—1985 гг.

Разрабатываются и другие конкретные шаги по совершенствованию механизма сотрудничества трех стран в хозяйственной области. Существенный вклад в общие усилия СРВ, ЛНДР и НРК по согласованию экономической политики этих стран вносят регулярно созываемые совещания руководящих работников государственных плановых комитетов, национальных банков, отраслевых министерств и ведомств. На состоявшейся в декабре 1983 г. во Вьентьяне второй конференции директоров государственных банков этих стран указывалось, что необходимо углублять их сотрудничество в области банковского дела, охватывающего все сферы социально-экономической жизни трех государств.

Одним из направлений сотрудничества трех стран являются мероприятия по противодействию экономической «блокаде», организуемой рядом империалистических государств в отношении стран Индокитая, их акциям по дестабилизации народного хозяйства этих стран и подрыву внутреннего рынка, борьба со спекулятивными элементами.

Усилия СРВ, ЛНДР и НРК по развитию экономического и научно-технического сотрудничества как на двусторонней, так и на трехсторонней основе закладывают базу для более тесной социалистической экономической интеграции этих стран. В условиях развивающегося сотрудничества государств Индокитая со странами социалистического содружества это безусловно будет способствовать эффективному решению стоящих перед ними задач в социально-экономической области, повышению жизненного уровня народов трех стран. В прессе СРВ отмечалось, что «укрепление всестороннего сотрудничества между тремя странами Индокитая создает благоприятные возможности для развития каждой страной широкого международного сотрудничества. Всемерное сотрудничество трех стран Индокитая и всестороннее сотрудничество между ними и Советским Союзом, другими странами социалистического содружества — это два процесса, не только не противоречащих один другому, но, напротив, развивающихся параллельно, взаимодополняющих друг друга»¹⁵.

Развивается сотрудничество трех стран и в других областях — культурной, спортивной и др. Регулярными становятся фестивали искусства народов трех стран. Проводятся встречи молодежи столиц СРВ, ЛНДР и НРК. Расширяются связи по линии массовых общественных организаций.

Три государства Индокитая тесно координируют свои внешнеполитические акции, выступают с единых со странами социалистического содружества позиций, действуют на международной арене как инициативная сила, последовательно отстаивающая интересы мирового социализма, национально-освободительного движения, решительно стоящая на стороне сил, борющихся за мир, демократию и социальный прогресс.

Особого внимания заслуживает тесная координация действий СРВ, ЛНДР и НРК с целью нормализации обстановки в Юго-Восточной Азии, превращения этого района в зону мира и сотрудничества, установления подлинно добрососедских, дружественных отношений со всеми своими соседями. Новые конструктивные предложения и инициативы в этой области постоянно выдвигаются на созываемых дважды в год конференциях министров иностранных дел Вьетнама, Лаоса и Кампучии. С января 1980 г. по август 1984 г. состоялось девять таких конференций.

Новые конструктивные предложения, направленные на улучшение отношений Вьетнама, Лаоса и Кампучии со всеми своими соседями,

¹⁵ «Тап ти конг сан», 1983, № 12, с. 10.

были выдвинуты на состоявшейся в январе 1984 г. во Вьентьяне конференции министров иностранных дел трех стран. Ее участники выразили полную поддержку мирных инициатив Советского Союза и мер, принятых странами социалистического содружества в ответ на стремление империализма добиться военного превосходства. Было заявлено об одобрениях государствами Индокитая позиции, занятой государствами — участниками Варшавского Договора на стокгольмской конференции.

ЛНДР, СРВ и НРК вновь высказались за всеобъемлющее урегулирование разногласий между государствами Индокитая и АСЕАН на основе равенства, уважения законных интересов друг друга, невмешательства во внутренние дела и невмешательства извне. Они и впредь будут прилагать усилия к тому, чтобы превратить ЮВА в зону мира, дружбы и сотрудничества. Государства Индокитая готовы незамедлительно начать диалог со странами АСЕАН, чтобы не допустить перерастания нынешней ситуации в более серьезный конфликт. Участники конференции указали, что государства Индокитая вновь подтверждают свои предложения, направленные на восстановление дружбы и сотрудничества с Китаем на основе принципов мирного сосуществования. Конструктивный характер носила работа состоявшейся в июне 1984 г. во Вьентьяне 9-ой конференции министров иностранных дел трех стран Индокитая. Участники конференции подтвердили точку зрения относительно того, что равноправный диалог между странами Индокитая и АСЕАН явится важным шагом для процесса ослабления напряженности, укрепления мира и стабильности в ЮВА.

Основывая свою внешнеполитическую линию на ленинском принципе мирного сосуществования государств с различными социальными системами, выступая в тесном единстве со странами социалистического содружества, во взаимодействии с прогрессивными неприсоединившимися государствами, СРВ, ЛНДР и НРК играют все более важную роль в мировом сообществе. СРВ и ЛНДР — полноправные члены социалистического содружества, активные участники движения неприсоединения, члены Организации Объединенных Наций. Повышается международный авторитет идущей по пути строительства основ социализма Народной Республики Кампучии.

* * *

Советский Союз, другие страны социалистического содружества рассматривают единство и сплоченность народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии как важный фактор мира и стабильности в Юго-Восточной Азии, сохранения международной безопасности на Азиатском континенте и в мире в целом.

Солидарность СССР с тремя государствами Индокитая отражает общность высоких идеалов социализма, их решимость совместно бороться против империализма, за мир, безопасность и социальный прогресс. Опираясь на поддержку социалистического содружества, крепя свою сплоченность, СРВ, ЛНДР и НРК превратились в надежный форпост мира и социализма в Юго-Восточной Азии.

К вопросу о воссоединении Тайваня с КНР

В. Н. БАРЫШНИКОВ,
кандидат исторических наук

С. Н. ГОНЧАРОВ,
кандидат исторических наук

Тайваньский вопрос с 1949 г., то есть со времени образования Китайской Народной Республики, остается камнем преткновения в ее отношениях с США. Стремление КНР решить задачу распространения своего национального суверенитета на этот остров, подтвержденного международными правовыми актами (заявления Каирской и Потсдамской конференций, Акт о капитуляции Японии), наталкивается на упорное нежелание американского империализма выпустить из своих рук Тайвань и утратить важное орудие гегемонистской политики в западной части Тихого океана. Вашингтон использует различные предлоги ради достижения этой цели, хотя формально признает принадлежность Тайваня Китаю, а правительство КНР — единственным законным правительством Китая. Соединенные Штаты, указывалось в отчетном докладе Ху Яобана на XII съезде КПК, приняли Закон об отношениях с Тайванем, идущий вразрез с принципами, изложенными в коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китаем и США, продолжают поставки оружия Тайваню, рассматривают Тайвань как независимую политическую реальность¹.

Антикитайские действия США заключаются также в неослабевающих усилиях, нацеленных на срыв диалога, который китайское правительство стремится наладить с гоминьдановскими властями на Тайване. Как известно, этому вопросу в Китае в последние годы уделяется большое внимание. Отказавшись от лозунга «освобождения Тайваня» и сделав упор на воссоединение китайских земель путем «консультаций между людьми одной страны», правительство КНР направило тайваньским властям целый спектр предложений, призванных содействовать процессу постепенного воссоединения острова с Китаем.

Гоминьдановские власти, которые до недавнего времени провозглашали цель возвращения на материк с помощью вооруженной силы, теперь, оставаясь на позициях «одного Китая», несколько убавили воинственность и официально выдвинули программу воссоединения Китая на основе «трех народных принципов» Сунь Ятсена. На деле эта программа, адресованная китайскому правительству, выдвигает ультимативные требования отказа от существующей в КНР общественно-политической системы и реставрации в стране капиталистических порядков. Такая позиция гоминьдановских властей, бесспорно, пользуется поддержкой администрации Рейгана, который одновременно с попытками разыгрывать «китайскую карту» в интересах борьбы с мировым социализмом, продолжает де-факто проводить политику «двух Китаев», демонстрируя намерение сохранить Тайвань в сфере американской стратегии на Дальнем Востоке и препятствуя любым тенденциям

¹ См.: XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (сентябрь 1982 г.). Пекин, 1982, с. 63.

к налаживанию диалога между КНР и тайваньскими властями с целью воссоединения страны. Таким образом, Соединенные Штаты остаются главным препятствием на пути к воссоединению Тайваня с Китаем, хотя в США любят разглагольствовать об уважении желаний китайцев, живущих по обе стороны Тайваньского пролива.

Как же развивается в последние годы проблема Тайваня и каковы перспективы ее решения?

Диалог по вопросу о мирном воссоединении Тайваня с КНР заметно активизировался после нормализации китайско-американских отношений. 1 января 1979 г. в Пекине было опубликовано «Обращение к тайваньским соотечественникам», принятое 26 декабря 1978 г. на 6-м заседании ПК ВСНП пятого созыва². В этом документе была зафиксирована готовность руководства КНР «считаться с современным положением дел на Тайване и с мнениями тайваньских деятелей из различных кругов», дабы «народу Тайваня не был причинен ущерб». Основой для сотрудничества между тайваньскими властями и руководством КНР, указывалось в «Обращении», является приверженность обеих сторон позиции «одного Китая» и категорическое неприятие идеи «независимого Тайваня». В связи с этим в «Обращении» выражалась надежда на то, что «тайваньские власти поставят во главу угла интересы нации, внесут драгоценный вклад в дело воссоединения родины». «Обращение» сообщало о решении правительства КНР отдать приказ НОАК прекратить с 1 января 1979 г. обстрел находящихся под контролем гоминьдановцев прибрежных островов Цзиньмэнь и Мацзу и призвало тайваньский режим начать переговоры о прекращении военного противостояния в Тайваньском проливе с целью создания «необходимых предпосылок и спокойной обстановки для контактов обеих сторон в любой сфере». В качестве конкретных шагов было предложено установить: 1) авиационное и морское сообщение между Тайванем и КНР; 2) почтовую связь, торговые контакты и экономические связи (позднее этот комплекс инициатив получил название «трех видов контактов»), а также «четыре вида обменов» — родственниками и туристами, группами ученых, группами деятелей культуры и группами спортсменов.

5 января 1979 г. Дэн Сяопин, отвечая на вопросы американских журналистов, заявил о стремлении КНР добиваться воссоединения мирным путем, подчеркнув в то же время, что КНР не может взять на себя обязательство отказаться от «других методов», поскольку дело воссоединения китайских земель относится к внутренней компетенции КНР. Дэн Сяопин заявил также, что руководство КНР будет стремиться через различные каналы устанавливать контакты с представителями гоминьдановских властей, в особенности с Цзян Цзингэ³. В КНР стали рассматривать воссоединение страны как задачу, требующую быстрого решения. В день обнародования «Обращения» Дэн Сяопин заявил, что «вопрос о воссоединении Тайваня с КНР уже поставлен в конкретную повестку дня»⁴.

Что касается отношения гоминьдановского режима на Тайване к предложению о диалоге с КНР по вопросу воссоединения, то глава гоминьдана Цзян Цзингэ категорически отверг возможность таких переговоров с КНР⁵. Эту позицию он подтвердил сразу же после опубликования в КНР «Обращения к тайваньским соотечественникам»⁶. В официальном ответе на этот документ 11 января 1979 г. «премьера

² См.: «Жэньминь жибао», 1.1.1979.

³ См. там же, 6.1.1979.

⁴ Там же, 2.1.1979.

⁵ См.: Цзян Цзингэ. Государство, его стратегия и судьбы. Тайбэй, 1981, с. 56—57, 72 (на кит. яз.).

⁶ In: "Free China Weekly", Taipei, vol. XX, N 1, 1.1.1979.

Исполнительного юаня» (то есть «администрации») Тайваня Сунь Юнь-сюаня были выдвинуты заведомо неприемлемые «контрпредложения», как, например, «отбросить марксизм-ленинизм» и отстранить от власти КПК⁷.

Однако реакция тайваньского населения на предложение КНР об установлении различных связей между континентом и островом, в том числе о переговорах, не совпадала с официальной реакцией тайваньских властей. Гоминьдановский официоз, газета «Чжунъян жибао», вынужден был отметить, что «простые люди» на Тайване думают, будто мирные переговоры с КНР могут способствовать «превращению войны в мир», и соответственно не склонны отвергать с порога идею переговоров⁸. Положительному отклику на «Обращение» способствовало и прекращение обстрелов прибрежных островов со стороны НОАК, что несколько нормализовало обстановку в Тайваньском проливе. 27 января 1984 г. армейская газета КНР «Цзефанцзюнь бао» писала, что гоминьдановские войска также сократили обстрел побережья континентального Китая, а рыбаки провинций Фуцзянь и Тайвань стали часто производить лов в одних и тех же районах. Кроме того, сообщила «Цзефанцзюнь бао», на тайваньских рынках появились товары из провинции Фуцзянь, а тайваньцы стали часто бывать там, навещая родственников.

Перед лицом растущей популярности идеи воссоединения среди зарубежных китайцев и на самом Тайване гоминьдановцы вынуждены были пойти на изменение своего основополагающего курса и выдвинуть альтернативный план воссоединения мирным путем. На XII съезде гоминьдана (март — апрель 1981 г.) вместо давно изжившего и дискредитировавшего себя лозунга «отвоевания континента» был выдвинут курс на «объединение Китая на основе „трех народных принципов“» (народовластие, народное благоденствие, национализм)⁹, сформулированных в свое время Сунь Ятсеном. Разъясняя смысл этого лозунга, Цзян Цзинго подчеркнул, что теперь гоминьдановцы возлагают основные надежды не на вооруженную «контратаку против континента», а на то, чтобы китайский народ, осознав «непригодность коммунизма» для страны, восстанет и «перейдет под знамя трех народных принципов»¹⁰. Такая постановка вопроса отнюдь не означает, будто гоминьдановцы отказались от своих давних планов вооруженного нападения на континентальный Китай. В начале 1983 г. тайваньский еженедельник в своей передовице, выражая удовлетворение по поводу продолжающихся поставок Соединенными Штатами больших партий оружия, отмечал, что эти поставки делают Тайвань «достаточно сильным», чтобы в благоприятный момент «провести контратаку»¹¹. Следовательно, в настоящее время оружие, предоставляемое гоминьдановцам Соединенными Штатами, имеет отнюдь не только «оборонительный характер».

Реакция КНР на курс, выработанный XII съездом гоминьдана, естественно, была резко негативной. «Жэньминь жибао» в своем комментарии отметила, что лозунг «объединения Китая на основе трех народных принципов» в сочетании с решением ни в коем случае не вести переговоры с КНР, не устанавливать авиационное и морское сообщение и почтовую связь с континентом, не поддерживать торговлю призван поставить преграду стремлению всего китайского народа к мирному воссоединению. «Жэньминь жибао» отмечала также, что гоминьдановцы на самом деле уже давно извратили «три народных принци-

⁷ "Free China Weekly", vol. XX, N 2, 14.I.1979.

⁸ См.: «Чжунъян жибао», 8.I.1979.

⁹ In: "Free China Weekly", vol. XXII, N 13, 5.IV.1981.

¹⁰ См.: «Чжунъян жибао», 14.XI.1982.

¹¹ In: "Free China Weekly", vol. XXIV, N 1, 2.I.1983.

па» Сунь Ятсена и не могут поэтому претендовать на роль «их адептов»¹². Одновременно в КНР стали подчеркивать, что именно КПК, а не гоминьдан является «истинной наследницей» «новых трех народных принципов», сформулированных Сунь Ятсеном в период «первого сотрудничества» КПК и гоминьдана, начавшегося в 1924 г.¹³ Тем самым руководство КНР давало понять гоминьдановской верхушке, что возможно сотрудничество двух партий, подтвержденное историческим опытом. В связи с этим руководство КНР отнюдь не случайно приурочило выдвижение своей следующей важной инициативы к празднованию 70-летия синьхайской революции, чтимой и в КНР, и на Тайване.

30 сентября 1981 г. председатель ПК ВСНП Е Цзяньин в беседе с корреспондентом агентства Синьхуа сформулировал новые предложения КНР по вопросу о мирном воссоединении, позднее названные «политическим курсом из девяти пунктов»¹⁴. Основное содержание этих «девяти пунктов» было следующим: 1) предлагалось провести равноправные переговоры между КНР и гоминьданом и во имя скорейшего преодоления раздробленности осуществить «третье сотрудничество» между партиями¹⁵. При этом предусматривалась возможность делегирования обеими сторонами представителей для предварительного обмена мнениями. 2) Тайваньским властям предлагалось установление различного рода контактов и обменов, призванных улучшить взаимопонимание сторон. 3) Было заявлено, что после воссоединения Тайвань сможет стать «особым административным районом», пользующимся высокой степенью автономии, и сохранить свои войска. Центральное правительство, подчеркнул Е Цзяньин, не будет вмешиваться в местные тайваньские дела. 4) Было обещано, что после воссоединения не претерпят изменений существующие на Тайване социальная и экономическая система, образ жизни, экономические и культурные связи с зарубежными странами. Одновременно было гарантировано, что никоим образом не будут ущемлены права частной собственности на имущество, жилища, земли и предприятия, законные права наследования и иностранные инвестиции. 5) Тайваньским властям и представителям различных кругов тайваньского населения были обещаны руководящие посты во всекитайских политических органах и участие в управлении страной. 6) В случае возникновения финансовых трудностей на Тайване КНР гарантировала оказание ему помощи от центрального правительства. 7) Гарантировалось приемлемое устройство, отсутствие дискриминации и свобода передвижения тем тайваньцам, которые пожелают поселиться в материковой части Китая. 8) Тайваньцам, желающим вкладывать средства и создавать предприятия на континенте, гарантировалось соблюдение их законных прав и получение прибылей. 9) «Делегациям из различных кругов, народным массам и организациям» Тайваня предлагалось высказать мнения о путях и методах воссоединения страны.

Кратко курс из девяти пунктов можно определить формулой: «Одно государство — две социально-экономические системы». Руководство КНР, стремясь достичь воссоединения Тайваня, предлагало гоминьдановским властям условия, предусматривающие сохранение на острове капиталистического строя, прежней политической структуры, высокую степень автономии и независимости от центрального правительства.

7 октября 1981 г. Цзян Цзинго, выступив с речью на заседании Постоянного комитета ЦК гоминьдана, дал ответ на новую инициативу

¹² «Жэньминь жибао», 1.X.1981.

¹³ См. там же, 8 и 9.X.1981.

¹⁴ Там же, 1.X.1981.

¹⁵ «Первое сотрудничество» между КПК и гоминьданом имело место в 1924—1927 гг. — во время подготовки и проведения похода на Север с целью объединения Китая; «второе сотрудничество» началось в 1937 г. — во время антияпонской войны.

КНР, в котором, однако, подтвердил прежний отказ гоминьдана от переговоров и контактов с КНР¹⁶. Однако этот негативизм оказался не столь уж прочным, и проблема воссоединения начала активно обсуждаться в различных кругах¹⁷.

Появление позитивных откликов на предложения КНР серьезно обеспокоило тайваньские власти. «Чжунъян жибао» отметила в передовице, что в первой половине 1982 г. в тайваньском обществе имела место «обстановка нестабильности», наиболее серьезно проявившаяся в том, что «стали появляться на страницах некоторых журналов и даже раздаваться из уст определенных лиц некоторые чересчур возбужденные суждения»¹⁸. 2 июля 1982 г. Цзян Цзинго на заседании ПК ЦК гоминьдана произнес речь, целью которой было пресечение подобных настроений¹⁹. Он пригрозил суровыми карами «подрывным элементам», «нарушающим закон» и «вносящим разложение в тайваньское общество».

Однако вскоре и само гоминьдановское руководство пришло к заключению, что ему не выгодно самоустраиваться от обсуждения проблемы воссоединения. Оно начало делать вид, что готово вести переговоры с Пекином по этому вопросу, и одновременно выдвигало такие условия, которые делали эти переговоры бесперспективными. Вместе с тем, «подключаясь» к диалогу, тайваньские власти стремились использовать его для того, чтобы оказать давление на американскую администрацию, которую пугает сама возможность сближения позиций КНР и Тайваня.

Образчиком подобного маневрирования гоминьдановцев может послужить речь Сунь Юньсюаня, произнесенная 10 июня 1982 г. на открытии в Тайбэе одиннадцатого китайско-американского симпозиума «Проблемы китайского континента»²⁰. В этой речи Сунь вынужден был признать, что «в последние годы предложения КНР о мирных переговорах вызвали интерес во многих странах мира», хотя цель этих предложений, по его словам, — «исслировать Тайвань на международной арене и затем захватить его». Сунь Юньсюань намекнул на то, что гоминьдановский режим в принципе готов вести переговоры с КНР, но только не с позиции слабости, а с позиции силы. Всеми этими рассуждениями он пытался дать понять руководству КНР, будто Тайвань не исключает возможности контактов, связанных с воссоединением, если КНР не будет препятствовать поставкам оружия гоминьдановцам из США еще до начала переговоров. Сунь далее стремился доказать, что в КНР во многом заимствуется экономический опыт Тайваня, и высоко оценил уважительное отношение Пекина к «трем народным принципам» Сунь Ятсена. «Постепенное сближение» между КНР и Тайванем способно, по словам Сунь Юньсюаня, создать основу для воссоединения. И все же в конечном счете тайваньский «премьер» выразил прежнюю гоминьдановскую позицию, состоящую в том, что это воссоединение возможно только в случае реставрации капитализма в КНР.

Речь Сунь Юньсюаня вызвала разброд в тайваньском руководстве. Она была поддержана более молодыми гоминьдановскими деятелями, признававшими нецелесообразным полный отказ от переговоров с КНР, и встречена в штыки влиятельными военными²¹.

Со своей стороны правительство КНР продолжало выступать с инициативами в пользу диалога. 25 июля 1982 г. в Пекине было опубликовано «Письмо Ляо Чэнчжи к Цзян Цзинго», которое 24 июля было

¹⁶ См.: «Чжунъян жибао», 8.X.1981.

¹⁷ См.: «Дагун бао», 10.V.1982.

¹⁸ «Чжунъян жибао», 12.VII.1982.

¹⁹ См. там же, 3.VI.1982.

²⁰ См. там же, 11.VI.1982.

²¹ In: "Far Eastern Economic Review", February 10, 1983, N 6, p. 30—31.

отправлено в Тайбэй телеграфом²². Ляо Чэнчжи, сын известного деятеля китайской революции Ляо Чжункая, соратника Сунь Ятсена, стремился убедить Цзян Цзинго, что гоминьдановская позиция «не поддерживать контактов, не вести переговоров и не идти на компромиссы» с КНР неразумна, ибо «мирное воссоединение» принесло бы пользу и Тайваню, и КНР. Ляо Чэнчжи вновь предложил Цзян Цзинго установить «третье сотрудничество» между КПК и гоминьданом и с этой целью как можно скорее начать предварительные контакты для подготовки переговоров.

17 августа 1982 г. было принято «совместное китайско-американское коммюнике», в котором США брали на себя обязательство количественно и качественно ограничить продажу вооружений тайваньскому режиму²³. Таким образом, формально США, казалось бы, пошли на уступки законному требованию правительства КНР о прекращении их вмешательства в тайваньскую проблему, являющуюся внутренним делом КНР. Фактически же позиция США была двуличной и блокировала усилия КНР, направленные на воссоединение Тайваня с КНР путем переговоров.

Как заявил 17 августа представитель тайваньского «правительства», еще 14 июля 1982 г., то есть более чем за месяц до принятия указанного коммюнике, США «по соответствующим каналам» уведомили Тайвань о содержании переговоров с КНР и о содержании документа, который предполагалось принять. США заранее взяли перед Тайванем ряд обязательств, включавших гарантии того, что продажа оружия гоминьдановцам не будет снижена ни качественно, ни количественно. Кроме того, США обещали ни в коем случае не оказывать на Тайвань давления в вопросе о переговорах с КНР²⁴. Именно в этих «разъяснениях», данных США гоминьдановскому режиму, и заключалась их подлинная, реальная позиция по «тайваньской проблеме». Позиция США была на руку той части гоминьдановской верхушки, которая категорически отвергала идею переговоров с КНР. Не случайно именно 18 августа 1982 г. тайваньское руководство опубликовало открытое письмо Сун Мэйлин (вдовы Чан Кайши) к Ляо Чэнчжи²⁵, призванное послужить ответом на «открытое письмо Ляо Чэнчжи к Цзян Цзинго». Сун Мэйлин в своем письме заявляла, что курс тайваньского режима — «не поддерживать контактов с КНР, не вести с нею переговоров и не идти на компромиссы» — совершенно правильный.

КНР стремилась использовать те возможности, которые открывались в связи с маневрированием тайваньских властей в вопросе о воссоединении. 30 сентября 1982 г. «Жэньминь жибао» опубликовала статью в ознаменование годовщины со дня выдвижения «курса из девяти пунктов». В ней подчеркивалось, что инициативы КНР находят все больший резонанс на Тайване, в том числе среди представителей правящей гоминьдановской верхушки.

Важным шагом КНР явилось закрепление в китайской конституции курса на «воссоединение родины». Во «Введении» к новой редакции Конституции КНР, принятой на 5-й сессии ВСНП пятого созыва 4 декабря 1982 г., было зафиксировано: «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики. Завершение великого дела объединения родины — священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване»²⁶. Эта формулировка отличается от той, которая содержалась во «Введении» к Конституции 1978 г., где ставилась задача «освобожде-

²² См.: «Жэньминь жибао», 25.VII.1982.

²³ См. там же, 18.VIII.1982.

²⁴ «Цзунъян жибао», 18.VIII.1982.

²⁵ См. там же.

²⁶ «Жэньминь жибао», 5.XII.1982.

ния Тайваня»²⁷. Изъятие из новой Конституции КНР слов «освобождение Тайваня» было призвано продемонстрировать намерение руководства КНР стремиться к воссоединению мирным путем, через переговоры с тайваньскими властями.

Принципиально важен и тот факт, что в статье 31 новой конституции записано: «В случае необходимости государство учреждает особые административные районы. Режим особых административных районов устанавливается законом с учетом конкретных условий Всекитайским собранием народных представителей»²⁸. Эти положения отсутствовали в тексте прежней конституции. 26 ноября 1982 г., выступая на 5-й сессии ВСНП пятого созыва, заместитель председателя ПК ВСНП Пэн Чжэнь подчеркнул, что данная статья Конституции КНР является законодательным оформлением «курса из девяти пунктов»²⁹.

В условиях, когда КНР подтверждала свое стремление продолжать усилия, направленные на воссоединение Тайваня мирным путем, а гоминьдановская верхушка начала маневрировать в вопросе о воссоединении, определенный резонанс получила научная конференция «Перспективы объединения Китая», проведенная в марте 1983 г. в Сан-Франциско. Конференция состоялась в рамках ежегодного собрания Ассоциации азиатских исследований США и была организована двумя американскими учеными китайского происхождения — профессорами Ян Лиюем и Чжу Юндэ. Позицию Пекина представляли на конференции ученые из КНР, стажировавшиеся в США, а позицию Тайваня — прогоминьдановски настроенные американские ученые китайского происхождения. Как писала близкая КНР гонконгская газета «Дагун бао», особую значимость конференции придавал тот факт, что впервые «ученые, живущие по разные стороны Тайваньского пролива, собравшись вместе, обсудили проблему воссоединения»³⁰.

Как и следовало ожидать, в ходе конференции выявились существенные разногласия по вопросу о принципах, на которых должно осуществляться мирное воссоединение Китая³¹. Однако итогом конференции стало не только подтверждение существования разногласий. Протайваньские элементы впервые открыто сформулировали условия, на которых Тайвань мог бы согласиться начать переговоры с КНР. Профессор Цю Хунда, которого считают наиболее близким гоминьдановскому режиму деятелем среди протайваньски настроенных американцев китайского происхождения, в своем выступлении заявил, что «если бы КНР предложила более заслуживающие доверия условия воссоединения», то нынешнее негативное отношение гоминьдановцев к мирным переговорам могло бы измениться. Цю Хунда сформулировал следующие конкретные требования. 1) Тайвань должен обладать правом на самооборону, иметь возможность закупать за рубежом вооружение и до воссоединения, и после него. 2) После воссоединения ни одна из сторон не вправе односторонне изменять его условия. 3) Тайвань должен обладать полной автономией, а не «высокой степенью» автономии, как предлагает КНР. При этом Тайвань должен пользоваться надлежащим статусом в международных отношениях и иметь соответствующее представительство в международных организациях. Четвертое условие, выдвинутое Цю Хунда, практически сводилось к прежней тайваньской позиции, согласно которой воссоединение возможно только в случае реставрации в КНР капиталистических порядков³².

²⁷ «Жэньминь жибао», 6.III.1978.

²⁸ Там же, 5.XII.1982.

²⁹ Там же, 29.III.1982.

³⁰ «Дагун бао», 29.III.1983.

³¹ См.: «Чжунъян жибао», 28.III.1983.

³² In: "Asian Survey", 1983, vol. XXIII, N 10, p. 1092.

Как отметил один из организаторов конференции, профессор Ян Лиюй, эти четыре пункта, сформулированные Цю Хунла, судя по всему, отражали официальную позицию тайваньских властей³³.

В КНР были изучены вышеупомянутые тайваньские предварительные условия. В ответ на них 4 июня 1983 г. председатель ПК НПКСК Дэн Инчао, выступая на открытии 1-й сессии НПКСК шестого созыва, подчеркнула, что КНР, учитывая историческое прошлое, современное положение дел на Тайване и заботясь о будущем, стремится к достижению «мирного воссоединения» на основе принципа «одно государство — две социально-экономические системы»³⁴. Дэн Инчао заявила также: «При великой предпосылке объединения всем вопросам можно будет найти разумное решение»³⁵. Из этого следовало, что КНР, сохраняя неизменной свою основную позицию, показала готовность вести переговоры и идти на компромиссы с Тайванем по конкретным вопросам, затрагивающим условия объединения и статус острова.

Общий подход к тайваньским условиям был конкретизирован Дэн Сяопином в его беседе с группой зарубежных ученых китайского происхождения 18 июня 1983 г., а затем в беседе с уже упоминавшимся профессором Ян Лиюем 26 июня 1983 г.³⁶

Согласно сообщению японского информационного агентства Киодо Цусин, Дэн Сяопин допустил возможность закупки Тайванем вооружений в зарубежных странах после достижения воссоединения³⁷. Таким образом он в определенной степени пошел навстречу первому из выдвигавшихся тайваньцами условий.

Дэн Сяопин заявил также, что после переговоров достигнутое в их результате соглашение можно будет опубликовать официально и КНР станет его соблюдать. В этом и будут состоять гарантии неизменности позиции КНР в вопросе о воссоединении. Вместе с тем, Дэн Сяопин категорически отверг выдвигавшуюся на конференции в Сан-Франциско идею неких «международных гарантий» соблюдения сторонами условий соглашения, как нарушающую суверенитет Китая³⁸. В этом заключался ответ на второе из тайваньских условий.

Дэн Сяопин выступил против выдвинутой гоминьдановцами идеи о «полной автономии» острова после воссоединения, указав, что это означало бы создание ситуации «двух Китаев». Вместе с тем, он сформулировал новые далеко идущие предложения о степени автономии острова. Согласно сообщению профессора Ян Лиюя³⁹, Дэн Сяопин заявил:

1) Тайвань будет осуществлять контроль над своей внешней политикой, выдавать собственные паспорта и визы и самостоятельно развивать экономические контакты с другими странами. 2) После воссоединения КНР не будет посылать на Тайвань ни войска, ни чиновников с целью управления островом, контроля над ним или вмешательства в его внутренние дела. 3) Тайвань сохранит свое правительство, в частности органы законодательной и исполнительной власти; законы КНР не будут иметь силы на Тайване. 4) Тайвань сохранит собственную юридическую систему, свободную от контроля или курирования верховными юридическими органами КНР. 5) КНР не станет навязывать Тайваню социалистическую экономическую систему. 6) Тайвань будет иметь собственный флаг, хотя и не такой, как ныне.

Как заявил Дэн Сяопин, ограничение «полной автономии» острова заключается лишь в том, что на международной арене его представи-

³³ См.: «Минбао юэкань», 1983, № 7, с. 10.

³⁴ «Жэньминь жибао», 5.VI.1983.

³⁵ «Хунцзи», 1983, № 15, с. 33.

³⁶ «Ляован», 20.VII.1983, с. 8—9. «Жэньминь жибао», 30.VII.1983.

³⁷ «Дагун бао», 30.VII.1983.

³⁸ Там же.

³⁹ In: "New York Times," 21, VIII. 1983.

тельство будет осуществлять Китайская Народная Республика. Вместе с тем Тайвань сохранит самостоятельность во внешнеэкономических связях, выдаче виз и т. д. Как отметил американский комментатор, ограничение права представительства на международной арене не должно чрезмерно ущемить гоминьдановский режим, ибо он уже и так практически не осуществляет этого права, находясь в изоляции и поддерживая официальные дипломатические отношения лишь с 23 странами мира⁴⁰. Все это свидетельствует о том, что Китай сделал важный шаг к удовлетворению третьего из выдвинутых гоминьдановцами условий.

Как и следовало ожидать, четвертое из тайваньских предварительных условий было отвергнуто КНР. Дэн Сяопин заявил, что «объединение Китая на основе трех народных принципов неосуществимо». Это условие тайваньцев было отвергнуто и потому, что оно отодвигало дело воссоединения на неопределенное будущее. Дэн Сяопин заявил: «Конечно, для объединения потребуется определенное время. Но если говорить, что это не срочно, то это было бы фальшиво. Все мы, люди преклонного возраста, надеемся на то, что объединение осуществится побыстрее»⁴¹.

Пекин в дальнейшем неоднократно подчеркивал, что именно заявления Дэн Сяопина являются основой курса КНР в «тайваньской проблеме» на современном этапе.

Судя по сообщениям тайваньской прессы⁴², реакция гоминьдановского режима на новые инициативы КНР опять оказалась негативной. Однако и на сей раз гоминьдановская верхушка вынуждена была пойти на уступки, маневрировать. Примечательно проникновение в гонконгскую прессу слухов о том, что в сентябре — октябре 1983 г. на одном из курортов в окрестностях Гуанчжоу состоялись тайные переговоры между высокопоставленными тайваньскими чиновниками и представителями руководства КНР⁴³.

В США почувствовали беспокойство в связи с тем, что гоминьдановская верхушка, всегда выступавшая с позиций «одного Китая», начала высказываться за готовность при определенных условиях пойти на предлагаемые КНР переговоры.

В ответ в Вашингтоне решили использовать пугало создания «независимого государства» на Тайване. Момент для такого маневра был выбран не случайно: в мае 1984 г. истек срок полномочий тайваньского «президента» Цзян Цзинго и в марте должны были состояться «выборы» нового «президента». В США, по-видимому, хотели свалить Цзян Цзинго, поддерживавшего концепцию «единого Китая», а в прошлом имевшего личные контакты с нынешними руководителями КНР, и не допустить его на пост «президента» на следующий шестилетний срок.

Первоначально Цзян Цзинго, здоровье которого ухудшилось, очевидно, предполагал уйти в тень и передать власть группе людей в составе бывшего «премьера» Сунь Юньсюаня в качестве «президента» или «вице-президента» (в случае если Цзян останется у власти), «генерального секретаря гоминьдана» Цзян Яньши в качестве «премьера» и «начальника министерства политической войны» (контролирующего тайваньские спецслужбы), Ван Шэна в качестве «министра обороны» или «генерального секретаря». Все эти деятели — старые члены гоминьдана, уроженцы континента. Иностранные наблюдатели не без основания предполагали, что они смогли бы последовательно проводить политику «одного Китая» и даже вести дело к постепенному улучше-

⁴⁰ In: "News Day", 7.IX.1983.

⁴¹ «Жэньминь жибао», 30.VII.1983.

⁴² См.: «Чжунъян жибао», 27.VIII.1983.

⁴³ In: "China Letter", October 1983. N 144, p. 5.

нию отношений с КНР⁴⁴. Наибольшим реальным влиянием в этом «триумвирате» обладал Ван Шэн.

США явно не устраивала такая перспектива развития ситуации при новом гоминьдановском руководстве, и они приняли свои меры. В середине марта 1983 г. Ван Шэн «по приглашению официальных лиц США» прибыл в эту страну с секретным визитом. Он имел встречи с несколькими конгрессменами и был принят в Пентагоне⁴⁵. Как сообщила позднее гонконгская «Дагун бао», во время этой поездки официальные лица США поставили перед Ван Шэном два условия — уйти из группы лиц, претендующих на роль преемника Цзян Цзинго, и поддержать позицию США, направленную на то, чтобы Цзян Цзинго более не стал «президентом». Ван Шэн отверг оба эти условия⁴⁶.

Тогда США оказали давление на тайваньскую верхушку с целью устранения «непокорного» Ван Шэна. В результате в мае 1983 г. этот деятель был переведен с ключевого поста «начальника министерства политической войны» на второстепенную военную должность⁴⁷, а в сентябре того же года отправлен тайваньским «послом» в Парагвай.

Вынудив Цзян Цзинго устранить с политической сцены влиятельного Ван Шэна, США спутали расчеты Цзян Цзинго на создание «триумвирата» преемников, исповедующих концепцию «единого Китая», и одновременно активизировали поддержку сторонникам «независимости Тайваня».

В середине 1983 г. в США была принята группа «оппозиционных» тайваньских деятелей, с которыми встретился бывший министр юстиции Кларк. Последний заявил тайваньцам, что они должны бороться за свержение гоминьдановского режима и «самоопределение Тайваня». Под этим подразумевалось превращение острова в «независимое государство». В августе 1983 г. аналогичные идеи провозглашал на собрании «оппозиционных» тайваньских деятелей председатель подкомиссии по делам Азии и Тихого океана конгресса США Соларз, прибывший с визитом в Тайбэй⁴⁸. Наконец, продолжением той же линии явилось одобрение 15 ноября 1983 г. Комиссией по иностранным делам сената США резолюции «Будущее Тайваня». Примечателен и, возможно, совсем не случаен тот факт, что резолюция эта была принята вскоре после того, как в гонконгскую прессу просочилась информация о контактах между КНР и Тайванем. В резолюции подчеркивалось, что «будущее Тайваня» должно быть урегулировано мирным путем, без какого-либо принуждения и таким способом, который «был бы приемлем для народа Тайваня и соответствовал бы закону о новых взаимоотношениях с Тайванем, принятому конгрессом США, и положениям совместного коммюнике между КНР и США»⁴⁹. Говоря о способе решения тайваньской проблемы, «приемлемом для народа Тайваня», сенатская резолюция стремилась протащить уже упоминавшуюся идею «самоопределения Тайваня». «Жэньминь жибао» в своем комментарии отметила, что тем самым Соединенные Штаты пытаются поддержать сторонников «независимости Тайваня», утверждающих, что этот остров якобы никогда и не был частью Китая. Таким образом, США, по определению «Жэньминь жибао», продемонстрировали свое намерение увечить отделение Тайваня от КНР и превратить его в свой «непотопляемый авианосец»⁵⁰. Справедливость такого заключения доказывается тем фактом, что в слушаниях, предшествовавших принятию упомянутой

⁴⁴ См.: «Дагун бао», 3.V.1983.

⁴⁵ См.: «Вэнь хуэй бао», 26.III.1983.

⁴⁶ См.: «Дагун бао», 10.II.1984.

⁴⁷ In: "Far Eastern Economic Review", June 2, 1983, N 22, p. 14—15.

⁴⁸ См.: «Дагун бао», 20.II.1984.

⁴⁹ «Жэньминь жибао», 19.XI.1983.

⁵⁰ Там же, 20.XI.1983.

резолюции, выступали базирующиеся в США сторонники «независимости Тайваня», и их мнения были отражены в тексте документа⁵¹.

Усилия США, направленные на отстранение от власти вероятных преемников Цзян Цзинго, выступающих за «единый Китай», и одновременно резкое усиление поддержки ими сторонников «независимости Тайваня» не могли не вызвать обоснованного беспокойства в КНР. 1 января 1984 г. в речи на новогоднем приеме, устроенном НПКСК, Дэн Инчао вновь подробно изложила позицию КНР по вопросу о «мирном воссоединении». Дэн Инчао подчеркнула, что «влиятельные политики» США и поддерживаемые ими «сторонники независимости Тайваня» препятствуют усилиям КНР, направленным на решение «тайваньской проблемы», и стремятся увековечить раздробленность⁵². Газета «Дагун бао» в своих комментариях отмечала, что особую опасность представляет инспирируемая США деятельность сторонников «независимости» накануне «II пленума ЦК гоминьдана двенадцатого созыва», назначенного на середину февраля 1984 г.⁵³ На этом пленуме должны были быть выдвинуты кандидаты на посты «президента» и «вице-президента» Тайваня. После провала идеи «триумvirата» Цзян Цзинго пришлось отказаться от намерения уйти в отставку и, невзирая на плохое состояние здоровья, дать согласие на свое выдвижение в «президенты». Его целью, очевидно, было стремление сохранить политику «одного Китая». В связи с плохим состоянием здоровья Цзян Цзинго особое значение приобретал пост «вице-президента», который в случае ухода Цзяна мог занять его пост. В телеграмме агентства ЮПИ из Тайбэя от 11 января 1984 г., опубликованной в «Дагун бао», подчеркивалось, что если новым «президентом» окажется «коренной тайванец» (чьи предки жили на острове до 1949 г., когда туда бежали разбитые гоминьдановцы), то это может значительно усилить влияние «сторонников независимости»⁵⁴.

15 февраля 1984 г. кандидатом в «вице-президенты» — видимо, не без участия США — был выдвинут «коренной тайванец» Ли Дэнхуэй. «Жэньминь жибао» постаралась подчеркнуть, что 1 марта 1984 г. Ли Дэнхуэй, выступая в Тайбэе, говорил о неприятии им идеи «тайванизации» (то есть сепаратизации) острова и о намерении «ни в коем случае не забывать о китайской истории и о единстве Китая»⁵⁵. Однако КНР не может не беспокоить тот факт, что Ли Дэнхуэй, никогда не бывавший в континентальной части Китая, но зато учившийся в США и имеющий там прочные связи, предпочитает, по мнению иностранных наблюдателей, не акцентировать в своих выступлениях идею «единого Китая» и, во всяком случае, судя по всему, придаст ей меньше значения, чем Цзян Цзинго⁵⁶. В этой связи вполне достоверным выглядит замечание «Дагун бао» о том, что сам Цзян Цзинго совсем не хотел бы видеть своим преемником «коренного тайванца», подобного Ли Дэнхуэю⁵⁷.

Совершенно очевидно, что решающим фактором, вынудившим Цзян Цзинго изменить свое первоначальное решение, явилось давление Вашингтона. «Дагун бао» отмечала, что конечной целью США является реализация плана «сепаратизации» Тайваня и закрепления его под своим контролем. Вмешавшись в процесс определения преемника тайваньского «президента», США тем самым создали предпосылки для реализации в той или иной форме этого плана в будущем, когда они

⁵¹ См.: «Чжунъян жибао» (издание для заграницы), 15.1.1984.

⁵² См.: «Жэньминь жибао», 2.1.1984.

⁵³ См.: «Дагун бао», 3 и 9.1.1984.

⁵⁴ «Дагун бао», 12.1.1984.

⁵⁵ «Жэньминь жибао», 18.III.1984.

⁵⁶ In: "Economist", 17—23.III.1984.

⁵⁷ См.: «Дагун бао», 16.II.1984.

сочтут обстановку для этого более благоприятной. Подготовку и осуществление подобных планов «Дагун бао» справедливо назвала «самой большой угрозой, стоящей сейчас перед Тайванем»⁵⁸.

В КНР отлично понимают, что ответственность за осуществление антикитайской политики несет и лично президент США Р. Рейган. В этом плане для Пекина особенно показательно развязное заявление президента США Р. Рейгана в феврале текущего года, накануне официального визита в КНР, о том, что его администрация и впредь намерена выполнять все обязательства в отношении Тайваня, удовлетворяя его «потребности и нужды», и что развитие отношений США с Китаем не означает «отказа администрации от Тайваня»⁵⁹. Президент США также предупредил, что «не согласится ни на какие ограничения отношений США с Тайванем». Во время переговоров в Пекине в апреле этого года он заявил, что Соединенные Штаты не намерены «отказываться от старых друзей, чтобы приобрести новых». Эта жесткая позиция заставила китайскую сторону на переговорах лишь констатировать, что тайваньский вопрос является «крупным препятствием» на пути стабильного и долгосрочного развития китайско-американских отношений, а само обсуждение этого вопроса, как сообщали западные информационные агентства, на двухдневных переговорах Рейгана с премьером Госсовета КНР Чжао Цзяном заняло не более пяти минут. Показательно, что учитывая эту жесткость позиции США по Тайваню в их отношениях с Китаем, гоминьдановцы спровоцировали после поездки Р. Рейгана в Пекин вооруженные провокации в Тайваньском проливе. (В июне 1984 г. тайваньские войска, расквартированные на острове Цзиньшэн, дважды обстреляли торговые суда КНР; ими также был подвергнут обстрелу находящийся под контролем НОАК остров Цзяоюйдао. В результате этих провокаций имелись человеческие жертвы.)

Гонконгская газета «Дагун бао», отражающая умонастроения в Пекине, связывает поддержку Соединенными Штатами тайваньского режима с их «политической алчностью». Расшифровывая эту мысль, она пишет: «Прием, которым лучше всего овладели американцы, — это «менять лошадей посередине пути»⁶⁰.

У США и в самом деле имеется опыт бесцеремонной замены ставших им ненужными марионеток другими, более покладистыми и соответствующими их текущим интересам. Вашингтон совершил такого рода манипуляции в Южном Вьетнаме, Южной Корее, в ряде латиноамериканских стран. При этом он высокопарно обосновывает свои беспардонные акции «заботой о развитии демократии и процветании народов», скрывая за этим своекорыстные, империалистические расчеты. Именно так обстоит дело и с тайваньским вопросом. Нет никаких сомнений, что США стремятся увековечить свой контроль над Тайванем, что они не прекратят грубого вмешательства во внутренние дела КНР, оскорбляя национальные чувства всего китайского народа, включая и китайцев, живущих на острове Тайвань.

⁵⁸ Там же, 20.II.1984.

⁵⁹ "New York Times", 26.II.1984.

⁶⁰ «Дагун бао», 17.I.1984.

Китай в стратегических расчетах США

В. И. БИРЮКОВ,
кандидат исторических наук

Первая половина 80-х годов характеризуется обострением международной напряженности, вызванным милитаристским, агрессивным курсом США на мировой арене. В выступлении перед избирателями 2 марта 1984 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко отмечал, что «последние годы были отмечены резкой активизацией политики наиболее агрессивных сил американского империализма — политики откровенного милитаризма, претензий на мировое господство, сопротивления прогрессу, нарушения прав и свободы народов»¹.

В этом глобальном контексте реализации империалистической политики правящие круги США придают большое военно-стратегическое значение обширному району Азии и бассейна Тихого океана. В центре американской стратегии на данном направлении остается стремление усилить силовой и политический нажим на Советский Союз, социалистические страны и национально-освободительное движение.

Активизируя военные приготовления на Дальнем Востоке и провозглашая этот район «зоной жизненно важных интересов», Соединенные Штаты ставят перед собой задачу укрепления «международного порядка» в свою пользу с помощью усиления военно-политических союзов, а также путем поощрения буржуазных институтов и развития капиталистических тенденций. Другой не менее важной задачей в Вашингтоне считают обеспечение для США доступа к зарубежным рынкам и ресурсам сырья «в интересах поддержания американской промышленной, сельскохозяйственной и технологической мощи и экономического процветания страны»². Зона Тихого океана, таким образом, по мнению американского военного ведомства, является «фокусом интересов США» благодаря ее природным ресурсам, политическому значению и географическому положению. В плане американской глобальной стратегии США постоянно усиливают свое внимание к региону, рассматривая его в тесной связи с действиями НАТО³, направленными на конфронтацию с Советским Союзом. Расчет делается на усиление военного нажима на СССР с еще одного — восточного направления.

В то же время в стратегических расчетах США военно-стратегическая значимость данного региона подчиняется соображениям, которые зачастую противоречат и непосредственно не связаны с проблемами азиатских государств. «Решимость», с которой «азиатские страны будут участвовать в противодействии СССР,— считает шеф Пентагона,— способствует сохранению европейской безопасности»⁴ в ее американском понимании.

¹ «Правда», 3.III.1984.

² C. W. Weinberger (Secretary of Defense). Annual Report to the Congress. FY 1984. Washington, 1983, p. 15.

³ In: United States Military Posture for FY 1984. Prepared by the Organization of the Joint Chiefs of Staff. Washington, 1983, p. 25.

⁴ Annual Report..., p. 36.

На региональном уровне Соединенные Штаты, помимо обеспечения «безопасности линий морских коммуникаций» и «укрепления договорных отношений с союзниками», ставят перед собой непосредственную задачу ограничения растущего влияния таких социалистических государств, как СССР, СРВ и КНДР, на политическую обстановку в регионе⁵.

Наряду с другими средствами решения этой задачи Соединенные Штаты придают большое значение «созданию долгосрочных стратегических отношений с КНР»⁶.

С начала 70-х годов в правящих кругах США при сохранении антикоммунистического подхода к КНР формируется стремление использовать Китай как фактор, который мог бы в той или иной форме способствовать реализации американской глобальной военной и внешнеполитической стратегии. Наряду с этой нараставшей тенденцией оставалось неизменным стремление США противодействовать Китаю как идеологическому и возможному военному противнику. Американская политика в отношении Китая в послевоенный период в полной мере отражает известные колебания в концептуальном осмыслении международной роли КНР, а также в практических действиях Вашингтона в отношении Пекина. Подобная двойственность находила отражение и в военно-стратегическом подходе США к КНР. Соединенные Штаты демонстрировали, с одной стороны, тенденцию рассматривать Китай как своего противника, а с другой — стремление превратить Китай в своего союзника в борьбе с СССР, социалистическим содружеством и национально-освободительным движением.

Разумеется, в борьбе этих двух крайних тенденций большое значение имела степень готовности китайского руководства к сотрудничеству с США, в том числе и в военной области. В результате взаимодействия этих тенденций к началу 80-х годов в контексте общих американо-китайских отношений сложилась определенная структура американо-китайских военных связей.

Официальные представители обоих государств не склонны афишировать наличие военных связей между США и КНР. Эти «стратегические» отношения, возникнув во второй половине 70-х годов и пережив определенный кризис в 1981—1982 гг., продолжают существовать и развиваться. Составными элементами военных отношений между США и КНР можно считать существующие связи между военными аппаратами сторон, определенное военно-политическое сотрудничество на основе «совпадения» или «параллелизма» интересов обоих государств, а также военно-технические связи.

* * *

Республиканская администрация Р. Никсона (1969—1974) предприняла наибольшие усилия для перестройки американо-китайских отношений и закладки основ будущих связей в военной области. Детализируя проблемы, с которыми США сталкивались в первой половине 70-х годов и которые они намеревались разрешить путем втягивания КНР в орбиту американской военно-политической стратегии, один из инициаторов американо-китайского сближения, бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер, позднее писал, что Соединенным Штатам «надо было найти противовес Советскому Союзу, надо было изолировать Хайнань, надо было поддержать уверенность американцев в собственных силах в условиях нашего бесславного ухода из Индокитая»⁷.

⁵ Ibid., p. 17.

⁶ Ibid.

⁷ "Washington Post", 30.I.1983.

В этих условиях, а также в период обострения внутривосточной борьбы вокруг разрядки напряженности в 1973—1976 гг. в поле зрения республиканской администрации оказалась идея военно-политического использования Китая против СССР. «На протяжении 70-х годов,— считает американский специалист по Китаю У. Финей,— США намеревались защитить и продвинуть свои интересы, пойдя на серию формальных и неформальных договоренностей с СССР в рамках общей структуры, известной как разрядка, одновременно развивая связи с Китаем как способ подстраховки ее приемлемого функционирования»⁸. Над возможностью развития военных связей с КНР в Пентагоне впервые серьезно задумались, по-видимому, в конце 1973 г. На протяжении всего следующего года шло изучение этой возможности. В декабре 1974 г. этот вопрос оказался в поле зрения министра обороны США Дж. Шлесинджера, а к концу 1975 г., то есть после поражения США в Индокитае, «военные связи» с Китаем стали ключевым вопросом для администрации Дж. Форда.

Один из ярых сторонников установления военных связей с КНР Дж. Шлесинджер предлагал превратить КНР в американского «стратегического союзника». В условиях сокращения американского военного присутствия в Азии в результате провала агрессии в Индокитае подобное предложение казалось особенно привлекательным сторонникам откровенно силового подхода к СССР. Выступая 11 апреля 1976 г. в телепрограмме «Лицом к нации», Дж. Шлесинджер заявил, что «в определенных условиях» он «не исключил бы полностью» американскую «военную помощь Китаю», назвал Китай «квазисоюзником» США.

Таким образом, республиканская администрация за короткий срок подвергла значительной переоценке свои отношения с КНР и, перестав рассматривать Китай в качестве противника, продвинулась к порогу военного сотрудничества.

С самых первых контактов американских и китайских высокопоставленных руководителей в начале 70-х годов в центре обсуждения оказались проблемы военно-стратегического характера. Это в полной мере относится к первому визиту Г. Киссинджера в КНР в июле 1971 г., а также к последовавшим официальным контактам между представителями сторон на высоком уровне⁹. Практически одновременно стороны начали, по-видимому, неофициальный зондаж позиций друг друга с целью изучения возможностей сотрудничества в военной области¹⁰.

В середине 70-х годов США получили из Китая сигналы, свидетельствовавшие об изменении китайского официального отношения к Соединенным Штатам в военно-стратегическом плане. По словам сенатора Р. Бэрда, побывавшего в Пекине в августе — сентябре 1975 г., здесь перестали рассматривать США как угрозу Китаю¹¹.

В апреле 1976 г. «проблема возможных военных связей» обсуждалась с тогдашним заместителем премьера Госсовета КНР Чжан Чуньцяо и министром иностранных дел Цяо Гуаньхуа в ходе пребывания в Китае

⁸ W. R. Feeney. Strategic Implications. — In: Sino-American Normalization and Its Policy Implications. New York, 1983, p. 144.

⁹ In: The United States and People's Republic of China: Issues for the 1980's. Hearings before the Subcommittee on Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. Washington, 1980, p. 3.

¹⁰ По словам американского ученого Б. Гарретта, в 1973 г. трое китайских высокопоставленных военных, аккредитованных при ООН в качестве дипломатов, в течение месяца проводили консультации с тогдашним сотрудником «Рэнд корпорейшн» М. Пиллсбери. При этом отмечалась китайская заинтересованность в получении американской разведывательной информации, а также военной технологии и оборудования (The United States and People's Republic of China., p. 99).

¹¹ In: Sino-American Relations: from the Shanghai Communique to the Present. Congressional Research Service, Library of Congress. Washington, 1980, p. 2.

делегации американских конгрессменов¹². Однако в этот период по разным причинам стороны не смогли продвинуться за пределы изучения возможностей в стадию непосредственного развития военных отношений. Тем не менее в поле зрения США уже находились такие формы военного сотрудничества, как передача Китаю технологии с военным применением, обмен разведанными о Советском Союзе, американское одобрение продажи Китаю оружия из Западной Европы, а также ограниченная прямая военная помощь¹³.

Приход к власти демократической администрации во главе с Дж. Картером (1977—1981) привел к дальнейшему развитию американо-китайских военных связей. Первое время в Вашингтоне стремление к дальнейшему развитию военных отношений с Пекином было настолько сильным, что некоторые представители Пентагона, по словам бывшего госсекретаря С. Вэнса, считали необходимым «создать де-факто отношения с КНР в области безопасности еще до или вместо установления дипломатических отношений»¹⁴.

В этот период США, раздувая миф о «советской угрозе», стремились продвинуть вперед военные отношения с Китаем. «Я чувствовал,— писал позднее советник Дж. Картера по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский,— что мы должны начать диалог с китайцами и подчеркнуть стратегические аспекты отношений с ними, особенно их беспокойство относительно Советского Союза»¹⁵. Однако в первый год администрации Дж. Картера в Вашингтоне возобладал осторожный подход к военным связям с КНР, что, впрочем, не означало снятия этого вопроса с повестки дня. Положение стало меняться весной 1978 г. в процессе подготовки визита З. Бжезинского в КНР. Сторонникам «стратегического» подхода удалось постепенно укрепить свои позиции. В инструкции Дж. Картера З. Бжезинскому перед его отъездом в Китай в мае 1978 г. говорилось, что администрация рассматривает отношения с КНР «в качестве центрального аспекта глобальной политики США»¹⁶. Именно в плане дальнейшего развития «квазисоюзнических» отношений с Китаем, направленных против СССР, американская печать рассматривала результаты поездки в Пекин вице-президента США У. Мондейла в августе 1979 г., заявившего в выступлении по китайскому телевидению, что «любая страна, стремящаяся ослабить или изолировать» Китай, «выступает против американских интересов»¹⁷.

Таким образом, США попытались непосредственно увязать на единой антисоветской платформе американскую и китайскую «безопасность». Это стало новым элементом, с помощью которого США были намерены создать «стратегические» отношения с Китаем. В этот период в США строились далеко идущие планы военно-политического сотрудничества с Китаем, казавшиеся возможным благодаря соответствующим сигналам Пекина. Выгодным и обнадеживающим представлялось Вашингтону положительное отношение КНР к американскому военному присутствию в Азии. По словам бывшего президента США Дж. Картера, во время его первой встречи с главой «миссии связи» в США Хуан Чжэнем в феврале 1977 г. китайский представитель убеждал президента в необходимости «сохранения мощного американского военного присутст-

¹² In: M. Pillsbury, Statement to the Subcommittee on Future Foreign Policy, Research and Development, Committee on International Relations, April 1976, OA Rand Corporation (P-5663), p. 14.

¹³ In: M. Pillsbury, Military Ties with China?—“Foreign Policy”, N 20, Fall 1975; The United States and People's Republic of China..., p. 100.

¹⁴ C. Vance, Hard Choices. Critical Years in America's Foreign Policy. New York, 1983, p. 76.

¹⁵ Z. Brzezinski, Power and Principle. Memoirs of the National Security Adviser, 1977—1981. New York, 1983, p. 197.

¹⁶ Ibid., p. 207.

¹⁷ “New York Times”, 23.VIII.1979.

вия в западной части Тихого океана»¹⁸. США учитывали благожелательное отношение Китая, когда на рубеже 70—80-х годов резко усилили нажим на Японию с целью активизировать ее военную роль в Азии, пошли на расширение военного сотрудничества с Южной Кореей, начали выработку планов укрепления собственных ВВС и ВМС на Дальнем Востоке.

Учитывая китайскую позицию, З. Бжезинский еще в конце 1977 г., по его собственным словам, «организовал для китайцев доступ к инструктивному докладу НАТО по глобальным, стратегическим проблемам, положив начало, таким образом, молчаливым отношениям безопасности с ними»¹⁹.

В конце 70-х годов, еще до установления дипломатических отношений с КНР, США приступили к согласованию с китайской стороной своего подхода к различного рода конфликтам, главным образом в развивающихся странах. Находясь в Пекине в мае 1978 г., З. Бжезинский был уполномочен «поощрить» Китай оказать помощь США «в региональных конфликтах там, где это возможно»²⁰. Советник президента по вопросам национальной безопасности предложил китайской стороне программу военно-политического сотрудничества на основе «параллелизма» интересов. Он также выдвинул предложение наладить обмен военными делегациями между США и КНР, а также обещал пересмотреть правила координационного комитета по торговле с коммунистическими странами (КОКОМ), ограничивавшие передачу Китаю сложной технологии²¹.

Последовавший визит в США заместителя премьера Госсовета КНР Дэн Сяопина в январе — феврале 1979 г. символизировал расширение американо-китайского сотрудничества и консультаций по военным и военно-политическим вопросам без оформления какого-либо вида союзнических отношений. В этот период в США активно рассматривались возможные направления развития военных отношений с Китаем. В одном из докладов Пентагона «Сводная инструкция № 8. Азия во время всемирной неядерной войны» рассматривались такие варианты закрепления проамериканской роли Китая на мировой арене, как американская военная помощь КНР, продажа новейшего оружия, производство американского оружия на китайской территории и проведение совместных военных учений²².

Визит министра обороны США Г. Брауна в КНР с 5 по 13 января 1980 г. положил начало официальным связям между военными ведомствами обеих стран²³. Визит Г. Брауна, несомненно, имел определенное значение для развития военных отношений между обеими странами.

Стороны в ходе последовавших контактов (визиты в США заместителя министра иностранных дел КНР Чжан Вэньцзиня, заместителя премьера Госсовета, тогдашнего министра обороны, начальника секретариата Военного совета ЦК КПК Гэн Бяо, а также поездки в КНР делегации американских специалистов в области военной технологии во главе с заместителем министра обороны США У. Перри), продолжая военно-политическое сотрудничество, сконцентрировали внимание на изучении приемлемых путей усиления китайской военно-промышленной базы и военного потенциала с помощью американской технологии двойного применения.

¹⁸ J. Carter. Keeping Faith. Memoirs of a President. Bantam Books, 1982, p. 189.

¹⁹ Z. Brzezinski. Op. cit., p. 203.

²⁰ Ibid., p. 207.

²¹ Ibid., p. 208, 211.

²² In: "Washington Post", 3.X.1979.

²³ Стороны договорились об обменах военными делегациями. США обещали содействовать модернизации китайской армии. Прошли консультации по вопросам военно-политического сотрудничества в Юго-Восточной и Юго-Западной Азии. Г. Браун обещал снять ограничения на поставки в КНР технологии двойного применения, вспомогательного военного оборудования и снаряжения.

При администрации Дж. Картера США начали постепенно пересматривать политику в отношении поставок Китаю технологии двойного применения. «К 1978 г., — писал З. Бжезинский, — мы намеревались оказать содействие китайским закупкам западной технологии с гражданским и, возможно, даже военным применением»²⁴.

Неуклонно росла роль США в качестве поставщика в Китай промышленного оборудования, готовой технологии. С середины 1971 по 1980 г. США одобрили экспорт этой продукции и технологии на сумму 1 млрд. долл.²⁵

США начали снимать законодательные преграды на путях передачи в КНР военного оборудования и технологии двойного применения. В марте 1980 г. госдепартамент США своим «Информационным письмом № 81» снял запрет на поставки в Китай таких видов вспомогательной военной техники и оборудования, как автомобили, некоторые виды транспортных самолетов и вертолетов, запасные части к ним, некоторые виды средств связи и учебно-тренировочного оборудования для подготовки военного персонала. 29 мая 1980 г. Г. Браун сообщил о разрешении американским фирмам строить в КНР заводы по производству вертолетов и электронной техники²⁶. К сентябрю 1980 г. Пентагон одобрил 400 лицензий на продажу Китаю технологии двойного применения и от 10 до 20 наименований вспомогательного военного оборудования²⁷.

Между США и КНР началось обсуждение проекта строительства в Харбине завода по совместному производству вертолетов компании «Белл хеликоптер», продажи Китаю военно-транспортных самолетов «С-130», мощной ЭВМ, радарных установок, оборудования связи и пр. В свою очередь Китай начал поставки в США таких видов «стратегического» сырья, как титан, ванадий и тантал, используемых в авиационной промышленности²⁸.

Другой важной сферой американо-китайских военных отношений, видимо, стало сотрудничество в области разведки. Официальную завесу секретности над этим вопросом приподняли сами китайские руководители. 16 апреля 1979 г. в ходе встречи с членами делегации Комиссии по делам вооруженных сил Палаты представителей американского конгресса Дэн Сяопин заявил: «В течение последних нескольких лет американская сторона снабжала нас некоторой разведывательной информацией. Мы весьма удовлетворены этим. В дальнейшем, если наши отношения будут и дальше укрепляться, появится, возможно, необходимость в еще большем сотрудничестве, особенно в случае возникновения войны»²⁹.

В начале 80-х годов американо-китайское сотрудничество в области разведки, очевидно, претерпело изменения. США и КНР, по некоторым сообщениям, перешли от простого по форме обмена разведывательной информацией к совместному ее сбору³⁰, когда создали в районе города Цитай (Синьцзян-Уйгурский автономный район) два центра электронного шпионажа против СССР.

Таким образом, к рубежу 70—80-х годов был заложен организационный механизм, позволявший сторонам на постоянной основе консультироваться друг с другом по различным военно-политическим проблемам и вопросам двустороннего военного сотрудничества.

²⁴ Z. Brzezinski. Op. cit., p. 54.

²⁵ In: Technology Transfer to China. Hearings in U. S. House of Representatives. Washington, 1979, p. 116.

²⁶ In: "New York Times", 30.V.1980.

²⁷ Ibid., 6.9.IX.1980.

²⁸ In: "Military Technology", 1980, N 19.

²⁹ Report of the Delegation to the People's Republic of China. Committee on Armed Services. House of Representatives. 96 Congress, 1 Session, April 12—22, 1979. Washington, 1979, p. 28.

³⁰ "Daily Telegraph", 19.VI.1981; "New York Times", 19.VI.1981; «Емнур», 3.I.1982.

Сложности и трения в американско-китайских отношениях, возникшие в 1981—1982 гг., привели к временному уменьшению объема и интенсивности контактов сторон в области военного сотрудничества. Если в последние годы правления администрации Дж. Картера фактически оформился консенсус по вопросам военных связей с Китаем, то при Р. Рейгане эта проблема вновь обострилась. В начале 80-х годов в администрации развернулась ожесточенная борьба из-за выбора путей и форм дальнейшего развития отношений с Китаем, в том числе и в военной сфере. При этом наибольшим влиянием пользовались взгляды Р. Рейгана, особенно по тайваньскому вопросу.

Рейган проявил в этой области определенную двойственность. С одной стороны, он выступал за расширение военных связей с КНР для усиления нажима на СССР, а с другой — пытался усилить в военном отношении Тайвань, что в свою очередь блокировало развитие военных связей с КНР.

В ходе поездки госсекретаря А. Хейга в КНР летом 1981 г. США предприняли попытку навязать Китаю «пакетную» сделку, составными элементами которой должно было стать дальнейшее развитие «стратегических» отношений с Пекином и сохранение военных и политических связей Вашингтона с Тайванем. Эти переговоры не смогли привести к сдвигам в сфере американско-китайских военных отношений, так как Китай не добился прогресса в одном из главных для него вопросов — о прекращении американских военных поставок на Тайвань. Подписание компромиссного коммюнике от 17 августа 1982 г. только несколько приглушило остроту тайваньской проблемы в контексте американско-китайских отношений и отложило ее решение на будущее.

С 1983 г. американские правящие круги вновь стали проявлять заинтересованность к развитию военных связей с Китаем. Пытаясь обосновать подобные попытки, представители администрации, как и в 70-е годы, начали делать упор на «общность интересов» США и Китая. «Мы не только все вместе заинтересованы в том, чтобы отразить советский экспансионизм, — заявил К. Уайнбергер 18 ноября 1983 г. в Торговом совете Нью-Йорка, — но и признаем также, что нашим национальным интересам и интересам наших союзников соответствует то, чтобы Китай был сильным, чувствовал себя в безопасности и дружески относился к нам». Новым элементом трактовки «национальных интересов» США стало включение положения о «дружественном отношении» Китая. Руководитель американского военного ведомства в качестве перспективы военно-политических отношений между странами предусматривает «осуществление взаимодополняющих акций» на основе «общих интересов». Таким образом, правящие круги США не оставляют попыток использовать Китай в своих военно-стратегических интересах. В ежегодном докладе министерства обороны, представленном конгрессу в начале 1984 г., прямо говорится, что США «продолжают усилия по развитию долгосрочных и надежных отношений с КНР»³¹.

Важную роль в этом сыграли визиты в КНР американского госсекретаря Дж. Шульца. В ходе его пребывания в Пекине обе стороны создали «рабочие группы» и «смешанную комиссию» для разработки мер по развитию сотрудничества в военной области. «Комиссия», разрабатывавшая повестку готовившегося визита К. Уайнбергера в КНР, рекомендовала расширение обменов официальными военными представителями, улучшение связей между военными атташе сторон, сотрудничество в области военных наук, военной медицины и в материально-техническом обеспечении армии³².

³¹ C. W. Weinberger. Annual Report to the Congress, FY 1985. Washington, 1984, p. 40.

³² In: "Daily Telegraph", 5.III.1983; "Baltimore Sun", 5.III.1983.

Большую роль в развитии военно-технических связей между США и КНР сыграла поездка в Пекин в мае 1983 г. министра торговли М. Болдриджа. В этот период США готовились к переводу Китая в категорию «дружественных, неприсоединившихся» стран с целью упрощения процедуры оформления поставок американской наукоемкой продукции, способной найти применение в военной области. В этот период США попытались выявить наиболее привлекательные для Китая формы связей в этой области, чтобы придать новый импульс военным отношениям.

Визит в КНР министра обороны США К. Уайнбергера 25—29 сентября 1983 г. следует рассматривать в свете общей активизации американской силовой политики в мире, в том числе на Дальнем Востоке, а также стремления придать дополнительный импульс военным отношениям с КНР. В ходе переговоров в Китае шеф Пентагона провел дискуссии с китайскими руководителями по стратегическим вопросам; обсуждались перспективы передачи Китаю технологии «двойного применения»; рассматривались возможности продажи «оборонительного» оружия, включая его совместное производство на китайской территории, и планы обмена военными делегациями, начиная с 1984 г.

Министр обороны КНР положительно оценил курс американской администрации на наращивание военной мощи. Таким образом, Китай не смог до конца отойти от концепций взаимоотношений между великими державами, характерных для 60-х и 70-х годов, когда китайское руководство строило свои неоправдавшиеся стратегические расчеты на срабатывании США и СССР.

В практическом плане осенью 1983 г. появились новые свидетельства обсуждения вопроса о заходе кораблей 7-го флота США в китайские порты³³. В интервью газете «Ёмпури» от 21 сентября 1983 г. шеф Пентагона прямо заявил, что Вашингтон «серьезно изучит вопрос о заходе в китайские порты кораблей 7-го флота». По свидетельству бывшего заместителя директора Группы планирования политики в госдепартаменте П. Крайберга, осенью 1983 г. Пекин отклонил американское предложение об отправке китайских военных кораблей с визитом в Гонолулу. В США это расценили как отказ КНР «внести свой вклад в оборону морских коммуникаций в Восточной Азии»³⁴. Само же предложение США, скорее всего, было сделано в расчете на продвижение вопроса о заходе американских боевых кораблей в китайские порты.

В плане активизации американо-китайских контактов в военной сфере можно рассматривать и визит премьера Госсовета КНР Чжао Цзяна в США с 10 по 17 января 1984 г. Эта поездка во многом способствовала выявлению возможностей и пределов развития отношений между США и КНР в военно-политической, военно-экономической и военно-технической областях³⁵.

Особенностью развития американо-китайских отношений в 1983—1984 гг. стало то, что стороны постарались направить их в русло расширения экономического и научно-технического сотрудничества, избегая обострений. Обе стороны вновь приступили к развитию отношений в военной области. В военно-политическом сотрудничестве США и КНР на региональном уровне упор был сделан на Афганистан и Кампучию.

³³ После китайской агрессии против СРВ в 1979 г. США подняли вопрос о заходе американских боевых кораблей в китайские порты. В тот период Китай, по-видимому, отверг это предложение. Однако США впоследствии неоднократно возвращались к этому вопросу. — (См., напр., «Ёмпури», 3.I.1982)

³⁴ «New York Times», 25.XII.1983.

³⁵ Подробнее о визите Чжао Цзяна см.: И. А. Ильин, Ф. И. Ликин. Вашингтон — Пекин: новый этап сотрудничества. — «Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 1, с. 131—136.

Характерной чертой американской политики в отношении Китая в военной области при администрации Р. Рейгана стало то, что США взяли на себя «обеспечение вклада в модернизацию Китая, в том числе в военную модернизацию»³⁶. В практическом отношении США расширили число категорий технологии двойного применения для предоставления Китаю.

Позицию китайской стороны отличает высокая степень заинтересованности в получении доступа к американской технологии двойного использования и оружию. Главным препятствием является недостаток у Китая финансовых средств. В целом же отмечается тенденция к нарастанию объема американо-китайского сотрудничества в области передачи Китаю технологии двойного использования. По данным государственного департамента, число китайских заявок на товары двойного назначения возросло с 2355 в 1982 г. до 3900 в 1983 г. В 1983 г. было одобрено 3314 китайских заявок на сумму до 800 млн. долл., в то время как в 1982 г. общий объем одобренных 2020 заявок составил всего около 400 млн. долл., а в 1981 г. лицензий было выдано на 200 млн. долл.³⁷

Однако американская политика в этом вопросе наталкивается на сопротивление союзников США. В частности, Франция и Япония с беспокойством оценивают перспективы передачи технологии в Китай. Японская газета «Асахи» от 23 сентября 1983 г. подчеркивает «необходимость серьезного подхода в вопросу о передаче Китаю технологии на долгосрочной основе с учетом безопасности Запада».

В этом вопросе американская администрация сталкивается также с серьезным внутренним сопротивлением. Так, крайне правая организация «Консерватив кокэс», входящая в число основных сторонников Р. Рейгана, в начале 1984 г. намеревалась внести поправку к законопроекту о контроле над экспортом, которая позволила бы расстронть планы администрации в связи с причислением Китая к категории «дружественных, неприсоединившихся стран».

На практике США уже приступили к реализации крупных проектов в области передачи технологии, способствующей повышению общего военно-промышленного уровня Китая. В области авиационной техники США стали для Китая одним из важнейших источников пополнения парка транспортной авиации. Кроме ранее закупавшихся самолетов, Китай в 1982 г. принял решение закупить еще 10 транспортных самолетов «Боинг-737-200» и два самолета «Боинг-747»³⁸. Были заказаны также два самолета «DC-9» фирмы «Макдонелл — Дуглас». Видно, сотрудничество с этой компанией представляется китайской стороне наиболее перспективным, так как в начале 1984 г. «Макдонелл — Дуглас» и китайские представители подписали письмо-обязательство о начале с 1985 г. совместного производства в Шанхае 25 транспортных самолетов «MD-80» (усовершенствованный вариант «DC-9»). В 1983 г. КНР уже закупила два таких самолета. Другая американская фирма — «Пратт энд Уитни» — рассчитывает заработать около 150 млн. долл. на поставках Китаю авиадвигателей для самолета «MD-80»³⁹. К 1982 г. в распоряжении Китая имелось уже 10 вертолетов фирмы «Белл хеликоптер» из числа ранее заказанных и собранных на месте. В это же время Сианьский авиационный завод совместно с фирмой «Боинг» наладил производство титановых и алюминиевых де-

³⁶ Annual Report..., 1984, p. 269.

³⁷ In: "Washington Post", 24.IX.1983; "Far Eastern Economic Review", March 8, 1984.

³⁸ "Far Eastern Economic Review", 1982, N 47, p. 78; "New York Times", 24.XI.1982.

³⁹ In: "Aviation Week and Space Technology", 1984, N 3, p. 29.

талей 106 наименований для американской авиастроительной промышленности на сумму 3,4 млн. долл.⁴⁰

Китай наладил также сотрудничество с фирмами, строящими авиадвигатели с использованием американской технологии: с канадским отделением американской компании «Пратт энд Уитни», французской «SNECMA». В 1984 г. стало известно о прямых контактах китайских представителей с американской компанией «Пратт энд Уитни» с целью закупки сотен американских реактивных двигателей для оснащения новых китайских истребителей⁴¹. Известна китайская заинтересованность в приобретении и совместном производстве французских истребителей-бомбардировщиков «Мираж-2000», американских «F-16» и «F-15».

Китай наладил сотрудничество с США в области автомобилестроения. В 1983 г. Пекинский автозавод и компания «Америкэн моторс» создали совместную компанию «Пекин джип корпорейшн», которая будет выпускать легкие модели военных джипов и грузовиков. Китай заключил аналогичные соглашения в этой области также с японскими фирмами «Исуцзу моторс» и «ИТО»⁴².

В 1983—1984 гг. продолжались переговоры по вопросу о непосредственных закупках Китаем оружия в США. Американская позиция сводилась к тому, что Китай на конец 1983 г. имел возможность закупить непосредственно в США 32 вида товаров военного назначения, часть которых составляют боеприпасы. США готовы открыть доступ еще к 11 видам военных товаров при наличии гарантий, что Китай не будет передавать их третьим странам⁴³.

Открывая двери своих arsenалов вооружений, Соединенные Штаты, несомненно, учитывают конкретные запросы своих китайских партнеров. В марте — апреле 1984 г. страницы мировой печати обошли сообщения о пребывании в США китайской военной делегации во главе с Чжан Пинем, которая посетила военные промышленные предприятия в 14 американских городах⁴⁴.

В целом в последнее время американская практическая политика в вопросе о военных отношениях с КНР в значительной степени активизировалась, что вызвано, по-видимому, нарастающими опасениями Соединенных Штатов Америки относительно возможности отхода Китая от политики сотрудничества с ними. На передний план в приоритетах администрации выдвинулись предвыборные соображения, требующие достижения внешнеполитического «успеха».

Визит американского президента Р. Рейгана в КНР, состоявшийся в апреле — мае 1984 г., придал дополнительный импульс американским усилиям, направленным на развитие отношений с Китаем в военной области. Обращает на себя внимание попытка республиканской администрации активнее использовать «китайский фактор» в контексте противостояния Советскому Союзу в Азии, американского наращивания военной мощи в этом районе. Р. Рейган вновь подчеркнул, что антисоветизм является основой дальнейшего развития отношений с Китаем в широкой сфере, в том числе и в военной области. Американский гость подтвердил готовность США оказывать поддержку военной «модернизации» Китая.

Накануне и в ходе визита Р. Рейгана в Китай появились новые свидетельства развития связей между военными ведомствами обеих

⁴⁰ In: "China Trade Report", 1982, N 17, p. 132; "Aviation Week and Space Technology", 1982, N 17, p. 31.

⁴¹ In: "Washington Inquirer", 7.III.1984; "Far Eastern Economic Review", March 8, 1984.

⁴² In: "China Trade Report", 1983, N 3, p. 3.

⁴³ In: "Washington Post", 28.IX.1983.

⁴⁴ In: "Washington Post", 12.III.1984; "Daily Telegraph", 13.III.1984; «Ляньхэ цзаобло» (Сингапур), 31.III.1984.

стран, интенсивность которых в первой половине 1984 г. резко возросла. В ходе обмена визитами представителей министерств обороны США и КНР, как сообщается в печати, шла активная подготовка к заключению сделок по закупке Китаем американского оружия и технологии с потенциальным военным применением. Переговоры о продаже Китаю оружия продвигались в этот период быстрыми темпами.

В ходе визита Р. Рейгана в КНР Соединенные Штаты вновь попытались расширить сферу военно-политического сотрудничества с Китаем. В центре их усилий оказались попытки шире использовать Китай против СССР. США добивались китайской поддержки в решении корейской проблемы на американских условиях, американских усилий по расширению военных функций Японии, а также агрессивной политики Соединенных Штатов в других районах мира.

В плане дальнейшего развития американо-китайских связей следует рассматривать визит в США члена Госсовета, министра обороны КНР Чжан Айпина, который состоялся в июне 1984 г. В результате переговоров китайского представителя с Р. Рейганом, К. Уайнбергером и другими высшими чиновниками администрации было в значительной степени продвинуто вперед сотрудничество сторон в военной сфере, коснувшееся выработки практических мер по усилению военного потенциала КНР, ее военно-промышленной и научно-технической базы. Как отмечалось в заявлении Пентагона, китайские и американские представители обсуждали способы более полного удовлетворения потребностей «безопасности» обеих стран, и в частности пути модернизации своих вооруженных сил.

По сообщениям, США в предварительном порядке согласились продать КНР зенитные ракеты «Хок», противотанковые вооружения и технологию по производству артиллерийских снарядов⁴⁵.

Важной мерой, повышающей уровень американо-китайского сотрудничества в военной области, стало решение Р. Рейгана в июне 1984 г. о распространении на Китай действия американской правительственной программы продажи военного снаряжения иностранным государствам. Это предусматривает выделение кредитов на военные закупки Китая в США⁴⁶.

США и КНР договорились о продолжении практики встреч между министрами обороны и обмена военными делегациями.

Активизация азиатского направления в международной и военной политике американского империализма в последние годы свидетельствует о его намерении привести в жизнь этого обширного района земного шара политическую напряженность и атмосферу недоверия, гонку вооружений и конфронтацию.

Этот опасный курс американского империализма противоречит интересам мира и социализма, не соответствует чаяниям народов Азиатско-тихоокеанского региона, в том числе интересам китайского народа.

⁴⁵ In: "Washington Post", 15.VI.1984.

⁴⁶ In: "Far Eastern Economic Review", June 28, 1984.

К итогам II сессии ВСНП шестого созыва

Г. А. АЛЕКСЕЕВ

С 5 по 31 мая 1984 г. в Пекине проходила 2-я сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) шестого созыва.

На сессии были заслушаны доклады премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна о работе правительства, председателя Госплана КНР Сун Пина о плане экономического и социального развития страны на 1984 г., министра финансов КНР Ван Бинцяна об исполнении бюджета за 1983 г. и проекте бюджета на 1984 г., доклад заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Чэнь Пинсян о работе комитета, председателя Верховного народного суда КНР Чжэн Тяньсяня и генерального прокурора Верховной народной прокуратуры КНР Ян Ичэня. Доклады были одобрены, и по ним приняты соответствующие постановления.

Сессия обсудила и приняла «Закон КНР об автономии национальных районов», «Закон о воинской обязанности» и «Закон о создании Хайнаньского административного района КНР».

Доклад главы китайского правительства¹ состоит из двух частей — о внутренней и внешней политике КНР.

Во внутривластной части доклада Чжао Цзыяна центральное место занимают два взаимосвязанных вопроса — о дальнейшем углублении реформы хозяйственной структуры города и деревни и расширении политики «открытых дверей» с целью всемерного привлечения в китайскую экономику иностранного капитала. Правительство КНР считает, отметил его глава, что это — «два важнейших направления всей дальнейшей экономической деятельности» в стране.

Доклад Чжао Цзыяна построен так, что мероприятия, намеченные правительством для реализации названных направлений, воспринимаются на фоне уже достигнутых результатов в области экономической реформы в деревне и в области политики «открытых дверей». Последние выступают в качестве важнейшего аргумента в пользу нынешнего курса китайского руководства.

Общая ситуация в стране, по словам Чжао Цзыяна, развивается успешно: «страна добилась охватывающих успехов на всех фронтах». Были приведены данные о развитии народного хозяйства, науки, просвещения, культуры, здравоохранения и спорта.

В 1983 г. прирост валовой промышленной продукции составил 10,5, а сельскохозяйственной — 9,5 %. По объему валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, а также производству 30 с лишним главных видов продукции — зерна (387,3 млн. т, включая сою, батат, картофель в пересчете на зерно), хлопка-волокна (1,039 млн. т), угля (715 млн. т), нефти (106 млн. т), стали (40 млн. т), цемента (100 млн. т), химических удобрений и др., показатели, предусмотренные шестым пятилетним планом на 1985 г., достигнуты на два года раньше срока.

Премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян выразил «уверенность», что шестой пятилетний план (1981—1985) будет выполнен и даже перевыполнен.

В докладе приведены данные о росте жизненного уровня городского и сельского населения. Часть доходов рабочих и служащих, идущая на бытовые нужды, составила в расчете на каждого члена семьи 526 юаней, что на 6,4 % превысило уровень 1982 г., а чистый доход крестьян — в среднем 309,8 юаня на человека, что на 14,7 % выше уровня 1982 г.

Наряду с этим в докладе Чжао Цзыяна и в других докладах и выступлениях отмечались и существенные трудности в экономическом развитии. Это, прежде всего, как указал Чжао Цзыян, низкая экономическая эффективность производства, «экономические отношения не приведены в гармонию», «система цен нерациональна». В результате «государство несет на себе тяжелое бремя госдотаций, центр испытывает довольно серьезные финансовые затруднения».

Возросшие производственные показатели, известное оживление на рынках, первые шаги в деле удовлетворения насущных потребностей народа, известное ослаб-

¹ См.: «Жэньминь жибао», 2.VI.1984.

ление жестко нормированного снабжения предметами первой необходимости — все это, несомненно, положительные сдвиги в жизни китайских трудящихся, коренные материальные интересы которых игнорировались на протяжении долгого времени.

Однако нельзя не отметить, так сказать, чисто «производственный», утилитарный подход к социально-экономическим, и уже в силу этого политическим проблемам реформы в докладе главы китайского правительства, как и в других докладах сессии. Оптимистические оценки ситуации в сельском хозяйстве страны не могут скрыть нарастания чрезвычайно сложных социально-экономических проблем в китайской деревне. В нашей печати уже анализировалась реформа хозяйственной структуры китайской деревни², а также широкая дискуссия о формах собственности³. Цель экономической реформы состоит прежде всего во всемерном увеличении товарности сельскохозяйственной продукции. Полагают, что на данном этапе шаг к этой цели можно сделать за счет повышения трудовой активности крестьян, последняя же, считается, может быть повышена путем создания благоприятных условий для конкуренции между группами населения или отдельными лицами. Основная форма организации и оплаты труда в деревне — семейный подряд. При чисто «производственном подходе», когда определяющим мотивом государства является товарность продукции, эффективность использования земли и основных фондов, предпочтение, естественно, отдается зажиточным («сильным») семьям. Им предоставляются лучшие участки земли, угодий, кредиты и прочее. Заметим, что в 60-е годы китайское крестьянство официально делилось на две категории: а) более или менее зажиточное («сильные» семьи) и б) «бедняки и низшие слои середняков» («слабые» семьи), которые нуждались в материальной помощи и поддержке коллектива и государства. Вторая группа составляла абсолютное большинство крестьянства. Следовательно, есть основания предположить, что только незначительная часть китайского крестьянства, «сильные» семьи способны наиболее активно включиться в конкуренцию за лучшие условия подрядного хозяйствования. По крайней мере в отраслях, составляющих основу сельскохозяйственного производства.

Возможности повышения товарности, производительности труда за счет интенсификации ручного труда ограничены. Общее направление реформы таково, что крестьян призывают по возможности механизировать труд, использовать современные приемы агротехники. Это, с одной стороны, требует от семей значительных средств, с другой — существенно укрепляет экономическую мощь «сильных» хозяйств.

Как в связи с этим мыслит себе руководство КПК будущее китайской деревни? На XII съезде КПК в сентябре 1982 г. указывалось на этот счет, что крестьяне будут добровольно объединяться в кооперативы на «новой основе»⁴. И здесь мы имеем дело со слегка завуалированным игнорированием социального, классового аспекта.

Обратимся, однако, к докладу Чжао Цзяяна. Достижения минувшего года послужили аргументом в пользу требования «ускорить темпы реформы в городе». Цель реформы состоит в том, чтобы повысить экономическую эффективность промышленности и других сфер городского хозяйства. Предполагается, что прежде всего необходимо всемерно повысить трудовую активность рабочих и служащих, научного и технического персонала путем создания условий для развертывания конкуренции между предприятиями, а также за счет постепенного внедрения в производство механизации труда.

В докладе главы китайского правительства внимание было сосредоточено на следующих моментах.

Он призвал покончить с таким изъятием, как «питание из общего котла», когда хорошо работающие предприятия и соответственно его рабочие и служащие уравняются с плохо работающими.

Чтобы установить правильные отношения между государством и предприятиями в области распределения, сказал Чжао Цзяян, необходимо, с одной стороны, обеспечить устойчивый рост госбюджетных доходов, с другой — гарантировать предприятиям известное количество финансовых средств для «самохозяйствования». Эксперименты минувшего года показали, что замена отчислений от прибыли госпредприятий налогами дала определенный эффект.

В условиях выполнения государственных планов по всем показателям государственные предприятия имеют право самостоятельно устанавливать заработную плату и премиальные. Они могут применять такие формы оплаты труда, как различные премиальные, сдельная и «плавающая» зарплата, надбавки за специфику работы и т. д. Государство не ограничивает размер премиальных.

В целях повышения производственно-хозяйственной активности предприятий, указывается в докладе Чжао Цзяяна, уже «расширены их права на самохозяйствова-

² См.: Л. А. Волкова. Тенденции изменений форм хозяйственной организации в китайской деревне в начале 80-х годов. — «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 1; И. Н. Коркунов. Социально-экономические проблемы китайской деревни. — «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 1.

³ И. Н. Наумов. Дискуссия о формах собственности в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 4.

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 7.1X.1982.

ние» — в отношении планирования оперативно-хозяйственной деятельности, сбыта продукции, установления на нее цен, выбора поставщиков сырья и материалов, использования денежных средств, распоряжения основными фондами, учреждения структурных подразделений, управления кадрами и организации труда, оплаты труда и выплаты премий, совместного ведения хозяйственной деятельности с другими предприятиями. Кроме того, указывается на необходимость перехода к системе ответственности директоров за руководство производством предприятия.

Последний пункт предусматривает существенное расширение прав директора. Агентство Синьхуа 21 мая 1984 г. дало следующее разъяснение этого пункта в докладе Чжао Цзыяна. Директорам предприятий дано право назначать своих заместителей и других административных работников, а также право на вознаграждение и наказание рабочих и служащих, включая повышение по службе и увольнение. Они могут приглашать технический персонал и работников управления из других предприятий и районов страны, выдвигать на руководящую работу рабочих и служащих, определять их зарплату.

В разъяснении подчеркивается, что государственное предприятие может оставлять себе 70 % амортизационного фонда и свободно распоряжаться своими фондами развития производства, освоения новых видов продукции, резервным и премиальным фондами, а также фондом социального обеспечения.

В связи с предоставлением директорам столь широких прав и полномочий премьер Госсовета Чжао Цзыян, правда, отметил, что «необходимо путем проведения целого ряда эффективных мер на деле гарантировать участие рабочих и служащих в демократическом управлении предприятием, усовершенствовать систему собраний их представителей, выявив при этом ее роль при утверждении решений, имеющих важнейшее значение для предприятия, в обеспечении интересов и прав рабочих и служащих и т. п., и тем самым воплотить в ней хозяйское положение масс рабочих и служащих».

Трудно сказать, когда и какая «система демократического управления» будет учреждена на китайских предприятиях. Однако из китайской печати и материалов сессии ВСНП следует, что деятельность многих руководителей предприятий зачастую выходила за рамки законности, что выражалось в различного рода злоупотреблениях служебным положением в узковедомственных и личных целях.

Так, в докладе министра финансов КНР Ван Бинцяна отмечалось, что с 1980 г. правительством трижды организовывалась финансовая проверка и всякий раз нарушения финансово-экономической дисциплины выражались в сумме 3—4 млрд. юаней. Докладчик объясняет такие факты тем, что «в ходе пересмотра некоторых порядков в системе управления не велась своевременно работа по проверке и контролю, усилились такие ошибочные тенденции, как стремление к сепаратизму, к узкой ведомственности и к тому, чтобы «во всем ориентироваться на деньги».

Мелкие государственные предприятия, отметил Чжао Цзыян, могут передаваться на условиях подряда или аренды под управление отдельным лицам или группам людей, при этом они должны будут выплачивать государству налоги в порядке, предусмотренном для предприятий коллективной собственности.

В докладе Чжао Цзыяна указывается, что реформа хозяйственной структуры в городе должна наиболее активно проводиться прежде всего в строительстве. Чтобы повысить эффективность капитальных вложений, рекомендуется всем стройкам заключать соглашения по подряду на использование фиксированных капиталовложений.

Чжао Цзыян призвал «энергично вводить многообразные формы хозяйственной ответственности, самой существенной из которых является конкурсный подряд». Это относится как к строительно-монтажным, так и к проектным организациям. Заявки на подряд могут подавать все государственные и основанные на коллективной собственности проектные и строительно-монтажные организации независимо от района или ведомства. «Надо поощрять конкуренцию и предотвращать монополию», — подчеркнул Чжао Цзыян.

Рекомендовано увеличивать удельный вес временных и сезонных рабочих, активно вводить трудовой договор.

В жилищном строительстве рекомендовано экспериментировать по линии «превращения жилой площади в товар».

Много внимания в докладе Чжао Цзыяна отведено реформе в сфере обращения.

Рекомендовано сократить номенклатуру и количество продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, закупаемой в централизованном порядке, и расширить сферу свободного сбыта. Прежние «казенные» снабженческо-сбытовые кооперативы, сказал Чжао Цзыян, необходимо сделать «народными», действительно работающими на началах коллективной собственности.

Заметим, что при «чисто экономическом» подходе место и роль крестьянина в кооперативе определяются размерами его вноса. Такие кооперативы могут подпасть под контроль не представляющего всю китайскую деревню преуспевающего меньшинства.

Большое значение в докладе Чжао Цзыяна придается реформе внешней торговли, которая должна проходить в двух направлениях: административные органы должны осуществлять единое планирование и регулирование, контроль, разрабатывать уставы, планы и стандарты, выдавать лицензии, а внешнеторговые предприятия (цент-

ральные и местные экспортно-импортные компании) должны самостоятельно вести хозяйственную деятельность на началах самоокупаемости.

Как мы уже отмечали, вторым, помимо хозяйственной реформы, важнейшим направлением экономической деятельности в докладе Чжао Цзыяна названа работа по расширению политики «открытых дверей». Сверх четырех существующих «экономических зон», открытых для иностранного капитала, облегчается его доступ в 14 крупнейших портовых городов — Далянь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Ляньюньган, Наньтун, Шанхай, Нинбо, Вэньчжоу, Фучжоу, Гуанчжоу, Чжэньцзян, Бэйхай, а также на остров Хайнань. В этих городах иностранные предприниматели, вложившие капитал в строительство промышленных предприятий и других объектов, как сказал Чжао Цзыян, могут пользоваться значительными льготами.

«Вышеуказанные портовые города и четыре особых экономических зоны, — подчеркнул глава китайского правительства, — соединяясь на морском побережье в одну линию, образуют переднюю полосу, открытую нами для внешнего мира». Правительство рассчитывает не только на развитие таким путем этой «полосы» всего побережья Китая, но и на то, чтобы «поддержать и подтянуть внутренние районы страны в смысле заимствования передовых достижений техники, распространения опыта научного управления, передачи экономической информации, подготовки кадров и оказания поддержки кадрами, эффективно стимулировать развитие дела социалистической модернизации у нас в Китае».

Чжао Цзыян призвал повысить роль научной и технической интеллигенции, создавать условия для повышения квалификации и общего образования рабочих, служащих, кадровых работников. Последние должны будут периодически проходить аттестацию, директора — специальные экзамены.

* * *

Во внешнеполитической части своего доклада Чжао Цзыян отметил, что «еще ближе стали наши отношения с дружественными нам соседними странами — Кореей, Пакистаном, Бангладеш, Непалом и Бирмой». Обратим внимание на такой факт: Пакистан и Бангладеш не являются непосредственными соседями Китая, а вот большинство его непосредственных соседей — СССР, МНР, ДРА, Индия, Бутан, Лаос и СРВ — не вошло в число «дружественных».

Подчеркнув, что Китай придает важное значение китайско-американским отношениям, Чжао Цзыян заявил, что тайваньский вопрос остается препятствием на пути развития отношений между двумя странами.

В области отношений с другими странами глава китайского правительства отметил, что «отношения дружественного сотрудничества Китая с Румынией и Югославией зиждутся на прочной основе» и что улучшились отношения КНР с социалистическими странами Восточной Европы.

Как позитивный факт расценивается в докладе Чжао Цзыяна продолжение советско-китайских консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел двух стран, а также расширение торгово-экономического и культурного обмена и контактов по другим линиям. Он заявил, что Китай «желает нормализации советско-китайских отношений и готов развивать между двумя странами обмен в области экономики, техники и культуры». Докладчик отметил «длительное сотрудничество между Китаем и Советским Союзом в революции и строительстве».

Наряду с этим глава китайского правительства повторил известные утверждения китайской стороны о существовании «препятствий» на пути нормализации отношений между двумя странами, заявив, будто эти препятствия представляют «угрозу безопасности Китая».

Можно было бы только приветствовать заявление главы китайского правительства о том, что защита мира во всем мире является первоочередной задачей внешней политики КНР.

Нельзя, однако, не обратить внимание на тот факт, что судя по заявлениям руководителей Китая, основным направлением внешнеполитического курса является стремление использовать международную напряженность в узконациональных интересах. Чжао Цзыян квалифицирует принципиальную классовую борьбу двух мировых систем, как «борьбу двух сверхдержав за мировое господство». Стремление наиболее агрессивных империалистических кругов капиталистических стран, особенно США, добиться военного превосходства над миром социализма, чтобы беспрепятственно действовать с позиции силы, безнаказанно подавлять борьбу народов за независимость и социальный прогресс, Чжао Цзыян называет процессом усиления «глобальной схватки двух сверхдержав». Усиление напряженности в мире в связи с размещением в некоторых странах НАТО американских ракет средней дальности, вынудившее СССР принять ряд ответных мер, Чжао Цзыян квалифицирует как «обострение военного противостояния сверхдержав в Европе» и т. д. В этой позиции просматривается стремление использовать нынешнюю ситуацию, ставящую усилия империалистических сил мир на грань ядерной катастрофы, для извлечения экономических и политических выгод для Китая.

В докладе Чжао Цзыяна содержатся известные нападки на СРВ, оказывающую интернациональную поддержку народу Кампучии в его борьбе против происков сил

империализма и реакции по просьбе правительства этой страны, искажается положение в ДРА, по просьбе правительства которой Советский Союз оказывает афганскому народу интернационалистскую помощь в борьбе против контрреволюции и внешней реакции. Политическое и экономическое давление на СРВ, усиливающиеся военные провокации против Вьетнама, поощрение и участие в вооруженном вмешательстве в дела Афганистана, попытки дискредитировать интернационалистскую помощь СССР ДРА — разве это не очевидные проявления регионального гегемонизма Пекина?

Заметим, что именно интернациональную помощь СССР СРВ и ДРА в Китае называют двумя из трех «препятствий» на пути нормализации межгосударственных отношений СССР и КНР, хотя отношения с третьими странами неправомерно привлекать в качестве такого препятствия. Третьим «препятствием» называют присутствие советских войск на Советском Дальнем Востоке и в Монголии. Между тем хорошо известно, что их присутствие не причина напряженности в отношениях между СССР и Китаем, а ее следствие. Источник же напряженности следует искать по другому адресу.

* * *

В целом, анализируя материалы сессии ВСНП, можно сделать вывод, что внутренней политике китайского руководства свойственны глубокая неопределенность, стратегии общественного развития, попытки игнорировать классовый подход в ходе реформы хозяйственной структуры города и деревни. Экономическая деятельность как бы рассматривается с «чисто производственной» стороны, вне связи с производственными отношениями, неизбежно складывающимися в ее результате. Разумеется, надстройка отнюдь не пассивна к этим процессам, но ее позитивная регулирующая роль может быть оптимальной только при наличии стратегического плана развития народного хозяйства, включая производственные отношения.

В Китае это многие понимают, эти проблемы активно обсуждаются. В китайской печати отмечалось, что участники 2-й сессии ВСНП шестого созыва высказали 2248 критических замечаний, мнений и предложений⁵. Был проведен ряд совещаний по проблемам хозяйственной реформы. Так, Исследовательский центр Секретариата ЦК КПК провел совещание с участниками сессии по вопросам реформы в деревне, на котором отмечалось, что «пока существуют неясности в этом деле»⁶.

На совещании руководителей государственных и партийных органов городов Китая по вопросам реформы в городе, на котором присутствовали член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета Вань Ли и член Секретариата ЦК КПК Ху Цили, также было указано лишь на необходимость всемерного содействия проведению реформы в жизнь⁷.

Внешнеполитическая часть доклада Чжао Цзыяна говорит о продолжающемся игнорировании классового подхода к современным международным проблемам, попытках встать над законами общественного развития в современную эпоху.

* * *

Как уже указывалось, на сессии были приняты три закона. «Закон о воинской обязанности» прежде всего предусматривает ряд мер по укреплению армии квалифицированными, технически образованными специалистами младшего командного состава. Главная роль отводится обязательной службе, но она дополняется добровольной службой. Регулярная армия сочетается с системой народного ополчения и службой запаса. Будут постепенно восстановлены воинские звания и знаки различия. Студенты вузов и учащиеся средних школ высшей ступени должны проходить военную подготовку.

Задача состоит в том, чтобы создать «мощную, современную, регулярную, революционную армию», отметил в своих разъяснениях на сессии начальник генерального штаба НОАК Ян Дэчжи. Это диктуется, по его словам, тем, что «в схватке за мировую гегемонию сверхдержавы проводят экспансию и осуществляют агрессию, все еще существует опасность мировой войны»⁸.

С разъяснениями по «Закону КНР об автономии в национальных районах» на сессии выступил заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП и председатель Комитета по делам национальностей ВСНП Нгапод Нгагван-Дзигмэд, который сообщил, что сейчас в Китае 116 национальных автономных единиц — 5 районов, 31 автономный округ и 80 автономных уездов. Они занимают 60 % территории страны. В них проживает 120 млн. человек, в том числе 50 с лишним миллионов представителей национальных меньшинств.

Закон предусматривает, что и впредь будет продолжаться политика районной автономии, «отвечающая национальным особенностям Китая». О праве наций на самоопределение, как и прежде, умалчивается.

«Автономия национальных автономных районов», — отметил Нгапод Нгагван-Дзигмэд, — главным образом заключается в самостоятельном управлении и в налаживании

⁵ «Жэньминь жибао», 31.V.1984.

⁶ Там же.

⁷ См.: там же.

⁸ Там же, 23.V.1984.

хозяйственно-культурного строительства на местах». Основным условием ликвидации неравенства, подчеркнул он, является оказание всемерной помощи нацменьшинствам в ускоренном развитии экономики и культуры. Отмечалось также, что пока процент национальных кадров «весьма невелик».

Сессия приняла «Закон КНР о создании Хайнаньского административного района», который входит в «прибрежную полосу» льготного доступа иностранного капитала. Район включает острова Хоангса и Чыонгса. В Заявлении МИД СРВ от 2 июня 1984 г. отвергается как незаконное решение ВСНП о включении в «Хайнаньский административный район» названных островов. В документе подтверждается суверенитет Вьетнама над этими островами и подчеркивается, что руководители Китая должны нести всю ответственность за последствия своих экспансионистских действий⁹.

С 12 по 26 мая 1984 г. в Пекине проходила также очередная сессия Народного политического консультативного Совета Китая (НПКСК), делегаты сессии присутствовали с совещательным голосом на 2-й сессии ВСНП шестого созыва, приняли участие в консультациях и обсуждениях основных политических установок.

На закрытии сессии председатель ВК НПКС Дэн Инчао отметила, что данная сессия прошла успешно. Была подчеркнута необходимость последовательного проведения в жизнь политики единого фронта и важность налаживания работы с выходцами из старой интеллигенции.

⁹ См.: «Нян Зан», 3.VI.1984.

Индия и Китай: проблема нормализации отношений

Ю. М. РЯКИН

В системе внешнеполитических приоритетов Индии отношения с соседним Китаем по понятным причинам занимают важное место. В последние несколько лет, начиная примерно с середины 70-х годов, Индия предпринимает немалые усилия, чтобы добиться нормализации и последующего развития отношений с КНР. Так, в 1976 г. правительство И. Ганди выступило инициатором восстановления дипломатических отношений с Китаем на уровне послов. Тогда же были отменены ограничения на торговые и финансовые связи, культурные контакты и др. В последующие несколько лет между Индией и КНР активизировался обмен культурными и общественными делегациями. Была возобновлена торговля между двумя странами: в 1979 г. ее объем составил 2 млн. долл., в 1982 г. — 130 млн. долл. Большим событием в сфере индийско-китайских отношений стала встреча между премьер-министром Индии И. Ганди и премьером Госсовета КНР Чжао Цзыяном в октябре 1981 г. в Канкуне. В ходе встречи обе стороны подтвердили стремление к улучшению отношений, признав в то же время, что между Китаем и Индией существует ряд крупных нерешенных проблем.

Разный, а в некоторых случаях противоположный подход Индии и Китая к ряду важных международных и двусторонних проблем не раз прерывал наметившийся процесс налаживания китайско-индийских отношений. Например, в феврале 1979 г. министр иностранных дел Индии А. Б. Ваджапай был вынужден прервать свой визит в КНР в связи с тем, что в это время власти Китая развязали вооруженное нападение на Вьетнам. В октябре 1980 г. правительство КНР демонстративно отложило визит в Индию министра иностранных дел Хуан Хуа, выразив тем самым свое недовольство признанием Народной Республики Кампучии индийским правительством и пытаясь оказать на него таким образом давление. В Индии постоянно вызывает настороженность характер связей Китая со странами Южной Азии, особенно с Пакистаном. Индийское правительство опасается, что направление развития китайско-пакистанских отношений способно нарушить сложившееся в Южной Азии известное политическое равновесие и нанести, таким образом, ущерб интересам Индии.

Однако главным препятствием на пути нормализации и развития китайско-индийских отношений правительство Индии считает пограничный вопрос.

По мере развития китайско-индийских контактов все более очевидным становился в корне различный подход Индии и Китая к вопросу о границе. Если Индия неизменно характеризовала вопрос о границе как центральный во всем комплексе китайско-индийских отношений, то китайская сторона, апеллируя к индийской аудитории, настойчиво убеждала ее в возможности развития отношений между двумя странами и без решения в обозримом будущем пограничной проблемы. Так, заместитель министра иностранных дел КНР Хань Няньлун в апреле 1978 г. в интервью индийской «Стейтсмен» прямо заявил, что Китаю и Индии в области двусторонних отношений следует заниматься «другими вопросами, чтобы создать надлежащую атмосферу», а вопрос о границе отложить на неопределенное время¹. В интервью другому индийскому изданию Хань Няньлун вновь утверждал, что «на данном этапе лучше не трогать пограничный вопрос»². С индийской стороны неоднократно выражалось несогласие с таким подходом к вопросу о границе.

Критику в Индии вызывала и позиция руководства КНР относительно характера китайско-индийской границы. В Индии не могли согласиться с распространявшимися в КНР утверждениями об отсутствии установленной границы между двумя странами и существовании лишь «линии фактического контроля»³. В противовес позиции КНР по территориальной проблеме в Индии подчеркивали, что в результате вооруженного конфликта 1962 г. Китай оккупировал часть индийской территории в западном и

¹ In: "Statesman", 20.IV.1978.

² "India Today", 6.VI.1978.

³ См., напр.: «Жэньминь жибао», 11.I.1977.

центральных секторах границы и претендует на территорию Индии в восточном секторе.

В начале 80-х годов китайские руководители, минуя официальные каналы и обращаясь непосредственно к самой широкой аудитории в Индии, неоднократно высказывали свою точку зрения по пограничному вопросу и способах его решения двумя странами. В этом плане в Индии особое внимание привлекло к себе высказывание заместителя премьера Госсовета КНР Дэн Сяопина в июне 1980 г. в беседе с индийским журналистом: «Я думаю, — сказал китайский руководитель, — что пограничная проблема может быть разрешена в комплексе. Поскольку мы можем признать нынешнюю пограничную линию в восточном секторе, Индии следует признать статус-кво в западном секторе. Эта проблема не должна мешать развитию отношений между нашими странами»⁴. В последующем это предложение, не раз повторенное и получившее в прессе название «комплексной», или «пакетной», сделки, стало стержнем позиции КНР в вопросе о китайско-индийской границе. В Индии оно было расценено как в принципе неприемлемое. Кроме того, оно содержало явно выраженную попытку нажима на индийское правительство, перед которым совершенно недвусмысленно ставился выбор: либо принять условия КНР, либо согласиться с перспективой откладывания решения столь важного вопроса на неопределенно долгий срок.

Вместе с тем индийская сторона, руководствуясь доброй волей и добиваясь взаимоприемлемого урегулирования с Китаем спорных проблем, неизменно проявляла конструктивный подход к отношениям с КНР. В этом плане большое значение придается в Индии официальным китайско-индийским переговорам, ведущимся на протяжении уже почти трех лет. Следует сказать, что переговоры по понятным причинам носят конфиденциальный характер и об их ходе, содержании и результатах можно судить главным образом по отдельным заявлениям официальных лиц, косвенным указаниям и прежде всего сообщениям средств массовой информации.

Первый раунд китайско-индийских переговоров состоялся в декабре 1981 г. в Пекине.

В докладе МИД Индии о внешней политике страны за 1981/82 фин. г. сообщалось, что на переговорах обсуждались пограничный вопрос и вопросы культурного, научного, технического и экономического сотрудничества двух стран. МИД Индии подчеркнул, что обсуждение пограничного вопроса подтвердило наличие серьезных разногласий. Вместе с тем в Индии широко распространилось убеждение, что уже сам факт переговоров имел позитивное значение для развития китайско-индийских отношений. И. Ганди в этой связи заметила, что в отношениях между Индией и КНР «достигнут некоторый прогресс». При этом она выразила уверенность в том, что дальнейшее ослабление напряженности в отношениях между двумя странами зависит от позиции Китая. «В конце концов, ведь это они оккупируют нашу территорию, очень-очень большой участок нашей территории, — заявила И. Ганди. — Дружба с той или иной страной зависит от того, как эта страна относится к вам. Бывает так: вы протягиваете какой-то стране руку дружбы, и она повисает в воздухе. Что можно сделать в таком случае?»⁵

Подтверждением существования серьезных разногласий между сторонами и в известном смысле указанием на позицию КНР в вопросе о границе явилась статья, опубликованная в журнале «Шицзе чжиши» в январе 1982 г. В данной публикации, явно приуроченной к завершившемуся первому раунду переговоров, вновь утверждалось, что вся линия китайско-индийской границы «никогда не была официально установлена». Ответственность за обострение территориальной проблемы между двумя странами была целиком и полностью возложена на Индию, поскольку якобы «после достижения независимости индийское правительство... не только не заняло позицию, учитывающую реальность, а, наоборот, пыталось силой навязать Китаю крайне нерациональное требование на большой кусок территории. В результате возникший в конце 50-х — начале 60-х годов пограничный спор привел к столкновению на границе, что еще больше осложнило эту проблему и поставило дополнительные трудности на пути ее разрешения»⁶. В Индии не осталось незамеченным, что на приложенной к статье географической карте все районы, которые в Китае считаются спорными, были обозначены по китайскую сторону границы.

В дальнейшем в индийской печати появились сообщения, позволявшие достаточно определенно судить о позициях сторон на первом раунде переговоров. Так, хорошо информированная «Хинду» писала в марте 1982 г. что «на переговорах в Пекине Китай в основном подтвердил свою готовность добиваться «всеобъемлющего» решения на основе выраженной им ранее позиции, которая предусматривает признание обеими странами существующей ситуации на границе. Это означает, что Индия отдаст оккупированную (Китаем. — Ю. Р.) территорию в Ладакхе в обмен на признание Китаем линии Макмагона с некоторыми поправками. Индийская делегация предложила, чтобы оба государства приняли предложения, сделанные в Коломбо (имеется в виду сделанное вскоре после индийско-китайского вооруженного

⁴ «Times of India», 22.VI.1980.

⁵ «US News and World Report», 8.II.1982.

⁶ «Шицзе чжиши», 1982, № 1.

конфликта предложение о взаимном отводе войск из спорных районов. — Ю. Р.), в качестве отправной точки для начала переговоров по урегулированию существующей проблемы. Когда Китай отверг эти предложения под предлогом, что они полнотой устарели и не отвечают существующей ситуации, Индия предложила обсуждать проблему по секторам, что оказалось совершенно неприемлемо для Китая»⁷. По сведениям «Хинду», индийской делегации не удалось получить от Китая «удовлетворительных объяснений» по поводу характера его отношений с Пакистаном, Непалом, Бангладеш и Бутаном.

Индийские официальные лица, признавая сложность разделяющих Индию и Китай проблем, настойчиво указывали на готовность Индии добиваться прогресса в отношениях с КНР. Так, И. Ганди в апреле 1982 г., вновь отметив, что между двумя странами «существуют сложные проблемы», заявила, что «Индия стремится к созданию атмосферы доверия и урегулированию всех двусторонних противоречий, включая пограничный вопрос»⁸. Индийские официальные лица подчеркивали, что ответственность за нормализацию китайско-индийских отношений в равной степени лежит на обеих странах. Например, министр иностранных дел Индии П. В. Нарасимха Рао в одном из интервью на вопрос, ожидает ли он прогресса в решении пограничного вопроса с Китаем уже в ближайшем будущем, ответил так: «Этот вопрос следует адресовать обеим сторонам. От нас вы можете ожидать ровно столько, сколько и от них. Однако мы надеемся на то, что прогресс будет достигнут; все будет зависеть от взаимной воли обеих сторон». П. В. Нарасимха Рао счел нужным еще раз подтвердить, что, по мнению Индии, вопрос о границе является основным в комплексе китайско-индийских отношений. При условии его решения, подчеркнул индийский министр, все остальные проблемы китайско-индийских отношений также будут должным образом решены⁹.

В мае 1982 г. в Дели состоялся второй раунд переговоров между Индией и Китаем. П. В. Нарасимха Рао следующим образом прокомментировал его значение: «В данном раунде переговоров обе стороны уделили основное внимание ключевым аспектам пограничного вопроса; особые усилия были сосредоточены на уменьшении существующих между нашими странами значительных разногласий. Для этого каждая сторона представила свои соображения о принципах и методах, которыми надлежит руководствоваться в поисках решения этой проблемы... Главное значение только что закончившихся переговоров в том, — подчеркнул П. В. Нарасимха Рао, — что обе стороны всерьез взялись за решение основных спорных проблем, существующих в отношениях между ними. Поскольку такие проблемы носят чрезвычайно сложный характер, на переговорах о них очень трудно быстро достичь того, что можно было бы назвать сдвигом»¹⁰.

Осторожные, принимая во внимание особую деликатность темы, высказывания министра иностранных дел в известной степени раскрывались сообщениями индийской печати. Так, «Таймс оф Индия» писала: «Политическое урегулирование, предложенное китайской стороной на основе комплексной сделки... не может служить взаимоприемлемой основой для урегулирования пограничного спора, ибо с его помощью пытаются узаконить статус-кво на границе, установленный силой оружия, в частности в западном секторе. Поэтому нужно разработать альтернативные рамки, чтобы обеспечить справедливое решение пограничной проблемы»¹¹.

«Индиан экспресс» сообщала, что в ходе двух раундов переговоров на уровне официальных представителей «правительство Индии уведомило китайцев о том, что не может одобрить комплексное предложение». «В свою очередь Дели, — продолжала «Индиан экспресс», — как полагают, первым предложил, чтобы страны обсудили пограничный вопрос на основе предложений Коломбо. Китайская делегация на это не согласилась. Позже индийцы предложили обсуждать пограничный вопрос в каждом секторе „по отдельности“». По данным «Индиан экспресс», индийские представители довели в ходе переговоров до сведения китайской стороны, что отсутствие «ощутимого прогресса» в решении пограничного вопроса негативно отражается на темпах нормализации двусторонних отношений в других сферах»¹².

Близкая к правительственным кругам «Нэшнл гералд» также сообщала о майском раунде переговоров в весьма сдержанных тонах: «Руководитель китайской делегации на переговорах по пограничному вопросу Фу Хао... повторил, что у китайцев достаточно терпения и уверенности для того, чтобы стремиться к урегулированию. Это означает, что китайцы не спешат решать пограничный вопрос... Позиция Индии, напротив, — подчеркивала «Нэшнл гералд», — заключается в том, что пограничный вопрос имеет решающее значение для развития китайско-индийских отношений. Соответственно все остальные проблемы отходят на второй план»¹³.

⁷ «Hindu», 2.III.1982.

⁸ «National Herald», 17.IV.1982.

⁹ In: «Times of India», 16.IV.1982.

¹⁰ «National Herald», 30.V.1982.

¹¹ «Times of India», 18.V.1982.

¹² «Indian Express», 9.VI.1982.

¹³ «National Herald», 25.XI.1982.

Вместе с тем в этот период, несмотря на исключительно сложный характер переговоров с Китаем, в индийских как официальных, так и широких общественных кругах крепла уверенность в возможности конструктивного диалога с КНР. Однако уже в декабре 1982 г. эта уверенность была серьезно поколеблена в результате действий китайской стороны, использовавшей следующий повод: на церемонии закрытия в Дели международных спортивных соревнований среди прочих индийских художественных коллективов выступил танцевальный ансамбль из союзной территории Аруначал-Прадеш, что вызвало исключительно острую реакцию КНР. Агентство Синьхуа утверждало даже, что Индия якобы «стремится узаконить свою оккупацию китайской территории». Союзная территория Аруначал-Прадеш, говорилось в комментарии Синьхуа, была «создана индийским правительством в 1972 г., и большая ее часть — это огромный кусок китайской территории, которая была захвачена на восточном участке китайско-индийской границы южнее незаконной «линии Макмагона» после получения Индией независимости. Китайское правительство категорически отказалось признать незаконно созданный индийским правительством "Аруначал-Прадеш"»¹⁴.

Резкий тон заявлений китайских средств массовой информации в адрес Индии и открытое предъявление ей территориальных претензий в канун очередного раунда переговоров дали «Нэшнл гералд» основание утверждать, что «нынешнее китайское руководство, по-видимому, не испытывает особого стремления к нормализации отношений с Индией». «Нэшнл гералд» констатировала, что эти «заявления китайцев ослабили энтузиазм даже тех, кто на протяжении многих лет выступает за развитие китайско-индийской дружбы». Более того, газета пришла к выводу, что «государства, составляющие ось Вашингтон — Исламабад — Пекин, стремятся поставить Индию в такое положение, когда от нее требовалась бы готовность отразить угрозу как с запада, так и с севера»¹⁵. Все это не могло не создать соответствующий негативный фон для очередного тура переговоров между двумя странами.

29 января — 2 февраля 1983 г. в Пекине состоялся третий раунд китайско-индийских переговоров. По окончании их агентство Синьхуа сообщило, что «из-за различия в позициях двух стран в ходе третьего раунда индийско-китайских переговоров никакого существенного прогресса по этому поводу достигнуто не было».

Об отсутствии прогресса на китайско-индийских переговорах сообщали и официальные лица обеих стран. Министр иностранных дел КНР У Сюецянь заявил на пресс-конференции в Пекине в феврале 1983 г., что «не было достигнуто никакого сдвига в первых трех турах переговоров между двумя странами». В том же месяце И. Ганди также подтвердила, что в результате очередного раунда «достигнуть ничего не удалось».

Определенное представление о ходе переговоров, позициях сторон и их аргументации после трех раундов переговоров дает статья, опубликованная влиятельной «Таймс оф Индия». Анализируя на основе доступной ей информации сложившуюся на переговорах ситуацию, газета писала: «Китай предпочитает отложить решение (пограничного. — Ю. Р.) вопроса на обозримое будущее, пока обе стороны не нормализуют отношения в других областях. В качестве альтернативы Пекин готов к его решению на основе «существующих реальностей» во всех трех секторах границы — западном, центральном и восточном как части «пакетной сделки». В результате это будет означать сохранение за Китаем спорных районов в западном и центральном секторах, которые оккупированы им в 1962 г., в обмен на отказ от требований в отношении районов к югу от линии Макмагона в восточном секторе (входящих теперь в союзную территорию Аруначал-Прадеш). Ни одно из этих предложений не может быть принято Индией, и это вполне закономерно. Индия постоянно утверждала, что такой простой обмен будет представлять собой пародию на ее хорошо обоснованную позицию...»¹⁶. Мнение о невозможности принять предлагаемую КНР «пакетную сделку» широко распространилось в Индии. «Нэшнл гералд» даже писала, что согласие с ней означало бы политическое самоубийство для «любой политической партии Индии»¹⁷.

Разногласия с Китаем по пограничному вопросу продолжали вызывать в Индии серьезную обеспокоенность, тем более что действия КНР не раз давали к тому повод. Например, в 1983 г. индийская печать сообщала, что в КНР вновь была опубликована карта, на которой союзная территория Аруначал-Прадеш была показана как китайская территория¹⁸. Индия была вынуждена заявить протест КНР и Пакистану по поводу открытия ими движения через перевал Кхунджераб, находящийся на контролируемой последним части индийской территории, указав при этом на «незаконное пограничное соглашение между Китаем и Пакистаном». Индийская пресса расценила эти действия КНР как «печальный комментарий к высказанному Китаем желанию улучшить и нормализовать отношения с Индией»¹⁹. Печать Индии с сожалением кон-

¹⁴ «Жэньминь жибао», 9.XII.1982.

¹⁵ «National Herald», 25.XII.1982.

¹⁶ «Times of India», 8.II.1983.

¹⁷ «National Herald», 29.I.1983.

¹⁸ Ип: «Times of India», 3.V.1983.

¹⁹ «Statesman», 24.V.1983.

статировала, что «хотя, безусловно, за последние три-четыре года отношения между Китаем и Индией значительно улучшились, пограничный спор по-прежнему препятствует их окончательной нормализации. Территориальные проблемы, которые обостряются в ходе этого диалога, как и прежде, вызывают серьезные разногласия»²⁰.

Китайские официальные лица со своей стороны продолжали настойчиво подчеркивать, что пограничный вопрос, вызывающий резонную обеспокоенность в политических и общественных кругах Индии, может быть разрешен лишь в неопределенно отдаленном будущем. Так, в мае 1983 г. во время беседы с делегацией КПИ(м) заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин указал, что хотя китайско-индийские отношения улучшаются, «однако существующие проблемы трудны, и требуется время (для их разрешения. — Ю. Р.)». Эту же мысль проводил и премьер Госсовета КНР Чжао Цзянь, выступая 6 июня 1983 г. на I сессии ВСНП шестого созыва. Мнение о возможности разрешения пограничного вопроса лишь в непредсказуемо далеком будущем неоднократно выражали и другие ответственные деятели КНР. Например, во время встречи с генеральным секретарем общества индийско-китайской дружбы министр иностранных дел КНР У Сюецянь прямо заявил, что «не видит перспектив быстрого решения пограничного вопроса»²¹. Ясно, что нарочитый пессимизм китайской стороны в отношении сроков возможного решения вопроса о границе шел вразрез с представлениями Индии на этот счет.

Однако, несмотря на явно определившиеся принципиальные разногласия, правительство Индии продолжало добиваться их разрешения путем переговоров.

24—30 октября 1983 г. в Дели состоялся очередной, четвертый раунд китайско-индийских переговоров.

Перед их началом индийская сторона выступила с официальным заявлением, в котором указывалось, что хотя отношения между двумя странами «постепенно улучшаются», «однако что касается решения пограничной проблемы, то реального прогресса достигнуто не было». Индийская сторона подчеркнула, что она подходит к очередному раунду с конструктивных позиций и будет добиваться установления взаимоприемлемой основы для урегулирования пограничной проблемы.

Твердая и в то же время конструктивная позиция Индии способствовала появлению известного сдвига на ее переговорах с Китаем. Во всяком случае, по окончании четвертого раунда переговоров обе стороны расценили его итоги выше, чем итоги третьего. Официальный индийский представитель охарактеризовал четвертую встречу как «плодотворную» и «обнадеживающую». Агентство Синьхуа в свою очередь отмечало, что стороны заняли на переговорах позитивную позицию. Как явствует из сообщений печати, стороны пришли к определенному согласию по процедурным вопросам. Индия согласилась обсудить предлагаемую Китаем «пакетную» сделку, а последний, не отказываясь от своего «всеобъемлющего подхода», согласился с точкой зрения Индии относительно необходимости обсуждать пограничный вопрос «по секторам». «Нэшнл гералд», например, сообщила, что китайская делегация в начале переговоров по-прежнему настаивала на решении пограничной проблемы на основе «комплексного подхода», но затем согласилась с индийским предложением о поэтапном рассмотрении территориального вопроса по секторам границы²². По сведениям «Пэтриот», в ходе переговоров индийская сторона ясно дала понять, что отвергает попытки легализовать существующий статус-кво на границе или согласиться с потерей территорий, захваченных военной силой²³.

Средства массовой информации КНР распространили собственную версию позиции, занятой на четвертом раунде переговоров китайской стороной. Член китайской делегации изобразил ее в беседе с представителем агентства Синьхуа следующим образом: «Выступая за всеобъемлющее решение пограничного вопроса, Китай в то же время не против обсуждения по этапам восточного, центрального и западного участков китайско-индийской границы в целях достижения полного решения этой проблемы...»

Эта формула при всей ее очевидной «эластичности», оставлявшей возможность произвольного толкования, породила в Индии определенные надежды на возможность позитивного сдвига в переговорах с Китаем. Вместе с тем индийские наблюдатели достаточно реалистично расценили значение этой позиции. «Нэшнл гералд», например, выделила ряд важнейших различий, по-прежнему сохраняющихся в позициях КНР и Индии. «Если китайская сторона считает, — писала газета, — что этот (пограничный. — Ю. Р.) вопрос, если его не удастся решить, можно отнести на задний план, а пока развивать двусторонние отношения в таких областях, как экономика, наука и техника, то Индия твердо уверена в том, что до тех пор, пока не будет достигнуто согласие по основным вопросам и не будут ликвидированы причины трений, между двумя странами не может быть никаких прочных долговременных связей»²⁴.

²⁰ "Hindu", 12.V.1983.

²¹ "Hindustan Times", 9.VI.1983.

²² In: "National Herald", 31.X.1983.

²³ In: "Patriot", 31.X.1983.

²⁴ "National Herald", 5.XI.1983.

Касаясь существа подхода сторон к пограничной проблеме, «Нешнл гералд» продолжала: «Китай хотел бы заключить комплексное соглашение. Это означает, что контрольную линию в том виде, в каком она существует сейчас, следует признать окончательной. По ряду причин этот вариант неприемлем для Индии. Индия в свою очередь предложила решать пограничный вопрос по секторам... Индия выдвинула справедливое предложение с учетом не только исторических факторов, но и законных требований обеих сторон. Она также дала понять, что не имеет территориальных претензий и выступает лишь за справедливое и честное решение».

Наконец, «Нешнл гералд» не прошла мимо и тех опасений, которые вызывает в Индии «налаживание отношений между Китаем и Соединенными Штатами, в особенности ввиду тесных связей Китая с Пакистаном».

Индийская пресса подчеркивает, что позиция КНР остается неприемлемой для Индии. Так, «Стейтсмен» утверждает, что «первые три раунда вообще ничего не дали, и хотя, как утверждают, на четвертом раунде 6 октября прошлого года был достигнут «некоторый прогресс», фактически Китай лишь согласился рассмотреть предложение Индии обсудить пограничную проблему поэтапно, сектор за сектором, в рамках его концепции «всеобъемлющего урегулирования». Китай предпочитает заключить комплексную сделку, которая узаконила бы линию фактического контроля, но для Дели это неприемлемо». «Стейтсмен» следующим образом раскрывает смысл позиции, занятой КНР на переговорах с Индией: «Если Китай претендует на обширные районы в восточном секторе... то он делает это лишь для того, чтобы упрочить свои позиции в ходе торга, запрашивая побольше, чтобы было с чего потом отступать». «Стейтсмен» делает вывод, что «несущественные уступки (Китай. — Ю. Р.) в этом секторе не смогут компенсировать Индии того, что ей самой придется уступить в западном секторе»²⁵. Таким образом, индийская пресса по-прежнему сигнализирует о серьезных разногласиях в позициях двух стран.

В целом приходится констатировать, что ведущиеся на протяжении уже нескольких лет китайско-индийские переговоры пока не привели к сколько-нибудь значительному сдвигу в сторону решения пограничной проблемы, занимающей особое место в отношениях между Индией и Китаем. Инициативы Индии, направленные на нормализацию китайско-индийских отношений, до сих пор не получают адекватного отклика со стороны КНР. Тем не менее Индия продолжает предпринимать усилия по поддержанию трудного диалога с Китаем.

²⁵ «Statesman», 28.II.1984.

Опасный очаг военной напряженности

*С. С. МОДЕНОВ,
кандидат исторических наук*

«Опасный очаг военной напряженности» — так охарактеризовал усиление на Юге Кореи группировки вооруженных сил США, нарастающие с каждым годом на Дальнем Востоке демонстрации американской военной мощи с привлечением боевых соединений Южной Кореи и Японии Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко в речи на обеде 23 мая в Большом Кремлевском дворце в честь партийно-государственной делегации КНДР во главе с Генеральным секретарем ЦК ТПК Президентом КНДР Ким Ир Сеном. Несмотря на, казалось бы, поучительный опыт позорного краха таких антикоммунистических альянсов, как СЕНТО или СЕАТО, заявил советский руководитель, США снова пытаются сколотить милитаристские оси и треугольники вроде блока Вашингтон — Токио — Сеул. Это серьезно дестабилизирует обстановку в Азии и не может не вызывать настороженности у СССР и многих других азиатских государств.

Стремление Соединенных Штатов «утвердиться» в Азиатско-тихоокеанском регионе имеет давние корни. Каждый глава Белого дома считал своим долгом подчеркнуть значение «величайшего из океанов» для геополитического курса США на мировой арене. Если говорить о последних двух десятилетиях, то можно напомнить хотя бы о «тихоокеанской доктрине» Л. Джонсона, «гуамской доктрине» Р. Никсона, высказываниях Дж. Форда и Дж. Картера, которые ратовали «за стабильность и процветание региона», понимаемые ими лишь в контексте полной зависимости находящихся там стран от Вашингтона.

Но если прежние хозяева Белого дома рассматривали в качестве средства повышения роли и влияния США в Азии главным образом экономическое давление и наращивание собственного военного присутствия, то администрация Р. Рейгана основной упор сделала на активизацию попыток форсировать на манер НАТО региональное военнополитическое сотрудничество союзных с США государств и режимов Азиатско-тихоокеанского района. Особенно явственно проявились эти попытки в последнее время.

Что касается Японии, которую американские власти намерены превратить в свой «непотопляемый авианосец» в Тихом океане, то только за первые 11 дней мая в Токио побывали государственный секретарь США Шульц, вице-президент Буш и министр обороны Уайнбергер. И каждый из этих высокопоставленных заокеанских визитеров ратовал за необходимость быстрее наращивания боевой мощи японских вооруженных сил, дальнейшую координацию их военных усилий с Сеулом под эгидой Пентагона. Уайнбергер же, видимо под впечатлением от итогов недавнего визита президента США Р. Рейгана в Китай, пошел еще дальше. Он высказался за превращение дальневосточного «треугольника» в «четыреугольник», одним из углов которого мог бы стать Пекин.

Очередной нажим был оказан на Японию в ходе состоявшегося в июне сего года в Голулу японо-американского совещания по вопросам безопасности. Американская сторона потребовала от Токио ускорить подготовку японских ВМС к ведению операций в Тихом океане.

Как же реагирует правительство Японии на домогательства Вашингтона? К сожалению, практические внешнеполитические шаги свидетельствуют, что японские власти, отвергая уроки прошлого, стали на путь открытой демонстрации своих милитаристских устремлений, безраздельной поддержки агрессивного, антисоветского по своей сути курса США.

Итоги проделанного нынешним правительством в области наращивания военного потенциала страны Я. Накасонэ как бы подвел в интервью, данном газете «Стампа» в июне сего года. «Я претворил в жизнь те разработанные другими оборонительные программы, которые до сих пор существовали лишь на бумаге, — заявил премьер-министр. — Я дал «зеленый свет» передаче нашей технологии, которую можно использовать в военных целях, Соединенным Штатам. Я увеличил на 6,55 % бюджет обороны, и это в год сокращения государственных расходов, — продолжал глава кабинета. — Но прежде всего я полагаю, что способствовал пересмотру политических рамок, в которых Япония сможет попытаться играть свою стратегическую роль в западном сооб-

ществе». Список «деяний», что и говорить, внушительный, хотя и далеко не полный.

Именно при Накасонэ открытый и демонстративный характер приобрело посещение членами кабинета храма «Ясукуни» — центра махровой шовинистической и милитаристской пропаганды в Японии в довоенные и военные годы. Широкомасштабным стало «празднование» так называемого «дня северных территорий», имеющего целью посеять у японского народа чувство вражды к Советскому Союзу. Средства на проведение провокационных мероприятий выделяются из государственного бюджета. В этих мероприятиях участвуют сам премьер-министр и члены кабинета. Оживилась деятельность различных групп и комитетов в правящей Либерально-демократической партии, нацеленная на пересмотр мирных положений действующей конституции, законодательства страны.

Нагнетанию шовинистических, реваншистских и милитаристских настроений в Японии послужило и проведение 26—27 мая в Кагосиме пышных торжеств по случаю 50-й годовщины со дня смерти адмирала Х. Того, командовавшего японским императорским флотом в Цусимском сражении, а заодно и 79-й годовщины так называемой «великой победы японского флота в войне с Россией». Отдавая почести японским милитаристам начала XX в., по улицам этого провинциального южного города промаршировал военный духовой оркестр вместе с 300 членами детского военно-морского клуба. В гавани расцвелись флагами шесть эскадренных миноносцев и сторожевой корабль из состава военно-морских сил Японии, а также американский крейсер «Ривз», вооруженный управляемыми ракетами, и сторожевой корабль «Локвуд» из 7-го флота США, два английских патрульных корабля и французский сторожевик. Над кораблями в боевом строю пролетали японские боевые самолеты. Апофеозом милитаристского шоу стало выступление специально прибывшего в Кагосиму начальника Управления национальной обороны (УНО) Ю. Курихары, который заявил, что он был бы рад, если бы «оборонеспособность страны была повышена в сотрудничестве с японским народом и если бы японский народ с большим пониманием отнесся к этой задаче».

В Токио предприняли неуклюжую попытку представить кагосимскую затею как инициативу «частной организации» лиц, пожелавших якобы почествовать своего кумира. Но кого могут убедить ссылки на предприимчивость и инициативу местных жителей и поклонников Х. Того? Без официального согласия и участия властей это собрание, да еще с участием 12 боевых кораблей из 4 стран, конечно же, было бы невозможным. То, что произошло в Кагосиме, — наглядное свидетельство наличия сильных милитаристских тенденций в современной японской действительности. Разжигая реваншизм, возбуждая чувства вражды к Советскому Союзу, правящие круги хотели бы разрушить последние преграды на пути к ремилитаризации Японии и превращению ее в агрессивную империалистическую державу.

Возникает вопрос: может быть, созданные в обход конституции японские «силы самообороны» (так завуалированно называет Япония свои вооруженные силы) сегодня настолько слабы, что не в состоянии обеспечить защиту территории своей страны от воображаемого нападения внешнего противника? Нет, дело обстоит совсем не так. И об этом свидетельствуют факты, которые никто в официальном Токио не пытается оспаривать.

В настоящее время сухопутные вооруженные силы Японии примерно равны по численности армии Великобритании. Среди 15 союзников США по НАТО японские сухопутно-воздушные силы стоят на шестом месте. Япония обладает четвертым (по тоннажу) военно-морским флотом и занимает пятое место по количеству подводных лодок. По уровню военных расходов она уже сейчас занимает восьмое место в мире, а темпы роста ее военного бюджета в последнее десятилетие возрастали в два с половиной раза быстрее, чем в среднем в странах НАТО.

«Силы самообороны», по данным японской печати, — это 13 сухопутных дивизий, 130 боевых кораблей общим водоизмещением 280 тысяч тонн, более 800 самолетов различного назначения. В них служат более 240 тысяч хорошо обученных и подготовленных к ведению боя в различных условиях солдат и офицеров.

Однако достигнутый рубеж ни в Токио, ни, тем более, в Вашингтоне не считают достаточным. Буквально в день приезда вице-президента США Дж. Буша в Токио ведущие министры кабинета утвердили основные положения новой пятилетней программы развития вооруженных сил Японии на 1986—1990 гг. Главная ее цель — подготовка к ведению «затяжных боевых действий». Новая программа, как заявил шеф японского военного ведомства, направлена на дальнейшее «качественное и всестороннее» укрепление вооруженных сил и оснащение их самой современной боевой техникой, что должно выдвинуть Японию в число наиболее мощных военных держав мира.

Очередная военная программа вовсе не предназначена для укрепления оборонительного потенциала японской армии, авиации и флота. Речь идет о качественном повышении их возможностей вести наступательные боевые действия далеко за пределами самой Японии. В ней, в частности, делается упор на обеспечение «контроля» над морскими коммуникациями в радиусе 1000 миль вокруг берегов Японии.

К 1990 г. Токио планирует довести количество боевых самолетов до 430 и завершить разработку принципиально нового истребителя, а также штурмовика-«невидимки» с дальностью полета до полутора тысяч километров. С 1986 г. на вооружение «сил самообороны» должны начать поступать и первые крылатые ракеты японского производства. И уже никак не свидетельствует о стремлении «укрепить оборону» Япон-

ских островов сообщение о том, что Япония в начале 90-х годов должна будет превратиться в «великую космическую державу», способную, например, выводить на орбиту спутники весом до двух тонн. Расшифровывая это сообщение, газета «Асахи» была вынуждена признать: «Для соседствующих с Японией государств создание ракеты Н-II будет означать, что наша страна — потенциальный обладатель баллистических ракет».

Особое внимание УНО уделяет подготовке к ведению операций на океанских просторах, блокированию дальневосточных проливов. С этой целью к 1990 г. ВМС Японии будут обладать мощным флотом ракетных эсминцев и подводных лодок, противолодочных кораблей и самолетов. Кстати, в марте сего года японские военно-морские силы пополнились первой ракетной подводной лодкой. Для осуществления операций японских военно-морских соединений в океане создается и соответствующая сеть обеспечения. Завершено, например, строительство крупного центра японских ВМС в центральной части острова Окинава, предназначенного, как официально объявлено в Токио, для слежения за подводными лодками «противника» и проходящими через прилегающий район надводными кораблями. Объявлено о планах сооружения на острове Иводзима, расположенном в 1200 км к югу от Токио, крупного радиоцентра.

Помимо стремительного наращивания собственной боевой мощи, ускоренной подготовки к ведению операций на океанских просторах, Япония все шире предоставляет свою территорию для развертывания ядерного оружия США, становясь плацдармом «передового базирования» американских ядерных сил, нацеленных на Советский Союз и другие страны. Известно, что с будущего года на авиабазе Мисава начнется размещение американских истребителей-бомбардировщиков «F-16», способных нести ядерное оружие. Здесь, по опубликованному в газете «Асахи» свидетельству директора программы исследований в области ядерных вооружений американского Института изучения политики У. Аркина, уже сооружается крупное хранилище для ядерного оружия.

В июне началась установка 375 ядерных крылатых ракет «Томагавк» на кораблях 7-го флота США. Причем если раньше высокопоставленные деятели Пентагона и японские официальные лица, пытаясь сбить волну антивоенных выступлений, охвативших Японию, избегали упоминать о том, что «Томагавки» будут иметь ядерные боеголовки, а корабли, несущие их, заходить в японские порты, то теперь об этом говорят уже как о свершившемся факте. Так, премьер-министр Я. Накасонэ недавно указал, что военно-морские силы Японии «в случае чрезвычайных обстоятельств» готовы к проведению совместных боевых операций с американскими кораблями, оснащенными ядерными ракетами. Командующий Тихоокеанским флотом США адмирал С. Фоли, выступая 28 мая сего года в Сасэбо, прямо заявил «о возможности заходов в этот порт кораблей ВМС США с ракетами «Томагавк», которые могут нести ядерные заряды». Газета «Токио симбун», комментируя высказывание американского адмирала, в своей редакционной статье писала, что это означает существенное изменение японо-американского «договора безопасности» и размывание «трех безъядерных принципов», провозглашенных Японией.

Английская газета «Обсервер» отмечала, что Вашингтон принял решение предоставить своему тихоокеанскому командованию также крылатые ракеты наземного базирования. Цель всех этих мер, писал гонконгский журнал «Фар истерн экономик ревью», — «окружить СССР неким «ядерным поясом», который будет размещен на территории не Соединенных Штатов, а их союзников, с тем чтобы обеспечить большие шансы для выживания в ядерной войне».

Официальный Токио, безусловно, хорошо осведомлен о том, какую огромную опасность несет стране развертывание американских крылатых ракет, нацеленных на Советский Союз и другие страны. Это, в частности, показало заявление в парламентской комиссии по иностранным делам директора департамента Северной Америки МИД Японии Х. Китамуры, признавшего, что развертывание «Томагавков» на кораблях 7-го флота США, базирующихся в японских портах, реально угрожает вовлечением страны в ядерную войну. Однако осознание опасности не действует отрезвляюще на правящие круги Японии, которые вопреки национальным интересам берут на себя роль одного из наиболее активных соучастников агрессивной стратегии Вашингтона, превращают Японские острова фактически в заложника США на Дальнем Востоке, в мишень для ответного удара.

Насколько далеко в Токио заходят в деле поощрения вашингтонских ядерных маньяков, свидетельствуют слова японского премьер-министра, произнесенные им далеко не в узком кругу. «Страна, обладающая ядерным оружием, вправе использовать его по своему усмотрению...» — заявил он. И далее добавил: «Попытки Японии заставить США отказаться от применения ядерного оружия при любых обстоятельствах равносильны вмешательству во внутренние дела США».

Все более широкий характер приобретают совместные учения и маневры вооруженных сил США и Японии. Уже в третий раз ВМС Японии приняли участие в проводимых США и их тихоокеанскими союзниками — Австралией, Новой Зеландией и Канадой — маневрах «Римпак» («Тихоокеанское кольцо»). Пять японских эсминцев и восемь противолодочных самолетов в обширном районе океана, удаленном от Японских островов на расстояние более 5 тыс. км, в течение нескольких недель отрабатывали взаимодействие с кораблями стран — участниц маневров. Показательно, что маневры «Римпак-84» проводились буквально вслед за крупнейшими американо-южнокорейскими учениями «Тим спирит-84», на которых, в частности, отрабатывалась «новая стратегия»

Вашингтона и Сеула, основывающаяся на нанесении «превентивного» ядерного удара по КНДР.

Американский империализм упорно пытается превратить Азиатский континент в еще один, восточный, фронт борьбы против Советского Союза, других социалистических государств. Важная роль в этом отводится Японии, правящие круги которой, словно забыв о том, какие беды и страдания принес в прошлом японский милитаризм своему народу и народам многих других государств Азии, разжигают в стране настроения реваншизма, выдвигают территориальные претензии, превращают Японские острова в ядерную базу США. «Попытки повторить историю — причем на более опасной основе, в эпоху ядерного оружия — не могут не вызывать настороженности у многих азиатских государств, — отмечал К. У. Черненко. — Ничего доброго не сулят они и Японии».

Было бы наивным полагать, что создание на Дальнем Востоке опасного очага военной угрозы останется в Советском Союзе без внимания и не будет приниматься в расчет. Об этом следовало бы помнить в первую очередь тем, кто сегодня определяет политику Японии.

Посмертная судьба Дэн То

А. Н. ЖЕЛОХОВЦЕВ,

кандидат филологических наук

Литература живет долго, «рукописи не горят», однако далеко не все созданное писателями становится литературой в собственном смысле — многое уходит в забвение, или, как раньше говорили, канет в Лету. Но если под пером творца родилось подлинно художественное произведение, оно обладает поразительной живучестью, поистине граничащей с неистребимостью: произведение живет, несмотря ни на какие превратности судьбы.

Дэн То испытал превратности судьбы, пожалуй, в редком для любого писателя масштабе. В его жизни было все: подполье, тюрьма, партизанская война, высокое общественное положение и положение оклеветанного, самоубийство, мировая слава и, наконец, признание на родине. С ходом времени значение творчества Дэн То не умалается, а открывается перед нами: фигура этого человека и писателя растет в наших глазах, хотя его уже нет среди живущих. Образ блестяще одаренного бесстрашного коммуниста, чья жизнь, деятельность и сама смерть явили пример принципиальности и цельности, всегда будет воодушевлять других.

Дэн То был мужественным человеком. Арест гоминьдановской охранкой и долгая борьба в тылу врага во время японской оккупации — достаточное свидетельство его личной храбрости, и конкретных примеров ее теперь известно немало. Но он обладал еще и редким гражданским мужеством, которое проявляется не в атаке, а в мирные дни, не рядом с боевыми товарищами, а наедине с самим собой в момент принятия решений. Такое мужество, конечно, встречается реже, и его, может быть, следует ценить еще выше.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» обращался к творчеству Дэн То неоднократно, причем одним из первых за пределами КНР. На страницах журнала печатались переводы его фельетонов¹, которые получили в нашей стране читательское признание, и были затем опубликованы отдельной книгой². Когда вокруг творчества Дэн То в Китае шла борьба и кипели страсти, советский журнал не раз предоставлял свои страницы для статей о его творчестве³.

Время отбросило сиюминутные бури, Дэн То как публицист и поэт теперь признан на родине; переизданы его фельетоны и собраны в сборник его стихи; его творчество стало доступным китайскому читателю. В КНР о нем выходят книги, и теперь о писателе стало известно много больше, чем прежде.

¹ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2, 1974, № 1.

² Дэн То. Вечерние беседы в Яньшани. М., «Прогресс», 1974.

³ См.: А. Н. Желоховцев. Фельетоны Дэн То. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2; его же. Дело Дэн То: реабилитация или присвоение авторитета? — «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 1.

Расцвет творчества Дэн То пришелся на трудные для Китая годы. Казалось невозможным, почти немислимым, чтобы в условиях Китая 60-х годов в китайской печати открыто публиковались выступления против тогдашней политики. Мужественные китайские коммунисты, зная, что рискуют жизнью, высмеивали неуклюжую официальную пропаганду, открывали глаза обманутым. Самым выдающимся из таких людей был Дэн То.

Он родился в уезде Миньхоу провинции Фуцзянь в 1912 г. Его отец Дэн Оуюй в 1903 г. получил степень цзиньши — вторую ученую степень — на последнем государственном экзамене, который проводился в Цинской империи. Всю жизнь он работал преподавателем китайского языка в педагогическом институте города Фучжоу и жил на скромное жалование. Его дом был полон книг, особенно исторических сочинений.

Дэн То вырос в интеллектуальной атмосфере и с детства отличался начитанностью и широким кругозором. Еще подростком он занимался в городском кружке любителей словесности. Его дядя был буддийским монахом и научил его читать буддийские сутры. Тогда же он прочел Библию в китайском переводе. В юности обучался китайской национальной гимнастике и национальной живописи гохуа, писал пьесы для национального местного театра и сам играл на сцене.

В 1929 г. Дэн То уехал в Шанхай и поступил в университет Гуанхуа. Летом 1930 г. он провел каникулы в Фучжоу, а осенью, возвратившись в Шанхай, перевелся в юридический институт. Активный, принимающий горячее участие в общественной жизни юноша естественно пришел к участию в революционной борьбе. Восемнадцати лет Дэн То вступил в ряды КПК и оказался на подпольной работе. Был арестован гоминьдановской охранкой, брошен в тюрьму в Нанкине, потом переведен в Сучжоу. Осенью 1933 г. благодаря хлопотам отца был освобожден, взят на поруки и вернулся домой в Фучжоу. В родном городе Дэн То активно печатался в газетах под псевдонимом Дэн Цзюньтэ. Возвращение Дэн То домой совпало с восстанием расположенной в Фуцзяни 19-й армии против гоминьдановского режима. В Фучжоу было сформировано Фуцзяньское народное правительство. Дэн То работал в нем секретарем отдела внешних связей. Подавление восстания вынудило его покинуть город и уехать в Кайфэн, где он поступил в Хэнаньский педагогический институт. Здесь Дэн То принял активное участие в патриотическом движении против японской агрессии в Китае. Там же написал «Историю борьбы с голодом и бедствиями в Китае», которая была издана в Шанхае в 1936 г. Интерес к научной работе был привит молодому Дэн То с ранней юности. В Шанхае, одновременно со вступлением в компартию, он стал членом Лиги левых ученых социальных наук, которая находилась под влиянием коммунистов. За шесть лет молодой человек создал выдающийся труд, который не раз переиздавался и принес ему имя в научных кругах.

В 1936 г. Дэн То был вторично арестован гоминьдановской охранкой. Его освободили после начала войны с Японией. Выйдя из тюрьмы в 1937 г., он с большими трудностями пробрался через территорию, оккупированную японцами, в освобожденный погранрайон Шаньси — Чахар — Хэбэй, где работал всю войну заместителем заведующего отделом пропаганды бюро ЦК, секретарем парторганизации газеты, а затем директором газеты «Цзиньчацзи жибао», заведующим районным отделением агентства Синьхуа, заведующим отделом политических исследований Северокитайского бюро ЦК, заведующим экономической группой в отделе политических исследований. После освобождения Пекина в 1949 г. Дэн То стал заведовать отделом пропаганды и отделом политических исследований пекинского горкома КПК. В июле 1949 г. руководил организацией Союза китайских журналистов и стал его председателем. В этом качестве он во главе китайских делегаций

посетил СССР и Польшу. Был выбран вице-председателем Международного союза журналистов. С 1955 по 1966 г. Дэн То являлся одним из членов отделения философских и общественных наук китайской Академии наук. В 1950 г. стал главным редактором и директором газеты «Жэньминь жибао» — центрального органа КПК. Находясь на этом посту, оказывал противодействие левацким тенденциям, в результате чего в 1958 г. был переведен на работу секретарем пекинского горкома КПК по вопросам культуры и образования и стал главным редактором теоретического органа пекинского горкома «Цяньсянь». С 1960 г. он одновременно являлся работником секретариата Северо-китайского бюро ЦК КПК. Уже в 60-х годах Дэн То начал помещать в пекинских изданиях — газетах «Бэйцзин ваньбао» и «Бэйцзин жибао», а также в журнале «Цяньсянь» публицистические статьи, которые привлекли внимание широкого читателя.

О его жизни и условиях работы в те годы сегодня вспоминают сотрудники редакции «Жэньминь жибао»: «Как он жил и работал? Он жил в узком закоулке на задних дворах переулка Угольной Пыли, в одном из трех крохотных домишек, где почти никогда не бывало солнечного света. Потом, когда начали строить жилье, много раз просили уважаемого Дэна переехать, но он отказывался, говорил: «Пусть там живут другие товарищи. Здесь гораздо лучше, чем в деревне в годы партизанской войны. Я часто работаю в ночную смену, мне не важно, что солнечного света не бывает». Родители Дэн То приехали в Пекин из далекой Фуцзяни. Однажды его навещил прежний руководитель и старый боевой друг маршал Не Жунчжэнь. Увидев, что семья из семи человек ютится в таком убожестве, участливо спросил: «Почему ты оказался в таком доме?» «Тут тихо, — отвечал Дэн То. — После ночного дежурства здесь днем хорошо спится».

В этом темном помещении Дэн То трудился день и ночь, писал статьи, правил рукописи, ежедневно подписывал газету. Напряженная работа довела его до болезни: страшные боли в пояснице вынудили слечь, ему потребовался посторонний уход. Но и лежа в постели, он продолжал трудиться. На его одеяле всегда лежали газетная верстка и рукописи. Ужин, который ему приносили в постель, приходилось подогреть по несколько раз. Видя его такого худого и слабого, жена взмолилась: «Отдохни, если и дальше так продолжать, ты не выдержишь». «Разве моя задача себя нянчить?» — возразил Дэн То. Он был коммунистом, поглощенным своим делом и заботами, который полностью принимал на себя труды и невзгоды, он был политиком, трудившимся самозабвенно, с полной отдачей»⁴.

В те годы талант Дэн То был общепризнанным, он пользовался уважением и авторитетом. Его работу во главе центрального органа КПК высоко ценили, его всячески поощряли.

«Из написанных им передовиц и статей за подписью обозревателя председатель Мао прочел 46, а Чжоу Эньлай — 153. Многие из них отмечены похвалой ЦК партии»⁵, — сообщает теперь коллектив редакции «Жэньминь жибао».

Положение изменилось с приближением политической бури, что и отметили авторы воспоминаний о Дэн То: «В нашей стране с 1958 года «левый» уклон стал опасностью. Дэн То с «левым» уклоном решительно боролся острием против острия»⁶.

С мая 1959 г. Дэн То в качестве второго секретаря пекинского горкома КПК руководил строительством китайского исторического музея в Пекине. Он многое сделал для сохранения китайских культурных

⁴ Дэн То саньэнь (Публицистика Дэн То). Пекин, 1980, с. 190—191.

⁵ Там же, с. 197.

⁶ И Дэн То (Вспоминаем Дэн То). Фуцжоу, 1980, с. 122.

ценностей, особенно произведений китайской национальной живописи гохуа.

На почве «революционизации театра» произошло прямое столкновение Дэн То с Цзян Цин, вылившееся в политическую борьбу. Свидетели теперь вспоминают: «В 1963 году Цзян Цин приехала в Пекин смотреть театральные спектакли. Вскоре она потребовала, чтобы Дэн То написал статью, пропагандирующую ее реакционную теорию искусства. Это бредовое требование встретило решительный отказ Дэн То. Неповиновение императрице расценивается как величайшее преступление. Все несчастья, в конечном счете повлекшие за собой его гибель, не могут не быть связаны с этим»⁷. Так пишет теперь его уцелевший друг Ляо Моша, который в 1963 г. был заведующим отделом единого фронта пекинского горкома КПК, а с 1979 г. стал заместителем председателя пекинского комитета НПКСК. Более того, Дэн То тогда добился, чтобы пекинский горком поручил заведующему отделом Ли Ци оказать противодействие Цзян Цин.

Столкновение Дэн То с Цзян Цин не было случайностью или проявлением личной несовместимости, а выражало его жизненную позицию и принципиальные взгляды. Оно не было единичным, потому что Дэн То всегда бесстрашно поднимал свой голос против политики, с которой не мог согласиться. Журналисты из прежнего журнала «Цяньсянь» Чэнь Кань и Ли Юнь вспоминают о тех днях: «В 1965 году Дэн То протестовал против изучения в школах цитат из сочинений Мао Цзэдуна, называя это «вульгаризацией», и послал письменный протест в секретариат пекинского горкома КПК»⁸.

Во время кампании проработки драматурга и историка У Ханя. Дэн То в декабре 1965 г. под псевдонимом Сян Яншэн выступил в газете «Бэйцзин жибао» против главного проработчика Яо Вэньюаня. Принципиальность позиции Дэн То до сих пор вызывает восхищение у всех, кто его знал. «Он проявил бесстрашие перед Яо Вэньюанем. В последний день февраля 1966 года этот «теоретик» подослал своего доверенного человека Гуань Фэна, мастера на лесть, посулы и угрозы, для встречи с Дэн То, чтобы либо привлечь его на свою сторону, либо запугать. Но Дэн То не проявил колебаний, дал ему отпор и выказал качества принципиального коммуниста»⁹.

Дэн То был блестящим журналистом и опытным пропагандистом, но, видимо, мог пропагандировать только то, во что искренне верил сам, и не был способен вводить в заблуждение других. Вот почему миссия Гуань Фэна не увенчалась успехом — переманить Дэн То не удалось. Не удалось и запугать мужественного человека, за плечами которого был опыт партизанской войны со всеми ее тяготами и опасностями. Поэтому очень скоро, 6 апреля 1966 г., Дэн То отстранили от работы, заставили писать «покаяние». После публикации 10 мая 1966 г. статьи с критикой Дэн То его увели из дому, и неделю о нем ничего не было известно. Возвратившись домой в ночь с 17 на 18 мая, Дэн То покончил жизнь самоубийством. Только 6 сентября 1979 г. состоялось торжественное перезахоронение его праха.

Вдова Дэн То, Дин Илань, так расценивает его поступок: «Я прекрасно понимаю, что самоубийство Дэн То не было проявлением слабости, он не склонился под ударами гонителей, это был суровый протест против клеветы»¹⁰. Удар, нанесенный ему, был настолько тяжел, что вынести его без ответа он не мог, и смерть представилась единственным возможным ответом.

⁷ И Дэн То..., с. 14.

⁸ Там же, с. 13.

⁹ Там же, с. 15.

¹⁰ Там же, с. 26.

В семье Дэн То также сложилось тяжелое положение, гнетущая обшая атмосфера кануна «культурной революции» проникла и в ее узкий круг. Дочь Дэн То теперь, через четырнадцать лет, так описывает его последние дни: «В начале 1966 года в семье заметили, что папа стал реже ходить на заседания в горком, с его лица исчезла улыбка, он проводил дни за письменным столом в глубокой задумчивости, что-то писал, и только мама одна знала о происходящем. 11 апреля нас, детей, отозвали из школы домой, и папа стал торжественно говорить с нами. Он сказал: «В газетах будут критиковать мои статьи с указанием имени. Все мы обязаны нести ответственность перед народом, твердо стоять за правду, исправлять свои ошибки. Раз есть ошибка, ее можно критиковать...»

Хотя голос папы был мягкий и ровный, наши детские души затрепетали, вся счастливая и спокойная жизнь всколыхнулась и обратилась в пустоту... Но я тогда не сумела разглядеть на спокойном палином лице никаких примет грядущего несчастья.

Старшему из нас было 22 года, а самой младшей всего 11 лет, мы были слишком наивны и не могли разглядеть истину. У нас не было выбора и не оставалось другого выхода: пришлось «отмежеваться» от отца. После этого мы не смели смотреть ему в глаза, не могли и думать о разговоре с ним, не хотели больше называть его папой. К непереносимым душевным его мукам добавились несправедливая обида от любимых им детей. Что может быть в человеческой жизни горше этого? Что мог объяснить он наивным и простодушным детям? Встречаясь с нами, молчал»¹¹.

Но когда газеты называли Дэн То «предателем», он не выдержал. Дочь вспоминает: «Он заговорил: “Это чистейшая клевета! Меня дважды арестовывали, но ни мой связной, ни руководители ячейки не привлекались и не пострадали. Я ни в чем не виновен перед партией”.

Своей смертью он оказал последнее сопротивление.

Мне больно вспоминать тот вечер, когда оборвалась его жизнь. За окном была черная ночь, в доме он был один. Вопиющая несправедливость обрушилась на него, но к кому можно было обратиться? На столе под лампой он оставил наспех написанные письма в пекинский горком, возглавлявшийся Пэн Чжэнем и Лю Жэнем, и письмо к маме, с которой неразлучно прожил двадцать лет»¹².

Дэн То стал публицистом в тяжелое для Китая время. Апогей его деятельности приходится на 1961—1962 гг. Это было время разрухи и политики упорядочения. Дэн То взялся за популяризацию знаний. Но его статьи сразу же приняли злободневный, остро политический характер. Это не была популяризация в обычном смысле. Теперь произведения Дэн То сравнивают со знаменитыми в истории китайской литературы «пестрыми заметками» Лу Синя. «В работе он наследовал боевую традицию и революционный дух великого писателя нашей страны Лу Синя. Он был отважным новатором, решительно боролся против субъективизма, формализма и извращений, клеймил своим пером бахвалов и пустозвонов»¹³, — признает китайская общественность, и, пожалуй, нет для китайского писателя более высокой оценки у себя на родине, чем сравнение с Лу Синем. Дэн То по праву занял место рядом с ним в истории китайской публицистики.

С марта 1961 г. в газете «Бэйцзин ваньбао» открылась постоянная рубрика «Вечерние беседы в Яньшани», где печатались под псевдонимом Ма Наньцунь фельетоны Дэн То. До сентября 1962 г. было опубликовано 153 фельетона, потом они вышли отдельным изданием в виде

¹¹ И Дэн То..., с. 241—243.

¹² Там же, с. 244.

¹³ Дэн То саньвэнь, с. 197.

пяти выпусков и, наконец, отдельной книгой. Кроме того, Дэн То участвовал в публицистической рубрике журнала «Цзяньсянь» «Записки из села Трех». С октября 1961 г. по июнь 1964 г. журнал поместил под этой рубрикой 67 произведений, объемом, как правило, в одну страничку. Коллективный псевдоним, которым они были подписаны, — У Наньсин — был составлен из трех фамилий: У Хань, Ма Наньцунь и Фань Син. Один лишь историк У Хань дал свою подлинную фамилию, Дэн То выступал под литературным псевдонимом Ма Наньцунь, а Фань Син — псевдонимом Ляо Моша, единомышленника Дэн То, ответственного работника пекинского горкома КПК. Дэн То принадлежит 18 фельетонов из 67.

Вспоминая своего трагически погибшего боевого соратника, маршал Не Жунчжэнь пишет: «Товарищ Дэн То долгое время прожил в деревне Маланцунь недалеко от Цайпина. Там размещалась редакция газеты. Он сблизился с местными жителями, крестьяне любили его и относились к нему, как к родному человеку. Позднее он взял псевдоним Ма Наньцунь (букв.: Южная деревня рода Ма. — А. Ж.) в память о крестьянах партизанского района. Замечательно, что такой высокоинтеллигентный человек мог до такой степени сродниться с трудовым крестьянством»¹⁴. Так, в мае 1979 г. были, наконец, публично разъяснены избранный публицистом литературный псевдоним и его подлинное значение: воспоминание о трудных боевых буднях партизанской деревни.

«Вечерние беседы в Яньшани», как уже говорилось, печатались в постоянной колонке пекинской массовой вечерней газеты «Бэйцзин ваньбао». Заслуживает внимания свидетельство работников редакции Гу Син и Лю Мэнхуа: «В колонке «Вечерние беседы в Яньшани» первым был фельетон «Третья часть жизни», а последним — «Тридцать шесть тактических приемов». Всего было опубликовано 152 произведения. В них Дэн То говорил о политике, текущих событиях, учебе, работе, идеологии, стиле работы, философии, естественных науках, истории, географии, литературе, искусстве... Можно утверждать, что он охватывал все сущее; блеск его эрудиции слепил глаза, это была «маленькая популярная энциклопедия». Он умел живо и доходчиво излагать глубокие мысли, непосредственно увязывая их со злобой дня, намекая на современность, с привлечением для этой цели истории и самого широкого круга источников. Он процитировал в своей колонке великое множество материалов: «Четырехкнижие» и пять канонов, 24 династийные истории, летопись «Зерцало всеобщее, управлению помогающее», записки авторов династий Хань, Тан, Сун, Юань, Мин и Цин, романы и новеллы, сочинения мудрецов и философов, официальные государственные истории и истории частные, китайских и иностранных писателей — всего не перечислить. Он умел с необычайным мастерством употребить цитату к месту, так что древние помогали понять современность, выражали его собственное независимое понимание, а читатели воспринимали легко и естественно. Дэн То всегда цитировал оригинальный текст и точно указывал, откуда взята цитата. Мы тогда думали, что у него под рукой колоссальная личная библиотека или же, как у многих ученых-историков, стоят ящики с выписками и картотеками. Каково же было наше изумление, когда мы поняли, что он использовал обширные исторические материалы, полагаясь на собственную память, и только потом сверял цитату в своей рукописи с оригиналом. Многие свои произведения он писал прямо при нас, в один присест»¹⁵.

Авторитет Дэн То был высок у самого разного читателя — от сту-

¹⁴ И Дэн То..., с. 6.

¹⁵ Там же, с. 115—116.

дентов и школьников до старого маршала. Не Жунчжэнь искренне написал: «Каждый раз, вспоминая Дэн То, я испытываю печаль и боль. Какое утешение для любивших его читателей и товарищей, что переизданы его «Вечерние беседы в Яньшани» и готовится издание его стихотворений»¹⁶.

Публицистика Дэн То — особое явление в современной китайской литературе. Все его фельетоны очень кратки, просты и ясны. Иногда он включал в них отрывки из древних исторических текстов, а чтобы они были понятны, нередко разъяснял их смысл. Однако простота фельетонов только внешняя. Внутренний смысл их серьезен и глубок. Исторические тексты удачно используются для обличения современности, хотя и в завуалированной форме. Независимая манера письма, собственный взгляд на происходящее характерны для всех произведений Дэн То, и это выгодно отличает их от того, что появлялось в те годы на страницах китайской периодической печати.

Прощаясь с читателями в предисловии к последнему выпуску «Вечерних бесед в Яньшани», Дэн То говорил: «Многие друзья спрашивают меня в письмах: как следует относиться к пестрым заметкам этого рода? Как их писать? Какие требования предъявлять к ним? Я думаю, что на такие вопросы ответы будут разные, однако важнейшее положение — распахнуть дверь и увидеть горы». Это выражение, которое здесь дается в буквальном значении, сохраняющем этот смысл и в китайском оригинале, кроме того, означает искренность и откровенность. То есть, помимо значения внешнего, в смысле видения окружающего мира, оно обозначает открытость внутреннюю, душевную. В тексте Дэн То использует оба эти значения, не боясь многозначности. Далее он гневно говорит об обычной для Китая публицистике, когда в статьях только «крупинки нового», а то и вовсе ничего интересного нет, и вся статья повторяет «многократно высказанную другими чепуху». Дэн То смело заявляет, что подобные статьи — «умышленный обман и ничего более» и что этот обман — «общая болезнь современной публицистики».

Дэн То осознавал высокую ответственность писателя и считал эту деятельность не менее важной для человека, чем жизнь. Когда-то об этом зашла речь в редакции вечерней газеты, где он вел колонку, и слушатели Дэн То запомнили сказанное им. «Он сказал в редакции газеты: «Вы занимаетесь литературным творчеством, оно должно быть похожим на выделение шелковой нити шелкопрядом. Производство шелка прекращается только со смертью шелкопряда. Покуда шелкопряд жив, идет шелковая нить. Чего бояться смерти?»¹⁷

Дэн То приходилось вести полемику с весьма отсталыми и вульгарными представлениями, причем в силу сложившихся обстоятельств не в полный голос, а инсказательно. Так, в фельетоне «Нужно ли вдохновение для творчества?» публицисту приходится отстаивать от вульгаризаторов очевидную истину: «Есть мнение, что так называемое творческое вдохновение — понятие идеалистическое, а на самом деле никакого вдохновения не существует, — пишет Дэн То и задается самоочевидным вопросом: — В конце концов, нужно ли вдохновение для литературного или художественного творчества?»

Не случайно своим противникам Дэн То стремился противопоставить прежде всего образ цельного, принципиального, неподкупного человека, не способного на двоящиеся и погоню за материальными благами. Эта идея выразилась в типичном для него фельетоне «Янь Хуэй горевал о совершенстве Конфуция», в котором она выражена с помощью древних сочинений о Конфуции и его самом любимом учени-

¹⁶ И Дэн То..., с. 7.

¹⁷ Там же, с. 135.

ке Янь Хуэ. Дэн То писал: «В предыдущих «Вечерних беседах» уже была речь об одной фразе из «Образцовых речей» Ян Сюна: «Янь Хуэй горевал о совершенстве Конфуция». Тогда по недостатку места я не пояснил ее смысл. С тех пор несколько товарищей предложили дать необходимые пояснения. Я согласился и сегодня вечером поговорю о значении этой фразы.

В «Образцовых речах» Ян Сюна в начальном разделе «Претворение учения», который излагает основную идею книги, написано: «Некто сказал:

— Если б меня опоясали красным поясом и платили высокое жалование, вот было бы для меня несказанное счастье!

— Счастье по поводу назначения крупным чиновником уступает счастью Янь Хуэя, — возразили ему. — Счастье Янь Хуэя исходило из глубин его души, а счастье от назначения крупным чиновником порождено внешним событием.

— Позвольте спросить, — сказал тот человек: — счастьем для души Янь Хуэя была его бедность?

— Без Конфуция для Янь Хуэя не существовало счастья, даже если бы он стал властелином Поднебесной, — был ответ.

— А знал ли в таком случае Янь Хуэй горести? — спросил тот человек.

— Янь Хуэй горевал, что не способен достичь совершенства Конфуция. Такие горести воистину были его счастьем! — пораженный, воскликнул тот».

Важно, что раздел «Претворение учения» поставлен в самом начале книги «Образцовые речи». Ян Сюн, автор этого сочинения, был одним из знаменитых ученых ханьского времени. Он родился и вырос в Чэнду, провинция Сычуань, и не только писал трактаты, но и в поэтическом мастерстве соперничал с поэтами; он был широко образованным мыслителем. Сегодня мы, изучая стиль писателя, сразу же видим, как он старался следовать образцу, так называемому совершенномуудрому Конфуцию и записям его бесед.

Всю жизнь Ян Сюн в своих взглядах и исследованиях опирался на учение Конфуция. Если мы задумаемся над приведенным выше отрывком, то ясно увидим: Ян Сюн описывает отношение Янь Хуэя к Конфуцию как образец для подражания. Его идея в том, что образованный человек должен взять в образец для подражания идеального мудреца, такого, как Конфуций.

В своем трактате он неоднократно поясняет, что Янь Хуэй считал для себя величайшим счастьем то, что он мог учиться у Конфуция. Он считал это счастье Янь Хуэя имманентным, подлинным счастьем, порожденным в духовном мире, а потому не сравнимым ни с каким счастьем внешним, какое приносит наслаждение материальной роскошью. Хотя Янь Хуэй и не мог научиться стать таким, как Конфуций, но даже если бы он стал властелином Поднебесной, не сделался бы счастливым; но больше всего мучило Янь Хуэя то, что Конфуций был слишком совершенен, величествен, так что научиться стать таким, как он, было невозможно. Вот почему сказано: «Янь Хуэй горевал о совершенстве Конфуция». Если же акцентировать смысл, то он хотел сказать, что предельно величествен и совершенен Конфуций, с ним нишчем не сравняться, а потому и сказано: «Янь Хуэй горевал не о чем другом, как о том, что учение Конфуция совершенно и недостижимо». Надо понять, что в чувстве горя от того, что нельзя научиться, фактически заключен источник радости, подлинной для того, кто учится.

Всем известно, что Конфуций одобрял Янь Хуэя: «Немного пищи и воды, скромное жилище; то что других повергает в печаль, ему не портит настроения. О, как мудр Хуэй!» Этот Янь Хуэй был из бедной семьи, но одарен и умен и прилежен в ученье, он был лучшим учеником

Конфуция. Ян Сюн справедливо в своих сочинениях часто упоминает Янь Хуэя. Конфуцианцы испокон века брали рассказы о Конфуции и Янь Хуэе в пример для воспитания последующих поколений и делали их темой экзаменационных сочинений. Теперь мы, конечно, можем изучать сочинения, подобные «Образцовым речам» Ян Сюна. Описанный им опыт учебы Янь Хуэя у Конфуция, если мы сумеем использовать его критически и превратить в стремление к подлинной правде, будет полезен и для нас».

Идея преемственности культуры, о которой рассказал здесь Дэн То, отнюдь не специфически конфуцианская; нам легче понять ее, если привести параллельный пример из истории отечественной культуры на русской почве. Известно, например, что композитор С. И. Танеев был любимым учеником П. И. Чайковского, и старался сравняться с учителем и превзойти его, что было невозможно; но всегда, всю жизнь С. И. Танеев гордился тем, что был учеником величайшего русского композитора. Разве не о такой же преемственности говорит Дэн То, используя классический для Китая пример величайшего философа древности Конфуция и его любимого ученика Янь Хуэя?

Какова была позитивная программа Дэн То? Вот вопрос, запутанный не без умысла его противниками. Критика в его адрес в период «культурной революции» пыталась представить Дэн То и его единомышленников как людей без позитивной программы. Как публицист Дэн То был в литературе КНР 60-х годов вполне самостоятельным и независимым.

Дэн То в отличие от многих политических деятелей Китая тех лет открыто высказывал симпатии к Советскому Союзу, его политическому опыту, к политике и курсу КПСС в социалистическом строительстве. Сразу же после образования КНР он стал председателем пекинского городского отделения общества советско-китайской дружбы и оставался на этом посту до конца жизни. Искреннее уважение к нашей стране, убежденность в необходимости вернуться к политике дружбы между народами СССР и Китая, открытые призывы учиться у СССР — вот характерные черты его публицистики. В 1966 г. были объявлены преступными статьи Дэн То «Законы дружбы и гостеприимства» и «От трех до десяти тысяч». В первой из них Дэн То говорит: «Мы, китайцы, самые гостеприимные и самые дружелюбные люди. После освобождения народ нашей страны с восторженным энтузиазмом принимал гостей, съезжавшихся со всего мира... Крупный ученый еунского времени из Линнаня Хэ Тань в книге «Обычные речи западной окраины» считает: «Надо выбирать друзей сильнее себя, которые обычно говорят прямо и дружески, что приносит пользу». Иными словами, надо радоваться, если друг сильнее себя, это принесет пользу тебе самому, потому что можно у него учиться и самому расти».

Для Дэн То при обсуждении и решении всех вопросов был особо важен учет объективной действительности. Он писал: «Некоторые товарищи спрашивают меня, почему в последнее время по отдельным вопросам, при совершенно ясном расхождении во мнениях, не видно прямого непосредственного столкновения между вами, взаимной полемики? Считаете ли вы правильной такую позицию?»

Я считаю, что это относится к проблеме того, как правильно понимать принцип соперничества всех ученых. Побольше выслушивать разных мнений — в этом одна польза и никакого вреда. Если, едва услышав иное мнение, сразу же разносить его, то результат часто окажется нехорошим и даже могут возникнуть непредвиденные последствия. Правильный способ в том, чтобы сначала дать изложить свое мнение, дать высказать все, что хочется сказать; то есть по-настоящему осуществить соперничество всех ученых. Даже если найдутся взгляды, по-вашему, крайне ошибочные, и то не следует обдавать их сразу же ушатом холод-

ной воды; читатель сам способен разобраться, где правда, а где ложь. Даже если он сразу и не поймет, то стоит ли беспокоиться? Что же касается таких проблем, о которых вообще затруднительно вынести суждение, сказать, кто прав, а кто нет, то тем более не следует чрезмерно волноваться. Может быть, некоторые вопросы после постановки следует отложить, и затем, когда многие люди постепенно их изучат, прежде разные взгляды постепенно придут к единству. Ибо есть же в конце концов объективный критерий того, что — правда, а что — ложь».

Именно в реальной действительности Китая видит Дэн То своего важнейшего союзника и опору своим взглядам, к объективному критерию, а не к «идеям» или цитатам он и апеллирует в борьбе против своих врагов.

Обращение к действительности мы видим и в острейшем фельетоне Дэн То «Наука не терпит произвола». В прошлом критика обошла его молчанием. И не удивительно: в этом фельетоне Дэн То прибегает к использованию «руководящих указаний» прежних лет против современного ему курса. «Занимающиеся наукой, — завершает Дэн То, — должны правильно ее использовать, и нет сомнения, что немисливо даже вообразить какой-либо иной подход, кроме как браться за дело по существу. У такого подхода нет ничего общего с манерой произвольного толкования, только если браться за дело по существу, то и в отдельном научном исследовании, а также во всякой другой работе будет надежда на успех».

Позиция Дэн То была активной: среди всеобщего молчания призывал открыто высказываться. Как он показывал в фельетоне «Правильное понимание «критики», принятая в Китае проработочная критика — отнюдь не то, что нужно обществу. Сам Дэн То был уверен в справедливости своих взглядов, твердо опиравшихся на действительные нужды страны. В фельетоне «Без ритуала не...», высмеивая древний начетнический стиль экзаменационных сочинений на должность, так называемый «багуэнь», то есть восьмичленное сочинение со строго фиксированной структурой, он писал: «В противоположность восьмичленным сочинениям ныне мы можем с полной свободой рассуждать о разнообразных вопросах». Легко представить себе впечатление от этих иронических строк у китайского читателя тех лет.

«Из опыта древних, — писал Дэн То в фельетоне «Побольше учиться, поменьше критиковать», — мы должны усвоить одну истину, а именно: во всяком деле надо побольше учиться, поменьше критиковать, оставаться скромным... Что касается нас, мы во всякое время должны побольше учиться теории марксизма-ленинизма, а также со всей скромностью учиться у масс, учиться на практике».

Об использовании исторических материалов в своем творчестве Дэн То рассказал в предисловии «Слово от автора»: «Мой метод работы в основном лишен плана, если не считать того, что фиксирован срок газетной публикации, но ничего кроме этого нельзя отнести к планированию. Что же касается меня самого, то весь процесс почти совсем лишен планирования. Многое из того, что я обычно думаю, вижу, слышу, наводит на мысль о скрытых проблемах, и так возникает тема; что же до материалов и точки зрения, относящихся к теме, то я могу использовать только вне рабочее время и то, что я уже знаю, чтобы записать то, что у меня есть; когда же я пишу, то в основном стараюсь сохранить ход своих мыслей. Подобный способ писать довольно удобен для автора, а читатели, со своей стороны, следуют за его ходом мысли и, кажется, тоже неплохо улавливают генезис и тенденцию вопроса».

Итак, Дэн То несколько не скрывает, что темы для произведений рождает окружающая его действительность, которую он видит и слышит, о которой размышляет. Ход своих мыслей он и поверяет газетной странице в коротком фельетоне. А привлекаемый исторический матери-

ал — это уже его обширная эрудиция, то что он уже изучил и знает. Разумеется, это не прямой способ выражения, но читатели, очевидно, понимали его правильно.

Дэн То рассказывает в фельетоне «Карикатура в древние времена» о художнике Ло Лянфэне, который «прославился картинами, изображающими духов»: «Сатирическое изображение духов есть фактически сатира на людей. В обществе того времени художник, писавший карикатуры на живых людей, неминуемо навлекал на себя беду. С другой стороны, когда он высмеивал только духов, то находился в полной безопасности. По-видимому, только из этих практических соображений художники решили писать карикатуры на духов».

Итак, нет сомнения, что современность была основным содержанием творчества Дэн То, что фельетоны его остры и злободневны, и в них проявляется не просто гражданское мужество, но и самоотверженность автора.

Дэн То принадлежал к числу образованнейших людей, был всесторонне развитой личностью, ученым, историком, чья эрудиция в области китайского средневековья получила в стране всеобщее признание. Когда из-за провала авантюры с «большим скачком» страна оказалась в бедственном положении и повсюду начался голод, Дэн То переиздал свой научный труд «История борьбы с голодом и бедствиями в Китае». Нечего и говорить о том общественном резонансе, который имела эта книга, внешне ни единым словом не касающаяся современности. Несмотря на загруженность партийной работой и деятельность журналиста, Дэн То никогда не прерывал исследования в области исторической науки. Редакционная статья «Жэньминь жибао» рассказывает: «Дэн То был человеком, глубоко изучившим историю Китая. Занимаясь проблемой возникновения ростков капитализма в Китае, он прочел свыше двух тысяч описаний уездов, не менее пяти раз ездил в Мэнтоугоу, несмотря на свои недуги сам спускался в угольные копи, ползал по выработкам, опрашивал шахтеров. Только в районе Мэнтоугоу он выявил свыше ста мест, в которых при династии Мин в годы Ваньли (1573—1620) действовали угольные копи. Он собрал огромный литературный и документальный материал и на основе богатейших первоисточников доказал, что при династии Мин в годы Ваньли в Китае уже были ростки капитализма»¹⁸.

Даже в коротких фельетонах эрудиция Дэн То поражает. Кажется, он перечитал всю китайскую историческую литературу. Урок истории — давняя традиция в Китае, и Дэн То с блеском прибегает к историческим аналогиям, запас которых у него поистине неисчерпаем. Например, в фельетоне «Можно ли поедать знания?» есть и исторические реминисценции, и обращение к современной научной периодике. Дэн То любил и реалии быта, знал жизнь и изучал ее. «Свободное от работы время Дэн То любил посвящать социологическим обследованиям. Он в Пекине часто навещался в скобяную мастерскую на Ванмацзы, в магазин говядины перед воротами Сюаньчунь, в лавку маринованных овощей Любинцзюй, в книжные лавки Люличана. Однажды глубокой ночью он в одиночку отправился пешком через весь город осмотреть ночной рынок перед воротами Чуньчэньчунь»¹⁹. — вспоминают его коллеги журналисты.

Если за пределами Китая Дэн То как публицист уже известен, то его поэзию еще предстоит открыть. Поэтическое наследие Дэн То до последнего времени оставалось несобраным и потому труднодоступным, но сейчас и в самом Китае крепнет убеждение в незаурядном поэтическом даровании этого скромного человека, не издававшего при

¹⁸ II Дэн То..., с. 197—198.

¹⁹ Дэн То саньчэнь, с. 198.

жизни свои стихи. «Он был одаренный поэт. Им написано свыше пятисот стихотворений, свежих по чувству и глубоких по мысли... Особенно замечательно, что он любил писать стихи к картинам, в которых отражались одновременно мощь и красота наших гор и рек и мудрость и дерзание нашего народа». — отметила редакция «Жэньминь жибао»²⁰.

Фельетоны Дэн То — лучшее, что было создано в китайской литературе 60-х годов. Теперь всем ясно, что в новых условиях он продолжил традицию великого Лу Синя. Любимец читателей, в 70-х годах он был предан забвению, и только теперь его книги приходят к молодому поколению. Как раз в те годы, когда его имя стало запретным на родине писателя, его произведения начали издавать за границей, сначала на китайском языке, в Гонконге, потом в переводе на японский и на немецкий — в Швейцарии. В 1972—1974 гг. фельетоны Дэн То в лучшей своей части были переведены на русский язык и хорошо встречены нашим читателем.

Сейчас Дэн То вернулся к китайскому читателю, как писатель с мировым именем. Гонение и замалчивание не повредили его литературной судьбе. Для молодого поколения китайцев он остается мудрым учителем, и его голос никогда не перестанет звучать со страниц его книг. Они учат честности, принципиальности, верности идеалам, служению благородным целям. Коммунист Дэн То является сегодня истинным воплощением совести китайского народа.

²⁰ Дэн То саньвэнь, с. 198.

На московской выставке Сюй Бэйхуна

Л. И. КУЗЬМЕНКО

26 сентября 1983 г. исполнилось 30 лет со дня смерти выдающегося китайского художника XX в. Сюй Бэйхуна (1895—1953). К этой дате была приурочена выставка его произведений в Государственном музее искусства народов Востока. На вернисаже, который состоялся 27 сентября, посольством КНР в дар музею были приподнесены книги по китайскому искусству и две ксилографические копии с известных работ художника «Кошка» и «Табун».

На выставке было представлено 15 работ Сюй Бэйхуна, в основном хранящихся в ГМИИВ и созданных в 30-е — 40-е годы. Среди них — «День длится, словно маленький год» («Весна», «Кошки»), «Сорока над ивой», «С думой о поле брани», «Петух у подсолнечника», «Петух у бамбука», «У водопада», «Остров бессмертных», «Мчащийся конь» и др. Экспонировалась также известная работа «Лев» (1934), предоставленная Государственным Эрмитажем.

Это не первая выставка в музее, посвященная Сюй Бэйхуну, его работы экспонировались и ранее как на тематических выставках, так и в постоянной экспозиции «Искусство Китая» наряду с произведениями других прославленных мастеров гохуа (букв. — «национальная живопись»).

Изучением творчества художников «гохуа» в нашей стране занимались известные искусствоведы О. Н. Глухарева, Е. В. Завадская, Н. А. Виноградова, С. Н. Соколов. Сравнительно недавно вышла книга Н. А. Виноградовой «Сюй Бэйхун», и в 1982 г. — прекрасно изданная монография Е. В. Завадской «Ци Байши».

Творчество Сюй Бэйхуна связано с возрождением лучших традиций классической китайской живописи, обогащенных достижениями европейской реалистической школы. Художник, как и многие прогрессивные деятели искусства конца XIX — начала XX вв, выступал против отживших канонов и догматического академизма в китайской национальной живописи.

Для того чтобы понять все значение новаторского творчества Сюй Бэйхуна, его роль в пропаганде китайского искусства на Западе и в ознакомлении китайской общественности с европейским искусством, необходимо обратиться к историческим условиям развития китайской культуры и искусства на рубеже XIX—XX вв. Это время отмечено распространением капиталистических отношений в экономике Китая, усилением роста национального самосознания. После «опиумных войн» Китай все более попадает в зависимость от крупных капиталистических держав, превративших его в полуколонию.

Иностранный капитал был фактором разрушения феодального способа производства, но в то же время способствовал его консервации и усилению феодального гнета, что в конце концов привело к кризису цинской монархии. Эти сложные социальные изменения требовали своего осмысления, отражения в произведениях литературы и искусства. Некоторые деятели искусства продолжали работать в старых традициях, скрупулезно следуя заповедям средневековых эстетических трактатов, которые сковывали творческую инициативу, призывали слепо копировать старые образцы, использовать традиционные сюжеты — пейзаж «шаньшуй» («горы-воды»), «хуа-няо» («цветы-птицы»), исторические и литературные сцены, аллегории. Другие представители интеллигенции призывали идти по пути западных стран, ориентироваться на передовые достижения человечества, в частности пропагандировали лучшие образцы западноевропейского искусства. В это время появляются произведения на европейские темы с применением европейской техники рисунка. Еще мало известно творчество художника У Южу, работавшего во второй половине XIX в. Он создал ксилографическую серию, объединенную в альбомы. Один из них называется «Рассказы о заморских странах». Обычаи и сюжеты из жизни Америки, Англии, Франции, Германии и Японии должны были знакомить китайцев с жизнью различных стран и носили познавательно-просветительский характер. Известно, что Сюй Бэйхун интересовался работами этого своеобразного художника.

Превращение страны в полуколонию сказалось и на художественном достоинстве изделий прикладного искусства. Низкая оплата труда, огромный спрос на изделия для внешнего рынка, сюжеты и композиции которых были чужды китайцам, привели к утрате мастерства, к отказу от многих сложных технологических и художественных прие-

мов. Появляются вычурные, перегруженные деталями декоративные изделия. Европейский рынок требовал этнографической «достоверности», порой «экзотического натурализма», что отрицательно влияло на художественный облик изделий.

В то же время этот период отмечен известной демократизацией искусства. Появляются произведения, рассчитанные на самые широкие слои горожан, — народная скульптура, вырезки из бумаги (для украшения окон) с традиционными, близкими и понятными национальными сюжетами, художественная почтовая бумага и, конечно, ксилография, которой в это время отводилась большая роль. Появляются ксилографические перегазировки известных живописных произведений и оригинальные графические работы.

Большая роль в распространении антифеодальных и антиколониальных идей принадлежала лубку. Основной ее особенностью были зашифрованность, символический язык. Идея лубка доводилась через намек, зашифрованный ребус, что было традиционным, соответствовало ассоциативному восприятию китайского зрителя. Наряду с типично дальневосточными особенностями в лубке появляются европейские влияния: объемное изображение фигур, линейная перспектива, европейские персонажи. Народный лубок характеризуется яркими сочными красками, четкостью линии, локальными пятнами цвета. Иносказательный народно-поэтический, несколько назидательный язык лубка повлиял и на развитие живописи рубежа веков.

В этой обстановке выдвигается ряд деятелей искусства демократического направления, которые еще не призывали целиком идти по пути развития прогрессивного мирового искусства, ибо корнями своими были связаны со старой традицией. Но они сделали первые попытки обновления традиционного китайского искусства, в первую очередь живописи, стремились максимально (насколько это было возможно в рамках старой школы) приблизить ее к насущным жизненным проблемам, пытались создать произведения живописи не для элиты, а для народа. Перед художниками вставали новые задачи.

Одним из тех, кто первым отошел от сухого академизма, стремясь к непосредственному отражению природы, основателем нового направления стал Жэнь Бонянь (1840—1896). Он отказался от бездумного подражания классическим образцам, развивая то лучшее, чем славилась китайская живописная школа. Для его творчества характерны романтически взволнованное отношение к природе, гибкость и певучесть линии, виртуозное владение кистью, тушью и водяными красками и вместе с тем особая, оригинальная композиция, сложные ракурсы. Не случайно на выставке произведений Сюй Бэйхуна экспонировалась работа Жэнь Боняня «Лотосы и птички» — он был художником, чье влияние испытал молодой Сюй Бэйхун.

Для упомянутой работы характерны немногословность, стертые грани между монохромной тушевой и полихромной живописью. Жэнь Бонянь работал цветными акварелями так, что они напоминают тушевой размыв. Серебристо-зеленой краской он достигает необыкновенного тонового богатства. Это одна из условностей китайской живописи, которая не мешает, а, наоборот, усиливает ее выразительность. Композиция свитка целиком строится на диссонансах с точки зрения классической школы — сочетание тончайшего акварельного размыва, экспрессивных ломаных линий и неожиданного ракурса. А серебристый фон шелка, изысканное обрамление, сдержанная каллиграфия, дополняющая композицию, отражали старую традицию.

Вслед за Жэнь Бонянем среди первых художников нового течения гохуа были Чжао Чжицань (1829—1884), Сюй Гухэ (1824—1891), У Чаншо (1844—1927), Чэнь Шицзэн (1846—1928). Учеником Жэнь Боняня был и Сюй Дачжан — отец Сюй Бэйхуна.

Художники гохуа использовали те же сюжеты, что и традиционные живописцы: пейзаж, цветы и птицы, сосны, орхидеи у скалы, цветущая слива мэйхуа, птицы на ветвях и пр., но стремились они к непосредственному наблюдению явлений природы, к большей свободе и разнообразию художественных средств выражения.

Сам термин гохуа появляется в начале 900-х годов, а с 10-х годов XX в. в художественных институтах открываются факультеты гохуа. Этот термин возникает в противовес другому направлению — гоцзюй («драгоценный национальный стиль»), апологеты которого призывали строго придерживаться старых канонов. Отличие гохуа от гоцзюй выразил Ци Байши (1863—1957) в призыве к художникам не применять метод «огрбления древних».

Художники гохуа использовали богатство эмоциональных ассоциаций, по-прежнему уделяя внимание графичности линии, живописности пятна, декоративности, чередованию линейного и цветового ритма. Традиционным было соединение в композиции живописи и каллиграфии, использование разнообразнейших мазков и штрихов. Характерно глубокое проникновение в законы природы, фиксация мгновенных, неуловимых ее изменений. Это те черты, которые связывают художников гохуа единой нитью с творчеством классических живописцев. Вместе с тем художники конца XIX — начала XX вв. приносят новые черты в традиционную живопись — большую простоту и доходчивость образов, подчас обращаются к народному примитиву и используют гротеск. Но упрощение образов не сказывалось на общем очень высоком профессиональном уровне, более лаконичная композиция, наоборот, требовала и более виртуозного мастерства. Для них было характерно непрестанное изучение природы, постоянные тренировки. В этом художники гохуа следовали заветам древних: «Для того чтобы изобразить бамбук, надо почувствовать, как он растет в твоём сердце». Так, Ци Байши почти

Портрет Рабиндраната Та-
гора. 1940

Петух у бамбука.
1944

С думой о поле брани

всю жизнь изображал креветок и, как он сам говорил, только в 72 года смог полностью раскрыть своеобразие их движений. Стремление к обобщенности и намеку также роднит гоху со старинной живописью. Художники, например, продолжали использовать прием «свободного пространства», на котором затем помещалась подпись автора, а нередко и человека, который приобрел данную работу. Следы этой традиции можно наблюдать в живописных работах Сюй Бэйхуна и других художников XX в., причем каллиграфический текст, красное пятно печати органично влетают в живописную композицию и не мешают ее восприятию, в то время как скупая живопись тушью, передавая сущность различных вещей и явлений природы, будит творческую фантазию зрителей.

Если в классической живописи существовали отдельно полихромная и монохромная живопись, то в гоху происходит их сближение. Полихромия художников XIX—XX вв. становится приглушенной, более сдержанной. У одних чувствуется стремление к особой выветленности колорита, у других — к изысканному сочетанию одного или двух цветов с тушью. У Чаншо или Ци Байши, работая в жанре «цветы-птицы», часто применяли излюбленный прием — монохромную живопись дополняли введением редких цветовых пятен (истоки этого приема следует искать у некоторых мастеров XVIII в.). Корявая ветка с листьями старой глицинии украшается бледно-фиолетовой изящной гроздьей цветов. Нежность прозрачной акварели подчеркивает мощь и силу корявой ветви, а черная обильная тушь, в свою очередь, усиливает изысканное великолепие цветов. Ци Байши, например, изображал пионы декоративными пятнами с гаммой оттенков от черно-красного до бледно-розового на фоне черной туши. В картине «Цветы камелии» он скупыми средствами в нарочито обобщенной манере прекрасно передал и форму цветов, выполненных лишь звонкими алыми пятнами, и сочность листьев, изображенных приемом «обильная тушь».

Наряду с классическими темами художники гоху использовали новые неожиданные сюжеты. Можно вспомнить такие работы, как «Цыплята под пальмой», «Головастики», «Перец и капуста» Ци Байши или «Петух у подсолнечника» Сюй Бэйхуна. Ци Байши, за свою долгую жизнь создавший огромное количество произведений в различных жанрах, прославился изображением своих знаменитых креветок. Еще в конце XIX в., много путешествуя по стране, он создавал пейзажи, отличающиеся поразительной простотой, ясностью и лаконизмом художественного языка. Он способен буквально несколькими скупыми линиями создать законченную композицию. Пышные пионы, тыквы среди извивающихся стеблей, цветы, лягушки и креветки, несмотря на условность колорита, кажутся живыми, трепещущими. Ему принадлежит фраза, сконцентрировавшая творческое кредо не только самого Ци Байши, но и многих талантливых художников XX в.: «Подлинное искусство лежит на грани сходства и несходства, полное сходство слишком вульгарно, несходство — обман». Жизненности, художественной достоверности изображения креветок или крабов он достигал не натуралистическим копированием. Используя лишь свободный фон, но точно рассчитывая пропорции между белым фоном и контуром, он добивался и поразительного сходства, и динамики движения. Белый фон начинал казаться зрителю то гладью пруда, то песком, то небом.

Последователем творчества Жэнь Боняня стал выдающийся художник XX в. Сюй Бэйхун. Первые навыки в рисовании получил у своего отца, известного местного художника и каллиграфа Сюй Дачжана. В 1916 г. он приезжает в Шанхай. Получив премию за картины «Хатунский цветущий сад» и «Портрет Цан Цзе», молодой художник в 1917 г. отправляется в поездку по Японии.

В 1919 г. в Пекине открывается персональная выставка его произведений, принесшая молодому художнику большой успех. Получив правительственную стипендию, он едет учиться в Париж.

Вернувшись на родину в 1927 г., Сюй Бэйхун преподает в художественных учебных заведениях. Он увлеченно пропагандирует методы и приемы живописи маслом, обучает рисованию непосредственно с натуры, привлекая внимание к пластике тела, призывает к использованию актуальной тематики в живописи. В 1930 г. состоялась его персональная выставка в Брюсселе, а в 1933 г. — в Пекине.

Общественная и творческая деятельность Сюй Бэйхуна была направлена на сближение и взаимообогащение культур Запада и Востока. По его инициативе после выставки китайского искусства, показанной в 1939 г. в Москве и Ленинграде, 12 работ Сюй Бэйхуна, Сюй Дачжана и Ци Байши были переданы в музей Советского Союза. Позднее в Московский музей поступили еще две работы, подаренные им известному скульптору С. Д. Меркурову — «Кошки» и «Петух у бамбука». В последней работе рисунок выполнен черной густой тушью с легкой подцветкой зеленоватой и бледножелтой акварелью. Среди черной туши ярким пламенем вспыхивает киноарный гребень петуха — прием, рассчитанный на повышенное эмоциональное восприятие. Существует предположение, что этот мотив навеян поездками во Францию. Снаружи на свитке имеется каллиграфическая надпись «Бэйхун. Птица, охраняющая мир и спокойствие» с припиской на французском языке: «Моему дорогому другу Меркурову. Пэон».

По инициативе Сюй Бэйхуна в 1935 г. было создано Общество культурных связей между Китаем и Советским Союзом с филиалами в ряде крупных городов

Китая. Его задачей была пропаганда достижений советского народа, советской культуры.

Именно эта сторона деятельности художника вызывала неоднократные гонения со стороны гоминьдановских властей, он был вынужден переезжать из города в город. В 1949 г. Сюй Бэйхун с радостью встретил победу народной революции. Его избирают председателем Всекитайского союза работников изобразительных искусств, он возглавил Центральный институт изобразительных искусств.

В начале 50-х годов Сюй Бэйхун много работает над портретами своих современников. Их можно назвать психологическими, причем многие исполнены в технике масляной живописи. Это портреты воинов — героев народно-освободительной армии, простых рабочих и крестьян, героев труда. Тогда же он приступил к работе над большой композицией с изображением выдающихся деятелей китайской литературы — «Лу Синь и Цюй Любо», которую помешала ему закончить преждевременная смерть. Сохранились лишь два тушевых эскизных варианта, где выразительной линией художнику удалось передать глубокий внутренний мир и обаяние этих писателей.

В 30-е годы художник много работал над пейзажем, в котором сочетал виртуозную технику тушевого размыва с попытками введения линейной перспективы. Таковы, например, свитки «В горах Эмэйшань» и «Весенний дождь на реке Лицзянь». Сюй Бэйхун создавал в этот период также немало исторических композиций, в том числе «Тянь Хэн и пятьсот героев», повествующую о подвиге древних воинов.

Всю жизнь художник работал над своей излюбленной тематикой, изображая мчащихся коней, грациозных кошек, птиц, рыб, насекомых. В этих композициях, несмотря на введение новаторских приемов, он в значительной степени остается приверженцем направления гохуа. Почти все работы, представленные на выставке 1983 г., относятся к анималистскому жанру, берущему свое начало в средневековом жанре «цветы-птицы». Естественно, они не могут полностью охватить весь диапазон творчества замечательного мастера. В некоторых из них чувствуются осторожные попытки модернизировать традиционную живопись, ввести штриховой рисунок, светотеневую моделировку, сложные ракурсы в соответствии с законами европейского построения художественного пространства. В других работах он использует элементы народной китайской картины (лубка) с некоторым нарочитым упрощением контуров, стремлением к плоскости, лаконизму, условному языку. Художник работает и в традициях сеи («свободная кость»), для которой характерен изящный виртуозный мазок. Весьма часто Сюй Бэйхун соединяет в одной композиции сразу несколько приемов — «сухую» кисть он варьирует с «обильной», рельефную лепку — со свободным тушевым размывом, а виртуозную линию — с условными, «лубочными» приемами. Эти работы традиционны и по материалу (в основном Сюй Бэйхун использует китайскую бумагу), и по облику (художник предпочитает небольшие вертикальные свитки). В композиционном построении этих работ он использует эстетику свободного пространства, дополняет ее каллиграфией и красным пятном авторской печати. По стилистике его работы несколько отличаются от работ других известных мастеров гохуа, имеют ряд неповторимых особенностей.

У Чаншо и Ци Байши использовали экспрессивную манеру письма, кажущиеся небрежными мазки туши, в духе известных художников прошлого — Ши Тао, Сюй Вэя, Чжу Да. Ци Байши принадлежит даже высказывание о том, что «Чжу Да стал его богом». Не случайно обращение художников гохуа к жанру «цветы-птицы», к изображению птиц, животных, рыб, насекомых и растений — через их образно-ассоциативный язык художники могли доносить достаточно сложные идеи. Жанр этот известен с эпохи Тан (VII—X вв.). В подобной тематике находило отражение поэтически образное толкование природы. В отличие от грандиозных, масштабных пейзажей эти изображения максимально приближены по своему духу к человеку, его ощущению и видению, но в то же время напоминают о величии извечных законов природы, о беспрестанном чередовании времен года, наводят тонко чувствующего человека на особые размышления и переживания. В этом малом отражается безграничная красота огромного мира. Каждое явление природы в Китае связывалось с образом-символом. Хризантема олицетворяла осень, лотос — лето, слива — весну, чжу — конец зимы, Новый год. Через конкретные обыденные изображения передавались абстрактно-философские понятия, сложные законы природы, проблемы мироздания, вопросы человеческого бытия. Особенно насыщен этот жанр благопожелательной символикой и литературно-поэтической традицией. Лотос — символ «благородного человека», карп означает пожелание «ученых сыновей», бамбук — символ стойкости и негнимои воли, пион — процветания и богатства.

Художники гохуа, прибегая к символическому языку, часто по-новому трактовали уже знакомые традиционные образы. Сюй Бэйхун одновременно вводил и новые неожиданные сюжеты, аллегорически выражая пафос нового времени. Н. А. Виноградова пишет: «В старые символы он вдохнул новую жизнь, придал им общечеловеческий демократический смысл, передал через них пафос новой эпохи. Образы животных всегда очеловечиваются Сюй Бэйхуном. Огромное разнообразие ощущения жизни, мыслей, чувств раскрывается в многочисленных картинках, изображающих лошадей. Каждое изображение гордого коня... воспринимается им как

символ необузданной свободы, красоты и силы, ассоциируется с представлениями художника о творческой энергии китайского народа»¹.

Это стремление проявляется и в работах, показанных на выставке 1983 г.: «Петух у бамбука», «Петух у подсолнечника» (1937), построенные на резких живописных контрастах, где тщательная кисть, яркие локальные пятна соединяются с нарочито высветленными акварелями.

Одна из лучших работ, представленных на выставке, — «Остров бессмертных» (1931). Две прекрасно скомпонованные фигуры диких гусей выполнены белой, слегка мерцающей гуашью и серебристо-черной тушью, строгий колорит заполняется яркими оранжевыми пятнами лапок, светлым зеленовато-желтым цветом редкого тростника. Водная гладь лишь слегка намечена условными волнистыми линиями — прием, несомненно идущий от народной лубочной картины. Каллиграфическая надпись не только дополняет и уравнивает композицию, но и своим содержанием создает особый эмоциональный настрой: «Остров бессмертных в летний день года синьвэй (1931). Написал Бэйхун в надежде забыть о жаре»². Тончайшая тушевая линия преобладает в его работе «Сорока над ивой», здесь художника интересуют уже не вопросы фактурной разработки, а декоративная линейная графика.

В работе «День длится, словно маленький год» («Весна», «Кошки», 1932) изысканный колорит создается сочетанием белого, желто-оранжевого и тушевого пятен с вкраплением бледно-фисташковой листвы. С большой долей наблюдательности передана пластика животных, их нарядная окраска, томная грация. Сюй Бэйхун с большим умением лепил фактуру самыми неожиданными лаконичными средствами. Оперение птиц он передает густым пастозным мазком, лоснящиеся бока лошадей — сильным высветлением туши, а кору деревьев — сочетанием красочных пятен, чередование которых напоминает драгоценное мозаичное панно. В картине «Лев» (1934) — эта работа была в числе подаренных художником и хранится в Эрмитаже — грива животного написана в традиционной манере с помощью свободного акварельного и тушевого мазков, где эффект достигается контрастным сопоставлением холодной туши и теплого светло-коричневого оттенка, что создает оптическую иллюзию общего розовато-серебристого тона. Отметим, что данный сюжет не был характерен для средневековой живописи.

Знаменитые лошади Сюй Бэйхуна отличаются особой выразительностью. Чаще всего он изображает их одной тушью, применяя традиционные китайские приемы — сочетание каллиграфической линии и тушевого пятна, введение легкой полихромной подцветки, но именно в этих композициях он использует элементы европейского рисунка углем, европейской пластики. Работа «С думой о поле брани» изображает одинокого коня, чья фигура развернута в сложном ракурсе. Здесь характерны четкий уверенный рисунок, продуманная пластика, сочетание штриховки и мазков туши. Нижняя часть композиции лишь заполнена условными длинными штриховыми линиями, что должно указывать на поле, поросшее густой травой. Именно на примере этого свитка хочется рассказать о традиции искусства каллиграфии.

Сюй Бэйхун использует каллиграфический почерк, понятный и лаконичный. В этом чувствуется стремление художника донести содержание своих картин, свои мысли до большего числа зрителей. Его каллиграфия прекрасно дополняет живописную композицию, определяет ее художественную выразительность. В иероглифическом тексте с особой отчетливостью проявляется личность художника, его отношение к своему творчеству, размышления о жизни, образно-поэтический строй его мышления. Вот стихотворная надпись на картине «С думой о поле брани»: «Печально ржешь с думой о поле брани. Чувствами петляешь по тем зеленым просторам, где мчались впереди, и был твой хозяин с тобою». В работе «Сосна» (1932) поражает откровенно простодушное общение художника со зрителями, в которых художник видел прежде всего своих друзей и единомышленников: «Эта картина с изображением «спасенной» [сосны], ничего не поделаешь, нравится мне самому».

В эстетике гошу сохраняется и еще одна своеобразная традиция — дополнение авторской работы каллиграфией и печатью другого человека, нового владельца этой картины, знатока каллиграфии. Так, композиция уже упомянутой работы «С думой о поле брани» дополнена еще одним каллиграфическим текстом, принадлежащим кисти академика живописи У Цзожэня, который выражает свое восхищение «лучшей работой с изображением коней». А свиток другого художника, современника Сюй Бэйхуна — Цзин Хань, названный «Куропатки на снегу», дополнен каллиграфией самого Сюй Бэйхуна (свиток также экспонировался на выставке).

Мастерское изображение животных, растений, своеобразное очарование пейзажей Сюй Бэйхуна связаны с большой наблюдательностью, изучением жизни природы, изучением натуры. Художник писал: «Учителем своим беру природу, творения ее и только. Сосна, окутанная лазурью облаков, — вот мой учитель; коровы и лошади, пасущиеся среди полей, собаки и куры у деревенских изгородей; осел, которого я увидел в Нанкине, старуха, которую я встретил в провинции Цзянсу, — вот все они, мои неизменные учителя». Наивно-опозитизированное отношение к при-

¹ Н. А. Виноградова. Сюй Бэйхун. М., 1980, с. 20.

² Переводы текстов на музейных картинах выполнены С. Н. Соколовым.

роде, изумление перед ее красотой характерно и для Сюй Бэйхуна, и для других художников гохуа.

При изучении жизни и творчества художников XX в. следует учесть, то гохуа — это и определенный стиль жизни художника: активное изучение природы и обязательные путешествия, высокий уровень классического образования, знание литературы и поэзии. Своеобразие этики художников гохуа заключается в требовательном отношении к себе, бесконечном повседневном труде, благоговении перед своим учителем и в свою очередь его любви к ученикам, заботе о них.

Критическое отношение к себе у прославленного Ци Байши, например, проявлялось в том, что он всю жизнь считал себя учеником, даже когда его имя было известно всему миру.

И у Ци Байши, и у Сюй Бэйхуна было много последователей, которые внесли свой вклад в становление искусства XX в. Можно упомянуть ученика Сюй Бэйхуна, художника Цзян Чжаохэ, который пошел дальше своего учителя в утверждении реалистических позиций, создавал работы, обличающие нищету, несправедливость, угнетение народа, бедствия, приносимые войной. Он изображал нищих детей, матерей, оплакивающих погибших детей, беженцев, беспокойной вереницей спасающихся от ужасов войны. Новаторскими приемами, уверенным штрихом, точной пластической лепкой Цзян Чжаохэ удавалось передать глубину психологических характеристик, отразить сложнейшую гамму чувств, при этом во многом опираясь на творчество своего учителя.

Всю свою жизнь Сюй Бэйхун боролся за утверждение передовых гуманистических идеалов, за демократизацию искусства, за то, чтобы сделать его доступным миллионам трудящихся. Для него было характерно совершенное отсутствие высокомерия и честолюбия. Один из образованнейших людей своего времени, человек, объездивший полмира, он буквально преклонялся перед талантом простого народа. В его известной картине «На тему стихотворения шести династий» или «Маленький сонет» (эта работа также хранится в ГМИИВ), где изображен чиновник на коне и простой работник, который тащит тележку с тяжелым грузом, есть надпись: «Дающие изображение нескольких ступеней ада всегда думают о [людях в] парчовых одеждах и на белых лошадях, не похожих на людей, несущих бремя долга и имеющих большое будущее, людей, талантливость которых еще заставит меня позавидовать им».

Имя Сюй Бэйхуна, искреннего друга Советского Союза, борца за демократическое искусство, за утверждение гуманистических идеалов, глубоко почитают на его родине, в Советском Союзе, во многих странах мира.

ИСТОРИЯ

«Нян Зан» о некоторых аспектах политики КНР на Женевском совещании по Индокитаю 1954 г.

В газете «Нян Зан» — органе ЦК Коммунистической партии Вьетнама — опубликованы воспоминания Нгуен Тхань Шена, являвшегося членом военной делегации на Женевской конференции министров иностранных дел по вопросу восстановления мира в Индокитае (апрель — июль 1954 г.).

Автор воспоминаний пишет, что на совещании в Женеве он был представителем Генерального штаба Вьетнамской народной армии и командований Революционными вооруженными силами Лаоса и Кампучии. Моей задачей, указывает Нгуен Тхань Шен, было вести переговоры с французской военной делегацией во главе с генералом Ден-теем о проектах трех соглашений о прекращении огня в странах Индокитая.

История показала, что за столом переговоров в Женеве у нас были не только явные, но и скрытые противники, которые воспрепятствовали представителям правительства Кхмер Иссарак (Кампучия) и Патет Лао (Лаос) принять в ней участие. Перед нашей делегацией по поручению двух дружественных правительств была поставлена задача представлять интересы союзников, неукоснительно отстаивать справедливую позицию Вьетнама и наших друзей по каждому вопросу, защищать общие интересы революции в трех странах Индокитая.

Что касается делегации КНР, то она внешне выступала как представительница социалистической страны, как наш союзник, но на деле предпринимала закулисные акции, проводила закрытые встречи с противником за нашей спиной. Представители КНР на Женевском совещании вели тайный торг с Францией и США — то есть с нашими главными противниками на совещании. Китайская делегация постоянно грозила нам: «Седьмой американский флот подошел к берегам Вьетнама и готов высадить десант». Потом, когда к власти во Франции пришло правительство Мендес-Франса, китайцы стали говорить: «С этим правительством удобнее всего договориться, поэтому не затягивайте конференцию. Мендес-Франс уже выступил с обещаниями перед Национальным собранием Франции».

Делегация КНР заставляла нас идти от одной уступки к другой:

— по Вьетнаму: от нашего требования установить временную демаркационную линию в Кохинхине (Намбо) пришлось отступить к предложению о демаркации по 13-й параллели. А в последний момент, 20 июля (1954), они вынудили нас согласиться с линией по 17-й параллели, к северу от которой мы должны были отвести свои войска. А потом Чжоу Энлай пришел поздравить нас «с большой победой»;

— по Лаосу: сначала мы требовали установить зону контроля правительства Патет Лао, охватившую весь восточный Лаос, протяженностью с севера на юг более тысячи километров, включая плато Боловсн, часть Центрального и Южного Лаоса. А в итоге нас вынудили согласиться лишь на две горные провинции на севере страны — Фонгсали и Самныа, к тому же разделенные провинцией Луангпрабанг, находившейся в руках французов;

— по Кампучии: мы настаивали, чтобы правительство Кхмер Иссарак получило два района группировки своих вооруженных сил — к востоку и северо-востоку от Меконга и к юго-западу от этой реки. В итоге согласились на то, что ни одного района кампучийской территории не было оставлено силам революции. Перед самым завершением совещания наша делегация предложила установить коридор между провинциями Фонгсали и Самныа, в которых предполагалось сгруппировать военные силы Патет Лао. Это разумное предложение было сразу же одобрено советским и английским сопредседателями конференции. Ни у кого не возникло возражений. Предстояло лишь двум заинтересованным сторонам — нашей и французской — достичь договоренности о конкретных границах коридора.

В соответствии с программой наша и французская военные делегации должны были встретиться вечером 19 июля (1954) для определения границ коридора, чтобы на следующий день в 16 часов подписать соглашение о прекращении огня в трех странах Индокитая (по техническим причинам заседания следующего дня затянулись, и соглашения были подписаны только в четыре часа утра 21 июля).

Вечером 19 июля другие члены нашей военной делегации — Та Куанг Бму, Ха Ван Лау и Данг Тинь — вынуждены были заняться другими вопросами, связанными с подписанием документов. Поэтому, пишет автор воспоминаний, я один отправился на переговоры с представителями французской военной делегации. Но когда я прибыл на место встречи, то не нашел там никого из членов французской делегации. Ждал долго, но никто не приходил. Предварительного уведомления об отсрочке переговоров с их стороны не было. Может быть, забыли о предстоящей встрече? Неожиданно по-

явился китайский генерал Лю Аньфу и попросил меня проинформировать его о нашей позиции относительно границ коридора. Генерал-майор Лю Аньфу был тогда военным советником делегации КНР. Развернув карту, вспоминает Нгуен Тхань Шен, я сказал генералу Лю: «Не понимаю, почему французы не пришли? Неужели забыли? Раз не пришли, значит оставили нам право самим решать. Так это же удобный случай, которым надо воспользоваться и обеспечить для сил Патет Лао широкий коридор, чтобы им потом было легче действовать...» Я сразу представил наш проект. Вот каким он был:

— Восточная граница коридора совпадает с границей между лаосской провинцией Луангпрабанг и вьетнамской Шонла; западная граница начинается от границы провинций Фонгсали и Луангпрабанг, проходит через Намлан, Мыонггигой, Паолао, к реке Луонг и до границы провинции Самныа в уезде Мыонгшон. Таким образом, площадь коридора для Патет Лао составляет 4850 км² (больше вьетнамских провинций Виньфу или Лонган).

Когда я закончил, то ожидал, что Лю Аньфу горячо поддержит этот проект, потому что он был выгоден для лаосской революции, для всех трех стран Индокитая, для стран социалистической системы. И я совершенно не ожидал от Лю Аньфу, что он поспешно выложит другой готовый проект. По этому проекту коридор был значительно уже, занимая всего лишь 1100 км², и проходил по труднодоступным горам. Мотивировка у Лю Аньфу была чрезвычайно проста: «Для Патет Лао хватит и такого коридора».

Хотя я был буквально ошарашен таким отношением к представленному мной проекту со стороны Лю Аньфу и содержанием предложенного им документа, вспоминает Нгуен Тхань Шен, все же попытался убедить китайского советника поддержать наш проект, доказывая его преимущество для лаосских друзей, для нашей стороны вообще. Но Лю Аньфу был непреклонен и не допускал никаких изменений в предложенном им проекте. Стало совершенно ясно, что это был не вариант проекта, составленный им лично, а проект китайской делегации и Лю Аньфу не было дано права что-либо менять.

В тот вечер 19 июля французская делегация так и не пришла на встречу. Это значит, что представители французской стороны предоставили нам право решать самим этот вопрос. Почему же не воспользоваться этим и не выиграть немного в пользу лаосской революции? Не ожидал я, пишет Нгуен Тхань Шен, что в этот последний вечер переговоров с противником буду подвергаться нажиму со стороны «преданного друга». Я не смог сдержаться тогда и резко сказал Лю Аньфу: «На нас лежит общая ответственность, нужно защищать интересы лаосской революции, ширина коридора — предмет спора между нами и колонизаторами, так почему же мы спорим между собой?»

Этот прямой и не очень дипломатичный вопрос смутил Лю Аньфу. Он сидел несколько минут молча, налил мне в стакан воды, потом сказал, что выйдет на некоторое время. Я думал, что Лю вышел просто проветриться, и не подозревал, что он побежал с докладом к Чжоу Эньлаю. Вернулся Лю вместе с Чжоу Эньлаем, который стал меня убеждать согласиться с китайским вариантом, что это уступки якобы в интересах того, чтобы соглашение было подписано в назначенное время и был восстановлен мир в Индокитае.

Мы сошлись с Чжоу Эньлаем на том, чтобы была установлена западная граница коридора по линии Паклуонг-Сонгай-Нонгпуок площадью коридора 2200 км², что на 2600 км² меньше предложенного нашей делегацией. В последние минуты эти границы коридора были внесены в соглашение о прекращении военных действий в Лаосе. Французская сторона, прочитав документ перед подписанием, не имела никаких возражений по этому вопросу. Значит, китайцы и французы договорились об этом заранее.

Но в то время, отмечает Нгуен Тхань Шен, я еще не смел и подозревать, что на Женевском совещании дело революции в Индокитае и социалистический лагерь могли быть преданы китайской стороной.

Одним словом, тогда, в 1954 году, моя оценка подлинного смысла действий делегации Китая на Женевском совещании была слишком поверхностной. Я не смог разглядеть в действиях китайских лидеров главной черты. Хотя они уже давно вели между собой борьбу за личную власть, — все они проводили экспансионистский курс в отношении Вьетнама, все были за гегемонистскую политику. Эта главная черта проявилась и на Женевском совещании, когда китайцы стремились нанести как можно больший ущерб победе революции в Индокитае.

Порой я прихожу к мысли, что, когда мы пришли на Женевское совещание, полная победа народов Индокитая уже была очень близка. Не будь предательства Пекина, вьетнамской революции не пришлось бы проходить тяжелый путь в 21 год до исторической победы 30 апреля 1975 г., а братская Кампучия не попала бы в руки Пол Пота, Иенг Сарн и Кхмев Самфана, уничтоживших 3,3 млн. кампучийцев.

События, происшедшие вечером 19 июля 1954 г. на сто процентов свидетельствуют о том, что французская военная делегация не пришла на назначенную встречу с нами потому, что уже заключила тайную сделку с Китаем, предоставив китайцам ограничивать наши действия. Делегация Франции ясно сознавала нежелание Китая допустить полную победу вьетнамского, лаосского и кампучийского народов. Миссия Чжоу Эньлая в Женеве отставала не наши интересы, а свои замыслы — превратить страны Индокитая в послушных сателлитов, а затем использовать их как плацдарм для экспансии в Юго-Восточной Азии.

Ось Токио—Вашингтон: истоки одного союза

С. И. ВЕРБИЦКИЙ,
кандидат исторических наук

Японо-американские отношения в настоящее время привлекают пристальное внимание не только японской и американской, но и мировой общественности. С одной стороны, обостряются противоречия между этими двумя крупнейшими империалистическими государствами, особенно в экономической области. С другой — правящие круги обоих государств пытаются выработать единый подход к региональным и глобальным проблемам, прежде всего в политической и военной областях.

Токио, особенно с приходом к власти в конце 1982 г. кабинета Накасонэ, принимает все более активное участие в военно-политической стратегии США в Тихоокеанском регионе и поддерживает агрессивную ядерную политику администрации Рейгана. Со своей стороны Вашингтон — именно об этом свидетельствует визит американского президента в Японию в ноябре 1983 г. — всячески подчеркивает ее исключительную роль в Тихоокеанском регионе.

Характер нынешних японо-американских отношений обусловлен комплексом сложных исторических, военных, экономических и политических факторов. Однако истоки этих отношений следует искать не в столь далеком прошлом. В период американской оккупации Японии (1945—1952) Вашингтон, вопреки Потсдамской декларации, направлял все свои усилия на превращение этой страны в передовой плацдарм по «сдерживанию коммунизма» на Дальнем Востоке. В свою очередь японские консервативные политики, исходя из собственных классовых интересов, сделали ставку на американский империализм, рассматривая его как единственно возможного гаранта стабилизации и укрепления своей власти в Японии.

В статье, опубликованной в конце 50-х годов, бывший премьер Сингэру Ёсида, имя которого обычно связывается с заключением первого японо-американского военного соглашения, писал, что мирный Сан-Францисский договор связал судьбу Японии со «свободным миром», а потому было совершенно естественно для нее заключить также военный договор с США — руководителем «свободного мира»¹.

Осенью 1982 г. МИД Японии рассекретил ряд дипломатических документов, относящихся к периоду американской оккупации Японии. Как сообщали японские обозреватели, их обнародование было выборочным, и ряд документов, прежде всего связанных с советско-японскими отношениями, все еще остаются закрытыми².

Опубликованное в японской периодической печати содержание рассекреченных документов дает некоторое представление о деятельности японской дипломатии в годы американской оккупации. Исследователи этого периода акцентировали внимание на том обстоятельстве, что япон-

¹ «Санкэй симбун», 11.XII.1958.

² В данной статье используются выдержки из рассекреченных документов, опубликованных в газетах «Ёмиури», «Хоккайдо симбун» и «Майнити дейли ньюс».

ское правительство было вынуждено подписать военное соглашение с США, так как американские правящие круги поставили это предварительным условием заключения мирного договора с Японией.

Опубликованные документы свидетельствуют, что японская дипломатия, с первых дней оккупации активно включившись в разработку основ послевоенного урегулирования, уделяла основное внимание военному аспекту этой проблемы. Она делала ставку на усиление конфронтации между США и СССР и в немалой степени способствовала этому процессу. МИД Японии, подготавливая тенденциозные рекомендации по проблемам безопасности, доводил их до сведения американских властей и тем самым подталкивал Вашингтон к скорейшему заключению двустороннего военного соглашения.

Из опубликованных документов видно, что концептуальной основой первого японо-американского военного соглашения 1951 г. явилась даллессовская стратегия «сдерживания коммунизма», страх перед ростом авторитета СССР на мировой арене и подъемом национально-освободительного движения в Азии.

Заключение Сан-Францисского мирного договора и японо-американского военного соглашения нельзя рассматривать в отрыве от чрезвычайно сложной международной обстановки послевоенных лет, которая характеризовалась переходом западных держав от союзнических отношений с СССР к состоянию «холодной войны» с ним.

В Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. были сформулированы основы политики союзных держав в отношении побежденной Японии. Они, в частности, содержали требования об искоренении навсегда милитаризма и устранения всех препятствий к возрождению и укреплению демократических тенденций в Японии. В декларации подчеркивалось, что оккупационные войска союзников будут отведены из Японии, как только будут достигнуты цели послевоенного устройства страны и будет учреждено миролюбивое и ответственное правительство в соответствии со свободной выраженной волей народа³.

СССР выступал за неуклонное выполнение положений Потсдамской декларации и скорейшее создание условий для заключения мирного договора с Японией. На состоявшемся в декабре 1945 г. в Москве Совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании было решено создать из представителей государств, воевавших с Японией, Дальневосточную комиссию с местопребыванием в Вашингтоне для определения политической линии союзников в отношении Японии после ее капитуляции и Союзный совет для Японии в Токио из представителей США, СССР, Великобритании и Китая при главнокомандующем оккупационной армией генерале Макартуре для консультаций и советов по вопросам капитуляции, оккупации и контроля над Японией. Макартур, слывший одним из наиболее консервативных политиков США, однако, мало считался с этими органами, хотя участие в них представителей СССР в определенной степени ограничивало произвол американских оккупационных властей.

В отличие от Германии, где управление страной осуществлялось непосредственно союзными державами, в Японии была создана так называемая система «косвенного правления». Ряд важных полномочий в области административной политики США передали японскому правительству, которое опиралось на государственный аппарат, почти не затронутый послевоенными чистками.

Первые послевоенные кабинеты возглавляли видные дипломаты Сидэхара, Асида, Ёсида, которые еще в правящих кругах императорской Японии пользовались репутацией сторонников англо-американской ори-

³ См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. XI. М., 1955, с. 105—106.

ентации. Антикоммунистическая и антисоветская направленность этих консервативных политиков обусловила их проамериканскую позицию в вопросах как послевоенного устройства Японии, так и мирного урегулирования. Больше всего они опасались революционных волнений в стране и возможного соглашения между союзными державами относительно будущего развития Японии.

«Послевоенные консервативные политики, — отмечал японский историк Сэйсабуро Синобу, — считали, что, какой бы жесткий характер ни носила американская оккупация, США будут оставаться на антикоммунистических позициях и не отдадут Японию под власть коммунизма»⁴. Правящие круги США нашли в их лице надежных партнеров по превращению Японии в своего союзника на Дальнем Востоке. Именно в период оккупации была создана система тесных неофициальных связей между элитарными группами США и Японии, которые принимали активное участие в подготовке заключения военного соглашения между недавними противниками.

Следует отметить, что в США в первое время после окончания войны имели место определенные разногласия относительно будущих путей развития Японии и условий мирного урегулирования с этой побежденной страной. Среди стоявших у власти политиков, представителей деловых кругов и военных преобладало мнение о том, что необходимо ослабить недавнего военного противника и потенциального экономического конкурента. Так, в начале 1947 г. комитет, возглавляемый одним из видных чиновников госдепартамента Бартоном, разрабатывал проект мирного договора, который предусматривал запрещение для Японии вооружаться в течение 25 лет и ставил японское правительство и экономику страны под контроль союзников⁵.

После поражения Японии американские оккупационные власти фактически осуществляли все внешнеполитические связи Японии. Часть сотрудников МИДа была включена в так называемое «бюро связи» между командованием оккупационных войск и японским правительством. В то же время, и это подтверждают рассекреченные материалы МИДа, дипломатическое ведомство было вовлечено в подготовку различных проектов мирного урегулирования почти сразу же после капитуляции Японии. Еще в ноябре 1945 г. в МИДе была создана специальная «комиссия по изучению проблем, связанных с мирным договором». В первое время после капитуляции японские дипломаты считали, что США и СССР будут основными участниками послевоенного урегулирования и что в мирный договор войдут положения о недопустимости ремилитаризации Японии. Поэтому в секретном докладе, подготовленном комиссией в мае 1946 г., говорилось, что «Япония должна полностью выполнять свои обязательства, взятые во время капитуляции, а также сделать все возможное, чтобы преодолеть ненависть, подозрения со стороны мирового сообщества». В нем также отмечалось, что «Япония должна будет полагаться на систему региональной безопасности, созданную Дальневосточной комиссией, и стать постоянно нейтральной страной в соответствии с международными законами»⁶.

Однако уже к середине 1947 г. позиция японских политиков и дипломатов в этом вопросе начинает кардинально меняться. По мере усиления антисоветского курса Вашингтона среди них росла уверенность, что правящие круги США раньше или позже будут заинтересованы в новых союзниках для борьбы с социалистическими странами и именно в этой роли Япония будет представлять для них ценность.

⁴ С. Синобу. *Сэнго нихон сэйдзи си. 1945—1952* (Послевоенная история Японии. 1945—1952). Токио, 1965, с. 108—109.

⁵ In: F. Dunn. *Peace-making and the Settlement with Japan*. Princeton, 1963, p. 57—58.

⁶ «Mainichi Daily News», 29.IX.1982.

Изменение внешнеполитического курса США в отношении СССР, получившее наиболее полное выражение в так называемой «доктрине Трумэна», явилось основной причиной переоценки роли Японии в американской стратегии на Дальнем Востоке.

«В этих условиях, — отмечает американский историк Ф. Дани, — США отчаянно нуждались в союзнике на Дальнем Востоке, который был бы достаточно сильным, чтобы обеспечить некоторую поддержку в деле защиты этого региона от коммунизации... Таким образом, по прошествии немногим более двух лет после окончания второй мировой войны Япония, наиболее опасный противник США, стала превращаться в их главного союзника в Азии»⁷.

Проамерикански настроенные деятели в Токно чрезвычайно быстро осознали, какие широкие возможности для укрепления их политических позиций дает им активизация антисоветского курса США. Профессор Ё. Сакамото отмечает, что «провозглашение «доктрины Трумэна» в 1947 г. было с одобрением встречено консервативными силами Японии и оказало чрезвычайно большое влияние на японскую политику и дипломатию»⁸.

В июне 1947 г. японский МИД подготовил секретный документ «Мнение по проблемам безопасности». В нем, в частности, говорилось, что в связи с существующей международной ситуацией правительство Японии выражает глубокое беспокойство по поводу будущей безопасности страны⁹. В документе уже отвергалась концепция постоянного нейтралитета Японии. Обосновывая свою точку зрения, авторы доклада пытались доказать несовместимость концепции нейтралитета с будущим участием Японии в Организации Объединенных Наций. Взамен составители документа призывали к созданию региональной системы безопасности, в которой лишь большинство ее участников должны быть членами Дальневосточной комиссии. Таким образом, японская дипломатия уже тогда взяла курс на сепаратное мирное урегулирование, которое бы предусматривало сотрудничество Японии с западными державами в военной области.

28 июня 1947 г. министр иностранных дел в кабинете Т. Катаяма Х. Асида ознакомил политического советника штаба оккупационных войск генерала Уитни с этим документом и выразил заинтересованность японского правительства в быстрейшем заключении мирного договора.

Американский генерал не имел ничего против его содержания, однако заявил, что «требуется предельная осторожность, чтобы о подготовленном японской стороной документе никто не узнал, так как в противном случае этим воспользуются государства, которые питают в отношении Японии не самые лучшие чувства»¹⁰. Американские власти опасались «утечки информации» о сепаратных переговорах с Японией в то время, когда они официально предложили созвать конференцию из представителей Дальневосточной комиссии по выработке мирного договора с Японией.

Летом 1947 г. японская дипломатия подготовила новый документ, который фактически явился теоретическим обоснованием будущего внешнеполитического курса страны. Возглавляли эту работу министр иностранных дел Х. Асида и генеральный секретарь кабинета Т. Катаяма С. Нисно. Асида торопился с подготовкой документа, с тем чтобы вручить его отпавлявшемуся в США командующему 8-й американской армией, дислоцированной в Японии, генералу Эйкельбергеру. И на этот раз, опасаясь, что содержание документа может стать достоянием глас-

⁷ United States and Japan. The American Assembly. New York, 1966, p. 35.

⁸ "Japan Quarterly" (Tokyo), 1972, vol. 19, N 3, p. 151.

⁹ In: "Mainichi Daily News", 14.X.1982.

¹⁰ «Емиури», 20.IX.1982.

ности, американская сторона предложила рассматривать его как личное мнение по вопросу мирного урегулирования Т. Судзуки — главы центрального бюро связи между японским правительством и оккупационными властями¹¹.

Этот документ, который в дальнейшем получил известность как «меморандум Асида», был представлен генералу Эйкельбергеру 13 сентября 1947 г. В нем рассматривались различные варианты японо-американского военного соглашения. По мнению авторов «меморандума», лучшей мерой для безопасности Японии было бы заключение специального соглашения против агрессии третьей державы и создание полицейских сил на суше и на море.

Американский исследователь Вейнстейн в своей монографии о послевоенной политике Японии, основываясь на опубликованных дневниках Эйкельбергера и интервью Т. Судзуки, дает более подробное изложение содержания «меморандума Асида». В нем говорилось о намерении японского правительства добиваться от США гарантии «безопасности». «Меморандум» предусматривал, что вооруженные силы США будут оставаться на островах Рюкю и Бонин, примыкающих к основной территории Японии. В случае чрезвычайного положения Япония разрешит США создавать военные базы на всей территории страны¹². Это положение, по всей видимости, отражало озабоченность правых социалистов из коалиционного кабинета Т. Катаямы по поводу возможной негативной реакции широкой общественности на продление срока размещения американских вооруженных сил на собственно Японских островах и после подписания мирного договора.

Вейнстейн отмечает, что авторы этого документа исходили из следующих предпосылок: 1. «Советско-американские противоречия не будут ликвидированы, по крайней мере на Дальнем Востоке. 2. Правительство США должно рассматривать оборону Японии как важную часть собственной обороны. 3. Беря на себя ответственность за поддержание внутренней безопасности, Япония тем самым вносит вклад в свою оборону и, следовательно, в оборону США»¹³.

После возвращения генерала Эйкельбергера в Японию Судзуки спросил его, какова была реакция Вашингтона на документ, подготовленный японским министерством иностранных дел. США, по заявлению американского генерала, были еще не готовы к заключению сепаратного мирного договора со своими недавними противниками — Германией и Японией¹⁴.

Со второй половины 1947 г. проблема мирного урегулирования с Японией стала рассматриваться в США в контексте «доктрины Трумэна». Именно в этом направлении действовала группа Госдепартамента во главе с Д. Кенаном. Она исходила из того, что в создавшихся международных условиях сотрудничество с СССР в деле мирного урегулирования с Японией нежелательно. Предложение Кенана сводилось к тому, чтобы США не спешили с мирным договором и использовали оккупационный период для того, чтобы Япония могла почувствовать себя «устойчивой в политическом и экономическом отношении»¹⁵.

Руководство военного ведомства США вообще выступало против прекращения оккупации Японии, ссылаясь на сложное положение на Дальнем Востоке. Среди военных и некоторых влиятельных политических деятелей США стала выдвигаться идея создания «мирных условий

¹¹ In: "Mainichi Daily News", 14.X.1982.

¹² In: M. Weinstein. Japan's Postwar Defense Policy. 1947—1968. New York — London, 1971, p. 20—42.

¹³ Ibid., p. 27.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ F. Dunn. Peace-making and the Settlement with Japan, p. 57.

без мирного договора», то есть фактического продления оккупационного режима и сохранения вооруженных сил США на японской территории.

Японская дипломатия была в курсе разногласий в правящих кругах США относительно дальнейших действий, связанных с мирным урегулированием с Японией. В этой ситуации она фактически выступила инициатором различных конкретных рекомендаций, направленных на скорейшее заключение двустороннего военного соглашения между обеими странами.

18 октября 1947 г. договорный отдел МИДа подготовил документ «Технический анализ проблем безопасности Японии». В нем рассматривались различные варианты гарантии безопасности страны. Авторы этого документа пришли к выводу, что наиболее приемлемым для Японии является подписание военного соглашения с США отдельно от мирного договора. Прекрасно понимая, что этот «вариант» противоречит Потсдамской декларации, они опасались возможности «сильной оппозиции со стороны СССР против использования Японии как американской военной базы на Дальнем Востоке»¹⁶.

В конце 1948 г. премьер-министром Японии снова стал лидер Либеральной партии Сигэру Ёсида, полностью контролировавший «исследования» МИДа, связанные с заключением военного соглашения с США. В декабре 1949 г. дипломатическое ведомство подготовило документ, в котором был дан анализ «преимуществ и недостатков» возможного военного соглашения с США.

Какие же преимущества получит Япония от заключения военного договора с США? Утверждалось, что, во-первых, он даст общественности ясное представление о будущем внешнеполитическом курсе Японии; во-вторых, пребывание американских войск на территории страны прояснит намерение США защищать Японию и даже «углубит близость японского народа к США»¹⁷.

В то же время признавались и минусы военного соглашения с США: во-первых, размещение американских войск на территории Японии будет вызовом по отношению к СССР. Во-вторых, оно будет противоречить идеалам конституции (имеется в виду 9-я статья. — С. В.) и общественному мнению, которое желает, чтобы Япония проводила нейтральную политику. И наконец, Япония должна будет оплачивать пребывание американских войск¹⁸.

Нельзя не признать, что в документе давался, в общем, объективный анализ негативных для Японии сторон, в том числе антиконституционного характера подготавливаемого военного соглашения с США. Однако этот анализ преследовал сугубо практическую цель — выявить те трудности, которые потребуются преодолеть японским политикам и дипломатам на пути к сепаратному миру и заключению военного договора с США. Ко времени появления документа японские руководители уже приняли решение по этому вопросу. Еще в мае 1949 г. премьер-министр Ёсида заявил на пресс-конференции с иностранными корреспондентами в Токио, что Япония надеется на размещение Соединенными Штатами своих вооруженных сил на японских островах после заключения мирного договора.

О позиции японской и американской стороны в отношении будущей роли Японии в американской военно-политической стратегии на Дальнем Востоке дают представление и переговоры личного представителя премьер-министра Ёсиды, министра финансов Хаята Икэда в Вашингтоне в конце апреля 1950 г. Хотя официально целью его миссии было ознакомление с экономической и финансовой системами США, в действительности

¹⁶ "Mainichi Daily News", 14.X.1982.

¹⁷ Ibid., 16.X.1982.

¹⁸ Ibid.

сти его основной задачей было передать американской администрации личное послание Ёсида и выяснить позицию американской стороны, и прежде всего военных кругов, по проблеме «безопасности» Японии после мирного урегулирования¹⁹.

В послании Ёсида говорилось, что правительство Японии хотело бы заключить мирный договор как можно скорее. Однако даже после заключения мирного договора будет необходимо размещение американских войск в Японии и других странах Азии. В послании также содержалась просьба включить в мирный договор статью о возможности пребывания американских войск на японской территории после окончания оккупации. Это помогло бы, по мнению Ёсида, ослабить «противоречия» военного соглашения с японской конституцией²⁰.

Послание Ёсида вновь подтверждает чрезвычайно активную роль японской дипломатии в процессе подготовки в США военного соглашения с Японией.

Икэда передал послание Ёсида министру торговли Доджу. Последний выразил свое «личное мнение», заявив, что Вашингтон в настоящее время еще больше убежден в наличии опасности «независимости» Японии в связи с усилением напряженности между США и СССР. В этих обстоятельствах, подчеркнул Додж, «совершенно естественно, что военные или стратегические соображения должны преобладать над дипломатическими». Додж далее уточнил, что США не возражают против мирного договора, но «они никогда не ослабят существующие военные позиции Японии и США по отношению к СССР»²¹.

Во время встречи Икэда с генералом Эйкельбергером последний изложил ему точку зрения военных кругов по этой проблеме. Он обратил его внимание на то, что военные больше заинтересованы в эффективной безопасности Японии, чем в «формальном» мирном договоре.

Целью Вашингтона теперь уже окончательно стало превращение Японии в военный плацдарм против социалистических стран. Японские руководители полностью поддерживали этот курс, однако они опасались, что пребывание войск США на территории Японии будет выглядеть в глазах народа как продолжение американской оккупации.

Обе стороны, — отмечает обозреватель «Майнити» Такэо Осияма, — ломали себе голову над одной проблемой — как оправдать присутствие американских войск в Японии после заключения мирного договора²².

Война в Корее ускорила ход событий. Помощь американской армии южнокорейскому режиму под флагом ООН в определенной степени изменила политический климат в Японии. Наиболее крупная оппозиционная партия страны СПЯ, в руководстве которой в то время преобладали правые элементы, провозгласила лозунг «моральной поддержки» действий ООН в Корее²³.

Воспользовавшись событиями на Корейском полуострове и определенной растерянностью общественности, главнокомандующий оккупационными войсками Макартур в письме Ёсида от 8 июля 1950 г. потребовал создать «резервный полицейский корпус» численностью 75 тыс. человек, который стал основой японских вооруженных сил, и увеличить штат морской полиции до 8 тысяч.

После того как началась война в Корее, американская администрация сочла необходимым форсировать заключение мирного договора с Японией, которой придавалось большое значение как важнейшей тыловой базой для ведения военных действий в Корее. Вашингтон был заинтересован в том, чтобы поставить японо-американские отношения на

¹⁹ In: "Mainichi Daily News", 15.X.1982.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² In: "Mainichi Daily News", 14.X.1982.

²³ См.: «Асахи», 28.XII.1950.

правовую основу и создать среди мировой общественности представление о равноправном участии Японии в осуществлении военной стратегии США на Дальнем Востоке.

Еще в апреле 1950 г. президент США Трумэн назначил Д. Ф. Даллеса, наиболее активного апологета собственной доктрины «сдерживания коммунизма», главой американской миссии по заключению мирного договора с Японией. Даллес развил бурную деятельность, посетив в течение 1950 г. Японию, Англию, Австралию, Новую Зеландию и Филиппины.

14 сентября 1950 г. Трумэн предложил госдепартаменту начать предварительные переговоры с Японией о заключении мирного договора и военного соглашения.

На следующий день в правительственном бюллетене США было опубликовано заявление Даллеса. «Концепция США, — говорилось в нем, — предусматривает размещение американских войск на территории Японии. США не намерены включать в мирный договор какую-либо статью, ограничивающую вооружение Японии. В настоящее время в японской конституции имеется статья, направленная против создания армии. Однако ее не следует рассматривать как запрещение того, что Хартия Объединенных Наций считает «неотъемлемым правом самообороны»²⁴.

В этом заявлении Даллеса были сформулированы основные требования США в отношении военного соглашения с Японией: во-первых, право на размещение американских вооруженных сил на японской территории; во-вторых, призыв к перевооружению Японии; в-третьих, прямой «совет» японским руководителям пересмотреть антивоенную статью конституции.

Премьер-министр Ёсида со своей стороны дал инструкцию МИДу подготовить предложения по «обеспечению безопасности» Японии. С сентября 1950 по январь 1951 г. дипломатическое ведомство подготовило ряд документов, один из которых представлял собой проект военного соглашения с США. В нем говорилось, что обе стороны согласны на размещение американских войск на территории Японии. Их численность и вооружение должны определяться специальной комиссией, состоящей из равного числа представителей Японии и США. В проекте предусматривался десятилетний срок действия военного соглашения²⁵.

Даллес прибыл в Японию 25 января 1951 г. Сопровождавший его Д. Аллисон пишет в своих воспоминаниях, что основной проблемой, которая интересовала США в это время, была проблема безопасности. Перед визитом в Японию «нам была поставлена задача не только изучить вопрос о размещении американских военных баз в Японии после подписания мирного договора, но и выяснить возможности создания какого-либо варианта Тихоокеанского пакта безопасности с включением Японии»²⁶.

1 февраля 1951 г. японская сторона вручила Даллесу «Предложения о японо-американском сотрудничестве в обеспечении взаимной безопасности». В этом документе говорилось, что Япония согласится с размещением на ее территории американских войск для осуществления «взаимной ответственности», а в случае если ООН признает акт агрессии против Японии, США немедленно примут все необходимые меры. Япония также предложила создать специальный комитет для решения вопросов, связанных с дислокацией и вооружением американских войск²⁷.

На следующий день американская сторона представила контрпроект. Тогдашний директор договорного департамента МИДа Кумао Нисиму-

²⁴ "Mainichi Daily News", 1.X.1982.

²⁵ Ibid., 16.X.1982.

²⁶ Ibid.

²⁷ In: "Mainichi Daily News", 16.X.1982.

ра писал впоследствии, что, как только он «взглянул на него, ему стало дурно»²⁸.

Наиболее важными положениями этого документа были следующие: Япония просит, и США соглашаются разместить американские войска на японской территории... Все военные сооружения, находящиеся в их распоряжении, и после окончания оккупации останутся под американским контролем²⁹. В этом документе впервые Японии предъявлялось требование об «исключительной юрисдикции» американских властей в районах расположения американских войск³⁰.

Нервозность японской стороны была вызвана не столько самими требованиями США, сколько возможностью определенной реакции на них внутри Японии и за рубежом: японские руководители опасались, что включение в военное соглашение положения об «исключительной юрисдикции» США напугает японцев об эпохе «неравноправных договоров» и создаст впечатление, будто оккупация Японии продолжается и после подписания мирного договора.

В этих условиях японская сторона предложила вопросы, касающиеся статуса и привилегий американских войск, выделить в так называемое «административное соглашение», которое не должно будет рассматриваться парламентом. Даллес был вынужден удовлетворить эту просьбу, так как американские власти также опасались негативной реакции японской общественности и ослабления позиций консервативных сил в Японии.

Рассекреченные документы, как и некоторые другие новые исследования, в несколько ином свете представляют «канонизированную» версию японской и американской историографии о ходе переговоров между Ёсида и Даллесом по вопросу перевооружения Японии. Различия в интерпретации хода этих переговоров документами МИДа и госдепартаментом США обнаруживают явную тенденциозность японской дипломатии, ее попытку представить премьер-министра Ёсиды «основоположником мирной дипломатии Японии».

Так, в рассекреченном документе МИДа говорится, что на вопрос Даллеса, какой вклад намерена внести Япония «в совместную оборону свободных стран», Ёсида ответил: «Цель Японии — добиться суверенитета. Что же касается перевооружения, то постановка этой проблемы сейчас преждевременна»³¹.

В рассекреченном несколько лет назад документе госдепартамента США дается иная версия этого диалога: «Премьер-министр заявил, что по пути перевооружения следует идти не спеша, так как он предвидит два значительных препятствия на этом пути: страх перед милитаризацией Японии и необходимость дать приоритет экономическому развитию страны. Смысл ответа японского премьер-министра заключался в том, что он не хотел брать на себя обязательств по этому вопросу в какой бы то ни было форме»³².

Переговоры между Даллесом и Ёсидой свидетельствовали о том, что между ними было достигнуто полное взаимопонимание по вопросу о необходимости дальнейшего пребывания американских войск на территории Японии и превращения этой страны в военный плацдарм США на Дальнем Востоке.

Разногласия, касающиеся темпов и сроков вооружения Японии, были для японской стороны прежде всего вопросом тактики, обусловленным пацифистскими настроениями народа и существованием мирной статьи конституции. Обе стороны вынуждены были пойти на определен-

²⁸ "Mainichi Daily News", 16.X.1982.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid., 5.X.1982.

³² Ibid.

ные уступки, которые нашли отражение в окончательном варианте проекта японо-американского военного соглашения, представленного США японской стороне 30 июля 1951 г. В нем говорилось, что американские вооруженные силы, дислоцированные в Японии, после подписания мирного договора могут быть использованы в целях сохранения международного мира и обеспечения безопасности Японии против вооруженных атак извне³³. Это положение стало в дальнейшем объектом резкой критики со стороны общественности, так как оно представляло постоянную опасность вовлечения Японии в развязанные Соединенными Штатами Америки военные конфликты на Дальнем Востоке.

Не менее важной модификацией позиций обеих сторон явилось включение в новый документ положения о том, что размещенные в Японии американские войска по просьбе японского правительства могут оказывать помощь в подавлении внутренних бунтов или беспорядков, вызванных подстрекательством или вмешательством любой внешней силы или державы³⁴.

«Эта статья, — указывает японский политический обозреватель Окадаки Сигэнори, — была включена по просьбе японского правительства, которое опасалось крупных рабочих волнений и находилась в полном соответствии с линией Ёсида, глубоко ненавидевшего коммунизм»³⁵.

Один из рассекреченных документов МИДа свидетельствует также о большой тревоге японской дипломатии в связи с тем, что советское правительство приняло решение участвовать в Сан-Францисской конференции. В нем говорилось, что цель СССР — не допустить милитаризации Японии и активизировать мирную пропаганду. Руководство МИДа выражало надежду, что американская сторона воспрепятствует главе советской делегации внести новые предложения в текст мирного договора с Японией³⁶.

Что касается ряда документов того же периода, оставшихся не рассекреченными, то, по мнению американского обозревателя Д. Кларка, «цензуре» подверглись те из них, которые свидетельствовали о том, что руководители Японии, подписывая Сан-Францисский мирный договор, знали, что они отказываются от Южно-Курильских островов³⁷.

Во время переговоров с Даллесом (январь 1951 г.) Ёсида зондировал возможность пересмотра Ялтинских соглашений, которые предусматривали возвращение Советскому Союзу «южной части острова Сахалин и всех прилегающих к нему островов, а также передачу Советскому Союзу Курильских островов»³⁸. Следует отметить, что к этому времени консервативные круги Японии уже выработали курс на выдвижение реваншистских притязаний к СССР с целью формирования в стране анти-советских настроений. В декабре 1949 г. комитет по иностранным делам палаты представителей подготовил официальный документ, в котором ставились под сомнение решения Крымской конференции 1945 г. по Дальнему Востоку. Премьер-министр Ёсида месяц спустя выступил с одобрением этого документа³⁹.

Однако в ходе японо-американских переговоров американская сторона дала понять Ёсиде, что еще не пришло время официально поднимать вопрос о возвращении Курильских островов. Обозреватель «Хоккайдо симбун», анализируя обнародованные документы МИДа, отмеча-

³³ In: "Mainichi Daily News", 16.X.1982.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid., 16.X.1982.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid., 1.XI.1982.

³⁸ «Хоккайдо симбун», 20.IX.1982.

³⁹ In: J. Stephan, The Kuril Islands, Russo-Japanese Frontier in the Pacific, Oxford, 1974, p. 199.

ет, что во время первого раунда переговоров Даллес подошел к этому вопросу с «позиций Ялтинского соглашения»⁴⁰.

Нежелание МИДа Японии полностью рассекретить все документы оккупационного периода свидетельствует о намерении скрыть факт отсутствия какой-либо правовой базы территориальных притязаний Японии к СССР. В Сан-Францисском мирном договоре также было зафиксировано, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалина и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору 5 сентября 1905 г.»⁴¹

Анализируя рассекреченные документы МИДа, политический обозреватель газеты «Майнити» Сигэнори Акадзаки указывает, что заключая мир с Японией США преследовали следующие цели: во-первых, использование военных баз на японской территории; во-вторых, ремилитаризацию страны; в-третьих, вовлечение Японии в соглашение о коллективной обороне. По мнению Акадзаки, США добились всех этих целей, и Япония, таким образом, была вовлечена в орбиту американской глобальной стратегии⁴².

8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско Япония подписала мирный договор с США, Англией и другими капиталистическими странами. Советский Союз отказался подписать этот договор. Одновременно был подписан американско-японский «договор безопасности», имевший целью сделать Японию соучастницей американской агрессивной политики. «Договор безопасности» давал США «право» иметь военные базы на японской территории, размещать наземные, морские и воздушные силы в Японии и вблизи нее.

28 февраля 1952 г. между США и Японией на основании «договора безопасности» было подписано «административное соглашение», предусматривавшее порядок размещения американских войск на территории Японии, действий американской военной полиции и судебных властей. Соглашение фактически предоставило американским войскам право экстерриториальности.

Такова вкратце история формирования нового агрессивного военного союза на Тихом океане.

Рассекреченные документы МИДа свидетельствуют о том, что консервативные круги Японии, исходя из своих классовых интересов, активно содействовали превращению Японии в форпост империализма на Дальнем Востоке. Именно в оккупационный период зародился и оформился японо-американский военно-политический союз, и поныне представляющий собой серьезную угрозу миру и безопасности в Азии.

⁴⁰ «Хоккайдо симбун», 20.IX.1982.

⁴¹ American Foreign Policy, 1950—1955. Basic documents. Washington, 1957, v. 1, p. 426.

⁴² In: «Mainichi Daily News», 17.X.1982.

Ученые КНР о стратегии социально-экономического развития страны

В последние годы среди активно ведущихся в Китае экономических исследований все более заметное место занимает изучение комплекса теоретических и практических проблем, связанных с выработкой стратегии социально-экономического развития страны на период до конца столетия.

По определению советских ученых, «стратегия общественного развития» социалистической страны есть «...комплекс взаимоувязанных положений о главных направлениях общественного развития, его целях и средствах их реализации, составляющий концептуальную базу политики на длительную перспективу»¹.

Проблема выбора стратегии социально-экономического развития и ее разработки не нова в мировой практике. Хотя сам по себе термин «стратегия развития» сравнительно недавно введен в оборот буржуазными учеными², пионером здесь по праву можно считать Советский Союз, буквально с первых лет своего существования ведущий хозяйственное и социальное строительство с прицелом на реализацию долгосрочных стратегических целей. Приоритет СССР в данной области признается и китайскими учеными. Так, известный общественвед, советник Академии общественных наук Китая Юй Гуанъюань считает, что начало изучению стратегии экономического строительства положил ленинский план электрификации России³.

Весьма широко проблемы стратегии развития применительно к развивающимся странам исследуются и разрабатываются в буржуазной экономической науке. Можно полагать, что знакомство китайских ученых с соответствующими зарубежными работами, их изучение⁴ стимулировали попытки увязать эти разработки с проблемами стратегии социально-экономического развития самого Китая.

Вместе с тем поворот китайской экономической науки к этим вопросам обусловлен прежде всего глубокими внутренними причинами: переоценкой опыта и итогов предшествующего этапа экономического строительства; осознанием того, что двадцатилетнее господство левацкой, волюнтаристской политики завело народное хозяйство Китая в тупик; сохраняющимся значительным технико-экономическим отставанием КНР от развитых государств мира; наличием в стране ряда сложнейших социально-экономических проблем; необходимостью практической конкретизации задачи «модернизации» Китая и пр.

Известно, что научно обоснованная стратегия социально-экономического развития применялась лишь в первое десятилетие существования КНР; первая пятилетка (1953—1957), осуществлявшаяся при широком содействии СССР и других социалистических стран, ныне считается в Китае наиболее успешным периодом экономического строительства. Последующие годы, характеризовавшиеся, за редким исключением, «погоней за скороспелыми успехами», дали в основном негативный опыт хозяйствования. Сегодня в Китае признают, что за «правильное понимание» дела модернизации страны «была заплачена огромная цена»⁵.

¹ К. И. Миккульский. Экономический рост при социализме. М., 1983, с. 9.

² Как полагает сотрудник Института мировой экономики и политики АОН Китая Хуан Фаньцзи, его ввел в оборот американский ученый Хиршман, опубликовавший в 1958 г. работу «Стратегия экономического развития». — См.: «Цзинцзи яньцзю» (Пекин), 1982, № 7, с. 32.

³ См.: Юй Гуанъюань. Создать и развивать необходимую нам «науку о стратегии социально-экономического развития». — «Цзинцзи яньцзю», 1983, № 12, с. 35.

⁴ Например, в июле—августе 1981 г. НИИ экономики АОН Китая организовал специальный семинар по «экономике развития» (отрасль буржуазной экономической науки), на котором с лекциями выступили американские ученые-экономисты. См.: 1981 цзинцзи лидунь дунтай (Развитие экономической теории в 1981 г.). Пекин, 1982, с. 274—275. См. также работы Су Шаочжи в журн. «Шэхуэй кэсюе чжаньсянь» (Чанчунь), 1982, № 1, с. 55—67, и Хуан Фаньцзи в газ. «Цзинцзинское чжоубао» (Пекин), 5.III.1984.

⁵ «Жэньминь жибао», 1.IX.1982.

Несмотря на существенное количественное наращивание экономического потенциала за годы после образования КНР, на некоторые положительные сдвиги, которые принес народному хозяйству проводимый с 1979 г. курс «урегулирования» экономики, страна далеко не избавилась от таких отмечавшихся на XII съезде КПК недостатков, как низкий уровень экономической эффективности, иррациональная структура экономики, хаос в оперативном управлении предприятиями и отсталость техники производства⁶.

Во многом не решена и глобальная задача преодоления социально-экономической отсталости Китая, усугубляемая сложной демографической ситуацией и нехваткой квалифицированных кадров. Все это диктовало и диктует объективную актуальность для КНР разработки стратегических направлений экономической политики, постановления хозяйственного строительства в целом на научную основу.

Кроме того, обсуждение проблем стратегии развития Китая в научных кругах страны было, по сути дела, подготовлено дискуссиями 1979—1980 гг. по широкому кругу проблем теории и практики экономического строительства в КНР и, в частности, «явились новым развитием предшествующих дискуссий о цели социалистического производства, реформе... хозяйственного механизма, рационализации структуры производства»⁷.

На обсуждении проблем «научно-технического и социально-экономического развития» страны в конце 1980 г., организованном сектором политических установок Государственного комитета КНР по науке и технике, был поднят вопрос о «необходимости иметь долговременные стратегические представления» о путях хозяйственного строительства в Китае на период до конца века⁸. Уведомление о созыве симпозиумов по стратегии социально-экономического развития от 12 февраля 1981 г., распространенное шестью научно-исследовательскими организациями⁹, положило начало регулярному рассмотрению проблем стратегии развития Китая на симпозиумах пекинских ученых-экономистов. На начало 1984 г. проведено уже 18 таких симпозиумов.

Постепенно с целью обеспечения комплексности исследований к обсуждениям стало подключаться все большее число китайских ученых различных специальностей. Так, 25 мая 1983 г. Центр технико-экономических исследований Госсовета КНР и Китайская научно-техническая ассоциация провели «мобилизационную конференцию» на тему «Китай в 2000 году» с участием 400 человек. Выступивший на ней президент АОН Китая Ма Хун наметил следующие основные направления дальнейшего исследования проблемы: поиск общих закономерностей общественного, научно-технического, экономического и культурного развития Китая на современном этапе; изучение исторических уроков и опыта модернизации развитых государств; изучение зарубежной теории и методологии стратегии экономического развития; исследование нынешних и будущих международных условий осуществления экономического строительства в Китае; изучение особенностей, уровня и потенциала науки и техники Китая на конец века, а также степени применения достижений научно-технического прогресса в социально-экономическом развитии; исследование путей и методов оптимизации структуры производства, занятости, потребления и пр. к концу века с акцентом на выявление роли трудовых ресурсов страны; исследование конкретных целевых параметров развития страны, районов и отраслей на 1985, 1990, 2000 гг. и разработка технико-экономических мероприятий по их реализации¹⁰.

21—26 октября 1983 г. в Пекине состоялась Конференция по комплексной стратегии научно-технического и социально-экономического развития страны, характеризующаяся в китайской печати как «новый отправной пункт дальнейшей работы по исследованию стратегии развития»¹¹. После анализа и обобщения ее материалов Центр технико-экономических исследований должен представить Госсовету целостный комплексный проект стратегии социально-экономического развития Китая¹².

Разумеется, было бы преждевременно утверждать, что в данной области достигнута полная ясность. Тем не менее уникальное для китайской экономической науки по масштабам и интенсивности обсуждение проблем стратегии социально-экономического развития государства, активное участие в нем ряда ведущих ученых — Ма Хуна, Юй Гуанъюаня, Лю Гогуана, Сунь Шанцина, Чжоу Шуляня и др. — позволили не только со-

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 8.IX.1982.

⁷ См.: «Шицзе цзинцзи даобао» (Шанхай), 9.III.1981.

⁸ См.: «Гуанмин жибао», 3.XI.1980.

⁹ Сектор политических установок ГКНТ, Научное общество мировой экономики, Институт экономики АОН Китая, Институт научно-технической информации АН Китая, Канцелярия специальной группы технико-экономических исследований и модернизации управления ГКНТ, Группа теории и методологии (была образована в 1979 г. при Финансово-экономическом комитете Госсовета КНР, позднее расформированном). — См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 9.III.1981; «Шэхуэй кэсюе чжаньсянь», 1982, № 1, с. 67.

¹⁰ См.: «Вэньчжай бао», 10.VI.1983.

¹¹ «Цзинцзисюе чжоубао», 14.XI.1983.

¹² См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 31.X.1983.

здать в короткие сроки ряд заслуживающих внимания научных трудов¹³, но и выработать определенную методологию изучения вопроса, дать ряд практических рекомендаций о целях, содержании, особенностях, этапах и путях реализации стратегии развития Китая, которые нашли отражение и в партийно-государственных документах, прежде всего в материалах XII съезда КПК, 4-й и 5-й сессий ВСНП пятого созыва и 1-й и 2-й сессий ВСНП шестого созыва.

В теоретическом плане китайские ученые выделяют такие связанные с выработкой стратегии развития понятия, как «основания» и «руководящие идеи стратегии», цель развития и отражающая ее система показателей; выбор пути развития, подразумевающий разграничение этапов развития, или «стратегических шагов», с определением стыковки между ними, нахождение «центров тяжести» развития и принятие главных стратегических решений (то есть определение технической, инвестиционной, энергетической, внешнеэкономической политики, политики занятости, разработки ресурсов и пр.).

Китайские ученые видят структурную сложность стратегии развития как явления и как объекта изучения, однако единый методологический подход к определению ее структуры пока не сформировался. Часть экономистов выделяет несколько уровней стратегии развития. При этом в качестве первого уровня рассматривается общее социально-экономическое развитие страны на определенном историческом этапе, а в качестве второго уровня — проблемы развития различных отраслей и районов («горизонтальный» аспект) и проблемы развития каждого временного этапа («вертикальный» аспект)¹⁴. Юй Гуаньюань предлагает наряду с общей стратегией выделять стратегии развития «второго порядка», или «дочерние», — по отраслям, районам или специальным проблемам¹⁵. На практике обычно выделяются такие «дочерние» стратегии развития, как демографическая, промышленности, сельского хозяйства, науки и техники, региональная, ресурсов, защиты окружающей среды, внешнеэкономических связей.

Пытаясь дать общую характеристику стратегии социально-экономического развития Китая, китайские ученые подчеркивают, что она должна иметь следующие особенности: отличаться китайским своеобразием, не копировать механически «модель» развития других стран; способствовать непрерывному совершенствованию социалистического строя, полному выявлению преимуществ социализма; должна быть ориентирована на осуществление модернизации, на борьбу за быстрое развитие и прогресс¹⁶.

Делая упор на принципиальное отличие «социалистической по существу» стратегии развития КНР от стратегии развития капиталистических стран, в Китае недвусмысленно подчеркивают и свое отличие от других социалистических государств «в курсе, этапах, рычагах» стратегии развития¹⁷, декларируют, что «стратегией развития Китая должна быть стратегия осуществления социалистической модернизации китайского типа»¹⁸.

Отправной точкой при этом служит своеобразие так называемых «основных особенностей страны»¹⁹. Главными из них являются: «создание в стране экономического строя социализма», «молодость и несовершенство» которого предопределяют особую роль реформ в деле содействия развитию страны; огромные размеры и неразвитость Китая, из которых вытекает невозможность достижения высокого уровня развития в очень короткие сроки и необходимость прохождения на длительном пути модернизации ряда промежуточных этапов; «извилистый путь», пройденный Китаем в ходе 30-летнего социалистического строительства, который позволил ему накопить ценный для будущего и положительный, и отрицательный опыт²⁰. На основе обобщения этого опыта Китаю и предстоит совершить стратегический «поворот» от ориентации на высокие темпы роста к удовлетворению потребностей трудящихся; от упора на «ключевые звенья» к сбалансированному развитию, от изоляционизма к открытой политике в области внешнеэкономических связей; от опоры в основном на экстенсивные методы развития к главным образом интенсивным²¹.

¹³ Заслуживают упоминания, например, сборники статей и выступлений Юй Гуаньюаня «Стратегия социально-экономического развития» (Цзинцзи шэхуэй фачжань чжаньлюе. Пекин, 1982), Сунь Шанцина «Экономика Китая на пути вперед» (Цяньцзинь чжун ди чжунго цзинцзи. Шичзячжуан, 1983), работа Ма Хуна «К вопросу о новой стратегии социалистического экономического развития нашей страны» (Шилунь вого шэхуэйчжун цзинцзи фачжань ди синь чжаньлюе. Пекин, 1982), а также работа под редакцией Лю Гогуана «Исследование проблем стратегии экономического развития Китая» (Чжунго цзинцзи фачжань чжаньлюе вэньти яньцзю. Шанхай, 1983) — рецензия на нее опубликована в «Жэньминь жибао» от 20 апреля 1984 г.

¹⁴ См.: «Цзинцзисюе чжоубао», 12.IX.1983.

¹⁵ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1983, № 12, с. 32.

¹⁶ См.: «Шичзе цинцзи даобао», 31.X.1983.

¹⁷ См.: «Жэньминь жибао», 16.VIII.1982.

¹⁸ «Шичзе цинцзи даобао», 31.X.1983.

¹⁹ Китайские ученые под термином «основные особенности страны» («гоцин») понимают «разные аспекты положения страны, тесно связанные с экономическим развитием»: это существующий общественный строй, демографическая ситуация, природная среда и ресурсы, исторические традиции, достигнутый уровень экономического и научно-технического развития, опыт развития, международное окружение и международные условия существования страны. См.: «Цзинцзисюе чжоубао», 12.IX.1983.

²⁰ См.: «Цзинцзисюе чжоубао», 12.IX.1983.

²¹ См.: «Жэньминь жибао», 11.V.1982.

В целом стратегия развития Китая определяется ныне как «стратегия развития, имеющая китайские особенности, базирующаяся на четырех основных принципах, обеспечивающая скоординированное развитие экономики, общества, науки и техники, комплексное сбалансирование жизни народа, общественного производства и окружающей среды»²².

Определение цели стратегии социально-экономического развития страны характеризуется заметной противоречивостью. Формально отдавая приоритет «удовлетворению потребностей населения и обеспечению всестороннего развития человека»²³, китайские ученые вслед за руководством на деле выдают главную стратегическую цель в создании «модернизированной социалистической державы со спецификой Китая»²⁴. То значительное место, которое отводится при этом задаче наращивания военного потенциала, одни ученые пытаются оправдать «существованием в сегодняшнем мире империализма... и гегемонизма»²⁵, а другие — зависимостью уровня и качества жизни населения страны от ее обороноспособности²⁶.

В теоретическом плане указывается, что генеральная цель представляет собой обобщение целой системы целей, включающей цели экономические, социальные, научно-технические, культурные и пр., каждая из которых в свою очередь является сложным структурным образованием, вбирающим в себя цели второго порядка²⁷. Как декларирует Лю Гогуан²⁸, именно такого рода целью и является задача увеличения к концу нынешнего века совокупного производства промышленной и сельскохозяйственной продукции в четыре раза (с 710 млрд. юаней в 1980 г. до 2800 млрд. юаней в 2000 г.), впервые провозглашенная на 4-й сессии ВСНП пятого созыва и официально закреплённая на XII съезде КПК. В случае ее реализации Китай «вступит в первые ряды стран мира по объему национального дохода и валовому производству главных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции», «в два раза, а то и больше поднимутся доходы городского и сельского населения», «несмотря на все еще относительно низкий... объем национального дохода на душу населения, экономическая и оборонная мощь страны намного возрастет по сравнению с нынешним уровнем»²⁹. Выбор в качестве ориентира развития теоретически далеко не идеального показателя валовой продукции, с разных сторон критикувавшегося учеными страны, объясняется тем, что он «на сегодняшнем этапе и при существующем уровне управления может быть понят, принят и практически использован кадровыми работниками и массами»³⁰.

По мнению Юй Гуанъюаня, Китай может рассчитывать на переход к концу века с нынешнего восьмого места в мире по валовому национальному продукту на шестое, а то и на четвертое³¹.

Задачу учетверения совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства предполагается решать в два этапа: «в первом десятилетии главным образом заложить фундамент, накопить силы и подготовить соответствующие условия, а во втором десятилетии вступить в период экономического подъема»³².

Конкретно на этапе 80-х годов, характеризуемом как этап «урегулирования экономики», предполагается выправить левые ошибки в экономической работе, урегулировать пропорции экономического развития и улучшить народнохозяйственную структуру, осуществить «коренной поворот к лучшему» в финансово-экономическом положении страны, в основном закончить реформу хозяйственного механизма.

На «ключевом» этапе 90-х годов предстоит бороться за «сравнительно высокие темпы экономического роста на основе повышения экономической эффективности и при сохранении сбалансированности развития»³³.

Вполне естественно, что в последние годы в Китае появилось немало прогнозов таких показателей уровня экономического развития, которого страна может достичь к концу столетия, и показателей темпов роста, которые требуются для этого. Вероятно, не все они опираются на основательный технико-экономический и социально-экономический анализ. Подчас чувствуется недостаточная взаимоувязанность таких прогнозов, их подспудная нацеленность прежде всего на то, чтобы доказать саму по себе возможность осуществления поставленных глобальных задач. Тем не менее часть оценок — при всем их сугубо предварительном характере — представляет известный интерес, поскольку

²² «Шицзе цзинцзи даобао», 21.XI.1983. «Четыре основных принципа» — следование марксизму-ленинизму — идеям Мао Цзэдуна; социалистический путь; демократическая диктатура народа; руководство коммунистической партии.

²³ «Цзинцзисюе чжоубао», 26.IX.1983.

²⁴ «Шицзе цзинцзи даобао», 31.X.1983.

²⁵ «Синьхуа вэньчжай», 1984, № 2, с. 43.

²⁶ См.: Юй Гуанъюань. Стратегия социально-экономического развития Пекин, 1982, с. 45 (на кит. яз.).

²⁷ См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 31.X.1983.

²⁸ См.: «Синьхуа вэньчжай», 1984, № 2, с. 43.

²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 8.IX.1982.

³⁰ «Цзинцзисюе чжоубао», 26.IX.1983.

³¹ См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 20.IX.1982.

³² «Жэньминь жибао», 8.IX.1982.

³³ «Цзинцзисюе чжоубао», 26.IX.1983.

ку позволяет точнее судить о намечаемых магистральных направлениях развития народного хозяйства Китая на длительную перспективу.

Для учетверения промышленного и сельскохозяйственного производства в 1981—2000 гг. Китаю необходимо обеспечить среднегодовой прирост валовой стоимости этих отраслей в 7,2 % (1981—1985 гг. — 5 %, 1986—1990 гг. — около 7 %, 1991—2000 гг. — более 8 %) ³⁴. При среднегодовом приросте валовой продукции сельского хозяйства в 80-е годы на 5 % и в 90-е годы на 5,5 % ее стоимость в 2000 г. составит 580 млрд. юаней (в ценах 1980 г.). Тогда среднегодовой прирост в промышленности за двадцатилетие в целом должен составить 7,7 % ³⁵. По расчетам Чжоу Шуляня, он будет равен 7,8 % при среднегодовом приросте в легкой промышленности 7,7 % и в тяжелой промышленности 7,9 % (в первое десятилетие — 7,9 в легкой и 5,5 % в тяжелой промышленности, во второе — соответственно 7,5 и 10,3 %) ³⁶.

В Китае понимают, что аналогичное росту валовой продукции увеличение выпуска основных видов сырья и материалов в силу различных ограничителей — экологических, инвестиционных, технологических и пр. — невозможно. Предполагается лишь удвоение производства основных видов топлива, сырья и материалов к концу века с одновременным 4-процентным ежегодным снижением их удельных затрат на выпуск готовой продукции ³⁷. В то же время намечается увеличение выработки электроэнергии в четыре раза, главных видов продукции машиностроения — в четыре-пять раз и еще более быстрое развитие электроники, нефтехимии и других новых отраслей ³⁸.

Прогнозы роста уровня народного потребления и необходимого для его удовлетворения развития сельскохозяйственного производства строятся с учетом требования руководства об ограничении численности населения страны к концу века (до 1,2 млрд. человек). По расчетам Ду Дагуна из Китайского общества футурологии, в 1990 г. дневная калорийность питания составит в среднем 2370 ккал/чел., потребление белка — 68 г. При этом доля зерновых в рационе составит 79 %, а доля животного белка — 10 %. К 2000 г. при росте калорийности питания до 2400 ккал/чел. и потребления белка до 72 г доля зерновых в рационе снизится до 55 %, а доля животного белка возрастет до 23 %. Для достижения такого уровня потребления продовольствия необходимо к 2000 г. довести сбор зерна до 529 млн. т, производство мяса — до 31,4 млн., сахара — до 7,2 млн., пищевого масла — до 8 млн., рыбы — до 8,5 млн., молочных продуктов — до 28,8 млн., овощей — до 144 млн. и фруктов — до 37,6 млн. т ³⁹.

Китайские ученые единодушно подчеркивают особую важность для страны повышения эффективности общественного производства, представляющей «не только главный путь осуществления цели развития, но и составную часть самой этой цели» ⁴⁰. Здесь имеется в виду широко использовать обновление технологий, повышение технического уровня производства и уровня управления, урегулирование структуры экономики и пр.

В целом предполагается повысить производительность труда в промышленности с 12 031 юаня на человека в 1980 г. до 35 870 юаней в 2000 г., или в среднем на 5,6 % в год ⁴¹. В сельском хозяйстве среднегодовой прирост производительности труда должен составить 4,4—4,7 % (в первое 30-летие существования КНР он составлял в промышленности 5,3 %, в сельском хозяйстве — 1,4 %) ⁴². Реализация этих прогнозов чрезвычайно сложна, поскольку требует серьезных качественных сдвигов в уровне хозяйственной работы, квалификации экономически активного населения, а они объективно не могут не быть медленными.

Пока наибольшее внимание уделяется разработке проблем стратегии развития производительных сил страны. В общем плане берется курс на совершенствование структуры народного хозяйства, включая структуру производимой продукции, техническую структуру, структуру масштабов предприятий, региональную структуру ⁴³, на сочетание расширения производства за счет обновления оборудования и технической реконструкции имеющихся предприятий с созданием новых крупных предприятий в ряде ключевых и новейших отраслей при одновременном всемерном развитии трудоемких производств ⁴⁴.

В совершенствовании производственных отношений, рассматриваемом с точки зрения политэкономии в качестве составного элемента стратегической цели ⁴⁵, главной задачей провозглашено «осуществление постепенной, всесторонней систематизированной

³⁴ См.: «Жэньминь жибао», 28.X.1982.

³⁵ См.: «Путь к изминци ваньтай» (Пекин), 1983, № 3, с. 18—19.

³⁶ См.: «Шиньцзе цзинцзи даобао», 7.XI.1983.

³⁷ Так, затраты энергоносителей на производство продукции стоимостью 10 тыс. юаней предстоит за 20 лет снизить с 8,18 до 3,71 т условного топлива, а затраты стального проката — с 0,442 до 0,2 т. — См.: «Шиньцзе цзинцзи даобао», 7.XI.1983.

³⁸ См.: «Ляовань», 1982, № 9, с. 7.

³⁹ См.: «Цзинцзисюе чжоубао», 11.IV.1983.

⁴⁰ Там же, 26.IX.1983.

⁴¹ См.: «Шиньцзе цзинцзи даобао», 7.XI.1983.

⁴² См.: «Цзинцзисюе ваньчжай», 1983, № 2, с. 41.

⁴³ См.: «Синьхуа ваньчжай», 1984, № 2, с. 44.

⁴⁴ См.: «Цзинцзисюе чжоубао», 26.IX.1983.

⁴⁵ См.: Гоминь цзинцзи гуанцисюе (Управление народным хозяйством). Цзинань, 1983, с. 37.

реформы прежнего хозяйственного механизма, создание социалистического хозяйственного механизма со спецификой Китая»⁴⁶. При этом китайские ученые исходят из той предпосылки, что «крупные изменения в стратегии развития требуют и коренной реформы хозяйственного механизма»⁴⁷.

Как известно, в последние годы в Китае проводится линия на создание «многообразной по экономическим укладам и формам» структуры собственности, сочетание различных видов планового управления народным хозяйством и рыночного регулирования и пр. Не останавливаясь специально на этих вопросах, частично уже рассматривавшихся советскими китаеоведами⁴⁸, выразим лишь сомнение в плодотворности курса на обязательную «китаизацию» хозяйственных решений. Несостоятельны и предложения некоторых китайских ученых достичь «более полного выявления преимуществ социализма» путем... отхода в области производственных отношений «от прогнозирувшегося К. Марксом классического социализма»⁴⁹.

«Стратегическими точками приложения сил» в Китае провозглашены сельское хозяйство, энергетика и транспорт, наука и техника⁵⁰.

Выбор путей модернизации сельского хозяйства справедливо считается китайскими учеными одной из наиболее сложных проблем, стоящих перед страной.

Следует сказать, что в Китае отказались от традиционных представлений о модернизации сельского хозяйства как о его механизации, электрификации, ирригации и химизации⁵¹. Декларируется необходимость более комплексного подхода к стратегии развития сельского хозяйства, ориентации к концу века, во-первых, на создание в деревне комплексного «агропромышленно-торгово-транспортного» хозяйства, во-вторых, на внедрение передовой технологии производства, научных методов управления и передового технического оснащения сельского хозяйства, в-третьих, на социально-экономическое и культурное развитие деревни⁵².

Развитие сельского хозяйства в Китае предполагают осуществлять в основном за счет внутренних накоплений аграрного сектора, с помощью опоры на «политику и науку».

Под «политикой» здесь понимается прежде всего повсеместное внедрение «семейного подряда», который с теми или иными модификациями намечается сохранить на обозримую перспективу в качестве основной формы организации сельскохозяйственного производства. Заявляется, что эта ситуация не противоречит модернизации сельского хозяйства, однако предполагает упор на интенсивную форму хозяйствования на малых площадях как основной практический путь ее осуществления⁵³. В то же время часть ученых подчеркивает, что интенсификация труда имеет свой предел, выход за который ведет к снижению его эффективности. В связи с этим декларируется, что сегодняшний упор на интенсификацию труда служит не только потребностям развития производства на данном этапе, но и созданию условий для постепенного перехода к капиталоемкому производству, без которого существование развитого современного сельского хозяйства невозможно⁵⁴.

«Рассасывание» излишней рабочей силы деревни предлагается осуществлять путем развития многоотраслевого и домашнего хозяйства, а также капитального строительства в самой деревне, постепенного перелива сельского населения в несельскохозяйственные сферы деятельности, в том числе в небольших городах и поселках. В частности, предполагается сделать 50 тыс. сельских поселков базой сельской промышленности, торговли, сферы услуг, строительства⁵⁵.

Большое значение придается внедрению в сельское хозяйство достижений науки и техники, использованию биотехнологии, микроэлектроники и пр., за счет чего, как полагают некоторые ученые, Китай может миновать этап «нефтяного сельского хозяйства», то есть этап механизации и индустриализации, и сразу перейти к «постиндустриальному сельскому хозяйству»⁵⁶.

Предложения о стратегии развития промышленности Китая пока отличаются большим разнообразием. Одни ученые предлагают определять ее на основе долгосрочной стратегии разработки, экономики и охраны энергоресурсов. Другие считают необходимым сделать упор на развитие тех производств и видов продукции, которые имели бы наиболее длительную «жизнеспособность», широкие перспективы сбыта на внутреннем и внешнем рынках, отвечали бы требованиям экономики энергоресурсов и сырья⁵⁷.

⁴⁶ «Синьхуа вэньчжай», 1984, № 2, с. 47.

⁴⁷ Там же, с. 46.

⁴⁸ См., напр.: И. Н. Наумов. Дискуссия о формах собственности в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 4, с. 53—69.

⁴⁹ Сюе Муцяо. Управлять экономикой в соответствии с объективными экономическими законами. — «Цзинцзиско чжоубао», 5.III.1984.

⁵⁰ См.: «Жэньминь жибао», 8.IX.1982.

⁵¹ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1983, № 1, с. 47.

⁵² См.: «Гуанмин жибао», 13.XI.1983.

⁵³ См.: «Жэньминь жибао», 7.III.1983.

⁵⁴ См.: «Нунъе цзинцзи вэньти», 1983, № 3, с. 23.

⁵⁵ См.: «Гуанмин жибао», 13.XI.1983.

⁵⁶ «Цзинцзи жибао», 29.XII.1983.

⁵⁷ См.: «Шинцзе цзинцзи даобао», 21.XI.1983.

Комплексный подход к проблеме характерен для одного из ведущих китайских специалистов по экономике промышленности Чжоу Шуляня. По его мнению, «главные особенности социалистической модернизации промышленности китайского типа» состоят в следующем: еще более высокий удельный вес промышленности коллективной собственности при условии сохранения ведущей роли государственного сектора; полное выявление роли социалистического товарного производства и закона стоимости при отставании главенства плановой экономики; преимущественное развитие тяжелой промышленности при постановке легкой промышленности на важное место; сравнительно большое развитие традиционной промышленности и ускорение развития новых видов промышленности; постепенный переход к главенству интенсивного расширенного воспроизводства после длительного периода преобладания экстенсивного расширенного воспроизводства; в размещении промышленности — постепенное перемещение центра тяжести с приморских районов на внутренние при полном выявлении роли первых, повышение внимания к деревенскому рынку как потребителю промышленной продукции, всемерное освоение зарубежного рынка; высокая мобильность предприятий, которые, как правило, должны осуществлять полный хозрасчет, нести самостоятельную ответственность за прибыли и убытки; сравнительно высокая экономическая эффективность и сравнительно быстрые темпы роста производства⁵⁸.

Признавая необходимость длительного «сосуществования» крупных, средних и многочисленных мелких предприятий, китайские ученые в то же время указывают на «известную слепоту в развитии мелких предприятий в 70-е годы», призывают «укрепить центральное положение крупных предприятий»⁵⁹.

Особое значение придастся в Китае более эффективному использованию в производстве достижений науки и техники. По имеющимся расчетам, доля фактора технического прогресса в приросте промышленного производства в КНР за 30 лет была менее 20 %, тогда как в главных промышленных странах она в 70-х годах составляла 60—80 %⁶⁰. В предстоящее 20-летие китайскую науку нацеливают на освоение и утилизацию мировых научных знаний.

В целом к концу столетия намечается широко применять технологию, которая использовалась в развитых странах на рубеже 70—80-х годов. Лишь важнейшие предприятия и отрасли будут ориентироваться на самую передовую технологию. С точки зрения технического и технологического уровня структура китайской экономики на длительную перспективу останется «многоярусной». Наряду с автоматизированным, полуавтоматизированным и механизированным будут сохраняться немеханизированное и кустарное производства, современная технология будет уживаться с трудоемкой⁶¹.

Вместе с тем в Китае считают возможным сократить экономическое отставание страны от развитых государств мира в случае своевременного использования новейших научно-технических достижений разворачивающейся в настоящее время «четвертой промышленной революции»⁶². На наш взгляд, стремление «полностью использовать благоприятные возможности эпохи, „перескочить“ через некоторые этапы „традиционного промышленного развития“»⁶³, хотя и вполне объяснимо, все же таит в себе угрозу своеобразного «забегания вперед», поскольку вынуждает Китай уже сейчас заниматься освоением таких «наукоемких» производств, к развитию которых страна в кадровом, финансовом, техническом отношении еще не готова. Решить эту проблему Китай рассматривает путем использования ресурсов и технологии Запада.

Реализация стратегических целей связывается в Китае с достаточно активным привлечением иностранных средств, техники и технологии. В то же время заявляется, будто стратегия развития внешнеэкономических связей направлена на повышение способности Китая быть «независимым и самостоятельным, опираться на собственные силы»⁶⁴. Для этого, как считает директор НИИ международной торговли министерства внешнеэкономических связей и внешней торговли КНР Чжан Пэйцзи, Китаю следует и впредь проводить в основном «импортзамещающую» стратегию, дополнив ее ориентацией ряда видов продукции главным образом на внешний рынок, поощрением экспорта в целом⁶⁵.

В общем плане за ориентир берется увеличение доли экспорта в валовом национальном продукте страны и доли Китая в мировом экспорте (в начале 80-х годов они составляли соответственно 4,5 и менее 1 %). Для этого предполагается максимально использовать преимущества Китая в природных ресурсах, рабочей силе, технологии среднего уровня. В то же время в перспективе намечается перенос центра тяжести в структуре экспорта с местной специфической продукции и трудоемких пер-

⁵⁸ См.: «Гуанмин жибао», 13.XI.1983.

⁵⁹ «Синьхуа вэньчжай», 1984, № 2, с. 45.

⁶⁰ См.: «Цзинцзи жибао», 12.IX.1983.

⁶¹ См.: «Хунцзи», 1984, № 6, с. 3.

⁶² «Шинцзе цзинцзи даобао», 31.X.1983.

⁶³ «Хунцзи», 1984, № 6, с. 3.

⁶⁴ «Шинцзе цзинцзи даобао», 21.XI.1983.

⁶⁵ См.: «Гоцзи маон» (Пекин), 1984, № 1, с. 19.

вичных продуктов на готовые изделия и техникуемую продукцию машиностроения и электротехники. С учетом острой конкуренции на мировом рынке особые требования предъявляются к повышению гибкости всего механизма внешнеэкономических связей, призванного обеспечивать быструю реакцию структуры экспорта на изменения международной конъюнктуры⁶⁶.

Китайские ученые рассматривают стратегию экономического развития не только как технико-экономическую, но и как социально-экономическую проблему, подчеркивают особую важность для страны «правильного решения вопросов контроля за ростом населения, занятости, развития интеллектуальных ресурсов»⁶⁷.

В КНР предполагают, что на «коренное преобразование» демографической ситуации в стране требуется примерно 70 лет. Предлагается выработать краткосрочный (до конца века), среднесрочный (на 25 лет) и долгосрочный (свыше 50 лет) планы развития народонаселения, включающие прогнозы ограничения численности (с ее стабилизацией в долгосрочной перспективе), повышения качества и урегулирования структуры населения⁶⁸.

По мнению Лю Гогуана, Китаю необходимо в целях повышения производительности труда перейти от курса на полную занятость трудоспособного населения к курсу на «рациональную степень занятости». Это предполагает допущение большей ротации рабочей силы, распространение системы контрактов на труд и системы трудовых резервов⁶⁹.

По мнению китайских ученых, многонаселенность страны делает для Китая особенно актуальной задачу «руководства народным потреблением». В частности, постепенное повышение уровня и качества жизни населения следует соединять с поощрением «духа трудолюбия и бережливости»⁷⁰. К концу века намечается по потреблению материальных и культурных ценностей вывести население страны на уровень «зажиточности» («сяокан»). Китайские ученые вкладывают в это понятие следующее содержание: удовлетворение рациональных физиологических потребностей в питании; обеспеченность одеждой на все сезоны; достижение уровня обеспеченности жильем в 8 кв. м на городского жителя, а в деревне — несколько выше; своевременное лечение заболеваний и дальнейшее повышение средней продолжительности жизни; заметное повышение уровня культуры, образования, науки и техники; значительное улучшение окружающей среды и совершенствование сети услуг общественного пользования в городах (водопровод, электроснабжение, почта, транспорт, связь); наличие условий для приобретения необходимых товаров длительного пользования и участия в культурном отдыхе; укрепление коммунистической идеологии и морали⁷¹.

* * *

Мы вкратце затронули лишь основные аспекты подхода китайских ученых к выработке стратегии социально-экономического развития Китая. Дискуссия по этой проблеме в научных кругах КНР продолжается, охватывая все новые и новые вопросы: стратегию защиты окружающей среды, развития отдельных районов и провинций, разработки природных ресурсов и пр.

Высказываемые в ходе дискуссии взгляды и суждения неоднозначны. Наряду с новыми, весьма плодотворными в научном отношении идеями, вроде предложения Юй Гуанъюаня о выделении в качестве самостоятельной отрасли научных знаний «науки о стратегии социально-экономического развития», широко распространена и, можно сказать, искусственная абсолютизация национальной специфики Китая.

Складывающаяся концепция стратегии развития не лишена противоречивости, что потребует, несомненно, уточнения в дальнейшем многих ее конкретных элементов, а возможно, и корректировки ряда теоретических посылок.

В. Я. ПОРТЯКОВ
С. В. СТЕПАНОВ

⁶⁶ См.: «Цзинцзисюе чжоубао», 4.I.1982, 7.XI.1983.

⁶⁷ «Жэньминь жибао», 20.IV.1984; «Синьхуа вэпчжай», 1984, № 2, с. 45.

⁶⁸ См.: «Шинцзе цзинцзи даобао», 21.XI.1983.

⁶⁹ См.: «Синьхуа вэпчжай», 1984, № 2, с. 46.

⁷⁰ «Шинцзе цзинцзи даобао», 31.X.1983.

⁷¹ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1983, № 1, с. 39.

Китайская печать

о некоторых вопросах экономики КНР

На страницах китайской печати в последние годы появляется немало статей, в которых обсуждаются вопросы дальнейшего развития народного хозяйства КНР, преобразований в различных его областях, а также линия на урегулирование, упорядочение экономики. Многие положения, которые признавались китайскими экономистами незыблемыми 12—15 лет назад, теперь подвергаются пересмотру.

Вопросам экономической теории постоянное внимание уделяет орган ЦК КПК журнал «Хунци». Так, в статье Чжоу Тайхэ (1983, № 15) рассматриваются основные руководящие принципы реформы экономической структуры. Известно, пишет автор, что экономическая система в КНР складывалась постепенно, начиная с 50-х годов. Финансовые и материальные ресурсы в первые годы существования КНР были сосредоточены на строительстве ключевых объектов страны. Дальнейшее развитие экономики Китая, которая за 30 лет прошла сложный и извилистый путь, несомненно, требовало проведения определенных мероприятий, направленных на ликвидацию появившихся диспропорций, на улучшение жизни народа. Таким образом, назрел вопрос о перестройке экономической структуры КНР.

В первой пятилетке проводились мероприятия, способствовавшие стабильному развитию экономики, улучшению жизни народа, однако в дальнейшем в связи с ошибочной политикой забегания вперед (в статье это классифицируется как «левацкое идеологическое влияние в экономической системе») были допущены просчеты в экономике. Это проявилось, по признанию «Хунци», как в излишней централизации управления, в отраслевой и районной разобщенности, так и в серьезной недооценке роли закона стоимости и принципа распределения по труду.

Такое положение сковывало активность предприятий и инициативу трудящихся, препятствовало гармоничному развитию народного хозяйства. Нельзя не учитывать также, что в китайском обществе еще сохранились устоявшиеся традиционные представления, связанные с натуральным ведением хозяйства, что задерживает развитие производительных сил.

В статье делается попытка сформулировать особенности «новой экономической системы». По мнению автора, они заключаются, в частности, в следующем: допускается развитие разнообразных форм и методов хозяйствования при наличии государственного сектора, играющего ведущую роль; рыночное регулирование используется лишь как вспомогательное средство при плановом ведении хозяйства; главными признаются экономические методы, а не администрирование, причем их планируется вводить постепенно; идеологическое воспитание должно сочетаться с материальной заинтересованностью.

Одним из важных аспектов формирования «новой экономической системы» в стране является реформа управления экономикой. Китайская печать уделяет этой теме большое внимание. Например, Цзинь Пин, часто выступающий на страницах китайской печати по экономической тематике, в журнале «Хунци» в статье «Отсталые способы управления экономикой должны быть реорганизованы» (1983, № 4) отмечает, что реформа управления, начатая в сельском хозяйстве, постепенно охватывает и город. Все большее число предприятий в городах переходит на так называемую подрядную систему ответственности. Цзинь Пин, как и многие другие китайские экономисты, считает, что эта система позволяет удачно сочетать интересы государства, коллектива и отдельных тружеников. В статье указывается, что новая система способствовала определенному повышению производительности труда, заинтересованности в его результатах, ликвидации чрезмерной централизации в хозяйственном управлении. Реформа управления, по мнению Цзинь Пина, лучше воплощает принцип распределения по труду, способствует преодолению уравнительки.

Практически распространение подряда в Китае явилось своего рода импульсом для перестройки системы управления производством, финансами, снабжением и т. д.

Одним из преимуществ, присущих системе подрядной ответственности, автор статьи называет ее универсальность. По его мнению, гибкость этой системы такова, что в различных видоизмененных формах, в зависимости от районных и отраслевых особен-

ностей она рекомендуется для распространения по всей стране, поскольку отражает требование развития производительных сил страны на данном этапе.

Подрядные формы управления ныне охватывают в КНР предприятия, основанные и на общенародной и на коллективной собственности, применяются как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, в торговле, на транспорте, в строительстве — словом, во всех звеньях народного хозяйства. Вместе с тем, отмечает печать КНР, процесс ее внедрения связан с преодолением сложных проблем. Так, в ряде случаев распространение этой системы на такие отрасли, как промышленные предприятия, сталкивается с необходимостью проведения эксперимента, что объясняется, в частности, низким техническим уровнем производства на многих предприятиях, неподготовленностью кадров к работе в новых условиях управления и т. п. В осуществлении этой реформы, пишет Цзинь Пин, необходим творческий подход, проведение ее требует постепенности, экспериментирования, апробации через практику.

Продолжается оживленное обсуждение в печати вопросов, связанных с намерением постепенно создать в КНР так называемую «новую систему товарного обращения».

Финансово-экономический журнал «Цайцзин кэсюэ» поместил статью Лю Бэньмина «Реформа торговой системы отвечает новой обстановке на селе» (1983, № 2), где он разъясняет изменения последних лет в области внутренней торговли и подчеркивает необходимость этих преобразований. Суть реформы состоит в том, чтобы ликвидировать ее старую структуру, при которой торговля осуществляется по одному каналу — по линии государственной торговли.

Из материалов китайской печати явствует, что реформой торговли предусматривается сохранение ведущей роли государственной торговли при допущении иных форм ведения торговли — кооперативной и индивидуальной, что реформой ставится задача вывести страну на «путь развитой социалистической торговли с китайской спецификой». Журнал «Хунци» (1983, № 8) призывает наращивать усилия, чтобы полностью освободиться в области торговли от «левацких ошибок», проводить курс на дальнейшее «урегулирование», на расширение закупок и сбыта. Печать КНР придает большое значение «перестройке государственной торговли, которая должна функционировать гибче и активнее, чтобы нейтрализовать «негативную роль слепой стихии рынка». Реформа торговли в определенной степени способствовала оживлению рынка, улучшению снабжения населения товарами. Вместе с тем из приведенных материалов по реформе торговли в КНР становится очевидным, что остается еще немало проблем, тормозящих ее эффективное проведение: слабо внедряется в торговлю так называемая система ответственности; трудящиеся недостаточно активно проводят необходимые мероприятия по реформе в торговой сети; вызывает опасение возможность выхода из-под контроля частно-рыночной стихии. Журнал «Хунци» обращает внимание на необходимость неукоснительно контролировать процесс развития коллективных и индивидуальных форм торговли, подчеркивает, что главной формой торговли должна оставаться государственная (ныне на нее приходится до 70 % всех оптовых сделок).

Пресса КНР много пишет и о новых процессах в китайской деревне. Журнал «Цзинцзи яньцзю» (1983, № 11) поместил статью Лу Вэня «Новая тенденция в развитии кооперативного хозяйства деревни в нашей стране», в которой подчеркивается, что после III Пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва в китайской деревне произошли знаменательные изменения: введена система «производственной ответственности», проводится регулирование производственных отношений и системы управления. В настоящее время, по сообщению журнала, система коллективного подряда в его различных формах охватила 98 % всех прежних производственных сельскохозяйственных бригад, в том числе подворные подряды составляют 95 %.

Таким образом, пишет автор, «трехступенчатая» система в сельском хозяйстве КНР (производственная бригада — большая производственная бригада — коммуна) постепенно стала уступать место кооперированным хозяйствам с различной степенью сочетания разнообразных форм подряда. Китайская печать утверждает, что происшедшие на селе изменения диктуются жизнью, соответствуют пожеланиям крестьян и особенностям сельскохозяйственного производства и в известной мере наследуют положительные итоги прежнего кооперирования.

Сельское хозяйство КНР сохранило следующие черты кооперативной системы:

— Основные средства производства (земля, ирригационные сооружения и пр.) по-прежнему находятся в коллективной собственности, используются крестьянами совместно или передаются на условиях подряда небольшим крестьянским группам и отдельным дворам;

— Хозяйства работают по единому производственному плану. Отдельные крестьянские дворы, работающие по подрядам, связаны с планом производства и распределения продукции, а через него и с государственным планом посредством контрактов;

— Подрядные звенья организуют производство с учетом конкретной обстановки в своих хозяйствах и потребностей крестьян. Имеются единые подрядные нормы, совместно проводится механизированная пахота, централизованно ведется борьба с болезнями и вредителями сельскохозяйственных культур, а также централизованно реализуется сельскохозяйственная продукция и т. д.

— Часть продукции, оставшаяся после погашения налогов, выполнения обязательств по продаже государству и отчисления в общественный фонд, поступает в распоряжение крестьянина, и он имеет право продавать ее на рынке.

Как утверждает Лу Вэнь, индивидуальное, или подворное, ведение хозяйства, хотя и имеет сходные черты с индивидуальным частным хозяйством, существенно отличается от него. Двор берет подряд на условиях, определяемых коллективом, имеет обязательства перед государством и коллективом, его активность и самостоятельное планирование проявляются только в установленных рамках, в условиях абсолютного преимущества социалистического хозяйства. Он как бы входит в структуру экономики. Новая система мобилизует рабочую силу крестьянских семей, при ней труд и время крестьян используются полностью, проявляются их инициатива и возможности, тщательнее возделывается земля, лучше используются средства крестьян в развитии производства, производство теснее увязывается с жизнью. То есть новая система играет определенную роль в развитии сельскохозяйственного производства.

Но индивидуальное, или подворное, ведение хозяйства имеет не только плюсы, но и минусы. К ним относятся прежде всего ограниченность трудовых, материальных и финансовых ресурсов, невозможность вести капитальное строительство в сельском хозяйстве в крупных масштабах, сообща противостоять стихийным бедствиям. Кроме того, на селе низок уровень обобществления производства, трудно разрешаются противоречия между частным производством и общественными потребностями.

Китайская пресса единодушно отмечает, что после введения подрядной системы широкие массы крестьян стали настаивать на ее закреплении. Главная текущая задача в деревне в настоящее время — это усовершенствование подрядной системы.

В пекинском еженедельнике «Бэйцзин ревью» (2.I.1984) помещена статья Мао Тяньци «Оценки экономической теории Сунь Ефана». Статья, как поясняет редакция журнала, появилась на свет в связи с просьбами читателей и подводит некоторый итог дискуссиям экономистов КНР вокруг теории известного китайского экономиста Сунь Ефана, скончавшегося в 1983 г. Институт экономики Академии наук Китая и редакция журнала «Цзинцзи яньцзю» провели симпозиум, посвященный обсуждению экономической теории, который проходил на родине ученого в городе Уси с 16 по 23 сентября 1983 г. Было заслушано 83 выступления. Высоко оценивался вклад Сунь Ефана в науку.

Еще 20 с лишним лет назад, говорится в статье, Сунь Ефан остро критиковал забегание вперед и низкую эффективность в экономическом строительстве в Китае. Большой ошибкой, отмечал ученый, было то, что в КНР длительное время считалось в порядке вещей не учитывать размеры прибылей и убытков.

Сунь Ефан был убежден, что при социализме экономическая работа должна проводиться планомерно с целью достижения производства максимума товаров, необходимых обществу, при минимуме затрат общественного труда. Это положение теперь стало фундаментальным руководящим принципом экономического строительства в Китае, об этом говорилось и на XII съезде китайской компартии (в сентябре 1982 г.): «Сконцентрировать всю экономическую работу на достижении лучших экономических результатов».

Как отмечалось на симпозиуме, Сунь Ефан предлагал перестроить всю текущую систему планирования в КНР и при подготовке экономических планов уделять самое пристальное внимание закону стоимости. Он указывал также на необходимость усилить статистическую работу, чтобы создать прочную основу для планирования.

Широко обсуждался один из тезисов теории Сунь Ефана — о взаимоотношениях государства и предприятий, о расширении прав предприятий и предоставлении им большей самостоятельности в вопросах управления. Отношения между государством и предприятиями внутри социалистической общенародной собственности были названы на симпозиуме центральной проблемой при перестройке всей экономической системы.

Многие годы в экономической теории и практике КНР придерживались мнения, что производство может быть отделено от спроса. Безусловно, это не способствовало развитию производства. Такие взгляды теперь подвергаются критике, что нашло свое отражение и в дискуссиях на симпозиуме.

В статье утверждается, что теория Сунь Ефана подводит теоретический фундамент под стратегию экономического развития КНР.

В последние годы проведение в КНР реформ и реорганизаций в различных отраслях народного хозяйства, как это не раз отмечалось китайской печатью, требует больших организационных усилий, значительной разъяснительной работы. Комментатор газеты «Жэньминь жибао» (20.II.1984) в статье «Преодоление косности и консерватизма — условие проведения реформ» писал, что реорганизация экономической системы в Китае за последние годы привела к определенным успехам. Однако есть люди, которые различными способами выражают недовольство экономической реформой. Это, по мнению газеты, объясняется боязнью перемен, различного рода опасениями, привычкой работать по старинке. Отмечается, что люди, которые «не одобряют экономическую реформу, стали препятствием на пути ее осуществления», что «необходимо бороться с неправильными мнениями», «усилить идейно-политическую работу и экономическое образование, мобилизовать все силы на активное проведение экономической реформы».

В Китае много пишут о проблеме повышения экономической эффективности. «Жэньминь жибао» в передовой, озаглавленной «Всемерно добиваться создания новых условий для повышения экономической эффективности» (24.11.1984) анализирует успехи, достигнутые в ходе осуществления курса на повышение экономической эффективности, выдвинутого в 1982 г. на XII съезде КПК. Сообщается, что в 1983 г. бюджетные поступления превысили запланированные и выросли по сравнению с предыдущим годом на 11,8 %, продукция государственных промышленных предприятий возросла на 8,9 %, что уровень экономической эффективности в настоящее время становится «важнейшим показателем работы отраслей и предприятий». Передовая отмечает, что, хотя все больше рабочих и служащих предприятий начинают понимать значение экономической эффективности, некоторые по-прежнему лишь формально поддерживают этот курс. Многие заявляют, что «бремя предприятий и так велико и будет трудно решать задачи повышения экономической эффективности». Это равносильно, по их образному выражению, «погонять жеребенка, не давая ему травы». Другие ссылаются на объективные обстоятельства, на ограниченные возможности. Они думают, замечает газета, что, как и раньше, смогут «отсидеться за спиной у государства».

Проблема повышения экономической эффективности настолько серьезна, что ей было посвящено Всекитайское совещание по экономической работе, проходившее в Пекине с 10 по 23 февраля с. г. Работа совещания, созданного по инициативе Государственного совета КНР, комментируется на страницах «Жэньминь жибао» (24.11.1984).

За прошедший год мероприятия по повышению экономической эффективности привели к определенному прогрессу. Успешно развивалось народное хозяйство: валовая продукция промышленности и сельского хозяйства и производство основных видов продукции на два года ранее намеченных сроков достигли показателей, определенных шестым пятилетним планом на 1985 г.

Оценив положение на фронте экономической работы как благоприятное, совещание призвало в 1984 г. создавать новые условия для повышения экономической эффективности.

Совещанию с самого начала придавалось важное значение руководителями КПК и Госсовета.

Совещание констатировало, что с конца 1981 г., когда Госсовет выдвинул курс — поставить во главу угла всей экономической работы повышение экономической эффективности, была проделана большая работа в различных отраслях и на предприятиях. При этом если в 1982 г. акцент был сделан на сбыте продукции (затоваривание тормозило развитие производства), то в 1983 г. внимание концентрировалось на снижении убыточности и увеличении доходов.

Несмотря на прогресс в деле повышения экономической эффективности, как отметил совещание, еще имеются значительные скрытые резервы и предстоит серьезная работа по реализации поставленных задач. Были выдвинуты следующие задачи: повышение качества и увеличение количества продукции, снижение расходов и экономия средств, увеличение налоговых поступлений и прибыли.

Участники совещания пришли к единому мнению, что необходимо «повернуть всю экономическую работу на колею повышения экономической эффективности». Совещание призвало считать борьбу за повышение экономической эффективности важнейшей идеологической и политической задачей.

Китайская печать продолжает придавать большое значение вопросам, поставленным на этом экономическом форуме.

Тема экономической реформы прозвучала и в выступлениях на проходившей в Пекине во второй половине мая с. г. II сессии ВСНП шестого созыва. В своем докладе премьер Госсовета КНР Чжао Цзянь подробно остановился на предстоящих шагах в дальнейшем проведении экономической реформы в различных сферах народного хозяйства. В частности, предусматривается большая стабилизация и совершенствование различных форм подрядной ответственности крестьянских хозяйств, более активное развитие специализированных хозяйств, дальнейшее улучшение структуры сельского хозяйства, оказание поддержки крестьянам в максимальном расширении товарного производства. Планируется ускорить темпы реформы в городе и, прежде всего, ликвидировать уравниловку среди предприятий и т. д.

Газеты и журналы КНР широко освещают в своих материалах задачи, поставленные на проходившей сессии ВСНП, исследуют пути и способы их реализации, отмечают трудности, которые предстоит преодолеть в связи с дальнейшим проведением экономической реформы.

Б. К. ЧИЖОВ

Новое в налоговой политике КНР

И. Б. ШЕВЕЛЬ,

кандидат экономических наук

На протяжении всего периода существования КНР налоги и поступления в налоговой форме от государственных предприятий выступали в качестве одного из основных каналов мобилизации средств в государственный бюджет — важнейшее орудие перераспределения национального дохода страны. Другими каналами привлечения средств в бюджет являлись неналоговые платежи государственных предприятий, государственный кредит, страховые операции, прочие платежи.

Налоги представляют собой установленные законом обязательные платежи в централизованный фонд части накоплений и доходов предприятий, организаций и отдельных граждан, вносимые в определенных размерах в строго установленные сроки. Указанные особенности, то есть обязательность, размер и сроки платежей, устанавливаемые государством, отличают налоговые платежи от других форм мобилизации доходов государственного бюджета. Более чем 30-летний период существования КНР свидетельствует о том, что налоговая форма изъятия денежных накоплений, образующихся в народном хозяйстве, обеспечивает относительную устойчивость доходов государственного бюджета, что имеет огромное значение для своевременного финансирования общегосударственных мероприятий и осуществления расширенного воспроизводства.

В КНР налоговые поступления являются не только важным источником доходов государственного бюджета, но и призваны регулировать доходы различных классов, способствовать укреплению хозяйственного расчета на государственных предприятиях. В условиях многоукладной экономики государством устанавливаются различные пропорции и методы взимания налогов с обобщественного и необобщественного хозяйства; кроме того, с помощью налоговых ставок различного уровня стимулируется или сдерживается производство отдельных видов продукции.

Природа налоговых платежей различных социально-экономических укладов неодинакова. В 50-е годы в отношении частнокапиталистического уклада налоги являлись одной из форм его использования, ограничения и преобразования; в отношении государственно-капиталистического уклада — формой изъятия части доходов капиталистических элементов, участия национальной буржуазии в развитии экономики страны. В настоящее время налоги с создаваемых государственно-капиталистических предприятий иностранного капитала или смешанных — с участием китайского и иностранного капитала — служат орудием привлечения части доходов этих предприятий в общегосударственный фонд.

Налоги с мелкотоварного хозяйства некооперированных крестьян и кустарей в 50-е годы и мелкотоварного индивидуального хозяйства в настоящее время выступают как орудие регулирования накоплений этого уклада с целью ограничения тенденций его развития по капиталистическому пути, как форма участия мелких производителей в общегосударственных расходах.

По отношению к промышленным, снабженческо-сбытовым, сельскохозяйственным производственным кооперативам, а также народным коммунальным (производственным бригадам) налоги служат орудием руководства и контроля государства за деятельностью хозяйств и организаций коллективной собственности, формой участия этих хозяйств и организаций в общегосударственном хозяйственном строительстве и проведении других общегосударственных мероприятий; особенностью доходов государства от этого сектора хозяйства является то, что в централизованный фонд поступает часть дохода, являющегося собственностью отдельных коллективов.

Таким образом, рассмотренные выше платежи в государственный бюджет, выступающие в налоговой форме, означают безвозмездное отчуждение государством части дохода, созданного в других социально-экономических секторах, то есть связаны с изменением формы собственности на передаваемую часть дохода. Что же касается налоговых по форме платежей, производимых в бюджет государственными предприятиями КНР, то эти платежи по своей природе не являются налогами, а представляют собой один из методов изъятия в общегосударственный фонд части чистого дохода государ-

ства, создаваемого на предприятиях. Это необходимо иметь в виду при дальнейшем рассмотрении вопроса о налогах и налоговой политике в КНР.

Существовавшая до 1958 г. система налогообложения промышленности и торговли учитывала многоукладный характер экономики страны и отвечала требованиям преимущественного развития государственного сектора и преобразования необщественных форм хозяйства в общественные. После преобразования частнокапиталистических предприятий в смешанные, проведенного по отраслям, и в результате более быстрого развития государственного сектора сложившаяся ранее система налоговых платежей потребовала дальнейшего изменения. Как отмечалось в китайской экономической литературе, основными недостатками существовавшей налоговой системы были множественность платежей, многозвенность обложения, различные методы взимания налогов, отсутствие единых цен для исчисления облагаемого дохода¹.

В связи с происходившими в экономике изменениями в 1958 г. система налогов с промышленности и торговли была упрощена путем объединения товарного налога, налога с товарооборота, торгового налога и гербового сбора в едином торгово-промышленном налоге. Тогда же, в 1958 г., было принято новое положение о сельскохозяйственном налоге, согласно которому по всей стране была введена единая пропорциональная система обложения налогом всех налогоплательщиков, получающих доход от сельского хозяйства.

В январе 1973 г. был сделан дальнейший шаг к упрощению налогообложения промышленных и торговых предприятий. При сохранении в основном прежнего уровня обложения этих предприятий производилось объединение ряда налогов, упорядочение объектов обложения и налоговых ставок, а также методов взимания. Прежние единый торгово-промышленный налог и надбавки к нему, налог на строения и земельные участки в городах, налог на транспортные средства и налог на убой скота были объединены в торгово-промышленном налоге (новом). Государственные предприятия стали уплачивать только один налог — торгово-промышленный (либо соляной)².

Основные принципы налогообложения промышленности и торговли, введенные в 1973 г., сохранялись вплоть до 1983 г. Что касается сельского хозяйства, то налогообложение этой отрасли основывается на принципах, заложенных в положении о сельскохозяйственном налоге от 1958 г. За период, истекший со времени принятия соответствующих актов, в их конкретном применении имело место немало частных изменений. В целом перестройки налоговой системы отражали этапы экономического развития страны; при каждой такой перестройке налогообложение приводилось в соответствие со складывавшейся хозяйственной ситуацией.

Дальнейшее развитие налоговой системы, вызванное изменением условий и потребностей хозяйственного развития, происходит с конца 70-х годов. В декабре 1978 г. III пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва объявил о переносе внимания во всей работе партии и государства на осуществление «четырех модернизаций», после чего возникают новые явления в экономическом развитии страны, складывается качественно отличная хозяйственная ситуация. Все это находит соответствующее оформление в принимаемых партийными и государственными органами постановлениях по вопросам экономического строительства, в том числе и в области налоговой политики. Естественно, в ряде случаев изменения отдельных налогов, имевшие место в это время, носили характер корректировок, не менявших наиболее существенных черт соответствующих налоговых платежей. Так, было произведено некоторое сокращение поставок продовольственного зерна по сельскохозяйственному налогу, коснувшееся главным образом наиболее бедной части крестьянства, ряд изменений частного характера был внесен в правила взимания таможенных пошлин.

Более значимый, существенный характер носили изменения в обложении налогами промышленных и других предприятий народных коммун и бригад, представляющих собой коллективную форму собственности. В «Правилах по некоторым вопросам развития предприятий сельских народных коммун и производственных бригад», опубликованных Госсоветом в июле 1979 г., отмечалось, что такие предприятия должны получить большое развитие. Они рассматривались как неотъемлемая часть сельскохозяйственного производства, фактор укрепления коллективного хозяйства на уровне коммун и бригад, обеспечения занятости в деревне, более полного использования местных ресурсов, диверсификации сельской экономики; все это должно способствовать росту коллективных доходов и повышению жизненного уровня крестьян. Была поставлена задача повысить в масштабе страны долю дохода, получаемого от названных предприятий, во всем доходе сельских коммун с 29,7 % в 1978 г. до 50 % в 1985 г. и с этой целью разработать долгосрочные планы развития этих предприятий³.

Исходя из вышесказанного, основной чертой налоговой политики в отношении указанных предприятий объявлялся курс на снижение или полное освобождение от налогов. Предприятия, непосредственно обслуживающие сельскохозяйственное производство и способствующие повышению жизненного уровня крестьян, с одобрения местных провинциальных органов могли быть освобождены на определенный срок от уплаты торгово-промышленного и подоходного налогов. Так, небольшие шахты по добыче же-

¹ См.: Гэ Чжидэ. Бюджет Китая в переходный период. М., 1958, с. 109—110.

² См.: Энциклопедический ежегодник Китая. 1980. Пекин, 1980, с. 296 (на кит. яз.).

³ См.: Экономический ежегодник Китая. 1981. Пекин, 1981, с. 11-96 (на кит. яз.).

лезной руды, угля, электростанции, цементные заводы могли освобождаться на срок в три года со времени основания, а некоторые другие предприятия, испытывающие затруднения с уплатой налогов в начальный период своего существования, — на два-три года.

Предприятия коммун и бригад, находящихся в пограничных районах и районах национальных меньшинств, освобождались от уплаты подоходного налога на срок в пять лет начиная с 1979 г. Ряд льгот получили предприятия, находящиеся в старых революционных базах, испытывающих хозяйственные трудности, а также в районах, подвергшихся стихийным бедствиям⁴.

В 1979—1980 гг. применительно к новому хозяйственному курсу было несколько облегчено обложение подоходным налогом кооперированных магазинов и индивидуальных хозяйств, до этого осуществлявшееся на основе правил 1963 г. На кооперированные магазины, находящиеся в городах, поселках и сельской местности, была распространена 8-разрядная шкала прогрессивных ставок, используемая для обложения доходов кустарной промышленности, входящей в систему коллективной собственности. Что касается индивидуальных хозяйств, то 14-разрядная шкала с прогрессивными (и более высокими) ставками, применявшаяся ранее для обложения их дохода, заменялась на местах новыми нормами обложения, с тем чтобы эти нормы соответствовали упомянутой 8-разрядной шкале, применяемой к доходам кустарной промышленности⁵.

Проводившиеся мероприятия по облегчению налогообложения не получили, однако, дальнейшего развития. После рабочего совещания в ЦК КПК (декабрь 1980 г.), подчеркивавшего необходимость централизованного начала в экономическом строительстве, и состоявшегося вслед за ним рабочего совещания по налогообложению в министерстве финансов КНР (январь 1981 г.), обсудившего проблему централизации налоговых поступлений в условиях острого бюджетного дефицита, было объявлено о прекращении практики продления сроков освобождения от налогов и необходимости ликвидации лазеек в налогообложении, чтобы положить конец уклонению от уплаты налогов. Подчеркивалось, что члены коммун, реализующие свою продукцию на рынке, кустари, лица, занятые перевозками, мелкие торговцы — все эти категории должны облагаться налогами, причем чем выше суммы дохода, тем выше ставки налогообложения⁶.

В постановлении Госсовета о налогах на предприятия коммун и бригад от января 1981 г. рамки освобождения от уплаты налогов были сужены. Для предприятий, производящих некоторые виды продукции (хлопчатобумажную пряжу, сахар, сигареты, вино и др.), сроки освобождения от налогов были сокращены с двух-трех лет до одного года с целью помешать их повсеместному возникновению. Запрещалось освобождать от уплаты налогов местные предприятия, производящие продукцию, закупаемую государством. С января 1986 г. намечено вообще прекратить освобождение от налогов сельских предприятий⁷.

В целом можно сделать вывод, что налоговая политика в отношении предприятий коммун и бригад была непоследовательной и противоречивой. С одной стороны, в унисон с курсом на расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и мест декларировалось снижение уровня налогообложения; с другой стороны, попытки осуществления этих мер на практике ослабляли полномочия центральных властей, еще больше обостряли и без того неблагоприятное состояние государственных финансов, что вынуждало принимать меры противоположного характера.

Фактическое положение на местах в области налогообложения в большой степени отличалось от официальной налоговой политики государства. Власти провинций зачастую игнорировали установки центрального правительства, облагая предприятия непосильными налогами, причем предприятия не только коллективной, но и государственной собственности, а также предприятия индивидуальной собственности. В печати было немало сообщений о «налоговом творчестве» местных органов, создававшим неразбериху в налоговой системе. Вместе с тем широкие размеры приняло уклонение от уплаты налогов и злоупотребления, связанные с их взиманием. В специальном циркуляре, посвященном этому вопросу, говорилось о необходимости централизации налогообложения и четкого определения прав местных органов⁸.

Наиболее значительные изменения налоговой системы, имеющие принципиальный характер, произведены по двум направлениям: по линии обеспечения участия госкапиталистического уклада в формировании доходов государственного бюджета и по линии урегулирования взаимоотношений государственных предприятий с бюджетом в рамках проводимых мероприятий по реорганизации хозяйственного механизма. Названные два направления, рассматриваемые ниже, носят разноплановый, неоднородный характер.

Меры китайского руководства по привлечению иностранного капитала в экономику КНР обусловили необходимость развития налогового законодательства в направлении регулирования отношений распределения между соответствующими предприятиями и

⁴ См. там же, с. II-98.

⁵ См. там же, с. II-137.

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 31.I.1981.

⁷ См.: «Экономический ежегодник Китая. 1982. Пекин, 1982, с. III-55 (на кит. яз.).

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 23.III.1982.

гражданами, с одной стороны, и государством — с другой. Этой задаче отвечает принятые китайским правительством законов о подоходном налоге со смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале (сентябрь 1980 г.), о подоходном налоге с иностранных предприятий (декабрь 1981 г.), о личном подоходном налоге (сентябрь 1980 г.) и последующее развитие этих законов. Перечисленные меры китайского правительства, несомненно, представляют серьезный интерес.

В сентябре 1980 г. вступил в силу закон о подоходном налоге со смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале, регулирующий распределение доходов между названными предприятиями и государственным бюджетом. Согласно закону, налог взимается с доходов от производственной и непроизводственной деятельности указанных предприятий, находящихся в пределах КНР. Объектом обложения служит чистый годовой доход предприятий (то есть после вычета издержек производства, расходов и потерь). Налоговая ставка составляет 30 %, плюс к тому взимается местная надбавка в размере 10 % основного налога. Уровень налоговой ставки для предприятий по добыче нефти, природного газа и других природных ресурсов определяется особо.

При переводе иностранными пайщиками за границу полученной ими доли доходов они уплачивают подоходный налог в размере 10 % переводимой суммы. Названные условия для иностранных пайщиков являются более льготными по сравнению с их положением в других странах. Известно, что во многих развивающихся странах ставка подоходного налога с доходов предприятий достигает 40—45 %, а ставка налога на прибыль, переводимую иностранными пайщиками за границу, составляет обычно 15—30 %⁹.

По закону 1980 г. смешанные предприятия, созданные на срок не менее 10 лет, в первый год получения прибыли освобождаются от уплаты подоходного налога, а во второй и третий годы уплачивают его в размере половины. Для предприятий сельского и лесного хозяйства, а также находящихся в экономически неразвитых районах и по истечении указанного льготного периода в течение последующих 10 лет налог может быть снижен на 15—30 %. При реинвестировании иностранным пайщиком прибыли на территории Китая на срок не менее 5 лет ему возвращается с реинвестированной суммы 40 % внесенного подоходного налога. При изъятии инвестируемого капитала до истечения 5-летнего срока возвращенная сумма вносится вновь.

Начисление подоходного налога производится на годовой основе, а взимание осуществляется ежеквартальными взносами. Предварительные платежи производятся в течение 15 дней по окончании квартала, а окончательный расчет — в рамках пяти месяцев по окончании налогового года¹⁰.

В апреле и августе 1983 г. был пересмотрен ряд положений закона о подоходном налоге, принятого в 1980 г., в результате чего налоговая политика в отношении смешанных предприятий стала еще более льготной. Так, в апреле 1983 г. период, в течение которого смешанные предприятия освобождаются от уплаты налога, был увеличен до двух лет после начала получения прибыли, а в течение третьего года размер налога, как и ранее, сохранялся на уровне 50 %.

Для иностранных пайщиков были облегчены условия уплаты других налогов. От обложения таможенными пошлинами и единым торгово-промышленным налогом были освобождены импортируемые иностранными инвесторами машины, оборудование и другие материалы, когда они выступают как часть доли этих пайщиков в капитале или когда они импортируются смешанными предприятиями с зарегистрированным капиталом. Освобождаются от обложения также импортируемые оборудование и материалы, которых не имеется в Китае и которые выступают в качестве дополнительного капитала, предусмотренного контрактом, а также сырье, вспомогательные материалы, части, детали и упаковочные материалы, предназначенные для производства экспортной продукции. Одновременно было разрешено увеличить долю реализации в Китае продукции, в которой он остро нуждается и вынужден ее импортировать. Смешанные предприятия, понесшие при нормальном функционировании убытки при производстве экспортной продукции, освобождены от уплаты единого торгово-промышленного налога или уплачивают его в меньшем размере¹¹.

В августе 1983 г. закон о подоходном налоге со смешанных предприятий подвергся вторичному пересмотру с целью создания более благоприятных условий для их функционирования. Льготный период для уплаты налога продлен до пяти лет (вместо прежних трех лет). Теперь предприятия освобождены от уплаты налога в течение первых двух лет получения прибыли и уплачивают налог в половинном размере в течение последующих трех лет. Более благоприятные условия созданы и в обложении единым торгово-промышленным налогом. Предусмотрено, что предприятия могут быть освобождены от него в течение определенного периода в начальный период производства, когда они испытывают затруднения с уплатой этого налога¹². Все эти меры направлены на стимулирование притока иностранного капитала в китайскую экономику.

Ряд особых льгот разработан для привлечения тайваньских инвестиций. Так, если предприятие вложен тайваньский капитал, оно на четыре года после начала получения

⁹ In: "China Business Review", 1980, N 6, p. 36.

¹⁰ См.: Экономический ежегодник Китая. 1981, с. 11-132; «Жэньминь жибао», 3.IX.1983.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 9.IV.1983; "Beijing Review", 1983, N 19.

¹² In: "Beijing Review", 1983, N 40.

им прибыли освобождается от уплаты подоходного налога, а в течение последующих пяти лет уплачивает его в размере 50 %. Такие предприятия могут пользоваться правом реализации на китайском рынке до 30 % производимой ими высококачественной продукции, изготовленной с использованием импортных материалов. Они освобождаются от арендной платы за земельные участки на весь период строительства и в течение первых пяти лет эксплуатации. Однако правительство Тайваня запретило тайваньским предпринимателям любые коммерческие сделки с КНР¹³.

Специальный закон, введенный в действие в январе 1982 г., регулирует отношения с бюджетом иностранных предприятий, находящихся на территории КНР, а также тех предприятий, которые хотя и не учредили своих органов в Китае, но получают доход в этой стране.

В первом случае имеются в виду иностранные компании и хозяйственные организации, имеющие свои органы в Китае и ведущие хозяйственную деятельность самостоятельно или совместно с китайскими предприятиями. Как и в случае со смешанными предприятиями, подоходный налог взимается с доходов, получаемых такими предприятиями от производственной и непроизводственной деятельности. Объектом обложения также служит чистый годовой доход. Но к иностранным предприятиям применяется принцип прогрессивности обложения по мере роста доходов. Величина подоходного налога определяется по прогрессивным ставкам 5-разрядной шкалы для частей дохода, которые превышают установленные размеры. Необлагаемый минимум дохода не установлен. По минимальной ставке, 20 %, облагается годовой доход в пределах до 250 тыс. юаней, по следующей ставке, 25 %, — доход от 250 тыс. до 550 тыс. юаней, по максимальной, 40 %, — та часть дохода, которая превышает 1 млн. юаней. Как и смешанные предприятия, иностранные предприятия уплачивают также местную надбавку в размере 10 % основного налога.

Предприятия, функционирующие в сфере земледелия, лесного хозяйства, животноводства, и другие малорентабельные предприятия со сроком ведения хозяйства не менее 10 лет в первый год получения прибыли освобождаются от уплаты подоходного налога, а во второй и третий годы налог может быть снижен на 50 %. По истечении указанного льготного периода налог может быть снижен на 15—30 % на последующие 10 лет.

Подоходный налог на иностранные предприятия начисляется на годовой основе, а уплачивается ежеквартальными взносами. Предварительные платежи производятся в течение 15 дней по окончании квартала, а окончательный расчет — в течение пяти месяцев по окончании налогового года¹⁴.

Законом 1982 г. предусмотрено также обложение подоходным налогом иностранных предприятий и хозяйственных организаций, не учредивших своих органов в КНР, но получающих в этой стране доходы в виде дивидендов, процентов, арендной платы, лицензионных платежей и т. п. Для этих видов доходов была установлена единая ставка в 20 %, налог в этом случае удерживается непосредственно при каждой выплате дохода организацией, которая затем переводит удержанные средства в государственный бюджет.

С января 1983 г., то есть через год после введения закона о подоходном налоге, иностранным предприятиям, не учредившим своих органов в Китае, были в ряде случаев предоставлены налоговые льготы. Согласно правилам министерства финансов КНР, размер налога сокращается наполовину (с 20 до 10 %) или вовсе не взимается с лицензионных платежей за использование определенных видов технологии. Освобождение от налога производится в случаях, когда технология является передовой или условия ее предоставления — льготными¹⁵.

Другим правилом предусмотрено сокращение на 50 % налога с процентов по займам, ссудам и отсроченным платежам по контрактам, подписанным в период 1983—1985 гг., а также полное освобождение от указанного налога, когда предоставление иностранными компаниями кредитов или отсрочка платежей в их пользу производятся из «благоприятных» процентных ставок. По контрактам, подписанным до января 1983 г., налог сохраняется на уровне 20 %¹⁶. Очевидно, что перечисленные меры создают более благоприятные условия для деятельности иностранных финансовых учреждений, компаний по поставкам и оказанию услуг, других предприятий, не учредивших своих органов в Китае.

С привлечением иностранного капитала и деятельностью иностранных граждан на территории КНР связано принятие закона о личном подоходном налоге, вступившего в силу в сентябре 1980 г. Высокий уровень дохода, облагаемого личным подоходным налогом, предполагает получение его главным образом в сфере хозяйствования, где используется иностранный капитал.

Личный подоходный налог уплачивают лица, проживающие в КНР не менее одного года и получающие доход в этой стране или за ее пределами, а также лица, не проживающие в КНР или проживающие в ней менее одного года, но получающие доход в этой стране. Обложению налогом подлежат заработная плата и жалованье, вознаграждения за оказание личных услуг, лицензионные платежи, проценты, дивиденды и премии, доходы от сдачи в аренду имущества, а также прочие виды доходов, подлежащие обложению налогом по решению министерства финансов КНР.

¹³ In: "Financial Times", 3.V.1983.

¹⁴ См.: Экономический ежегодник Китая, 1982, с. III-61.

¹⁵ In: "China Business Review", 1983, N 3.

¹⁶ Ibid.

Доходы от заработной платы и жалования, превышающие установленные размеры, облагаются по 6-разрядной шкале со ставками от 5 до 45 %. Необлагаемый минимум составляет 800 юаней в месяц, налог взимается лишь с части, превышающей указанную сумму. По минимальной ставке в 5 % облагается часть месячного дохода в размере от 801 до 1500 юаней, по ставке 10 % — доход в пределах от 1501 до 3000 юаней и т. д.; максимальная ставка в 45 % применяется к части дохода, превышающей 12 тыс. юаней в месяц.

Доходы от вознаграждений за оказание личных услуг, лицензионных платежей, процентов, дивидендов, премий и других источников облагаются единой ставкой в 20 %. Некоторые виды доходов освобождаются от обложения налогом, в том числе премии за достижения в области науки, техники и культуры, проценты на сберегательные вклады в государственные банки и кредитные кооперативы КНР, выплаты из фонда благосостояния, пенсии по случаю потери кормильца, пособия в порядке оказания социальной помощи, страховые возмещения, жалование работников дипломатической службы иностранных посольств и консульств в Китае и некоторые другие.

Начисление личного подоходного налога производится следующим образом:

— по доходам от заработной платы и жалования: ежемесячно — с части, превышающей 800 юаней;

— по доходам от вознаграждений за оказание личных услуг, лицензионных платежей и сдачи в аренду имущества: при единовременной выплате дохода в размере до 4000 юаней — с части, превышающей 800 юаней, а при единовременной выплате в размере более 4000 юаней — с части, остающейся после вычета 20 % выплачиваемой суммы;

— по доходам от процентов, дивидендов, премий и других источников — с полной суммы, полученной при каждой выплате¹⁷.

Выше было рассмотрено развитие налоговой системы, связанное с мерами по возрождению в новых условиях государственно-капиталистического уклада и обеспечением участия этого уклада в формировании доходов государственного бюджета КНР. Как уже было отмечено ранее, другое направление развития системы налоговых платежей связано с реорганизацией хозяйственного механизма. Речь идет об использовании формы подоходного налога для привлечения в централизованный фонд части доходов государственных предприятий. Однако, как следует из сказанного выше, платеж этот по своей природе не является налогом. Уплата его не связана с изменением формы собственности на передаваемую часть дохода, как это имеет место в случае с госкапиталистическим укладом. В то же время налоговая форма обеспечивает обязательность, размеры и сроки платежа, устанавливаемые государством.

В течение продолжительного периода (вплоть до 1983 г.) для перечисления денежных накоплений государственных предприятий в бюджет использовались как налоговая, так и неналоговая формы. До 1973 г. предприятия производили несколько налоговых платежей, а оставшуюся после этого прибыль передавали в бюджет в виде так называемого взноса прибыли или в виде отчислений от прибыли (если часть полученной прибыли оставалась на предприятиях для создания фондов материального стимулирования и других целей). С 1973 г., после объединения всех налоговых платежей в одном торгово-промышленном налоге, система изъятия чистого дохода государственных предприятий в бюджет стала двухканальной: одну часть чистого дохода предприятия стали вносить в виде торгово-промышленного налога, а другую часть, как и ранее, — в виде перечисления всей остающейся прибыли или в виде отчислений от прибыли. Применение двухканальной (как и прежней многоканальной) системы опиралось на опыт Советского Союза и других социалистических стран, хотя в КНР она и имела ряд особенностей, отличавших ее от аналогичной системы в других странах. Сочетание указанных основных каналов поступлений средств государственных предприятий в бюджет в целом обеспечивало государство средствами для централизованного использования.

В течение почти 20-летнего периода — с 1958 по 1976 г. включительно и в 1978 г. неналоговые платежи государственных предприятий в виде взносов прибыли (или отчислений от прибыли) превосходили по своему объему все остальные формы доходов государственного бюджета. Их доля превышала 50 % всех доходов. Однако с 1979 г. происходило систематическое относительное и абсолютное сокращение поступлений этого вида.

Это связано с принятием курса на расширение сферы использования экономических методов управления народным хозяйством. К числу мероприятий такого характера относятся оставление на предприятиях части полученной ими прибыли, создание фондов материального стимулирования. С этой целью в декабре 1978 г. было принято постановление «Об образовании и использовании в опытном порядке фондов государственных предприятий», а в июле 1979 г. — «Положение об оставлении прибыли на государственных предприятиях». В соответствии с этими постановлениями, за счет части плановой и сверхплановой прибыли на предприятиях создавались фонд развития производства, фонд материального поощрения и фонд социально-бытового хозяйственного расчета на предприятиях. Другие мероприятия по внедрению принципов хозяйственного расчета на предприятиях осуществлялись в экспериментальном порядке в течение ряда лет. Сфера проведения эксперимента постепенно расширялась путем распространения его на все новые и новые группы предприятий.

¹⁷ См.: Экономический ежегодник Китая. 1981, с. 11-135.

Проводимые официальные меры по расширению прав предприятий наряду с невыполнением ими заданий по перечислениям прибыли в бюджет пришли в противоречие с задачей обеспечения роста доходов государства. Доходная часть бюджета в 1979 г. сократилась против максимального уровня 1978 г. на 1,8 млрд., а в 1980 г. — на 3,6 млрд. юаней; в 1982 г. она все еще была почти на уровне 1978 г. Это одна из основных причин дефицитности бюджета в 1979—1982 гг. и планирования его дефицита до 1985 г.¹⁸ Одновременно происходило непомерное расширение внебюджетных средств, находящихся в ведении предприятий и местных органов. По данным на 1982 г., объем внебюджетных средств составил 65 млрд. юаней, то есть достиг почти 60 % доходной части бюджета¹⁹. Наряду с этим, по данным китайской печати, при сложившейся экономической ситуации расширение финансовых прав предприятий не давало необходимого эффекта, в частности не преодолевало уравниловку в той мере, в какой это было необходимо для всестороннего внедрения на предприятиях системы экономической ответственности.

В этих условиях в 1981 г. в опытным порядке было применено взимание с государственных предприятий подоходного налога вместо отчислений от прибыли. С июня 1983 г. новый порядок отношений предприятий с бюджетом распространен на всю страну. Он рассматривается китайским руководством как одно из важнейших направлений реформы управления экономикой, призванное гарантировать рост доходов государства и в то же время обеспечить достаточными средствами предприятия.

Однако крайне несовершенная система цен, порождающая значительное неравенство в размерах прибыли, получаемой предприятиями, а также убыточность большого числа предприятий заставляют руководящие хозяйственные органы очень осторожно относиться к переходу на новый порядок. Имеется в виду, что на первом этапе перехода (по крайней мере до 1985 г.) размер прибыли, оставляемой на предприятиях, сохранится на уровне 1982 г., на базе 1982 г. исчисляются также размеры прибыли, перечисляемой в бюджет. На основе этого принципа установлены следующие конкретные методы взятия прибыли с учетом размеров и видов предприятий: прибыль крупных и средних предприятий облагается подоходным налогом по единой ставке в 55 %, а остальная ее часть в зависимости от уровня рентабельности предприятий распределяется в различной пропорции между государством и предприятиями (чем выше прибыль, тем больше доля, перечисляемая государству); прибыль мелких предприятий (на которых первоначальная стоимость основных фондов менее 1,5 млн. юаней, а объем прибыли менее 200 тыс. юаней) облагается подоходным налогом по прогрессивным ставкам 8-разрядной шкалы; для гостиниц, ресторанов и некоторых других предприятий ставка налога составляет 15 %; новый порядок не распространяется на предприятия военной и пищевой промышленности, транспорта и связи, внешней торговли, сельского хозяйства.

Предполагается, что на втором этапе перехода к новому порядку доля подоходного налога будет по мере упорядочения системы цен возрастать, а доля отчислений от оставшейся прибыли — сокращаться. Имеется в виду, что в конце этого процесса предприятия будут уплачивать в бюджет подоходный налог и местные налоги, оставляя в своем распоряжении всю остающуюся прибыль²⁰. Таким образом, налоговая форма мобилизации доходов в государственный бюджет принимает универсальный характер. В китайской печати отмечалось, что в будущем налоговые платежи составят 90 % всех поступлений в государственный бюджет. Проводимые мероприятия по расширению сферы налоговых платежей называются в Китае «переходом от прибыли к налогам». Предполагается, что в наиболее развитой форме система платежей государственных предприятий будет включать ныне существующий торгово-промышленный налог, подоходный налог, плату (в налоговой форме) за основные и оборотные фонды, предоставленные в распоряжение предприятий государством, и так называемый регулирующий налог, призванный обеспечить компенсацию предприятиям с низкими доходами за «несправедливые» преимущества, которыми пользуются предприятия, находящиеся в более благоприятных условиях (более высокие цены на продукцию, установленные государством, лучшее местонахождение, сырье более высокого качества и т. д.), извлекающие из этого высокие доходы.

В китайской печати подчеркивалась необходимость перехода на новую систему взаимоотношений предприятий с бюджетом. Отмечалось, что при прежней системе отчислений от прибыли «из-за серьезных различий в экономическом положении отдельных предприятий и быстрого его изменения трудно установить рациональные пропорции между размерами отчислений в бюджет и суммой средств, оставляемых в распоряжении предприятий; между предприятиями и государственными органами часто возникают противоречия в этом вопросе, что отрицательно сказывается на доходах государства». Проводимые мероприятия «позволят поставить финансовые взаимоотношения между предприятиями и государством на хорошую юридическую базу... В этом деле основным должен стать принцип: государство получает основную долю доходов, предприятие — среднюю часть, рабочие и служащие — меньшую часть»²¹. Несомненно, что важнейшей целью проводимых мероприятий является обеспечение стабильного роста доходной части государ-

¹⁸ См.: Статистический ежегодник Китая, 1983. Пекин, 1983, с. 445 (на кит. яз.); «Жэньминь жибао», 14.XII.1982.

¹⁹ In: "Beijing Review", 1983, N 27.

²⁰ См.: «Жэньминь жибао», 28.IV.1983; "Beijing Review", 1983, N 21.

²¹ «Цзинцзи жибао», 25.IV.1983.

ственного бюджета, укрепление финансового положения центрального правительства по сравнению с местными органами.

В связи с рассматриваемым вопросом необходимо отметить также введение с января 1983 г. особых отчислений в налоговой форме от поступлений во внебюджетные фонды, а с октября 1983 г. — так называемого строительного налога. Оба эти платежа предназначены для пополнения доходов государственного бюджета за счет внебюджетных средств.

В первом случае производятся целевые отчисления в специально выделенный в рамках госбюджета «фонд строительства важнейших объектов энергетики и транспорта». Имеется в виду, что общий объем этого фонда в рамках трехлетнего периода (1983—1985), в течение которого предполагается его существование, составит 20 млрд. юаней, из которых 12 млрд. будут получены за счет отчислений из внебюджетных средств, а остальные 8 млрд. составят поступления из бюджетных и банковских ресурсов. Первоначально ставка отчислений от фактического годового дохода того или иного внебюджетного фонда была установлена на уровне 10 %, а с июля 1983 г. она была повышена до 15 %. Некоторые виды внебюджетных средств освобождены от отчислений (местная надбавка к сельскохозяйственному налогу, доходы средних и начальных учебных заведений, фонд капитального ремонта государственных предприятий и некоторые другие)²².

Строительный налог, помимо своего фискального значения, призван также ограничить внеплановое капитальное строительство, которое приняло неоправданно широкие масштабы. Налог составляет 10 % от суммы вложений в новое строительство и реконструкцию существующих объектов, финансируемых из внебюджетных средств. Не облагаются налогом вложения в энергетику, транспорт, учебные заведения, лечебные учреждения, а также в смешанные предприятия (с участием китайского и иностранного капитала) и объекты, строящиеся с участием средств (включая кредиты) международных организаций, правительств иностранных государств и средств китайских эмигрантов²³.

Таким образом, нынешний этап развития налоговой системы КНР характеризуется ростом числа налоговых платежей, расширением сферы их применения, абсолютным и относительным возрастанием их роли в мобилизации денежных накоплений народного хозяйства в бюджет. По предварительным данным, опубликованным в китайской печати, в 1983 г. поступления в бюджет от государственных промышленных предприятий в виде отчислений от прибыли и налогов возросли против уровня 1982 г. на 6,3 %. На Всекитайском совещании по работе в области экономики, состоявшемся в феврале 1984 г., выдвинута задача увеличения в 1984 г. доходов бюджета на 8,8 % (при намеченном приросте валовой продукции промышленности на 5 %, сельского хозяйства — на 4 %)²⁴.

В заключение следует отметить, что еще преждевременно делать всеобъемлющие выводы относительно эффективности произведенной реорганизации налоговой системы, однако предварительные данные за 1983 г. и наметки на 1984 г. дают основание рассматривать ее как оправданную с точки зрения решения тех задач, которые на нее возлагались китайским руководством. Первоначальные итоги свидетельствуют о том, что в сложившейся хозяйственной ситуации налоговая форма изъятия денежных накоплений способствует стабилизации отношений распределения между предприятиями и государством, повышению эффективности государственного сектора экономики, росту бюджетных доходов государства.

²² См.: «Жэньминь жибао», 21.XII.1982; «Цзинцзи жибао», 25.X.1983.

²³ См.: «Жэньминь жибао», 29.IX.1983.

²⁴ См. там же, 11.II.1984.

Телевидение Китая

Д. Г. НАПАРА

Система массовой информации и пропаганды (СМИП) КНР состоит из четырех основных компонентов: периодическая печать, книгоиздательское дело, радиовещание и телевидение.

До недавнего времени объектами исследований советских ученых-синологов, работающих над изучением средств массовой информации и пропаганды Китая, были первые три компонента СМИП. Тот факт, что телевидение оказывалось по большей части вне поля зрения исследователей, объясняется, во-первых, низким уровнем развития телевизионного вещания в КНР, во-вторых, большими сложностями, связанными с организацией непосредственного просмотра передач китайского телевидения и получением материалов для последующей обработки и анализа.

Однако в 1979 г. в городе Хэйхэ (уезд Айхой провинции Хэйлунцзян) был сдан в эксплуатацию ретранслятор телевизионных частот, зона действия которого распространяется на часть советского города Благовещенска.

В последние годы китайское руководство уделяет большое внимание развитию телевидения. На проходившем в апреле 1983 г. в Пекине всекитайском рабочем совещании по радиовещанию и телевидению министр радиовещания и телевидения КНР У Лэнси, в частности, сказал, что «радио и телевидение — это самые мощные современные средства воспитания, обучения и мобилизации партии, армии и народа всей страны на строительство ... высокой материальной и духовной культуры»¹. И хотя газета и радио продолжают оставаться в КНР основными каналами распространения информации и воздействия на общественное мнение, роль и место телевидения в СМИП Китая заметно возросли.

Работы по созданию собственного телевидения в Китае завершились успехом в 1958 г., когда был сдан в эксплуатацию телевизионный центр в Пекине, оснащенный оборудованием китайского производства. Мощность первого в стране телецентра составляла 1 кВт. В том же году промышленность Китая приступила к выпуску телевизионных приемников с черно-белым изображением, в первой партии их было 200². Китайское руководство выдвинуло оптимистический план создания в течение четырех лет национальной сети телевещания, которая охватывала бы 30 крупнейших городов страны. Этот план является составной частью «большого скачка», однако до 1960 г. в Китае удалось создать лишь одно «звено» этой сети: Пекин — Тяньцзинь.

Тем не менее можно считать, что к 1958 г. завершился первый этап развития китайского телевидения — подготовительный, этап технического экспериментирования. С выходом в эфир пекинского телецентра начался второй этап развития телевидения в Китае.

К середине 60-х годов промышленность КНР производила ежегодно свыше 4 тыс. телевизоров. Телевизионная сеть охватывала население двух крупнейших городов страны — Пекина и Шанхая. Телевизионное вещание не носило массового характера: ввиду малочисленности телевизоров и их высокой стоимости (700 юаней) телевизионные приемники находились в личном пользовании ограниченного числа высокопоставленных чиновников и в коллективном пользовании некоторых коммун и производственных бригад. По свидетельству очевидцев, телепропаганда в то время находилась в начальной стадии. Количество телевизоров составляло в 1962 г. 50 тыс., в 1966 г. 100 тыс. Сеть телеоборудования расширялась очень медленно и ограничивалась ближайшими окрестностями крупнейших городов³. К началу «культурной революции» в Китае действовало всего 10 телевизионных станций.

Второй период развития китайского телевидения можно охарактеризовать как период становления. Экспериментирование в сферах технической и художественной шло

¹ «Жэньминь жибао», 1.IV.1983.

² In: "Beijing Review", 1981, March 9, N 10.

³ См.: И. Дьёрдь. Через призму Пекина. Пер. с венг. М., 1975, с. 41.

параллельно при сдвиге центра тяжести в область художественную. Однако начавший было набирать темпы процесс становления китайского телевидения как самостоятельного средства массовой информации и пропаганды был прерван в годы «культурной революции». По свидетельству китайской прессы, в этот период, во-первых, практически не происходило увеличения выпуска технических средств телевидения; во-вторых, было заморожено развитие сети телевещания; в-третьих, резко снизилось и без того невысокое качество телевизионных программ.

В годы, последовавшие за XI съездом КПК, на котором было официально заявлено о завершении данного этапа «культурной революции», китайское руководство вновь обратило внимание на необходимость ускорить процесс развития телевидения в стране.

В целом развитие телевидения на втором этапе шло по трем направлениям: расширялась и совершенствовалась индустриальная база производства технических средств телевидения; расширялась сеть телевизионного вещания; улучшалось качество телевизионных программ.

Создание собственной телевизионной промышленности в Китае вызвало большие трудности, что объясняется в частности, общей технической отсталостью страны, отсутствием квалифицированных кадров и современной технологии производства. Поэтому в целях модернизации существующих предприятий и строительства новых, по последнему слову техники, Китай вынужден был обратиться за помощью к партнерам за рубежом, представленным в основном японскими фирмами. Наряду с импортом технологии, готовой продукции и компонентов телевизионной аппаратуры китайская сторона активно практикует обмен специалистами в области телевидения, обучение некоторых категорий технических работников за границей. Не составляют исключения и журналистские кадры, работники телевидения художественного профиля, перенимающие опыт организации и ведения телевизионного вещания в Японии и США. Газета «Жэньминь жибао» писала по этому поводу, что работники телевидения Китая могут «многому научиться у США», «основываясь на опыте США, пересмотреть свои взгляды на продолжительность, место и содержание программ телевизионных новостей»⁴.

Увеличивается объем капитальных вложений в телевизионную индустрию КНР. В 1979—1980 гг. он превысил общую сумму вложений в телепромышленность страны за предыдущие восемь лет. Объем ежегодного производства телевизионных приемников возрос за десятилетие (1970—1980) более чем в 500 раз: в 1970 г. было произведено 10 тыс. телевизоров, в 1981—5394 тыс.⁵

По свидетельству журнала «Чайна бизнес», центром производства телевизионных приемников КНР является Шанхай, на предприятиях которого в 1981 г. выпущена 1/3 всех телевизоров страны. В городе действует 8 крупных предприятий телевизионной промышленности, в том числе наиболее мощные — 18-й радиозавод и 1-й телевизионный завод. После шанхайского производства следуют Пекин и Тяньцзинь, на предприятиях которых выпускается несколько сотен тысяч телевизионных приемников ежегодно. Кроме того, в провинциях Китая действует около 50 небольших по мощности и мало-производительных цехов по сборке телевизоров (см. табл. 1)⁶.

В 1981 г. в Китае было произведено около 60 тыс. цветных телевизионных приемников с использованием главным образом импортных деталей и узлов (см. табл. 3). Основными поставщиками этих материалов являются японские фирмы. В 1978 г. фирма «Хитати» заключила контракт на оснащение завода в Снани оборудованием для производства 1 млн. электронно-лучевых трубок (ЭЛТ), применяемых в цветных телевизорах, а фирма «Тосиба» — на строительство в городе Уси завода по сборке 28 млн. интегральных схем ежегодно.

Фирмы «Хитати», «Мамусита», «Джапан виктор» поставили в Китай три линии по сборке телевизоров для предприятий в городах Шанхай, Пекин и Тяньцзинь. В 1981 г. началось опытное производство ЭЛТ на заводе в Снани. Однако нередко ввод производства на полную мощность откладывается из-за нехватки квалифицированных рабочих, некоторых компонентов, а также из-за транспортных затруднений.

Из трех миллионов производимых ежегодно в стране телевизоров (в среднем), размер экрана которых составляет 30 см по диагонали, 2/3 выпускается с ЭЛТ, закупленными за рубежом — главным образом в Японии и на Тайване. В последние годы импорт телевизоров и компонентов для их производства из Тайваня значительно возрос⁷. В создании собственной телевизионной промышленности Китай сотрудничает и со странами Западной Европы; программа закупок оттуда компонентов для производства телевизоров начата в 1978 г.

В настоящее время в городе Чанша (провинция Хунань) введена в строй линия по выпуску хромированных панелей швейцарского производства, а в Нанкине (провинция Цзянсу) — линия по выпуску геттеров итальянского производства, достаточных для сборки 2,4 млн. черно-белых и такого же количества цветных кинескопов в год. На заводах в Шанхае, Пекине, Циндао, Шичзянжуане и Уси производится около 1 млн. ЭЛТ. Закупленные у японских фирм «Ниппон», «Макусита» две сборочные линии ЭЛТ для заводов в Тяньцзинь и Шанхае должны обеспечить ежегодный выпуск

⁴ «Жэньминь жибао», 30.XII.1980.

⁵ In: «Beijing Review», March 9, 1981, N 10; «Жэньминь жибао», 30.IV.1982.

⁶ In: «China Business Review», 1982, N 11, p. 25—28.

⁷ Там же, 1982, N 4, p. 46.

Таблица 1

Производство телевизоров в КНР

Завод	Производственная мощность, тыс. в год	Продукция
Пекинский телевизорный	120	Черно-белые, цветные, с размером экрана 30, 35 и 56 см
Пекинский телевизорный завод «Дун-фэн»	150	Черно-белые, 30 см, цветные
Чэндунский радиозавод № 1	240	
	60	
	50	Черно-белые, 30 и 48 см, используются японские материалы
Завод в городе Фучжоу, провинция Фуцзянь	180	Черно-белые и цветные 35 и 56 см
Радиозавод № 2 в Цзямусы, провинция Хэйлуцзян	200	Черно-белые, 30 см
Радиозавод № 8 в Шэньяне, провинция Ляонин	250	
Муданцзянский телевизорный завод, провинция Хэйлуцзян		»
Нанкинский радиозавод		»
Завод ширококвотательной аппаратуры автономного района Внутренняя Монголия	100	»
Радиозавод в городе Нинбо		»
Машиностроительный завод «Хуанхэ», провинция Шэньси	60	»
Шанхайский радиозавод № 18	300	»
Шанхайский завод ширококвотательной аппаратуры	200	Черно-белые, 35 и 48 см
Шанхайский радиозавод № 4	100	Черно-белые, 30 см
Шанхайский телевизорный завод № 1	66	»
	200	Цветные, 35 и 56 см
Шэньянский радиозавод № 12	—	Черно-белые, 30 см
Сучжоуский телевизорный завод	—	»
Тяньцзинский радиозавод	60	Черно-белые, 30 см
	150	Цветные, 35 и 56 см

Источник: «China Business Review», 1982, N 11.

2,5 млн. ЭЛТ размером 35 см. Основная трудность, которую встретили китайцы при организации производства ЭЛТ, — обработка стекла. Единственным относительно современным предприятием по производству кинескопов оставался построенный с помощью СССР в конце 50-х годов завод в Чэнду, выпускающий 50 тыс. трубок в год. На остальных предприятиях преобладает ручной труд, в результате чего продукция не может быть использована на механизированных линиях сборки. Частично проблему производства ЭЛТ Китаю удалось решить в 1980 г. после заключения контракта с американской фирмой «Корнинг глэсс» на постройку завода в Шанхае, мощность которого составляет 4 млн. ЭЛТ в год⁸. Кроме того, современные предприятия по выпуску трубок строятся в Нанкине и Тяньцзине. Важнейшим компонентом, необходимым для производства современных моделей телевизионных приемников, являются интегральные схемы. КНР не только закупает технологию и заводы и по производству интегральных схем (ИС) за рубежом, но и вкладывает капиталы в развитие данной отрасли телевизионной промышленности за границей. В частности, совместно с фирмой «Теле-арт» (Гонконг) создано предприятие по изготовлению интегральных схем, что позволяет КНР приобретать необходимый опыт при организации собственного производства. В конце 1983 г. в Уси (провинция Цзянсу) намечено ввести в действие линию годовой мощностью 26 млн. ИС, достаточных для сборки 5 млн. телевизионных приемников. Оборудование поставляется японской фирмой «Тосиба интернэшнл». На тяньцзинском заводе кинескопов вошла в строй линия по сборке кинескопов для черно-белых телевизоров производительностью 720 тыс. в год. Линия по сборке 1,5 млн. переключателей телевизионных каналов (ПТК) в год должна была войти в строй на шанхайском радиозаводе № 13 к январю 1983 г. Поставщиком оборудования для обеих линий является японская фирма «Ниппон электрик». При торговом и техническом содействии японской фирмы «Маусита электрик индустриал» на шанхайском радиозаводе № 20 сооружена линия по производству 150 тыс. м² печатных плат. Министерство торговли США одобрило в 1982 г. продажу Китаю оборудования для обработки полупроводниковых пла-

⁸ In: «Electronics Weekly», January 6, 1982, p. 10.

Таблица 2

Участие иностранных фирм в производстве телевизионной аппаратуры

Продукция	Компания	Предприятие КНР	Производственная мощность, тыс. ед.	Стоимость, млн. долл.	Начало работ
Цветные телевизоры (сборка)	«Хитати»	Шанхайский ТВ завод № 1	200	12,5	Середина 1981 г.
	»	Завод в Фучжоу (Фуцзянь)	200	2	»
	«Маусита»	Пекинский ТВ завод	150	5	»
	«Виктор»	Тяньцзинский радиозавод	150	4	1980 г.
Цветные ЭЛТ	«Хитати»	Завод цветных кинескопов в Сяньяне (Шэньси)	960	76	Середина 1981 г.
Линия сборки ИС цветных ТВ	«Тосиба»	Завод в Уси (Цзянсу)	260 000	58	1982 г.
Трансформаторы для цветных ТВ	«Соньё»	Учжоуский ТВ завод (Цзянсу)	500	—	Начало 1981 г.
	«Виктор»	Пекинский завод ТВ аппаратуры № 3	500	—	Середина 1981 г.
Линия сборки черно-белых ТВ	«Хитати»	Завод в Фучжоу	180	—	»
Линия сборки черно-белых ЭЛТ	«Ниппон электрик»	Тяньцзинский завод ЭЛТ	720	—	Конец 1981 г.
	»	Шанхайский завод ЭЛТ	1 600	5,5	Середина 1981 г.
Оборудование для производства ЭЛТ черно-белых ТВ	«Корнинг глэсс»	Шанхайский завод кинескопов	4 000	25	1984 г.
Оборудование для печатных плат	«Маусита»	Шанхайский радиозавод № 20	—	5	1982 г.
Линии производства ПТК и модуляторов	«Ниппон электрик»	Шанхайский ТВ завод № 13	1 000	—	—

стин тридцатью американскими фирмами для двух предприятий по изготовлению кристаллов в Уси, которые будут поставлять их для завода интегральных схем, сооружаемого с помощью японской фирмы «Тосиба». Эти ИС в свою очередь будут использоваться для сборки телевизионных приемников на одном из предприятий Китая, сооружаемом японской фирмой «Хитати». Японская фирма «Ниппон электрик» построила для китайской электронной промышленности линию по изготовлению ПТК производительностью до 500 тыс. в год, которая вошла в строй в марте 1982 г. на дандунском заводе телевизионных компонентов (провинция Ляонин). В нее входит 7 комплектов крупного оборудования, 18 комплектов штампов и другая аппаратура. До постройки линии завод специализировался на выпуске ПТК для цветных и черно-белых телевизионных приемников. В 1981 г. предприятие выпустило 820 тыс. изделий пяти различных моделей. Принято решение использовать ПТК этого предприятия во всех новых моделях телевизоров⁹.

Наряду с импортом зарубежной технологии «ноу-хау» и компонентов телевизионной аппаратуры, равно как и линий по сборке телевизоров и изготовлению составных частей телевизионной аппаратуры, КНР ввозит в страну готовые изделия (см. табл. 3).

Благодаря техническому содействию японских, американских и других зарубежных фирм продукция некоторых заводов Китая по производству телевизионной аппаратуры вышла на мировой рынок. По заявлению министра 4-го министерства машиностроения КНР, в Китае «производятся компоненты, аппаратура и... телевизоры», которые поставляются в 50 стран мира. Часть продукции, производимой на телевизионных и радиозаводах Китая, построенных при содействии японской стороны, выходит на международный рынок с клеймом «Сделано в Японии»¹⁰.

⁹ In: "China Trade & Electronic Newsletter", 1982, N 317, p. 5.

¹⁰ In: "Beijing Review", March 9, 1981, N 10, p. 21.

Таблица 3

Импорт телевизоров (тыс. штук)

Страна-экспортер	1979 г.	1980 г.	1981 г.
Япония	694	1207,0	604,2*
Из них цветных	133	100,0	52,2
Сингапур (только черно-белые)	—	406,0	252,0**
Сянган и Тайвань	89	733,3	558,0**
Из них цветных	24	44,3	17,0
Прочие	650	270,0	—
Итого	1433	2616,3	—

* За первые 6 месяцев.

** За первые 3 месяца.

Источник: «China Business Review», 1982, N 1, p. 25—28.

Одновременно с созданием промышленности по выпуску телевизионной аппаратуры в Китае шли работы по развитию сети телевизионного вещания. К концу 70-х годов в Китае насчитывалось 38 телевизионных центров с собственными телепрограммами. В 1980 г. в Китае насчитывалось 238 ретрансляционных станций и более 2 тыс. маломощных ретрансляторов, обслуживающих отдаленные, труднодоступные районы¹¹. К настоящему времени практически все провинции Китая охвачены телевизионным вещанием и способны принимать как программы центрального телевидения, передаваемые из Пекина в ретрансляции или видеозаписи, так и телепрограммы местных студий. Число телевизионных центров в Китае, по данным за 1981 г., увеличилось до 42, ретрансляторов — до 265. Как и в создании телепромышленности, трудности по расширению сети вещания Китай вынужден решать с помощью зарубежных партнеров. В 1982 г. КНР вела переговоры с представителями «Интелсат» о заключении соглашения, по которому Китай первоначально арендовал бы один импульсный приемопередатчик полностью, а другой — на $\frac{1}{4}$ резервных возможностей за 1 млн. долл. в год. Первый приемопередатчик предполагается использовать для ведения общенациональных передач цветного телевидения на две программы. Для наземного обеспечения системы «Интелсат» Китаю необходимо осуществить капитальные вложения в строительство наземных ретрансляторов. В связи с тем, что «Интелсат» почти не оказывает технической помощи клиентам, китайская сторона намеревается привлечь американскую фирму, специализирующуюся в области телекоммуникаций, для оказания технической помощи, а также для получения рекомендаций по возможным поставщикам подобной техники и оборудования. Часть этого оборудования Китай, возможно, создаст самостоятельно, однако антенные системы, усилители, преобразователи и контрольную аппаратуру планируется импортировать из западных стран¹².

Иностранная печать отмечает особую заинтересованность Китая в создании спутниковой системы коммуникаций. КНР является членом Международной организации спутниковой телекоммуникации и обменивается телевизионными программами с партнерами в пятидесяти странах. Обмен телепрограммами с партнерами за рубежом осуществляется через систему спутниковой связи, посредством искусственных спутников Земли. В 1978 г. в районе Нанкина была построена первая китайская экспериментальная наземная станция спутниковой связи с параболической антенной диаметром 10 м. Станция способна обеспечивать многоканальную связь. В опытный порядок она уже использовалась для связи с ФРГ и Францией через франко-западногерманский спутник «Симфония». В Китае также имеются три действующие наземные станции спутниковой связи, закупленные в США. Они обеспечивают международную связь КНР через ИСЗ, находящиеся на стационарной орбите над Тихим и Индийским океанами. Собственных спутников связи Китай пока не имеет.

Об увеличении числа телеабонентов в Китае свидетельствует количество проданных через розничную сеть страны телевизионных приемников. По сравнению с 1981 г. объем розничной торговли телевизорами в 1982 г. увеличился на 74,5 %¹³. В Пекине и Шанхае на каждые две семьи приходится один телевизор.

С 1970 по 1980 г. количество телевизионных приемников, находящихся в пользовании населения, возросло с 630 тыс. до 7 млн. За этот же период в Пекине, например, было продано 410 тыс. телевизоров — в 10 раз больше, чем за годы «культурной революции». Однако, несмотря на увеличение выпуска телевизионных прием-

¹¹ In: «Beijing Review», March 9, 1981, N 10, p. 26.¹² In: «China Business Review», 1981, N 6, p. 58—59.¹³ См.: «Жэньминь жибао», 30.IV.1982.

Выпуск телевизионных приемников в КНР (тыс. штук)

1958 г.	1962 г.	1966 г.	1970 г.	1979 г.	1980 г.	1981 г.
0,2	50	100	10	1320	2492	5394

Источники: «Beijing Review», N 10. March 9. 1981. p. 26; «China Trade Report», 1982. N 20. p. 6—7; И. Дьёрдь. Через призму Пекина, с. 41.

ников, расширение сети телеабонентов, процент охвата населения телевизионным вещанием в Китае остается чрезвычайно низким, соотношение числа телеприемников к численности населения не выходит за пределы 1 %.

Государственное телевизионное вещание КНР подразделяется на центральное и местное (провинциальное). Создание телевизионной сети, строительство телецентров и ретрансляционных станций также ведется на двух уровнях. В округе Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян) в настоящее время насчитывается более 30 действующих и строящихся ретрансляционных станций. В уездах Дэду, Сунью и городе Хэйхэ их строительство осуществляется за счет государственных ассигнований. В уездах Нуньцзян, Сунькэ и Бэйянь — за счет капиталовложений округа. Всего на эти цели округом было затрачено 2,1 млн. юаней. Отмечается и строительство телестанций за счет местных властей. Цзюсаньское управление госхозов, например, на собранные средства построило ретранслятор телевизионных частот, который был сдан в эксплуатацию после проверки и с разрешения провинциального и окружного отделов телевидения. В округе проводится и работа по подготовке специалистов, на местных курсах обучаются 40 человек, срок обучения — 3 года. Несколько человек отправлено за границу. По заказам телевизионной аппаратуры и закупкам телевизоров округ Хэйхэ занимает первое место в провинции Хэйлунцзян. Такое усиленное внимание к развитию телевидения в округе объясняется, в частности, близостью приемопередающих станций к границам СССР. Уровень реализации телевизионных приемников через розничную торговую сеть регулируется партийным руководством округа. 65 % телевизоров, поступающих в продажу, предназначено городскому населению, 35 % — сельскому. В округе, помимо телевизоров китайского производства, имеются в продаже телевизионные приемники японского, венгерского и польского производства. Однако количество телевизоров, находящихся в личном пользовании, остается незначительным. В городе Хэйхэ на 50 тыс. жителей приходится 630 телевизоров и 64 пункта общественного просмотра телепередач. Телевизионный центр провинции Хэйлунцзян, производящий собственные телепрограммы, расположен в городе Харбин. Передачи ведутся как в черно-белом, так и в цветном варианте.

Анализируя результаты развития телевидения в КНР, можно сделать следующий вывод: телевидение Китая на рубеже 70-х и 80-х годов вступило в третий этап, этап интенсивного развития. В пользу данного вывода говорят, на наш взгляд, следующие факты: принципиальное изменение отношения руководства Китая к телевидению как к средству массовой информации и пропаганды; резкое увеличение выпуска телеаппаратуры; расширение сети телевещания с выходом Китая на международную арену; постепенный переход на цветное телевидение; коренное улучшение технического качества телепрограмм.

Китайское руководство, проводя курс «социалистической модернизации», не оставило в стороне и вопросы развития телевидения. Выступая на упоминавшемся совещании, министр радиовещания и телевидения КНР У Лэнси подчеркнул, что «реформу в деле информации необходимо поставить во главу угла». В ближайшие 3—5 лет, помимо строительства телевизионных и радиостанций (как центральных, так и местных), ставятся задачи упорядочения технической политики, выведения на орбиту спутников связи, увеличения творческого потенциала телевизионных программ, учреждения информационного центра телевизионного вещания, обогащения содержания телепередач¹⁴. Задачи гигантские; насколько они будут выполнены — покажет будущее.

Благовещенск

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 1.IV.1983.

Роль пролетарского интернационализма в социалистическом строительстве

Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983, 528 с.

За последнее десятилетие особенно ярко проявилось значение пролетарского и социалистического интернационализма в мировом революционном процессе, в строительстве социализма. В современной обстановке ревизионисты всех мастей и империалистические стратеги пытаются всячески исказить действительную историческую роль социалистического интернационализма противопоставлением национальных и интернациональных интересов стран и народов. Буржуазная пропаганда, правые и «левые» ревизионисты усиленно пытаются противопоставить пролетарский, социалистический интернационализм общедемократическим принципам равноправия, независимости и суверенитета. При этом в ход пускается все — от беспардонной клеветы до всевозможных лженаучных теорий. Здесь соседствуют и пресловутая «теория ограниченного суверенитета», и демагогические басни о «силах доминантности» и «двух сверхдержав», будто бы решающих судьбы народов за их спиной.

Рецензируемую книгу подготовил интернациональный коллектив ученых (НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР и ЧССР: главный редактор — член-корреспондент АН СССР Г. Ф. Ким). На примере Монголии, Вьетнама и КНДР анализируется роль пролетарского и социалистического интернационализма в развитии ранее отсталых народов Азии, избравших путь социализма, в различных сферах проявления этих принципов, обогащение их содержания и форм в процессе исторической практики, рассматриваются основные черты их претворения в жизнь на современном этапе развития мировой социалистической системы.

Основное внимание в книге уделяется таким проблемам: достижение национальной независимости, переход на некапиталистический путь развития, роль интернациональных факторов в социально-экономи-

ческом, культурном строительстве в МНР, СРВ и КНДР. В книге рассматриваются вопросы общего и национально-особенного в строительстве социализма, вопросы влияния пролетарского, социалистического интернационализма на социалистическое строительство в этих странах. Авторы достаточно полно освещают и анализируют исторический опыт строительства социализма в МНР, СРВ и КНДР, имеющий большое значение особенно для развивающихся стран.

В первой части книги авторы исследуют поставленные вопросы в теоретическом плане, во второй — практику революционной борьбы и строительства социализма в МНР, СРВ и КНДР. Значение пролетарского интернационализма для практики социалистического строительства в Монголии, Вьетнаме и Корее показано на обширном фактическом материале. Принципы пролетарского интернационализма существенно повлияли на формирование в этих странах марксистско-ленинских партий, возглавивших развитие этих стран по некапиталистическому пути к социализму.

После второй мировой войны народно-демократические страны Азии, приступившие к революционным преобразованиям в новых исторических условиях, имели возможность учесть богатый опыт Советских республик Востока и МНР в хозяйственном, культурном, государственном, партийном строительстве, что, несомненно, облегчило решение сходных в той или иной мере проблем, способствовало ускорению темпов социально-экономического и духовного развития. Этот опыт полностью сохраняет свое непреходящее значение и в наши дни для народов, вступивших на путь социалистической ориентации, на путь постепенного перехода к социализму.

На новом этапе мирового развития большой многообразный опыт перехода к социализму накопили Северная Корея и Вьетнам. Много внимания уделено в работе и тому, как эти страны на практике, опытом жизни своих народов подтвердили возможность и решающие преимущества некапиталистического пути развития от докапиталистических и раннекапиталистических отношений, перерастания социалистической ориентации масс в социалистическую реальность. Эти ранее отсталые страны, отброшенные далеко назад в своем развитии империалистическим угнетением, при интернациональной помощи победоносного пролетариата передовых стран смогли «перешагнуть» через капиталистическую формацию или существенно сократить ее продолжение, показав другим народам, «как это делается», к каким прогрессивным результатам приводит. Тем самым после

победы революций в Монголии, Северной Корее и Вьетнаме каждая из стран сама выступила активным субъектом интернационального воздействия, в первую очередь на народы Востока (с. 96).

Рассматриваемым в книге странам, идущим к социализму, минуя или существенно сократив капиталистическую стадию развития, и на новом этапе присуща большая специфика. Однако она не только не умаляет, но и помогает авторам вычленил и рельефно показать общезначимые черты и принципы социалистического преобразования общества, роль интернациональных факторов в этом крайне многосложном, особенно для стран Азии, процессе.

Сравнительный анализ накопленного социалистическими странами опыта позволяет авторам сделать вывод, что завершение строительства основ социализма может произойти в разных группах стран при разной степени зрелости материально-технической базы. Но во всех случаях она должна опираться на планомерное, пропорциональное развитие отраслей материального производства. Нарушение этого требования неизбежно ведет к тяжелым последствиям. Как известно, в МНР и КНДР продолжается процесс строительства материально-технической базы социализма, совершенствуются социалистические производственные отношения, реализуются многие проблемы, уже решенные в европейских социалистических странах в период строительства основ социалистического общества. Такой вариант развития, подчеркивают авторы, становится объяснимым, может быть правильно проанализирован и обобщен, если учитывать возрастающую роль в поступательном развитии социалистических стран Азии принципов социалистического интернационализма в действии, существенное содержание и формы проявления которого обогащаются, а эффективность «материализации» возрастает (с. 173).

Большое внимание уделено в работе анализу действия интернационального фактора, который позволяет выяснить весь комплекс вопросов, связанных с решением трудящимися ранее отсталых стран во главе с их марксистско-ленинскими авангардами чрезвычайно сложных задач подъема производительных сил, создания материально-технической базы социализма при одновременном формировании предпосылок строительства развитого социалистического общества. Иными словами, правильный анализ поступательного развития социалистических стран Азии возможен лишь при неизменном учете огромной роли в нем наряду с национальными интернациональными факторами в первую очередь таких, как сотрудничество с братскими государствами, взаимопомощь и взаимоподдержка, выравнивание социально-экономических уровней социалистических стран, что выражает общую закономерность развития системы социализма. Братские страны Азии учитывают в своей политике и деятельности, что выравнивание экономического уровня является частью всестороннего сближения социалистических стран, что его осуществле-

ние — длительный и сложный процесс, что решение задач научно-технической революции составляет важную черту и предпосылку сближения социалистических государств, которое может быть осуществлено только на базе принципов социалистического интернационализма.

Особое место в книге отводится такому аспекту пролетарского интернационализма в действии, как помощь Советского Союза, а затем и других социалистических государств в защите завоеваний революции и социализма народами этих стран. Победы монгольского, корейского, вьетнамского народов в войнах, развязанных против них интервентами, как и возможность для Китая выстоять под натиском империалистических сил, были обусловлены — наряду с героической борьбой этих народов, наряду с их внутренними усилиями — могуществом мирового социализма, военно-политической, экономической, дипломатической и иной поддержкой Страны Советов, социалистических государств, движением интернациональной солидарности прогрессивных сил в других районах мира. Опыт рассматриваемых стран, подтверждая, сколь абсурдны вымыслы об «экспорте революции», раскрывает правду об экспорте контрреволюции, показывает необходимость отражать ее совместными усилиями братских государств. В книге обобщена историческая практика, свидетельствующая об огромной важности единства рядов мирового коммунистического движения, в первую очередь стран социализма, для победы над империалистической агрессией и в строительстве новой жизни. Как подчеркивают авторы, «путь сотрудничества во всех областях на основе социалистического интернационализма дает возможность каждой социалистической стране успешно продвигаться вперед». «Только с помощью планомерного и согласованного сотрудничества социалистических стран во всех областях можно эффективно противостоять попыткам реакции» (с. 261).

Успехи МНР, СРВ, КНДР, как и других братских стран, основываются на растущей силе и сплоченности социализма в мировом масштабе, на осуществлении тенденции разрядки в мире и, разумеется, на их собственных усилиях в строительстве и укреплении социализма. Однако, подчеркивают авторы, в Азии, как и на других континентах, реакция не оставляет ни одной позиции без боя. «Каждый успех надо отвоёвывать у нее упорной борьбой» (с. 280).

В коллективной монографии показано, что, подходя к вопросу развития отдельных социалистических стран с позиций единства национальных и интернациональных задач, каждая из стран социалистического содружества извлекает из такого сотрудничества конкретную максимальную пользу, что в свою очередь имеет большое значение для усиления мировой социалистической системы в целом, для повышения ее экономического, политического и идеологического веса на мировой арене.

Коллектив авторов на большом фактическом материале, характеризующем развитие

МНР, КНДР, СРВ, научно обосновывает тезис о том, что роль пролетарского, социалистического интернационализма в их поступательном развитии вместе с усложнением решаемых задач возрастает и будет возрастать потому, что с его действием связано создание предпосылок соединения преимуществ нового общественного строя с достижениями научно-технической революции. В данном аспекте особенно важным теоретически и практически является вывод об огромном значении для социалистических стран Азии участия в социалистической интеграции, дальнейшего расширения и углубления их сотрудничества с братскими государствами.

Значительное внимание уделено в моно-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.

графии вопросу об интернациональных обязательствах марксистско-ленинских партий, диалектическому единству национальных и интернациональных задач в их стратегии, политике и деятельности. Задача марксистско-ленинских партий, как писал в свое время В. И. Ленин — «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи...»¹. Опыт этих стран подтверждает положение о взаимообусловленности интернационального долга социалистических стран, о том, что это — показатель равноправного участия, взаимодействия, единства и сложенности братских суверенных государств.

Т. А. ЯКИМОВА,

кандидат исторических наук

* * *

Китайская революция и армия

М. Ф. Юрьев. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа (20—40-е годы). М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983, 334 с.

К началу новейшего времени в экономике, социальной сфере и политической жизни Китая преобладали полуфеодальные отношения. Хотя монархический режим и был свергнут Синхайской революцией, провозглашение Китайской республики не привело к созданию единого, независимого и суверенного государства. Империалистические державы сохранили господствующее положение в стране. Они опирались на хозяйничавших в стране милитаристов различных мастей с их собственными армиями. «Цзюньфа» не признавали власть центрального правительства, «за двоих» грабили население, вели между собой почти непрерывные войны за гегемонию в провинциях и за контроль над пекинским правительством. Все это оборачивалось неисчислимыми бедствиями для народных масс. Милитаристские войны в конечном счете, так же как и милитаризм в целом, порождались империалистским соперничеством, стремлением той или иной державы расширить сферу своего влияния. «Существование в Китае государственной организации китайского милитаризма, — отмечал пленум Исполкома Коминтерна в 1926 г., — обуславливается полукOLONиальным положением Китая, расчлененностью китайской территории, отсталостью китайской экономики и наличием громадного аграрного перенаселения в китайской деревне»¹.

Военная форма господства реакции выдвигала на первый план в освободительном движении китайского народа такую форму борьбы, как вооруженная борьба революционной армии, руководимой коммунистической партией.

Рецензируемая монография посвящена истории становления и формирования этой армии. Ее автор, профессор ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова М. Ф. Юрьев, более 35 лет занимается военной историей китайской революции, и данная работа представляет собой результат тщательного анализа и широкого обобщения большого исторического материала на базе многочисленных источников.

Книга построена по хронологическому принципу, в основе которого — принятая в советской историографии периодизация новейшей истории Китая. В первой главе раскрывается процесс возникновения военных частей, руководимых коммунистами, в рамках Национально-революционной армии Китая (НРА), которая была создана в 1924—1925 гг. при материальной помощи Советского Союза, предоставленной в ответ на обращение Сунь Ятсена. У истоков НРА стояли наряду с китайскими революционерами советские военные и политические работники: В. К. Блюхер, М. М. Бородин, П. А. Павлов, А. И. Черепанов и др. Многие коммунисты, ставшие организаторами вооруженных сил, обучались в знаменитой военной школе Хуанпу (Вампу), где совместно работали члены гоминьдана (в то время национально-революционной партии) и КПК, а также советские военные и политические советники. Подготовка военных кадров китайской национальной революции осуществлялась и в СССР.

В те годы был широко известен Отдельный полк под командованием Е. Тина, в котором основную массу офицеров и бойцов составляли члены КПК и комсомола. Полк сыграл выдающуюся роль в успехах Северного похода Национально-революционной армии, завершившегося победой над милита-

¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1933, с. 671.

ристами. М. Ф. Юрьев рассказывает о боевом пути и других воинских частей, которые на этапе сотрудничества КПК и гоминьдана, то есть накануне и в период национальной революции 1925—1927 гг., действовали под руководством коммунистов. Когда же реакционные лидеры гоминьдана совершили антикоммунистический переворот, компартия, опираясь на эти войска, смогла возглавить вооруженное сопротивление, оказанное гоминьдановской контрреволюции. В результате солдатских, крестьянско-солдатских или рабоче-солдатских выступлений против гоминьдана началось становление Рабоче-крестьянской Красной армии Китая.

Периоду существования и боевой деятельности китайской Красной армии посвящены три главы из шести — половина всего объема книги, ибо именно в начале гражданской войны 1927—1937 гг. были созданы первые самостоятельные соединения и объединения войск компартии (гл. 2), а в конце 20-х и первой половине 30-х годов при помощи Коминтерна была разработана и проверена в боях военная линия КПК (гл. 3) и осуществлен переход от гражданской войны к политике единого национального антияпонского фронта (гл. 4).

В условиях японской агрессии, как убедительно показано автором книги, главной стратегической задачей стало сплочение всех патриотических сил во имя сохранения независимости страны. Красная армия была преобразована в 8-ю и Новую 4-ю армии, которые вошли в состав общеитайской национально-революционной армии (это наименование сохранилось со времен революции 1925—1927 гг.). Под руководством КПК эти соединения стали наиболее боеспособными, политически закаленными, опиравшимися на широкую поддержку народных масс антияпонскими вооруженными силами, что позволило 8-й армии в Северном Китае, Новой 4-й армии в Центральном Китае, а также партизанским отрядам Южного Китая сыграть важную роль в создании за линией фронта — в тылу японских войск — 18 антияпонских опорных баз, которые вместе с Особым районом на стыке провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся составили территориальную основу роста и накопления демократических сил в ходе национально-освободительной войны. Здесь осуществлялись широкие прогрессивные меры в социально-экономической и политической областях, фактически зарождалась новая государственность, компартия приобретала опыт не только ведения войны за независимость, но и политического и государственного руководства народными массами.

В августе 1945 г., после вступления Советского Союза в войну с Японией, была создана новая мощная военная территориальная база китайской революции в Маньчжурии. В пятой главе, посвященной вооруженным силам КПК в период разгрома японских империалистов, ярко и точно освещены сложные вопросы деятельности китайских коммунистов. Это задачи сочетания вооруженной борьбы и демократических преобразований. Это проблемы отношений КПК

с гоминьданом в различных условиях — от проведения в жизнь соглашения о едином национальном антияпонском фронте на первом этапе войны с Японией (1937—1938 гг.) до сопротивления антикоммунистическим кампаниям 1939, 1941, 1943 гг. Это сложнейший вопрос о столкновении различных тенденций в КПК по кардинальным аспектам национально-освободительной борьбы, стратегии и тактики КПК, ее роли в международном коммунистическом движении.

Последняя, шестая глава посвящена роли Народно-освободительной армии Китая на завершающем этапе китайской революции. Войска гоминьдана развязали летом 1946 г. гражданскую войну в масштабе всей страны, обладая значительным перевесом в численности и вооружении. Они располагали основными материальными ресурсами страны, контролировали большинство коммуникаций, получали внушительную военную и экономическую помощь от США. Народно-освободительная армия сумела выстоять в первый, оборонительный период этой борьбы, а с середины 1947 г. перешла в наступление и в 1949 г. завершила военный разгром гоминьдана на континенте.

Опора на народные массы, правильная политическая и военная стратегия и тактика КПК, широкое движение населения гоминьдановских районов против реакционной диктатуры, американского засилья, разрухи и произвола продажных властей, твердая позиция СССР, направленная на предотвращение крупномасштабной интервенции США, морально-политическая поддержка КПСС и международным коммунистическим движением борьбы китайского народа — таковы основные факторы военной и политической победы народной революции в Китае, рассмотренные и тщательно аргументированные автором. М. Ф. Юрьев убедительно анализирует причины краха планов американского империализма закрепиться в Китае, превратить эту страну в плацдарм своей агрессивной политики на Дальнем Востоке, направленной против Советского Союза и сил социализма, против борьбы за независимость народов Азии. В этих благоприятных условиях победа китайского народа и его вооруженных сил, возглавляемых КПК, в гражданской войне 1946—1949 гг. создала предпосылки для завершения демократических преобразований китайского общества, для развития экономики и культуры, перехода к строительству основ социализма в Китае.

От руководимых коммунистами частей Национально-революционной армии периода революции 1925—1927 гг., насчитывавших всего несколько тысяч бойцов, к китайской Красной армии времен гражданской войны 1927—1937 гг. (в 1933 г. — уже несколько сот тысяч солдат и офицеров), от нее — к 8-й и Новой 4-й армиям, сыгравшим столь важную роль в войне с японскими захватчиками (до миллиона с лишним бойцов), и, наконец, к Народно-освободительной армии численностью в несколько миллионов человек, разгромившей войска проамериканского

гоминьдановского режима, — таков путь вооруженных сил КПК.

М. Ф. Юрьев прослеживает процесс развития революционной армии во всей его сложности. Компартия терпела временные неудачи и порой тяжелые военные поражения. Осенью и зимой 1927 г. это было в Южном Китае. В 1934—1935 гг. ее основные силы были вынуждены с боями и большими потерями отступить из центральных провинций в Северо-Западный Китай (это перебазирование получило название Великого похода). В январе 1941 г. в результате кровавой гоминьдановской провокации была разбита штабная колонна Новой 4-армии. В 1941—1942 гг. численность войск и территория антияпонских опорных баз КПК сократились под ударами оккупантов и в результате нежелания Чан Кайши вести активные боевые действия. В 1946—1947 гг. Народно-освободительная армия вынужденно оставила часть территории Освобожденных районов. Все эти драматические события восстанавливаются и серьезно анализируются автором рецензируемой книги.

М. Ф. Юрьев руководствовался при написании книги одним из важнейших марксистско-ленинских принципов — принципом историзма, не приукрашивая действительность, показывая и негативные явления, связанные с отклонениями от ленинской концепции единого фронта, и сочетания различных форм революционной борьбы.

Армия КПК сыграла выдающуюся роль в успехах китайской революции, однако недооценка других форм организации сотрудничества сил прогресса и независимости, демократических и национально-патриотических сил, недостаточное внимание к рабочему и крестьянскому движению на территории, контролировавшейся гоминьданом, вели к распространению в сознании масс упрощенных представлений о том, что «армия все сделает сама». Такой подход вел к гиперболлизации военного фактора, к преуменьшению роли партии как высшей формы организации рабочего класса и всех передовых общественных сил, к принижению роли массовых выступлений трудящихся против гоминьдановского режима.

В монографии показана самоотверженная деятельность многих выдающихся деятелей Коммунистической партии Китая и ее рядовых бойцов, усилиями которых из неболь-

ших отрядов партизанского типа выросли и окрепли мощные вооруженные силы китайской революции. Яркое описание автором борьбы и подвиг таких военных и политических деятелей КПК, как Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Чжан Тайлэй, Е Тин, Фан Чжиминь, Бо Гу, Гао Ган, Лю Чжидань, Сян Ин, Пэн Бай, Гуань Сяньин, Пэн Сюэфэн, Хуан Гунлюэ, Чжоу Ишюнь, Юнь Дайин, Сяо Чунъюй, Сюн Сюн, Цзян Сяньюнь, Цзо Цюань, Ян Цзиньюй, и десятков других героев, отдавших все силы и саму жизнь делу национального и социального освобождения китайского народа.

Недостатком рецензируемой книги является некоторая диспропорция в распределении материала по главам. Раздел о Красной армии Китая перегружен многочисленными фактами, из которых не все имеют первостепенное значение. В то же время глава о вооруженных силах компартии в период гражданской войны 1946—1949 гг. получилась слишком сжатой. Возможно, это объясняется меньшим, нежели по другим периодам, количеством источников. Во всяком случае, желательно, чтобы в дальнейшей исследовательской работе автор углубленно разработал эту часть истории армии КПК, тем более что она именно во второй половине 40-х годов превратилась из орудия свержения старого режима в орудие защиты и строительства Китайской Народной Республики.

Книга снабжена солидным и полным научным аппаратом: детальными примечаниями, библиографией, приложением, картами и таблицами, обширным именным указателем. Однако для изданий подобного уровня и характера полезен также и географический указатель.

Исследование М. Ф. Юрьева пронизано характерным для советской синологической науки интернационалистским духом, духом уважения к революционным традициям китайского народа, и в этом одно из главных достижений автора, считая также и огромную работу по реконструкции событий и точный марксистско-ленинский методологический подход. Несомненно, читатели будут с интересом ждать продолжения М. Ф. Юрьевым его труда.

Н. Е. САВРАСОВ

* * *

Современная Япония

Япония наших дней. Отв. ред. И. И. Коваленко, руководитель авт. колл. А. И. Сенаторов. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983, 256 с.

Наверное, даже самая пухлая монография не в состоянии соперничать с хорошим справочником по количеству и разнообра-

зю содержащихся в них сведений. Если же справочник не ограничивается иллюстративными функциями, содержит глубокий анализ информационного материала, он тем более ценен как научное исследование. Именно такое справочное издание подготовил авторский коллектив, в состав которого вошли видные представители советской японоведческой науки.

Компактность этого первого в своем роде труда удачно сочетается с высокой смысловой насыщенностью текста, а строгость методологического подхода — с образностью и доходчивостью изложения. Перед нами действительно издание для массового поль-

зования, способное дать тому, кто его возьмет в руки, существенные сведения о важнейших сторонах современной японской действительности. В то же время авторы отнюдь не упрощают тему, а напротив, стремятся поднять читателя до уровня профессионального понимания рассматриваемых проблем. Проблем же этих много, и они по большей части достаточно сложны, подвержены постоянным модификациям, имеют далеко не единственные варианты решений.

Не грех поэтому и искушенным японоведам, будь то историки, экономисты, политологи или эксперты по культуре, внимательно ознакомиться с итогами научного поиска их коллег. Они непременно найдут среди этих итогов немало интересного, полезного и поучительного, увидят в них стимул к творческому поиску, желание кое-что добавить, кое с чем поспорить. Данное издание может быть с успехом адресовано также японским читательским кругам в качестве стимулятора раздумий об уроках прошлого и настоящего, о тернистых путях будущего.

Ни для кого не удивительна нынешняя «популярность» Японии, всего того, что так или иначе с ней связано. При этом единого стереотипа представлений о ней, несомненно, не существует. Мы сталкиваемся с чрезмерно широким диапазоном отношений к этому многоликому явлению — от дилетантских восторгов по поводу всевозможной занятной мишуры до серьезных попыток самостоятельно разобраться в специфических чертах «японского феномена».

Авторам, к счастью, удалось избежать крайностей и продемонстрировать образцы уравновешенного подхода, который один лишь и приносит плодотворные результаты. Они убедительно показали, что принципиальность позиции и объективность наблюдений отлично уживаются и дополняют друг друга, помогая постигать сущность противоречий действительности. Глубокое впечатление оставляет, в частности, взаимоувязанность всех разделов справочника, направляющая читателя по пути самостоятельного и увлекательного комплектования отдельных деталей, которые вроде бы существуют сами по себе, а на деле под ненавязчивым воздействием авторов обрастают четкими и точными обобщениями.

Особенно показательно с этой точки зрения описание движущих сил японской экономики, пережившей эпоху «чуда», затяжной кризис 70-х годов и вступившей ныне в одну из наиболее далеко идущих структурных перестроек. В соответствии с этой хронологической трехэтапностью выстраивается в книге и общая схема исследования. Повествование разворачивается вокруг определяющих свойств трудового, технического и капитального потенциалов с постепенным вовлечением в сюжет все новых и новых существенных подробностей.

В рецензируемом издании содержится яркий образ трудовой армии Японии — искусной создательницы, но пока еще, увы, не распорядительницы богатств страны! Нетрадиционно, в частности, исследована играющая первостепенную роль традиционная

японская система сочетания моральных и материальных стимулов наемных работников, гарантирующих постоянные и весомые прибавки к производительности труда и заодно маскирующих капиталистическую эксплуатацию.

Стимулирование трудовой отдачи работника нередко отождествляют с агитационной накачкой где-то недалеко от станка. По своим последствиям, однако, такая «кавалерийская» атака на его сознание обычно либо бесплодна, либо деструктивна. Стабильная эффективность стимулирования по японскому образцу (а Япония уверенно опережает все прочие высокоразвитые капиталистические страны по темпам повышения производительности труда, см. с. 103) объясняется тем, что подготовка индивида к интенсивной трудоотдаче начинается на дальних подступах к производству, органически сливаясь с долголетним процессом «обработки» подрастающих поколений.

Конечно, подобного рода задачи длительное время облегчались дисциплинирующим влиянием феодальных и полуфеодальных семейных отношений, большой прочностью патриархальных и патерналистских традиций, чуть ли не врожденной групповой лояльностью, непритязательностью бытовых запросов и т. п. Ныне, однако, имеет место тяга ко все большей эмансипации членов семьи, формирование индивидуалистических кредо, податливость перед лицом потребительских соблазнов. Да и сами деловые круги под давлением экономической необходимости вынуждены отказываться от кое-каких патерналистских устоев.

В этой обстановке идет настоящая охота за новыми методами, с помощью которых продолжал бы безотказно действовать механизм стимулирования трудовой активности.

В справочном издании ярко охарактеризованы изощренные приемы идеологической обработки, внедряемые фирменными мастерами по налаживанию человеческих отношений (с. 114—115), и вместе с тем показана важнейшая роль в этом деле реформы системы образования в ее части, касающейся учебных программ (с. 224—225).

Дифференциация этих программ на всю глубину вертикальной структуры учебных заведений — шаг, безусловно, противоречивый, чреватый многими возможными просчетами, грозящий при господстве капитализма социальным ostrакизмом, в первую очередь представителям неимущих слоев. Но как заблаговременно и исподволь применяемое средство повышения эффективности труда наемной рабочей силы, дифференцированный подход к учащимся с различными способностями есть своего рода веление времени. Для Японии это имеет особое значение, так как массовыми рабочими профессиями здесь, чем дальше, тем в большей степени, становятся профессии с повышенной интеллектуальной емкостью, требующие оригинальности мышления, независимости суждений, самостоятельности решений.

Нетрудно видеть, что набирающая темпы

перестройка профессионального состава занятых происходит вследствие глубоких перемен в технической оснащённости японской экономики. Непрерывная модернизация парка оборудования — одна из самых примечательных черт послевоенного сорокалетия. Все эти годы поступление новой техники в производственную сферу опиралось на гибкое соотношение импорта и собственных исследований, которые скорее питали, чем ущемляли друг друга. Несмотря на растущую неуступчивость зарубежных контрагентов, с запозданием осознавших опасности, которые таятся в передаче образцов и опыта серьезнейшему конкуренту, Япония довела среднегодовые закупки лицензий со 102 в 1950—1959 гг. до 620 в 1960—1969 гг., 1614 в 1970—1979 гг. и свыше 1700 в начале 80-х годов (с. 105). При этом подавляющая часть новых моделей и технологических процессов является плодом «внутренних» усилий.

За весьма короткие сроки технический прогресс позволил стране сначала перевести ключевые отрасли на рельсы массового выпуска типовой продукции, а затем внедрить производственные системы по выпуску малосерийных и даже штучных изделий при низкой их себестоимости. Однако эти достижения при всей их внушительности никак не сопоставимы по значимости с разворачивающейся сейчас роботизацией и особенно компьютеризацией экономики. Уже реализованные, стоящие на пороге реализации и предвидимые в ближайшем будущем возможности, создаваемые указанными процессами, свидетельствуют о вызревании своего рода новой материальной цивилизации. Содержащиеся в справочнике материалы глубоко раскрывают эти идущие сейчас в Японии процессы.

Широкое внедрение в производство роботов и компьютеров сообщает ему огромное ускорение. Оно означает вместе с тем переброску основной массы капиталовложений, эффективное использование которых выделяет Японию среди главных капиталистических стран, с одной стороны, в высокотехнологичные, наукоемкие отрасли, формирующие отряд новых лидеров экономики, а с другой стороны, — за рубежом страны с целью резкого уменьшения зависимости от энерго-, материало- и трудоемких производств, экономии всех видов ресурсов (с. 62, 93—94).

Новые тенденции в японской экономике охватывают не только отрасли материального производства. Японская экономика вместе с тем превращается в своеобразную «экономику услуг». По данным на начало 80-х годов, удельный вес услуг в национальном доходе страны составлял почти 60 %. И именно в сфере производства услуг (понимаемой, естественно, в широком смысле этого слова, то есть с учетом сфер образования, здравоохранения, информации и досуга) использование роботов и компьютеров принимает все более широкий размах.

Быстрое и постоянное «снятие сливок» с

плодотворных фундаментально-теоретических и прикладных исследований, с опытно-конструкторских разработок служит одним из важнейших залогов производственного успеха. «Стремясь повысить эффективность своей деятельности в целях обеспечения конкурентоспособности товаров на внутреннем и внешнем рынках, — читаем мы в рецензируемом издании, — японские монополии активно внедряют в практику все новейшие достижения науки и техники, непрерывно осуществляют модернизацию оборудования, легко расстаются с морально устаревшими, но еще физически годными машинами, приборами, станками» (с. 109).

В результате поражения во второй мировой войне и запрещения военной промышленности техническому прогрессу в Японии надолго стала свойственна ярко выраженная однозначная потребительская направленность. Эта уникальная среди высокоразвитых капиталистических стран особенность заслуживает пристального внимания при изучении причин относительно быстрого увеличения емкости внутреннего рынка, наводнения его товарами, прежде всего товарами длительного пользования, по более или менее доступным ценам (с. 118).

Компьютеризация несет с собой совершенно новые объекты потребительского спроса, ростки новых потребительских предпочтений. Достаточно упомянуть о поэтапно вводимой в эксплуатацию системе интегрированных коммуникационных сетей, на основе которой с помощью ЭВМ, телевизоров, телефонов, специального периферийного оборудования устанавливаются прямые и обратные контакты (например, передача интересующих сведений и прием распоряжений, заказов) между банками, магазинами, иными предприятиями по производству услуг, с одной стороны, и находящимися на дому потребителями — с другой, а также между отдельными потребителями (например, обмен факсимильной корреспонденцией).

К сожалению, однозначность потребительской направленности технического прогресса уходит в прошлое. Волей влиятельных членов правящей элиты возрастающая часть национальных творческих сил и денежных средств все более расходуется впустую — на изыскания в военных целях. Перечень научных исследований охватывает работы по созданию лазерного оружия, пехотного транспортера с 30-миллиметровым пулеметом и противотанковыми ракетами, глубинной мины, танка со 120-миллиметровой гладкоствольной пушкой, сверхзвукового истребителя, ракет класса «земля — воздух» и пр. (с. 166).

Расчеты (если таковые имеются) на то, что технический прогресс может удовлетворять военные потребности без ущерба для гражданских, совершенно иллюзорны. Массы японского населения уже теперь не получают весьма значительной доли плодов своего труда. А каждый очередной шаг по пути военизации производства и науки незримо, но неумолимо приближает

страну к критическому рубежу, за которым начинается стремительный развал всей поддерживающей нормальное личное потребление инфраструктуры.

Не случайно поэтому, что данная проблема, будучи одним из элементов общего процесса милитаризации, находится в центре борьбы прогрессивного и консервативного лагерей наряду с такими социальными последствиями технического прогресса при капитализме, как многократное повышение интенсивности труда и рост безработицы.

Осуществленный авторским коллективом рецензируемого издания анализ приводит к многозначительному выводу о специфических особенностях этой борьбы: «В течение длительного времени внутриполитическая обстановка в Японии, при всех ее колебаниях, характеризуется своеобразным неустойчивым равновесием между Либерально-демократической партией и противостоящими ей оппозиционными силами. Это равновесие можно выразить следующей формулой: оппозиция не в состоянии завоевать большинство в парламенте, чтобы отстранить либерал-демократов от власти, а ЛДП не может получить $\frac{2}{3}$ парламентских мест, необходимых для пересмотра конституции в целях наступления на демократические завоевания трудящихся. Борьба обоих лагерей за изменение этого равновесия пронизывает всю послевоенную жизнь Японии» (с. 154).

Итак, равновесие... Но какой все же оценки оно достойно? Это совсем не праздный вопрос. Ведь в политике равновесие — равновесие рознь. Оно может не только проистекать из действительно абсолютной одинаковости могущества (или бессилия) политических соперников, но и принимать форму, типичную для «игр с нулевой суммой», к примеру для маджонга, где преимущество одного или одних партнеров «балансируются» невыгодами для другого или других.

Очевидно, на внутриполитической арене в Японии существует вторая разновидность равновесия. Проще всего заключить, что сам факт долголетнего непрерывного пребывания ЛДП у руля управления страной свидетельствует о непоколебимом доминировании этой партии в рамках указанного равновесия. В западных газетах и монографической литературе иногда прямо высказывается мнение, согласно которому в Японии нет действенной оппозиции, то есть одной или нескольких партий, способных взять на себя бремя административного руководства страной даже при отвождении у ЛДП большинства мест в парламенте. Данного рода мнения исходят из того, что эти способности наивно выхолащены у оппозиции постоянной всепоглощающей сосредоточенностью на критике правительства, отсутствием опыта в рутинном ведении государственных дел. Нечего и говорить о том, что либерал-демократы с энтузиазмом и не без успеха муссируют этот тезис в своей пропаганде.

Однако истинная картина внутриполитического равновесия намного сложнее. В частности, о действенности оппозиции

можно судить по числу и значению вынашиваемых реакцией, но никак не переходящих в фазу реализации планов отбросить «мирную» статью 9 конституции, урезать полномочия парламента, пересмотреть структуру органов местного самоуправления, вывести военные расходы из границ 1% объема ВВП и пр. (с. 46, 49, 57, 163).

И что примечательно, — оппозиции удается преграждать дорогу этим планам, несмотря на раскол, разъедающий ее ряды: не только левые и центристские партии, а также профсоюзы, но и организации антивоенного движения, движения за дружбу с Советским Союзом чаще всего действуют изолированно друг от друга или находятся в состоянии конфронтации (с. 122, 148, 159, 216—217). Нет сомнения, что их единство гарантировало бы оппозиции большие достижения.

Стоит задуматься и над подспудными мотивами идеологического наступления, которое Либерально-демократическая партия пытается организовать на многих участках. Имеется в виду и включение в школьные программы курса «морального воспитания», изъятого из них в 1947 г. за националистический характер, воздействие на общественное мнение с целью подавления антивоенных настроений, подогревание мифа о советской «военной угрозе», настойчивое выпячивание традиционных ценностей в области культуры, усиление давления на органы массовой информации и т. п. (с. 167—168, 211, 226, 240, 253).

Наступление сил реакции откровенно направлено на «завинчивание гаек». К таким мерам обычно прибегают тоталитарные (а не буржуазно-демократические) правительства, когда обстановка в стране складывается не в их пользу, когда требуется срочно отвлечь народ от животрепещущих проблем, переключить его внимание на любые попадающиеся под руку химеры. И если уж подобного рода политику берет на вооружение респектабельно-консервативная ЛДП, то скорее не по причине «железобетонной» уверенности в собственных силах, в безмятежном будущем, а из-за дискомфорта, который она испытывает на своих, казалось бы, неприступных политических позициях.

Осознание этого обстоятельства оппозиционным лагерем — не повод для самоуспокоения, почивания на лаврах. Его напор на устои внутренней политики ЛДП ошутим, хотя и недостаточен. Что же касается внешней политики, то оппозиция проявляет порой необъяснимую пассивность, меньшую цепкость в борьбе за инициативу, а по некоторым немаловажным вопросам иной раз и солидаризируется с правящей партией.

Между тем ряд тенденций внешней политики Японии, особенно в последнее время, вызывает настороженность и беспокойство.

Физико-географические параметры страны (малая территория, скученность населения), характер функционирования ее экономики (обработка ввозимых со всего света сырьевых материалов), исторический опыт (военная катастрофа и оккупация 1945 г.) —

все это буквально вопиет о необходимости безоговорочного подчинения внешнеполитического курса интересам сохранения мира. Такая необходимость никак не противоречит понятным стремлениям Японии привести свою политическую роль в мире в соответствие с экономической мощью. Но попытки подвести под эти стремления военно-стратегическую доктрину, попытки увязать их с наращиванием военного потенциала, с активизацией военных союзов, наконец, с культивированием враждебности к соседним странам, прежде всего к СССР, выглядят чудовищным анахронизмом.

Отражаемая этими попытками политика, как подчеркивается в рецензируемом издании, «кардинально расходится с надеждами и чаяниями широких масс японского народа, решительно выступающих за корен-

ной пересмотр (этой политики. — В. Р.) ...и установление истинно дружеских, добрососедских отношений со всеми странами независимо от их социально-экономического строя, как единственного надежного пути к обеспечению мира и безопасности Японии» (с. 197).

Желанием углубить взаимопонимание между нашими странами, содействовать развитию их дружбы руководствовался авторский коллектив рецензируемой работы, которая, безусловно, займет достойное место среди японоведческих изданий и не залежится ни на полках магазинов, ни на полках библиотек.

В. Б. РАМЗЕС

* * *

В отблесках чужого золота

Е. П. Севастьянов, Н. Е. Корсаков а. Позолоченное гетто. Очерки о жизни в США эмигрантов из Китая, Кореи и Японии. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983, 168 с.

По-китайски Сан-Франциско называется Город Старой Золотой Горы. Один из крупнейших его районов отличается тем, что названия улиц, магазинов, ресторанов здесь пишутся на двух языках — китайском и английском. Этот район именуется Чайнатаун — Китайский город. Такие районы есть во многих американских городах. Их экзотика привлекает толпы туристов. Они часто становятся объектом внимания политиков, прессы, органов правосудия. Но мало кому удастся проникнуть в уклад их жизни, разглядеть движущие пружины их деловой и политической активности, понять нужды живущих здесь тружеников. Внешне на них похожи кварталы, заселенные эмигрантами из Кореи и Японии. Но внешнее сходство не может скрыть и существенных различий. Советским востоковедам Е. П. Севастьянову и Н. Е. Корсаковой удалось преодолеть «китайскую стену» отчуждения, которой выходцы из стран Дальнего Востока в большинстве случаев отделены от американцев европейского происхождения, да и вообще от всех, кто этнически не «вписывается» в жизнь восточноазиатских общин США. Свои наблюдения авторы изложили в виде увлекательно написанных очерков о жизни в США эмигрантов из Китая, Кореи и Японии.

Авторы сосредотачивают внимание на таких важнейших проблемах существования в США азиатской иммиграции, как истори-

ческие предпосылки ее появления, межэтнические отношения в условиях хваленной американской демократии, экономические позиции, роль выходцев из Китая, Кореи и Японии в политической жизни США, идеологические течения и связи иммигрантов с бывшим отечеством.

Первые дальневосточные эмигранты прибыли на Западное побережье США в середине XIX в. Это были главным образом беженцы из Южного Китая, разоренного при подавлении тайпинского восстания. Несмотря на суровые меры маньчжурских властей, до 1860 г. запрещавших подданным императора выезд из страны, невероятные страдания, причинявшиеся трудящимся Китая маньчжурским игом и колониалистскими действиями западноевропейских держав, толкали обездоленных людей на отъезд в Америку. Для США это были годы «золотой лихорадки», кризиса рабовладения, кануна Гражданской войны. Но через океан виделись лишь «золотые горы» Сьерра-Невады, о Сан-Франциско по всему Китаю ходили легенды как о каком-то средоточии несказанных богатств. Однако Америке нужны были не ловцы удачи — таких хватало и в Штатах, — а рабочие руки для строительства железных дорог, батраки в сельском хозяйстве, те, кто стоял бы у станков табачных, текстильных, обувных фабрик. Ими и становились в большинстве своем китайские иммигранты — хуацяо.

В 60-х годах XIX в. к ним присоединились нисен — японские иммигранты. Но темпы эмиграции из Японии были иными. Если по переписи 1880 г. в США проживало 105 тыс. китайцев, причем 75 тыс. в Калифорнии (с. 12), то японцев было зарегистрировано всего лишь 148 человек (с. 133). Это объясняется тем, что социально-экономические условия для массовой эмиграции в Японию возникли только к концу XIX в. в результате ее перехода на путь капитализма.

Первое судно с корейскими эмигрантами отправилось через океан в декабре 1902 г.

Бедность и бесправие, разразившийся в стране жестокий голод вынудили корейских тружеников откликнуться на призывы американских вербовщиков и наняться батраками к владельцам сахарных плантаций на Гавайях. Здесь они присоединились к выходцам из Японии, составлявшим 73,5 % всех плантационных рабочих. Стремясь попытать счастья на Североамериканском континенте, выходцы с Корейского полуострова стали перебираться в район Лос-Анджелеса, Сан-Франциско. На первых порах, как и другие азиатские переселенцы, они стремились оставаться в компактных этнических анклавах. К концу первого десятилетия XX в. в США насчитывалось около 12 тыс. корейцев, из них к востоку от Скалистых гор — 31 человек (с. 80—81).

С первых же дней появления на территории США китайские иммигранты стали подвергаться дискриминации и преследованиям. Американская буржуазия, натравливая рабочих разных национальностей друг на друга, пыталась отвлечь их от классовой борьбы против эксплуататоров. Китайских кули называли виновниками нарастающей безработицы. Против китайских иммигрантов выдвигались обвинения одно чудовищнее другого. Политиканы-республиканцы в Калифорнии призывали запретить «допуск восточных чернорабочих», а демократы требовали «изгнать всех китайцев», запретить их землевладение. Антикитайская кампания 50-х годов прошлого столетия вылилась в бесчеловечные погромы, проходившие в Калифорнии под девизом «Бей китайцев, гони их, отправляй восвояси!». И на деле «их били, линчевали, стреляли из ружей, вешали до тех пор, пока все оставшиеся в живых китайцы не сбежали в тесные гетто в нескольких крупных городах» (с. 12).

С не меньшей жестокостью заправили американского общества относились и к японцам. «В настоящее время угроза, исходящая от иммиграции китайской рабочей силы, дополнилась аналогичной угрозой неограниченной иммиграции японских чернорабочих», — заявил калифорнийский губернатор Г. Гедж в 1901 г. Объектами нападок расистов стали и корейцы. Расистская Лига по изгнанию азиатов, созданная в 1905 г., выступила с программой «сохранения белой расы на американской почве с помощью «всяческих мер по предотвращению или сведению до минимума иммиграции азиатов в Америку» (с. 135). Законодательные органы США в 1911, 1913 и 1915 гг. получали предложения о запрете на иммиграцию корейцев, которые якобы создавали «не меньшую угрозу», чем японцы, и вообще усугубляли проблему «желтой опасности» (с. 82).

Все эти проявления расизма не были «данью времени», они и в наши дни присутствуют капиталистической Америке, хотя, разумеется, даже в правящей элите не все разделяют такие взгляды. Как и всякое позорное явление, расизм в США пытаются замаскировать, запереть от «чужих» глаз, но при этом господствующий класс подкармливает этого бешеного пса, чтобы

спускать его с цепи в подходящие моменты. Создание концентрационных лагерей для японских иммигрантов в годы второй мировой войны вызвало среди японской общины кризис веры в американскую демократию. После окончания войны японских иммигрантов ждали свои Хиросима и Нагасаки — разграбленные дома, затоптанные поля и плакаты: «Япошки, вон отсюда!» (с. 124).

Победа народной революции в Китае вызвала всплеск антикитайских настроений в США, что немедленно сказалось на положении хуацяо. Вплоть до начала 70-х годов только 0,5 % американцев, согласно опросам общественного мнения, считали китайцев «честными людьми». В 12 штатах продолжали действовать принятые еще в середине XIX столетия законы, запрещавшие принимать хуацяо на работу, налагавшие на белых американцев суровые наказания (заключение от одного года до десяти лет, крупные денежные штрафы) за вступление в брак с лицами китайской национальности (с. 21). И хотя после восстановления отношений США с КНР в 1972 г. тон официальной пропаганды существенно изменился, в массовом сознании по-прежнему сохраняется негативный стереотип представителя китайской нации. Этот стереотип поддерживается определенного сорта литературой и кинофильмами. Это, конечно, отражается и на социальном положении хуацяо.

Работа в области таких престижных в США профессий, как врачи и юристы, крайне затруднена для лиц китайской национальности. Им трудно попасть в соответствующие вузы, их неохотно принимают во все американские ассоциации медиков и юристов, без членства в которых невозможно практическая деятельность. В результате лишь 0,2 % врачей и 0,1 % юристов в США составляют китайцы. В особенно трудном положении оказываются иммигранты первого поколения. 54 % медиков, журналистов, юристов, относящихся к этой категории, не находят себе работу по специальности и вынуждены служить посыльными, официантами, дворниками (с. 25). Анализ большого фактического материала позволил Е. П. Севастьянову и Н. Е. Корсаковой сделать обоснованное заключение: «Взаимной любви и дружбы между американцами и их согражданами китайского происхождения, конечно, нет. Напротив, есть расистская неприязнь и даже враждебность» (с. 25). Этот вывод в равной степени относится и к межнациональным отношениям среди американцев и их сограждан японского и корейского происхождения.

Внутри самих восточноазиатских общин растет и углубляется имущественное и социальное расслоение. Китайская, японская, корейская буржуазия, выросшая в иммигрантской среде, используя различные методы, в том числе и этническую корпоративность, стремится упрочить свои позиции на Североамериканском континенте. В США насчитывается около 12 тыс. ком-

мерческих предприятий, которыми владеют лица китайской национальности. Правда, большая часть этих предприятий относится к числу мелких и средних, 52 % из них имеют годовой доход менее 55 тыс. долл. К такой же категории относятся и предприятия, принадлежащие большинству бизнесменов-корейцев, 80 % из которых не пользуются услугами наемной рабочей силы, остальные 20 % в среднем имеют шесть работающих по найму. В основном это рестораны, винные и продуктовые лавочки, магазины по сбыту одежды, париков, лекарств и сувениров южнокорейского производства. Профессиональные гильдии помогли и японскому мелкому бизнесу выжить на американской почве и превратить японскую общину в самую зажиточную из азиатских общин. Но и здесь примерно 28 % иммигрантов первого поколения не могут устроиться на работу по специальности, а 20 % новых иммигрантов вообще не имеют работы и пополняют армию безработных. В корейской же общине более 60 % имеют доходы ниже официального уровня бедности, установленного американским правительством. К ним относятся и 30 % мелких буржуа. В китайских гетто 45 % жителей отнесены к разряду нищих.

Социальные контрасты в азиатских общинах накладывают отпечаток и на их участие в политической жизни США. В основном политически активной является иммигрантская буржуазия. Китаец-миллионер может стать даже сенатором, как это видно из биографии Х. Фонга, который около 20 лет представлял в конгрессе США Гавайи. Но особенность политической жизни дальневосточной иммиграции такова, что в политические контакты с белой Америкой вступает лишь ничтожно малый процент китайцев, корейцев и японцев, остальные же члены общины «культурно и эмоционально обособлены». К тому же мотивы участия в политической жизни, как правило, сводятся к тому, чтобы упрочить позиции иммигрантского капитала в американской среде или повлиять на позицию правительства США в отношении государственного чужака. Для этого вступающие на политическое поприще стремятся заручиться моральной и даже материальной поддержкой правительства Южной Кореи, Японии, Тайваня или КНР (с. 49). Причем всплывающие порой на поверхности политической жизни США фигуры отнюдь не отражают действительных интересов иммиграционных общин. Так, дело южнокорейского бизнесмена Пак Тон Суна, метко названное «сеульским Уотергейтом», заключалось в том, что этот агент сеульского ЦРУ, действуя в Вашингтоне среди самых влиятельных политических кругов, обеспечивал Южной Корее миллиардные суммы из государственного бюджета США в виде «помощи», за что щедро расплачивался с некоторыми американскими законодателями. Это «дело» отрицательно сказалось на отношении американцев в первую очередь к корейским иммигрантам в целом.

Из всех иммигрантов-дальневосточников наиболее прочные позиции в политической жизни США удалось завоевать лицам японской национальности, которых насчитывается около 800 тыс. Японская община состоит в основном из лиц, родившихся в США, в ней преобладают американские граждане; среди японцев высок процент имеющих среднее и высшее образование. Они представлены в высших правительственных учреждениях. На Гавайских островах местные японцы в течение последних десятилетий занимали посты губернатора, мэра Гонолулу, сенаторов и членов палаты представителей США. Все это объясняется тем, что, вставая в американский истеблишмент, японская буржуазия сегрегируется от национальных традиций, обычаев, интересов. «Жизнь американских японцев, — справедливо отмечают авторы, — мало связана с международной политикой, с Японией. Их больше занимают вопросы карьеры и накопления богатств; они поглощены внутрисполитическими интригами и конкурентной борьбой. На их японское происхождение указывают лишь то, что сенатор, например, любит проводить вечера у камина в кимоно, мэр увлекается на досуге икебаной, вице-президент крупной фирмы не прочь полакомиться сасими (сырой рыбой по-японски)» (с. 157).

Иную позицию занимает китайская буржуазия. В книге приводится характерное высказывание известной гоминьдановской деятельницы Анны Ченнолт — вдовы генерала ВВС США. Она заявляла: «Американцы китайского происхождения должны сохранять свое культурное наследие, это наша первейшая обязанность и актуальнейшая задача... Сегодня американские китайцы наконец осознали, как важно уметь говорить и читать по-китайски, иметь возможность беседовать по-китайски с американскими друзьями» (с. 50—51). Такого рода высказывания отражают четкую установку на то, что китайцы не должны ассимилироваться в американской среде, они могут американизироваться лишь до определенного предела. В действительности менее трети хуацяо испытывают интерес к языку предков, языку «отечества».

Проблема американизации дальневосточных иммигрантов волнует не только апологетов национализма из их собственной среды. В сохранении выходцами из стран Дальнего Востока «культурного наследия» заинтересованы и весьма влиятельные силы в государствах — источниках эмиграции. Например, южнокорейские власти через свою агентуру в США пытаются различными способами установить контроль над корейскими иммигрантами. При этом преследуется цель не допустить в иммигрантской среде консолидации сил оппозиционных южнокорейскому режиму.

Тайбэйские власти также по целому ряду причин заинтересованы в своем влиянии на хуацяо. Тайбэй стремится использовать верхушку иммигрантских общин в качестве протайваньского лобби в вашингтонских

«коридорах власти», с целью получения инвестиций эмигрантской буржуазии в хозяйство острова, а также для облегчения через посредство эмигрантов экспорта товаров и капитала на Американский континент. Наконец, китайская община в США служит серьезным источником научно-технических кадров для острова. Гоминьдановцы используют американских китайцев для проведения разведывательных и подрывных акций против КНР. Однако в последние годы протайваньское лобби в значительной степени пришло в упадок. Заправилы иммигрантского бизнеса постепенно меняют курс и начинают ориентировать свои связи на КНР, чтобы в первую очередь сохранить свое влияние на массы иммигрантов, а также получить коммерческие выгоды.

В книге Е. П. Севастьянова и Н. Е. Корсаковой, к сожалению, нет иллюстраций. Но их отсутствие в известной мере компенсируется литературными зарисовками. Авторам удалось передать атмосферу иммигрантских кварталов американских городов. Запоминаются портреты, например, корейца Цоя, попытавшегося открыть свой ресторан, или китайца Лю Ва Гета, организовавшего авторам «экскурсию» в лабиринты так называемого тайного общества «Белое солнце». Когда авторы знакомят с живыми людьми, поражает не то, как они относятся к вступающим с ними в беседу: это зависит от индивидуальности каждого и его социального положения, а общая, объединяющая всех черта, гнетущая одних, бодрящая других забота об отвоевании своего места в этом об-

ществе. «Тянься вэй гун» — «Поднебесная принадлежит всем» — это изречение Сунь Ятсена начертано на воротах, открывающих улицу ведущую в китайское гетто Сан-Франциско. Америка принадлежит белым американцам, а американским китайцам, японцам, корейцам, подавляющему большинству среди иммигрантов, трудящимся пока принадлежит лишь место в трущобах гетто. Оттуда они и созерцают отблески чужого золота: огни реклам, роскошные небоскребы и автомобили, богатых туристов, охотящихся за экзотическими блюдами национальной кухни и сувенирами. Медленно, но неуклонно Америка переплавляет их национальное самосознание в классовое. Все более четко они начинают понимать, что иную, достойную их человеческого звания жизнь им может принести не погоня за золотыми перьями неведомой жар-птицы, а прочный союз со всеми трудящимися США, независимо от цвета кожи.

Книга не исчерпывает слов, слова не исчерпывают мыслей. Это известное китайское выражение более относится не к книге Е. П. Севастьянова и Н. Е. Корсаковой, а к ее рецензенту. Действительно, в коротком отзыве трудно передать все, что авторы накопили ценой многолетних наблюдений и кропотливого труда. Можно лишь рекомендовать как можно более широким кругам читателей самим познакомиться с этой интересной и полезной книгой.

В. С. МЯСНИКОВ,

доктор исторических наук, профессор

* * *

Книга об экономике Китая

Г. А. Ганшин. Очерк экономики современного Китая. М., «Мысль», 1982, 316 с.

35 лет прошло после образования Китайской Народной Республики. За этот период в экономике страны произошли глубокие изменения. Проблемы, которые имеют место в народнохозяйственном развитии КНР, являются одним из важнейших показателей качественного состояния экономической и социальной характеристики китайского общества. Поэтому исследователи современного Китая — экономисты, историки, социологи — пристальное внимание уделяют процессам, происходящим в социальной и экономической жизни Китая.

В этом плане книга «Очерк экономики современного Китая» представляет значительный интерес. Ее автор — Г. А. Ганшин, написавший в разное время ряд книг и научных статей по экономике КНР.

Как отмечается во введении к рецензируемой книге, ее целью было «...дать краткую и вместе с тем относительно разностороннюю характеристику современного состояния народного хозяйства Китая, производственно-технического уровня и перспектив дальнейшего развития основных его отраслей» (с. 3). Эту задачу автор решает на фоне обстоятельного анализа экономической политики китайского руководства, показывая ее эволюцию и воздействие на социально-экономические процессы на различных этапах развития китайского общества.

Образование КНР и успехи в социально-экономическом развитии, достигнутые к концу восстановительного периода (1949—1952 гг.), укрепление международных позиций КНР создали, пишет автор, объективные предпосылки для перехода к осуществлению социалистических преобразований в китайском обществе. ЦК КПК разработал генеральную линию переходного периода к социализму. Главными задачами генеральной линии, на выполнение которых отводилось 15 лет, то есть три пятилетки, являлось осуществление социалистической индустриализации, социалистических преобразований в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, в частной торговле и промышленности.

Автор убедительно показывает, как Советский Союз, последовательно развивая свои отношения с КНР на принципах интернационализма, щедро делился своим опытом, год от года увеличивал масштабы экономической помощи молодому государству кредитами, поставками комплексного оборудования для целого ряда крупных современных промышленных предприятий. В результате этого промышленные объекты, построенные с помощью СССР, составили костяк основных отраслей, производящих средства производства (с. 68).

Важное место в развитии экономики КНР заняла первая пятилетка (1953—1957 гг.). В эти годы был создан государственный сектор, который занял господствующие позиции в ведущих отраслях промышленности, в современных видах транспорта и связи, в сфере денежного обращения и кредита и т. д.; было осуществлено кооперирование в сельском хозяйстве и кустарной промышленности, осуществлены преобразования частной промышленности. В результате к концу пятилетки на долю государственных, кооперативных, а также государственно-частных предприятий приходилось около 95 % всей валовой продукции народного хозяйства, а на единоличные хозяйства крестьян и кустарей — всего лишь 5 % (с. 63). За годы первой пятилетки было построено около 450 крупных промышленных объектов, большое количество средних и мелких предприятий, в результате чего основные фонды промышленности за пять лет увеличились в два раза, а доля современной промышленности во всей валовой продукции промышленности возросла к концу 1957 г. до 40 % вместо 27 % в 1952 г. (с. 61).

VIII съезд КПК (1956 г.), как подчеркивает автор, был форумом китайских коммунистов, на котором вопросы строительства нового общества рассматривались в основном с марксистско-ленинских позиций. Съезд намечил дальнейшие рубежи развития Китая по пути социализма.

Однако спустя всего полтора года эти решения были практически полностью перечеркнуты. Был принят курс на «большой скачок» в производстве во имя «досрочного построения социализма», а затем и коммунизма в Китае. Главное содержание этого политического курса заключалось в том, отмечает автор, чтобы «обойти» законы общественного развития, не считаясь ни с возможностями страны, ни с мировой практикой экономического строительства, в короткий срок достичь изобилия промышленной и сельскохозяйственной продукции. По пересмотренному пятилетнему плану, выпуск промышленной продукции предполагалось увеличить в 6 раз, а сбор зерновых довести уже в 1959 г. до 525 млн. т (против 185 млн. т 1957 г.). Одновременно в течение нескольких месяцев все китайское крестьянство было объединено в «народные коммуны».

«Большой скачок», «народные коммуны», справедливо отмечает автор, являлись собой волюнтаристский эксперимент не только в области народного хозяйства. Они включили целый комплекс мер, которые должны

были изменить систему социально-экономических отношений, систему распределения общественного продукта, структуру государственного-хозяйственного аппарата. Предусматривалось также насаждение в стране военно-бюрократических методов организации труда и даже жизни населения как в городе, так и в деревне. Политика «большого скачка» привела к полной дезорганизации хозяйства, на много лет затормозив развитие экономики страны. Китайское руководство вынуждено было отказаться от этого эксперимента, принять срочные меры для спасения положения. Для восстановления народного хозяйства потребовался пятилетний период «урегулирования» (1961—1965 гг.).

Но не успев полностью оправиться от «большого скачка», экономика КНР вновь подверглась тяжелым испытаниям. В 1966 г. в стране началась «культурная революция», которая привела к тому, что народное хозяйство, по признанию китайских руководителей, «оказалось на грани катастрофы».

После принятия программы «четырёх модернизаций» (модернизации сельского хозяйства, промышленности, науки и техники и военного дела) экономическое развитие страны все теснее связывалось с капиталистическим миром, и прежде всего с США. На II сессии ВСНП (1979 г.) был принят курс на «урегулирование, преобразование, упорядочение и повышение уровня народного хозяйства», первоначально рассчитанный на три года (1979—1981). Автор справедливо заключает, что этот курс явился расплатой за долгие годы игнорирования китайским руководством объективных экономических законов, здравого смысла, пренебрежения к жизненным интересам китайских трудящихся.

Три года «урегулирования» показали, что этот срок явно недостаточен для выполнения поставленных перед экономикой задач. Осуществление ряда крупных мероприятий, направленных на перераспределение средств между отраслями народного хозяйства, на устранение извращений в области материального стимулирования, использование товарно-денежных отношений и т. п., способствовало в целом оживлению экономики, увеличению производства потребительских товаров, некоторому улучшению обеспечения ими огромного населения. Однако положение в народном хозяйстве еще остается сложным и неустойчивым. Не преодолены межотраслевые диспропорции, крайне медленно растут производительность труда и эффективность производства, не упорядочен механизм хозяйствования и система управления и т. д. Было признано, что для проведения намеченной хозяйственной реформы в масштабах всей страны еще не созданы необходимые условия. Поэтому IV сессия ВСНП (1981 г.) вынуждена была констатировать: «Для урегулирования народного хозяйства понадобится еще пять лет, а может быть, и больше»¹.

Автор рассматриваемой работы убедительно показывает, что политика китайских

¹ «Жэньминь жибао», 14.XII.1981.

руководителей в области экономического строительства в течение последних 20 с лишним лет привела к тому, что жизненный уровень китайского народа за этот период в целом почти не изменился, оставаясь еще очень низким. Серьезным тормозом в развитии экономической жизни китайского общества, пишет автор, является отсутствие долгосрочной научно обоснованной программы развития народного хозяйства, которая позволила бы повысить эффективность производства, привести к кардинальному решению стоящих перед страной очень острых социально-экономических проблем.

Несомненный интерес представляет III глава книги «Экономический строй и экономическая политика КНР в современных условиях». В ней автор подробно рассматривает некоторые новые моменты экономической политики китайского руководства в последние годы: возвращение к многоукладной экономике, активизация частного предпринимательства, дробление коллективной собственности в деревне, курс на создание смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале, привлечение монополистического капитала в производственную сферу и т. п. В явлениях экономической политики, делает автор вывод, «есть некоторые позитивные моменты в том смысле, что они позволяют достичь временного оживления экономической конъюнктуры, смягчить напряжение в снабжении населения жизненно важными предметами потребления». Однако в книге высказывается опасение, что проводимые в стране мероприятия такого рода могут надолго задержать социально-экономическое развитие Китая, лишить его социалистической перспективы (с. 313).

Значительная часть работы посвящена вопросам конкретной экономики. Анализируя материально-техническую базу народного хозяйства, его структуру, темпы развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта и других отраслей, жизненный уровень китайского населения, автор показывает, что для развития экономики Китая имеет широкие возможности: огромная территория с многообразными полезными ископаемыми, большими ресурсами водной энергии, наличие еще не освоенных, но пахотно-пригодных земель, равных существующему сегодня пахотному фонду, большие трудовые ресурсы и т. п.

Эти возможности начали широко использоваться в первый период существования КНР, когда страна приступила к социалистическому строительству. Немаловажным фактором развития экономики КНР явилась помощь Советского Союза и других социалистических стран. Разработанные в свое время долгосрочные планы развития народного хозяйства: второй пятилетний план (1958—1962 гг.), 12-летняя программа развития сельского хозяйства (1956—1967 гг.) — создавали хорошие основы для поступательного движения страны. В работе показано, что если бы Китай не сошел с намеченного пути, то в настоящее время показатели раз-

вития народного хозяйства были бы намного выше существующих сегодня. Однако это поступательное движение было прервано, что породило множество трудноразрешимых проблем в каждой из отраслей народного хозяйства. Рассмотренные в книге повороты в социально-экономической политике, в развитии отдельных отраслей народного хозяйства за прошедшие тридцать пять лет помогают понять причины сложной экономической ситуации в КНР.

Важное место в работе занимает глава о внешнеэкономических связях КНР, которые, как отмечает автор, являются сферой, где самым непосредственным образом проявляется направленность внешнеполитического курса китайского руководства (с. 273). Наряду с подробной характеристикой внешней торговли в этой главе много места уделено различным формам экономических связей КНР со странами капиталистического мира, привлечению иностранного капитала к развитию ряда приморских районов, так называемых «особых экономических зон» (получение кредитов, создание смешанных предприятий и т. д.). Активное сотрудничество с монополистическим капиталом в условиях сохранения нынешнего политического курса, делает вывод автор, может иметь следствием усиление экономической и политической зависимости КНР от империализма.

Характеризуя в целом рецензируемую работу, следует отметить ее теоретическую оснащенность, принципиальную политическую направленность. Это оказалось возможным в результате глубоко обдуманного отбора, систематизации, обобщения обширного документального, экономико-статистического материала. Определенным образом здесь сказался и личный опыт автора, в течение многих лет работавшего в Китае.

Привлекает к себе в данной книге то, что, будучи относительно небольшой по объему, она дает ценную и весьма разностороннюю картину экономики современного Китая. Это — комплексное исследование, где наряду с анализом экономической политики, исследованием хода формирования современной экономической структуры приводится характеристика всех отраслей народного хозяйства — от промышленности до торговли и финансов, рассматриваются вопросы материального и культурного уровня жизни трудящихся КНР. Важно при этом, что автору удалось успешно сочетать глубокий научный анализ сложных экономических проблем с популярностью, доходчивостью изложения.

Вот почему можно полагать, эта книга вызовет большой интерес не только у научных работников, аспирантов, студентов, изучающих экономику Китая и эту страну в целом, но, несомненно, может сослужить пользу и более широкому кругу читателей: представителям общественных наук, пропагандистам, лекторам.

В. И. ПОТАПОВ,
кандидат экономических наук

Из истории антицинской борьбы во Внутренней Монголии

Н. Алтанцэцэг. Внутренняя Монголия во 2-й половине XIX — начале XX вв. Улан-Батор. 1981, 136 с. (на монг. яз.).

История Внутренней Монголии издавна является объектом научных исследований монголистов и синологов. Ныне возросший интерес востоковедов к этим проблемам вполне закономерен. Отрадно, что научные центры МНР стали интенсивно заниматься проблемами родственного республике народа. Так, в 1980 г. недавно созданный Институт востоковедения АН МНР в творческом содружестве с Институтом Дальнего Востока АН СССР выпустили в свет содержательный очерк истории, экономики и культуры Внутренней Монголии — «Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики», — освещающий главным образом современный этап ее жизни.

Монгольский историк-синолог Н. Алтанцэцэг опубликовала интересную монографию «Внутренняя Монголия во 2-й половине XIX — начале XX вв.».

Южная Монголия была завоевана маньчжурами в 1636 г., и с тех пор начался трагический период в истории ее народа, потерявшего свою государственность, ставшего окраиной императорского Китая.

Книга Н. Алтанцэцэг состоит из краткого введения, четырех глав, заключения и приложения.

Первая глава — «Внутренняя — Южная Монголия в составе Цинской империи во 2-й половине XIX в.» — освещает историю, экономический строй и административное деление Южной Монголии тех лет.

«При первых двух правителях маньчжурской династии, Нурхаце и Абахае, и хошунах Южной Монголии была проведена административная реорганизация и создано 49 хошунов (знамен), которые объединялись в 6 сеймов» (с. 11). Эти сеймы и образовали Внутреннюю Монголию. Руководил сеймом «чуулганы дарга» (начальник сейма), при нем была учреждена должность «цзянцзянь», главнокомандующего войсками, составляемыми хошунами. Все монгольское мужское население было превращено в солдат (закон 1636 г.). Хошуны в конечном итоге стали военными образованиями, делились на сомоны (эскадроны) под командованием и управлением цзянги.

Цины правили национальными окраинами с помощью Лифаньюань, Палаты внешних сношений, учрежденной императором Абахаем в 1638 г. Палата, помимо общего конт-

роля над деятельностью монгольских хошунов, следила за тем, чтобы монголы не скрывали у себя беглых китайцев и не покупали в жены китайок (закон 1683 г.). Был установлен контроль над монгольским судопроизводством, ход и результаты следствия должны были докладываться в Лифаньюань (закон 1667 г.). Также был наложен запрет на переход монголами границы хошуна даже во время засухи и низкого урожая, араты должны были просить специальное разрешение Лифаньюань на перекочевку (закон 1680 г.). Монголам хошунов запрещалось свободно торговать с собственно Китаем и другими районами Монголии (уложение 1680 г.), не разрешалась покупка монголами оружия (закон 1663 г.). Южномонгольским князьям было запрещено вступать в брак с халхаскими девушками, нарушители лишались должности и права наследования (закон 1679 г.). Было запрещено увеличение числа лам в буддийских монастырях и ограничено свободное передвижение лам (закон 1675 г.).

Монгольско-китайская торговля была строго лимитирована. Она разрешалась лишь в трех монгольских населенных пунктах: Калгане, Хух-хото, Долонноре. Купцы обязаны были иметь свидетельство на торговлю в этих местах с указанием срока и ассортимента товаров. Им запрещалось ввозить металлические изделия, учитывая то обстоятельство, что монголы могли ковать из них оружие.

Такова была политика Цинов в Южной Монголии в XVII — первой половине XIX вв., политика, рассчитанная на полный захват региона и его изоляцию от других частей империи и Халха-Монголии. Цины всеми средствами препятствовали общему историческому развитию монголов.

С середины XIX в. в Южную Монголию стали проникать китайские ростовщики, араты жестоко угнетались ими, так же как и китайская беднота. По словам некоего Яо Чинту, представителя одной из пекинских фирм, «долги монгола — очень выгодная вещь, золотое дно» (с. 16).

В главе «Проникновение империалистических сил в Южную Монголию в конце XIX — начале XX вв. и его политические и экономические последствия» рассказано о распространении империалистического влияния в этой части Монголии. В японо-китайской войне (1894—1895) Китай потерпел поражение. После заключения Симонсекского договора (17 апреля 1895 г.) японский капитал устремил свои взоры и на Южную Монголию, чтобы укрепиться на Азиатском континенте, иметь доступ к дешевому сырью. В политических целях Япония использовала ламанетскую церковь. Япония засылала шпионов под видом буддистов и путешественников.

В Южной Монголии японцы создавали школы, сближались с монгольскими князьями, дети которых обучались в Японии. Нейки Торин вел археологические раскопки в местности Улан-хаде, изучал природные ресурсы (с. 23). Японцы открывали отделения своих банков, вели строительство, привозили техническое оборудование, машины и

станки. Они занимались добычей угля, золота, лесопереработкой, отправляли в Японию сырье и ценные минералы.

В период борьбы за раздел Китая на сферы империалистического влияния в Южной Монголии создавались различные фирмы, строилась железная дорога, действовали миссионеры Запада, помогавшие закабалению края иностранным капиталом. Южная Монголия в 90-х годах XIX в. и начале нашего столетия, втянутая в орбиту влияния империалистических держав, оказалась в сложной политической и экономической ситуации.

В третьей главе — «Новая политика» Цинской династии во Внутренней Монголии в начале XX века — раскрыты сущность и последствия «реформ», проведенных маньчжурскими правителями.

30 августа 1900 г. был опубликован императорский указ, в котором говорилось о важности проведения реформы. Императрица призвала чиновников внести предложения с целью «устранения дурного в делах правления»¹. Известные сановники Чжан Чжидун и Лю Кунь в докладе «Самоусиление посредством изменения законов» (1901) писали: «Монголы в основном являются кочевниками, и в течение последних нескольких десятков лет их жизнь настолько ухудшилась, что необходимо рассмотреть их положение. И надо объявить князьям и губернаторам о составлении и подаче двору плана, который предусматривал бы меры по развитию скотоводства» (с. 27). Цзюнь-ваны Гунсэньноров из харчинов и Гунчиг из хорчинов подали доклады в высшие органы с предложениями улучшить жизнь аратов.

21 декабря 1906 г. по решению цинских властей были учреждены два департамента в составе министерства колоний (Лифаньбу), созданного вместо Лифаньюань. Чжичансы — орган по делам колонизации Внутренней Монголии, охране лесов, развитию скотоводства, контролю над охотничьими промыслами, выделкой кожи, по строительству железных дорог, разработке горных богатств, развитию рыболовства и т. д. Бяньвэйсы — департамент охраны границ — занимался вопросами обучения монгольских войск, делами образования, торговли и др. Таким образом цинское правительство устанавливало контроль «над всеми сферами жизни, быта и хозяйства монголов, системой управления ими» (с. 29).

В результате этой «новой политики» заметно усилилась маньчжурская бюрократизация Южной Монголии, произошла реорганизация армии, пограничные монгольские посты были заменены маньчжурскими, значительно возросло переселение военных, «офицеров с новейшим образованием», а также крестьян из глубинных провинций Китая на монгольские земли, монголов вытесняли с их пастбищ и угодий.

Таким образом, в Южной Монголии цинская колонизация края шла полным ходом и во всех направлениях. Колонизаторы держали народ в темноте и невежестве.

В 1906 г. маньчжурский чиновник, обследовав состояние школьного обучения в двухклассной начальной школе Харчинского хошуна, в докладной записке цинскому правительству отметил, что «главной целью школы Харчина является попытка возрождения монгольской народности, а это может в будущем превратить их во врагов нашего государства» (с. 35). По этому доносу харчинская школа была закрыта.

В результате проведения «новой политики» Южная Монголия была полностью захвачена цинскими колонизаторами, что вызвало рост недовольства коренного населения региона.

В четвертой главе — «Народные движения в Южной Монголии во второй половине XIX — начале XX вв. и их характер» — освещаются рост и формы освободительного движения монгольского народа. Борьба тайского народа — крестьянская война тайпинов (1850—1864), восстание ихэтуаней (1898—1901), а также восстание дунган (1860—1879) существенно повлияли на развитие национально-освободительного движения монголов.

Наиболее сильным аратским протестом в Южной Монголии было так называемое дугуйланское движение (от монгольского «дугуй» — круг, «дугуйлан» — собрание). Оно возникло впервые в 1858 г. в Ордосе. Араты, готовясь к выступлению против монгольских князей и Циннов, собираясь для обсуждения насущных проблем, рассаживались в круг. Все считались равными, решение принималось открытым большинством. Затем дугуйланцы ставили подписи по радиусам круга, что означало равенство всех участников (с. 37). Подписи на круге также маскировали зачинщиков. Затем предъявлялись требования местным князьям.

Дугуйланское движение приняло широкий размах по всей Южной Монголии. Захват земель монголов вызвал многочисленные восстания и волнения народных масс. Иногда земли возвращались монголам, но в большинстве случаев волнения жестоко подавлялись регулярной цинской армией, расквартированной в Южной Монголии.

Нешадно эксплуатировали аратов христианские миссионеры, особенно тех, кто был обращен в новую веру. Западные миссионеры организовывали крупные скотоводческие и земледельческие хозяйства, в которых араты и простые китайцы владели жалкое существование. И на этой почве вспыхивали восстания аратов против миссионеров. Дугуйланское движение также выступало против миссионеров.

Местные ноёны и вообще феодалы также были повинны в разорении аратов и зависимости края от Циннов. Лишь отдельные феодалы выступали против колонизации Южной Монголии, такие, как князь Тогтох, который поднял антицинское восстание. Повстанцы долгое время успешно боролись за права аратов, но затем были рассеяны регулярной армией.

В пробуждении национального сознания аратства сыграла большую роль «Монгольская газета», выходившая в Харбине. Она пропагандировала демократические идеи

¹ См.: Новая история Китая. М., 1972, с. 361.

прогрессивных русских деятелей, разоблачала цинских и империалистических колонизаторов, отстаивала идеи независимости монголов.

Заключение книги содержит итог исследования и выводы. Автор убедительно показывает, что национально-освободительное движение аратов имело антиимпериалистическую, антифеодальную и антоколониальную направленность, как и борьба китайского народа.

В приложении даны сведения об административно-территориальной структуре края. Ценно то, что брошюра Н. Алтанцэцэг написана

на основе архивных материалов МНР, редко используемых источников, литературы и прессы Южной Монголии.

Книга по истории Южной Монголии не лишена недостатков, встречаются повторы, порой несовершенна стилистика, но в целом она содержит ценные и достоверные сведения о национально-освободительном движении аратов за независимость и социальный прогресс.

В. Э. РАДНАЕВ,
кандидат филологических наук

* * *

Советско-японские экономические отношения

М. И. Кру п я н к о. Советско-японские экономические отношения. М., «Наука», 1982, 250 с.

Отношения между СССР и Японией оказывают большое влияние на развитие событий на Дальнем Востоке и в Азии. Позитивное развитие этих отношений всегда благотворно сказывается на политической атмосфере во всем Азиатско-тихоокеанском районе, и, напротив, всякое их обострение ведет (что мы наблюдаем в настоящее время) к росту напряженности, дестабилизации обстановки в целом.

Важным звеном всего комплекса советско-японских отношений являются экономические связи между обеими странами. Сегодня Япония — один из крупнейших торговых-экономических партнеров СССР среди развитых капиталистических стран (5-е место по объему товарооборота вслед за ФРГ, Финляндией, Францией и Италией).

Исследование опыта развития советско-японских экономических отношений, анализ их современных форм и методов, эффективности с народнохозяйственной точки зрения имеют важное значение как в плане их дальнейшего совершенствования, выведения на новые, более высокие рубежи, так и в плане использования их наиболее рациональных элементов в практике развития экономических отношений с другими странами. Необходимо отметить, что книга М. И. Кру п я н к о — первая монография, в которой проводится систематизированное исследование различных аспектов советско-японских экономических отношений в процессе их исторического развития.

Монография дает достаточно широкое представление об истории и современном

этапе советско-японских экономических отношений. Автор подробно рассматривает эволюцию организационных и правовых форм экономических связей между двумя странами, подчеркивая их равноправный и взаимовыгодный характер. Через всю монографию четко проходит мысль о принципиальности и последовательности курса Советского Союза на развитие всестороннего взаимовыгодного сотрудничества с Японией, отвечающего коренным интересам народов обеих стран, интересам мира и безопасности на Дальнем Востоке.

Вполне закономерно, что наибольшее внимание в рецензируемой работе автор уделяет ныне действующей практике советско-японского торгового и экономического сотрудничества, подробно рассматривая вопросы структуры и динамики торговли между СССР и Японией, специфики прибрежной торговли между ними, а также, что особенно ценно, новых, более зрелых форм экономических связей, получивших развитие в 70-е годы, в частности экономического сотрудничества в освоении природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Развитие советско-японских торговых отношений в 70-е годы происходило в условиях невиданного ранее размаха связей между странами социализма и капитализма: только за 1970—1980 гг. объем товарооборота между Советским Союзом и промышленно развитыми капиталистическими странами увеличился с 4,7 до 31,5 млрд. руб., то есть в 6,7 раза, при общем увеличении внешней торговли СССР в 4,2 раза. Хотя эти показатели в известной степени и отражали характерное для последних лет повышение цен на мировых рынках, все же, как справедливо отмечает автор, «в основе увеличения товарооборота... лежало расширение реального движения товарных потоков, обусловленное углублением международного разделения труда, а также существенными политическими сдвигами на международной арене, началом поворота от «холодной войны», от взрывоопасной конфронтации к разрядке международной напряженности» (с. 56).

Из приведенных в книге данных за 1971—1980 гг. видно, что товарооборот между двумя странами возрастал в этот период постоянно, но неравномерно. Первую половину

70-х годов характеризует быстрое развитие двусторонней торговли. За годы действия второго пятилетнего соглашения о товарообороте и платежах (1971—1975) ее совокупный объем увеличился в 2,3 раза по сравнению с предыдущим пятилетием, в том числе советский экспорт в Японию вырос почти вдвое, а импорт — втрое. В результате удельный вес Японии в товарообороте СССР увеличился с 3,1 % в 1971 г. до 3,8 % в 1975. В этот период она занимала первое-второе место среди торговых партнеров СССР из числа развитых капиталистических стран. Среди объективных факторов, благоприятствовавших быстрому развитию советско-японских торгово-экономических отношений, автор выделяет успехи мирного «наступления» СССР, повлекшие за собой значительное смягчение международной напряженности. Определенное воздействие на активизацию советско-японских экономических отношений в первой половине 70-х годов оказала и экономическая ситуация в ведущих капиталистических странах, резко ухудшившаяся в середине 70-х годов. Курс на сдерживание японского экспорта, навязанный Японии ее основными конкурентами — монополиями США и стран «Общего рынка», — побудил деловые круги этой страны активнее искать возможности расширения экономических связей с социалистическими странами, в первую очередь со своим соседом — Советским Союзом (кстати, этот фактор продолжает действовать и в 80-е годы). Обострение противоречий между Японией и ее основными конкурентами на мировом рынке, сменяющие друг друга «торговые войны» с США и другими развитыми капиталистическими странами вынуждали японских бизнесменов, несмотря на ухудшившуюся в последнее время политическую конъюнктуру, обращать свои взоры к Советскому Союзу.

Заинтересованность японских деловых кругов в расширении торгово-экономических связей с нашей страной еще раз наглядно проявилась в приезде в Советский Союз в феврале 1983 г. самой представительной за всю историю Японии экономической делегации (свыше 250 человек), в которую вошли руководители крупнейших фирм и компаний, определяющих развитие экономики. В ходе переговоров было принято решение ежегодно проводить советско-японские встречи по торговле и экономическому сотрудничеству. Глава делегации С. Нагано сравнил результаты переговоров с «добрыми семенами, которые должны принести хорошие всходы и добрые плоды и в торговле, и в деле укрепления отношений добрососедства и взаимопонимания между Японией и СССР»¹.

Возвращаясь к анализу развития японо-советской торговли в 70-х годах, следует отметить (и об этом подробно рассказывается в исследовании), что намечавшиеся перспективы расширения советско-японской торговли и экономического сотрудничества были в значительной мере подорваны во второй половине 70-х годов негативным воздействием

политических факторов, активизацией противников разрядки международной напряженности в ведущих капиталистических странах, усилением дискриминационных мер в торговле с Советским Союзом со стороны США, Японии и ряда западноевропейских стран. В результате «удельный вес Японии в товарообороте Советского Союза снизился с 3,8 % в 1975 г. до 2,5 % в 1980 г., и она постепенно уступила другим развитым капиталистическим странам лидирующее место среди торговых партнеров СССР» (с. 63).

Большой интерес представляет проведенный автором анализ целого ряда внутренних и внешних факторов, приведших к появлению неблагоприятных тенденций в развитии советско-японской торговли во второй половине 70-х годов. В результате действий японской стороны резко ухудшился общий климат советско-японских отношений, что нашло свое проявление «в задержках с обменом визитами политических и государственных деятелей обеих стран, в проведении в Японии исключительной по своему размаху антисоветской кампании, в раздувании мифа о так называемой советской военной угрозе, в демонстративном нажиме правительства на японских спортсменов с целью отказа от участия в XXII Олимпийских играх в Москве, в использовании официальными кругами страны надуманного «афганского вопроса» как повода для осложнения японо-советских отношений и принятия в отношении СССР «экономических санкций»» (с. 64). К этому почти исчерпывающему «перечню» остается добавить лишь «польский вопрос» и инцидент с южнокорейским самолетом в сентябре 1983 г. Правящие круги Японии с неизменным упорством продолжают следовать антисоветскому, милитаристскому курсу США, явно противоречащему национальным интересам страны. «Создание на пути советско-японской торговли в конце 70-х (и, добавим, в начале 80-х — Ю. Б.) годов искусственных барьеров, — делает естественный вывод автор, — ...не только затормозило нормальный процесс двусторонней торговли, но и породило больше сомнения в надежности Японии как партнера в международном сотрудничестве» (с. 65).

К несомненным достоинствам работы следует отнести предпринятые автором попытки анализа перспектив дальнейшего развития советско-японского торгово-экономического сотрудничества. Автор приходит, в частности, к выводу, что «в связи с новыми тенденциями в импортной политике Японии, отвечающими структурным сдвигам в ее экономике, особое значение в перспективе приобретает советско-японское сотрудничество в развитии природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Помимо реализации проектов сотрудничества по освоению топливно-энергетических ресурсов восточных районов, заключенных в 70-е годы, а именно Якутского газового проекта, Южноякутского угольного проекта, а также проектов сотрудничества в развитии нефтяных месторождений Сахалинского шельфа, весьма

¹ Цит. по: «Правда», 28.II.1983.

перспективным направлением двустороннего экономического сотрудничества на компенсационной основе могут стать соглашения по развитию горной и цветной металлургии, охватывающие разработку железорудных и медных месторождений Восточной Сибири и строительство там металлургических комплексов, а также проекты сотрудничества в развитии целлюлозно-бумажного производства на Дальнем Востоке» (с. 107).

Интересным представляется проведенный автором анализ внутренних и внешних факторов, оказывающих стимулирующее или, наоборот, лимитирующее воздействие на политику японского правительства в отношении экономического сотрудничества с СССР.

В отличие от проблем, стоявших на пути развития двусторонней торговли в 60-е годы и выразившихся главным образом в недостаточном знании партнерами друг друга, в трудностях технического и финансового характера, проблемы советско-японского экономического сотрудничества, как показал детально рассмотренный в монографии опыт двусторонних отношений в 70-е годы, «порождались не только и не столько экономическими, сколько политическими причинами, связанными с противоречивостью и непоследовательностью курса официальных кругов Японии в вопросе долговременных экономических связей с Советским Союзом» (с. 164). Одним из наиболее важных факторов, негативно влияющих на формирование позиции японского правительства в отношении экономических связей с СССР на рубеже 80-х годов, явилось, по мнению М. И. Крупянского, «стремление поддержать антисоветскую стратегию США, направленную на использование экономических рычагов для ослабления мировой социалистической системы». При этом, разумеется, Япония всегда старалась извлечь для себя максимальные выгоды из того, что она следует в фарватере американской стратегии по отношению к СССР. Именно в этом контексте, по мнению автора, и надо рассматривать новые ориентиры внешнеэкономической политики Японии в отношении социалистических стран: усиление дискриминационных санкций против Советского Союза, с одной стороны, и «заигрывание» в торгово-экономиче-

ской области с КНР — с другой (с. 184). Многие исторические факты, иллюстрирующие недальновидную политику Токио в отношении СССР и приведенные в рассматриваемой работе, звучат особенно злободневно сегодня, когда кабинет Я. Накасонэ, демонстрируя «верность» США, продолжает и даже ужесточает политику ограничения торгово-экономических и иных связей с СССР. В результате давления США Япония не только присоединилась к политике «экономических санкций» против СССР, но «даже оказалась в этом вопросе впереди промышленно развитых капиталистических стран Западной Европы, в правящих кругах которых курс американской администрации на обострение отношений с СССР не встретил полной поддержки» (с. 221).

Опыт делового сотрудничества СССР с промышленно развитыми капиталистическими странами, в том числе и с Японией, показывает, что успех достигается там, где существуют благоприятные торгово-политические условия для развития деловых связей между двумя партнерами. Практика советско-японского делового сотрудничества подтверждает обоснованность этого тезиса. Вся послевоенная история советско-японских отношений дает немало примеров того, что при наличии доброй воли и учете взаимных интересов сторонам удавалось улаживать споры и разногласия, развивать взаимовыгодное сотрудничество в различных областях.

Для дальнейшего развития взаимовыгодных торгово-экономических связей на долгосрочной и крупномасштабной основе имеются необходимые объективные предпосылки, но для этого нужны постоянные усилия и добрая воля обеих сторон, трезвый деловой подход, учитывающий подлинные интересы народов наших стран. Нельзя также упускать из виду, что стабильное развитие советско-японской торговли и экономического сотрудничества является надежным фундаментом, на котором могут строиться прочные и действительно добрососедские отношения между народами Японии и СССР в интересах укрепления мира как на Дальнем Востоке, так и во всем мире.

Ю. Е. БУГАЕВ

* * *

«Культурная революция» глазами китайских писателей

Человек и его тень. Сборник повестей. Пер. с кит. (Сост., предисл., коммент. А. Н. Желуховцева). М., «Молодая гвардия», 1983, 319 с., ил.

Годы «культурной революции» в Китае (1966—1976) называют «мрачным десятилетием». Установки тогдашнего руководства на моральное и физическое уничтожение интеллигенции, в том числе и творческой, поощрение непрофессиональных литераторов, ориентация их на создание произведений апологетического характера вскоре привели к явлениям вырождения литературы и искусства. С конца 70-х годов стали намечаться определенные тенденции к изменению обстановки, произошел поворот политики в области культуры и просвещения. Многие крупные писатели были реабилитированы, стали вновь переиздаваться лучшие книги отечественных и зарубежных авторов, и сейчас можно говорить о процессе возрождения китайской литературы, о чем свидетельствует ряд подлинно художественных произведений, особенно произведений социально-критической направленности.

В конце прошлого года вышла книга «Человек и его тень», сборник повестей современных китайских писателей, своеобразное продолжение сборника китайских рассказов, вышедшего годом раньше¹. Советские переводчики знакомят читателя с наиболее популярными авторами сегодняшнего Китая, чьи произведения отмечаются премиями, вызывают оживленные отклики и дискуссии.

Писатель Лю Биньянь стал известен у себя в стране и за ее рубежами. Он смог вернуться к творческой деятельности лишь после 22-летнего перерыва. Его рассказ «Люди и оборотни» (1979), а также публикуемая в рецензируемом сборнике повесть «Человек и его тень» были удостоены литературных премий КНР. Судьба героя повести инженера Чжэн Бэнчжуну в известной мере типична для описываемого периода. Талантливый инженер и организатор, несправедливо осужденный в годы «культурной революции», прошел полный круг мытарств и унижений, но и после реабилитации по-прежнему остается в обществе изгоем, так как с него еще не снят ярлык «правого элемента». Честностью, трудовым энтузиазмом и патриотическими устремлениями Чжэна стараются воспользоваться высокопоставленные демагоги и тунеядцы. Писатель подчеркивает в своем герое нравственную стойкость, непоколебимую веру в

народ, высокую гражданственность. Устами Чжэна он задает волнующий художника главный вопрос: «О моя родина, сама ты не можешь быть такой жестокой и несправедливой! Но кто же они, те люди, которые твоим именем позорят твою добрую славу, подрывают твой здоровый организм, губят твоих сыновей и дочерей? И сколько еще ты будешь терпеть их?»

Не случайно повесть «Человек и его тень» стала заглавной в сборнике. Ее идейная направленность задает тон всей книге. Другие авторы также затрагивают различные аспекты социально-политических и нравственно-психологических проблем, связанных с событиями «культурной революции».

В повести также есть и конкретный мотив, который может быть назван сквозным во всем сборнике, это тема «раздвоения личности». Существуют как бы две ипостаси личности главного героя: «человек» — скромный, честный труженик, твердо верящий в торжество социалистических идей, и «его тень» — химера, «правый элемент», «враг народа», которого надлежит «перевоспитывать», то есть можно унижать, топтать его человеческое достоинство. Эта трагическая двойственность положения — источник глубокой жизненной драмы героев.

Таков лейтмотив и повести Ван Мэна «Мотылек». Произведение создано в форме внутреннего монолога главного героя. Перипетии его личной судьбы и судеб связанных с ним людей раскрываются в потоке воспоминаний и мучительных раздумий о недавнем прошлом, о будущем. Герой повести занимал высокий пост, во время «культурной революции» был «отправлен в деревню», после реабилитации вновь получил высокое назначение. Ему не дают покоя «роковые» вопросы: как объяснить происшедшее, кто он — важное должностное лицо или простой крестьянин, скромный и непритворный? Чжан вспоминает известную в Китае притчу о древнем философе Чжуан-цзы, которому приснилось, что он мотылек, и, проснувшись, не мог понять, то ли Чжуан-цзы приснилось, что он мотылек, то ли мотыльку снится, что он Чжуан-цзы. В конечном итоге герою все же удается преодолеть внутреннее раздвоение, найти нить, связующую эти две стороны его личности: «Пусть самолет и летит на большой высоте, он поднялся с земли и обязательно вернется на землю. Пусть человек — мотылек, он все же сын земли». Чжан понимает, что смог подняться так высоко лишь благодаря своему народу, поэтому на своем посту он должен помнить о простых людях, помнить, что он служит именно им. Так писатель ставит проблему бюрократизации внутренней жизни Китая, отрыва партийных и государственных руководителей от народных масс.

Повесть Ван Мэна захватывает не остротой сюжета, а глубоким психологизмом, напряженной работой мысли, внутренней жизнью героя. Писатель раскрывает внутреннее смятение и растерянность лю-

¹ Люди и оборотни. Рассказы китайских писателей. Сборник. М., 1982.

дей в период посприяния нравственных ценностей. Вместе с тем он показывает здоровые силы китайского общества, которые в годы смуты и хаоса, в горниле страданий духовно созревают и крепнут.

Мысль о том, что источник нравственной стойкости — это среда простых людей, что народ — залог и надежда возрождения страны, ясно звучит и в повести Лю Синью «Жезл счастья». В ее центре внешне ничем не примечательный человек — разнорабочий при школе Ши Ихай. Он незаметно и добросовестно делает свое нехитрое дело, но, когда приходит пора испытаний, неожиданно для окружающих выявляется все богатство его души. В период разгула жестокости и насилия, когда люди озлоблялись и забывали о чести, он смог остаться самим собой и по мере сил пытается помочь другим. Он активно добр и тем противостоит процессу распада человеческой личности. Хотя судьба героя сложилась несчастливо, произведение в целом оптимистично, полно веры в могучие силы, заложенные в простом человеке из народа.

В сборнике «Человек и его тень» представлено и сатирическое произведение — «Неофициальное жизнеописание крупного писателя» Чэнь Мяо, который выступает как продолжатель сатирико-обличительной линии в современной китайской литературе, представленной произведениями Лу Синя, Лао Шэ, Чжан Тяньи и др. Писатель создает образ третьесортного писака и безудержного фразера, сделавшего благодаря своей беспринципности и подлости головокружительную карьеру в годы «культурной революции». Одной из главных его черт является поразительная увертливость и способность к мимикрии. Резко меняя взгляды и убеждения, он приспосабливается к любой обстановке. Автор исподволь проводит мысль о том, что только таким образом можно было удержаться на поверхности в те годы. Судьба героя полна неожиданных зигзагов: вот он пытается сделать писательскую карьеру, втираясь в «ученики» крупного литератора, вот он завоевывает доверие главы отряда цзаофаней, предавая своего учителя, то вдруг он оказывается запертым в коровнике вместе с представителями «черной линии», но, став автором «образцовых революционных пьес», удостоивается аудиенции у самой Цзян Цинь; падение Руководительницы неизбежно сказывается и на судьбе героя, но вскоре он снова на коне: критикует «старую тигрицу» и других членов «банды четырех»...

Острое перо сатирика беспощадно и вездесуще. Он высмеивает не только бездар-

ность литераторов, поднявшихся на волне «культурной революции», но и нехитрую технику производства «революционных пьес» и других псевдолитературных произведений, пропагандистских кампаний, публичных покаяний писателей, вульгарное социологизирование в области искусства, страсть к демагогии.

Представленные в сборнике произведения складываются в некое общее целое, имеющее свою внутреннюю логику и идею. Повести реалистической и критической направленности, они объединены общим стремлением авторов нарисовать картину современной непростой обстановки в стране, дать непредвзятый анализ событий, произошедших в период «великого погрома» и после него, осмыслить последствия трагических сдвигов в социальной, культурной, нравственной и психологической сферах, продумать возможные пути решения назревших проблем. Каждое из произведений, в публицистической ли, психологической, сатирической или другой манере, вносит свою лепту в решение этой задачи.

В нашей стране ежегодно переводится множество произведений зарубежных авторов, среди них книга китайских повестей выделяется прежде всего острой актуальностью. События в Китае недавнего прошлого и последних лет далеко не однозначны, понять сложную обстановку в стране непросто. Разобраться в расстановке сил и предположить возможные тенденции дальнейшего развития невозможно, не заглянув в душу современного китайца, не узнав, что волнует и тревожит представителей различных социальных слоев, не почувствовав общего нравственно-психологического климата. Именно такую возможность предоставляют повести, собранные в рецензируемой книге. Злободневность темы отнюдь не влечет за собой поверхностного ее рассмотрения. Писатели осмысливают настоящее, заглядывая в прошлое и задумываясь о будущем. Историзм произведений, их гуманистическая направленность свидетельствуют о том, что лучшие традиции реалистической литературы Китая не прерваны. Фундамент, заложенный такими крупными современными мастерами слова, как Лу Синь, Мао Дунь, Лао Шэ, Ба Цзинь, не поколеблен, несмотря на потрясения пресловутой «культурной революции». Это позволяет надеяться на полное «выздоровление» китайской культуры и появление новых интересных произведений китайских писателей.

З. Ю. АБДРАХМАНОВА

* * *

Социально-классовая структура японского общества

Ю. Д. Кузнецов. Социально-классовая структура современной Японии. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983, 200 с.

Среди предпринимаемых на Западе попыток объяснить выдвигание Японии за последние десятилетия в число ведущих государств капиталистического мира нередко можно встретить утверждения о специфической организации японского общества, которая будто бы впервые создает возможности для установления «социальной гармонии», для предотвращения острых классовых конфликтов, обеспечивая тем самым экономический рост и политическую стабильность. Японский опыт социальных отношений все шире пропагандируется как средство преодоления противоречий буржуазного строя.

Все это делает актуальным исследование с подлинно научных позиций социальной и классовой структуры японского общества. Такие исследования уже предпринимались советскими японоведами. Вклад в эту работу вносит и книга Ю. Д. Кузнецова «Социально-классовая структура современной Японии».

Эта книга невелика по объему, но в ней спрессован широкий пласт интересной и важной информации, тщательно отобранной, строго систематизированной и подвергнутой скрупулезному анализу. Информация эта позволяет составить четкое представление об основных особенностях системы прямых и обратных связей между социальной, экономической, политической и идеологической сферами в Японии. Авторский подход к изучению этой системы отличается новизной и точностью методологии.

Рассматривая логику развития долговременных процессов, под воздействием которых, в конечном счете, складывается уникальный облик страны, автор подчеркивает, что «исток социальных перемен в современной Японии залегают в гораздо более глубоких исторических пластах, чем послевоенные реформы, хотя значение этих последних ни в коем случае не следует недооценивать» (с. 9).

Радикальные сдвиги, буквально потрясшие Японию в последней трети XIX (революция Мэйдзи) и середине XX в. (поражение во второй мировой войне), привели, кроме прочего, к исчезновению одних социальных групп и возникновению других, весьма значительному по сравнению с предшествующими периодами усилению социальной мобильности. Многие реформы, разработанные и проведенные в жизнь как

после революции Мэйдзи, так и после второй мировой войны, стимулировали изменения социальной структуры как совокупности всех общественных отношений во всем их многообразии.

В рецензируемой монографии показано, что как в период от реформ правительства Мэйдзи до начала второй мировой войны, так и в послевоенные десятилетия существенным признаком модернизации социально-классовой структуры являлся рост армии наемного труда, то есть пролетаризация населения. Этот процесс осуществлялся преимущественно за счет выталкивания из деревни части избыточного населения, а также в результате разорения низших слоев городской мелкой буржуазии. Однако примерно через семьдесят лет после реформы Мэйдзи в первичных отраслях национальной экономики (сельском, рыбном и лесном хозяйстве) все еще пребывало почти вдвое больше занятых, чем в других отраслях (обрабатывающая промышленность, строительство). Значительные контингенты наемного труда приковывала к себе архаичная и в техническом отношении, и с точки зрения организации производства легкая (прежде всего текстильная) промышленность.

Иная картина процесса пролетаризации населения наблюдается на рубеже 80-х годов, по истечении тридцати с лишним послевоенных лет, отмеченных высокими темпами экономического роста. Ныне удельный вес занятых в обрабатывающей промышленности втрое превышает соответствующий показатель в первичных отраслях. Ядро промышленного пролетариата Японии в наши дни образуют занятые в оснащенных передовой техникой и функционирующих на основе последних достижений науки металлургических, машиностроительных, химических производствах.

Сфера услуг, уверенно обгоняющая прочие отрасли по росту численности занятого в ней персонала, также вовлечена в процесс пролетаризации. И хотя сохраняющиеся внутри этой сферы довольно обширные мелкотоварные участки в какой-то мере нейтрализуют течение данного процесса, конечный исход его, то есть необратимое проникновение капиталистических отношений в отрасль производства услуг, вполне очевиден.

Указывая на непрерывный процесс поляризации как на одну из доминирующих тенденций динамики классовой структуры (с. 41), автор монографии глубоко и обстоятельно прослеживает серьезные изменения и в составе класса капиталистов. Главный объект его анализа — неоднородность правящего класса. «Концентрация средств производства, капитала и политической власти в руках монополий», — указывает Ю. Д. Кузнецов, — вызвала увеличение разрыва между финансовой олигархией и другими слоями класса буржуазии — мелкими и средними, а также в определенной степени крупными монополистическими капиталистами, зависимость которых от монополистического капитала неуклонно возрастает» (с. 90).

Наряду с монополистической буржуазией и постепенно интегрирующейся в ее состав высшей политической бюрократией, неотъемлемой частью класса капиталистов являются немонополистическая буржуазия, а также средние и мелкие предприниматели. Конечно, какой бы критерий ни избирался для сравнений, разделяющая их дистанция останется весьма значительной.

Много внимания Ю. Д. Кузнецов уделяет исследованию социальных групп, занимающих срединное положение между двумя полюсами классовой структуры. Заполняющие это пространство средние слои города и деревни крайне аморфны, постоянно поглощают человеческие потоки, берущие начало в недрах буржуазии или пролетариата и одновременно исторгают аналогичные потоки за свои собственные пределы. Интенсивно происходит и внутреннее расслоение городской и сельской мелкой буржуазии.

Особенно интенсивно и многообразно процесс внутреннего расслоения идет среди японского крестьянства. Автор безусловно прав, связывая этот феномен не только с объективными потребностями экономического развития, но и с зачастую противостоящей этим потребностям государственной аграрной политикой, в результате чего в японской деревне сложилась своеобразная обстановка, в которой она защищена от влияния импорта и внутреннего рынка. В подобных условиях высоко поднялась социальная (не говоря уж о денежной) стоимость принадлежащих крестьянским семьям земельных участков, за которые они держатся, что называется, до последнего, мирясь с истончением родственных контактов, с «маятниковой миграцией» и прочими аспектами процесса расслоения.

Эта обстановка, в сущности, продиктовала замену концентрации земельной собственности концентрацией землепользования, что сопровождалось возвратом в деревню арендных отношений. И этому же обязана своим существованием поистине калейдоскопическая пестрота типов крестьянских хозяйств, среди владельцев которых встречаются теперь и самые настоящие полупролетарии с наделом, и более или менее стойкие середняки, имеющие в различных пропорциях сельскохозяйственный и несельскохозяйственный доход, и зажиточные фермеры, ведущие хозяйство капиталистического типа.

Городская мелкая буржуазия не пользуется и малой долей тех оберегающих механизмов, которые действуют в деревне благодаря государственному протекционизму. Но долговременный этап бурного экономического развития явился не только катализатором процесса превращения городских самостоятельных предпринимателей и членов их семей в наемных работников, но, как это ни парадоксально, и фактором его притормаживания. По верному заключению Ю. Д. Кузнецова, важным фактором в «сохранении городской мелкой буржуазии стало быстрое развитие сферы услуг...» (с. 83)

Можно, разумеется, представить себе,

что на каком-то этапе в будущем насыщение сферы услуг плодами технического прогресса достигнет таких масштабов, которые создадут реальную угрозу резкого сокращения числа рабочих мест. Но пока возможности приложения человеческого труда здесь довольно велики. Диверсификация набора производимых услуг, повышение их качественного уровня под непрерывно увеличивающимся давлением все более требовательного спроса создают новые возможности для успешной предпринимательской деятельности городской мелкой буржуазии.

Автор рецензируемой монографии указывает и на другую сторону проблемы. Реальную опасность позициям городской мелкой буржуазии несет с собой экспансия крупного капитала, который не ограничивается жестокой эксплуатацией мелких товаропроизводителей на основе системы субподрядов и мелких торговцев посредством навязывания твердо закрепленных цен на реализуемую продукцию, но нередко вытесняет их из производства и с рынка, налаживая выпуск предметов традиционного спроса, который еще совсем недавно почти целиком удовлетворялся мелкими товаропроизводителями, и развывая цепные системы своих сбытовых предприятий на всю глубину розничной торговли.

Детальная характеристика многочисленных составляющих социально-классовой структуры японского общества не является для Ю. Д. Кузнецова самоцелью. Ему удается успешно применить полученные данные для выявления скрытых пружин воздействия этой ни минуты не находящейся в состоянии покоя структуры на рост экономики, на развитие внутрисоциальной борьбы.

Автор считает одним из главных экономических результатов изменений в социально-классовой структуре послевоенной Японии существенное расширение внутреннего рынка (с. 116). Это было достигнуто благодаря сочетанию различных факторов.

Во-первых, хозяйства крестьян-собственников, появившиеся вследствие аграрной реформы, с самого начала отличались высокой степенью товарности и со своей стороны предъявляли спрос как на товары производственного назначения, так и на предметы личного потребления. Во-вторых, расслоение крестьянских хозяйств, несмотря на отсутствие массового отделения деревенского населения от земельных участков, заметно уменьшило зависимость их значительной части от сельскохозяйственного производства как такового, многократно укрепило связи с рынком. В-третьих, превращение подавляющего большинства трудящихся в наемных работников резко расширило масштабы обращения населения к рынку для приобретения средств существования. В-четвертых, емкость внутреннего рынка была резко увеличена вследствие массового распада «многослойных» семей кланового типа, которые совмещали производственные и потребительские функции, и заменой их нуклеарными семьями.

то есть чисто потребительскими социальными единицами.

Развивая тему воздействия социальных сдвигов на экономику, Ю. Д. Кузнецов подчеркивает, что в целом ряде случаев оно носит комплексный характер. Например, рост стоимости рабочей силы, чему, в частности, во многом способствовало повышение ее образовательного уровня, обернулось многогранной диверсификацией потребительского спроса.

«Роль высокого образовательного уровня рабочей силы как важного фактора экономического роста», — пишет автор, — с особой силой проявилась в ходе структурной перестройки экономики, начавшейся после экономического кризиса 1974—1975 гг. Наличие значительного количества кадров, имеющих довольно высокую степень профессиональной подготовки, создало возможность ускоренного развития наукоемких отраслей, позволившего Японии ослабить негативное воздействие кризиса на ее экономику. Расширяющаяся подготовка специалистов, дальнейшее повышение образовательного уровня рабочей силы способствуют решению сложной задачи 80-х годов — повышения уровня интеллектуализации экономики в целом» (с. 121).

Наряду с вопросами воздействия социально-классовой структуры на экономику, в монографии Ю. Д. Кузнецова большое внимание уделяется ее влиянию на процессы политической борьбы в японском обществе, роли в этом деле политических партий.

В политической борьбе в современной Японии важную роль играют парламент и местные органы власти. Поэтому образ политического мышления избирателей во многом определяется их материальным положением, системой их моральных ценностей, их предрасположенностью к индоктринированию и является объектом неусыпного внимания со стороны политических партий.

Как свидетельствуют материалы книги, среди причин, сделавших возможным утверждение в начале 50-х годов безраздельного господства либеральных демократов в парламенте и создание ими вереницы «своих», не запятанных какими бы то ни было политическими примесями правительств, на первое место наверняка следует поставить аграрную реформу. Она-то и способствовала сохранению господства консерваторов в сплошь мелкобуржуазной деревне, где вчерашние арендаторы, превратившиеся в собственников, стали их надежнейшей опорой на любых выборах — от общенациональных до поселковых.

Аграрная реформа сказалась и на взглядах части городских избирателей, поскольку неуклонно возрастала доля сельских мигрантов, прочно придерживавшихся собственных политических предпочтений. Консолидация парламентского большинства в руках Либерально-демократической партии и превращение Социалистической партии, поддерживаемой массой организованных в профсоюзы рабочих, в крупнейшую оппозиционную силу, как отмечает Ю. Д. Кузнецов, привело к созданию в

Японии в середине 50-х годов двухпартийной политической структуры (с. 141). Однако свойственного подобным структурам на Западе чередования участников этого «дуэта» у кормила власти в Японии не было. И это объяснялось прежде всего тем, что мелкая буржуазия неуклонно следовала в кильватере у консерваторов.

Либерально-демократическая партия не поступилась монополией на власть и в последующие периоды. Однако ее избирательная база в конце 50-х — начале 60-х годов несколько сузилась из-за резкого сокращения численности сельского населения и недовольства городской мелкой буржуазии усилившимся гнетом крупного капитала. В этой обстановке смогли усилить свои позиции центристские партии. Апеллируя к разросшемуся слою мелких буржуа города, эти партии увеличили свое представительство в парламенте, что означало собой переход от «двухпартийности к многопартийности».

Основываясь на изучении итогов многих избирательных кампаний, автор приходит к следующим важным выводам, касающимся особенностей внутривнутриполитического положения в Японии. Во-первых, многопартийная система здесь сложилась «слева от ЛДП», что говорило о разнообразии антиконсервативных настроений среди избирателей. Во-вторых, ослабление влияния ЛДП в массах как бы компенсировалось соперничеством центристских партий и СПЯ в борьбе за голоса избирателей, принадлежавших к одной и той же социальной группе. В-третьих, умножение рядов парламентской оппозиции поставило на повестку дня проблему формирования альтернативных коалиций, не приобретающую до сих пор конкретных очертаний, но имеющую решающее значение, так как в одиночку ни одна из оппозиционных партий пока не в состоянии бросить вызов правлению ЛДП.

Поиск точек соприкосновения необходим для оппозиционных партий, ибо, помимо прочего, во второй половине 70-х — начале 80-х годов правящая ЛДП сумела на какое-то время приостановить смещение массы избирателей влево, а затем и обратить это движение вспять. При этом среди главных аргументов у консерваторов были ссылки на их собственную роль в деле сравнительно безболезненного преодоления кризиса 1974—1975 гг. и утверждение об «органической неспособности» оппозиции взять власть в свои руки и управлять страной.

Разумеется, зигзаги внутривнутриполитической борьбы связаны не только с вихрем перемен, обрушившихся на мелкую буржуазию. Наемные работники, рабочий класс составляют в настоящее время большинство самодостаточного населения. Мощью, энергией и сознательностью авангарда пролетариата поддерживаются все весомые выступления против монополистического засилья. Но, как показывает Ю. Д. Кузнецов, особенности структуры современного рабочего класса и кое-какие из порождаемых этими особенностями поведенческих установок позволяют

и центристским партиям, и даже ЛДП распространять свое влияние в его среде.

«Родимые пятна» недавнего мелкобуржуазного прошлого, которые в высшей степени типичны для рабочих мелких и средних предприятий, «раздвоенность» образа мыслей основной массы относящихся к пролетариату служащих, которым трудно примириться с утратой былых привилегий и которые мечтают об их восстановлении, низкий уровень организации рабочих в профсоюзы и политические партии (между которыми отсутствует единство) часто становятся причинами нейтрализации положительного влияния рабочего класса на исход выборов, а то и занятия отдельными его отрядами процентристских, проконсервативных позиций.

Автор не упустил из поля зрения активизацию борьбы идей вокруг проблем изменения социально-классовой структуры Японии. Критика буржуазных социологических теорий правомерно занимает в книге видное место. Питательную среду для этих теорий подготовили, как ни парадоксально, политические и экономические завоевания трудящихся. Вырванные в ход их настойчивой борьбы у правящего класса уступки в виде деклараций основных демократических прав, улучшения условий труда, роста семейных доходов, количественного и качественного совершенствования личного потребления уже довольно давно выдаются большой группой буржуазных ученых за добровольные благодеяния государственно-монополистического капитала и одновременно — за свидетельства исчезновения классовых перегородок, слияния всего общества в однообразную процветающую массу, избавленную от антагонистических противоречий, от опасности бурного социального конфликта.

Убедительно опровергая эти взгляды, Ю. Д. Кузнецов констатирует их родство со взглядами американских и западноевропейских социологов, проповедующих теорию «нового среднего класса». Но японская буржуазная социология выдвинула и ряд доморощенных теорий, наиболее известной из которых является теория Т. Наканэ о «вертикальной организации общества».

Теория эта отождествляет структуру

японского общества со структурой семей кланового типа, с присущим им доминированием связей господства и подчинения. Представляя японское общество как множество «вертикальных отсеков» (например, от рабочего-станочника до президента компании) и игнорируя роль горизонтальных связей, служащих базой формирования классов, Т. Наканэ преследует четко определенную цель. Она заключается в утверждении стабильности «вертикального организованного общества», несовместимости его принципов с «потрясениями», «беспорядками», «революциями».

Таким образом, выясняется общность рассмотренных в книге буржуазных теорий. «Их социальная и политическая направленность, — подчеркивает автор, — состоит в том, чтобы задержать рост классового сознания японского пролетариата, отвлечь его от борьбы за свои права, подогреть националистические настроения пропагандой «превосходства» японской общественной организации и в конечном счете обеспечить «национальное единство» японского общества под идейным контролем монополистического капитала» (с. 186).

Вместе с тем думается, что Ю. Д. Кузнецов в ряде мест с излишними подробностями повествует о хорошо известных вещах, либо о предметах, имеющих к рассматриваемой теме лишь косвенное отношение. Это относится к структуре и функциям организаций монополистического капитала, составу финансово-монополистических групп, мерам по контролю над состоянием окружающей среды, вкладу образования в развитие экономики и т. д. (стр. 93—97, 121, 127). А вот о нескольких крупных буржуазных социологах, теории которых пользуются большой популярностью в Японии, автор даже не упомянул.

В целом монография Ю. Д. Кузнецова написана на высоком профессиональном уровне, ее автор глубоко и серьезно исследовал рассматриваемые в ней проблемы. Его книга, несомненно, привлечет широкое внимание не только специалистов-японистов, но и всех, кто интересуется положением в современной Японии.

В. Н. ХЛЫНОВ

Арсеньевские чтения в Хабаровске

7—8 апреля 1984 г. в Хабаровске проходили «Арсеньевские чтения», организованные Управлением культуры Хабаровского крайисполкома, Хабаровским государственным институтом культуры, краевой писательской организацией и Хабаровским краеведческим музеем. В них приняли участие более 250 человек: историки, этнографы, археологи, музейеды, писатели, краеведы, представители советских и партийных органов, работники культуры, преподаватели вузов, студенты и аспиранты Дальнего Востока, Москвы, Ленинграда, Якутска.

Участники чтений получили приветствия от Министерства культуры РСФСР, Отдела народного образования Хабаровского крайисполкома, от группы киевских писателей, от участника экспедиции В. К. Арсеньева и его биографа проф. Н. Е. Кабанова, писателя Н. П. Задорнова, доктора исторических наук нивха Ч. М. Таксами и др.

Для Дальнего Востока 1984 год вдвойне юбилейный. Исполняется 90 лет со дня основания Хабаровского краеведческого и 100-летия Владивостокского краевого им. В. К. Арсеньева музеев. К этим юбилейным датам и были приурочены арсеньевские чтения. Конференцию открыл секретарь краевой писательской организации В. Н. Александровский. Во вступительном слове он отметил большой вклад В. К. Арсеньева в мировую и отечественную культуру, охарактеризовал его деятельность как писателя, этнографа, географа и историка, археолога и музейеда, популяризатора и педагога, изыскателя трасс железных дорог и организатора первых в советский период региональных научных и краеведческих конференций.

Пленарные заседания начались докладом Ю. В. Маретина (Ленинград) «Основные проблемы изучения жизни и трудов В. К. Арсеньева», в котором отмечалась необходимость «решения проблемы исторической преемственности и значения В. К. Арсеньева как связующего звена между старой научной школой и формировавшейся на рубеже 20-х годов XX в. новой советской школой изучения Дальнего Востока». Докладчик остановился также на отдельных аспектах деятельности Арсеньева, заслуживающих более глубокого изучения.

А. А. Пономарева (Хабаровск) в докладе «В. К. Арсеньев — директор Хабаровского краеведческого музея» уделяла большое внимание деятельности Арсеньева в области научного комплектования, научного описания коллекций и просветительской работы в музее. В том, что Хабаровский музей еще до революции был признан лучшим музеем во всей Восточной Сибири, подчеркнула она, немалая заслуга принадлежит Арсеньеву.

Л. А. Кожевникова (Хабаровск) в докладе «В. К. Арсеньев и история экономического освоения Дальнего Востока» показала тесную связь научных исследований Арсеньева с практикой. Такие проблемы, как «исследование геологической изученности региона, разработка вопросов, связанных с добычей полезных ископаемых в специфических условиях региона, изучение климата, орографии, гидрографии, почв, флоры и фауны, борьба за разумное использование природных богатств, разработка рекомендаций по усилению переселенческого движения в край и другие», нашли отражение в его опубликованных трудах, а также в служебных отчетах, справках, докладных записках. Заложив основы комплексного изучения края, Арсеньев способствовал его дальнейшему освоению.

А. И. Тарасова (Москва) в докладе «Документальное наследие В. К. Арсеньева» сделала обзор материалов обработанного ею личного архивного фонда путешественника, хранящегося ныне в Архиве Географического общества СССР в Ленинграде и ставшего доступным для самого широкого круга исследователей. Наиболее ценную часть документального наследия Арсеньева, по мнению докладчицы, составляют экспедиционные дневники Арсеньева 1906—1927 гг. — основа всех его опубликованных и неопубликованных работ. Особое внимание уделено в докладе затерявшимся трудам путешественника: монографии «Страна Удэхе» и итоговым работам по археологии «Памятники старины Уссурийского края» и «Классификация памятников старины в Уссурийском крае», «Экспедиции на Камчатку 1918 и 1923 гг.» и другим, поиски которых продолжаются.

Писательница Ю. А. Шестакова в докладе «Литературное творчество В. К. Арсеньева» сделала глубокий анализ научно-художественных произведений путешественника, «прославляющих красоту и мощь дальневосточной природы, мудрость и доброту Дерсу Узала — исконного жителя древней амурской земли», подчеркнув самобытность художественных выразительных средств талантливого писателя.

С живыми, интересными воспоминаниями выступили ученики В. К. Арсеньева — ученые-лесоводы Н. В. Усенко и К. П. Соловьев, бывший школьник села Переславки Приморского края, впоследствии летчик гражданской авиации А. М. Котов, имеющий в своем личном архиве 8 подлинных писем В. К. Арсеньева.

На конференции работало три секции: археологии и истории, этнографии, литературы и книговедения. С большим интересом были заслушаны доклады, посвященные В. К. Арсеньеву, в особенности те, в которых впервые достаточно подробно нашло отражение участие В. К. Арсеньева в топографическом (доклад Г. Ю. Титова) и археологическом (доклады В. И. Дьякова и О. В. Дьяковой, Н. А. Ключева) изучении Дальнего Востока.

Много различных проблем было поднято в докладах об изучении края и его истории советскими исследователями, об истории, современном состоянии, задачах и перспективах науки на Дальнем Востоке. Большинство докладов отличалось широтой и разнообразием использованных источников, среди которых главное место занимает личный архивный фонд В. К. Арсеньева.

На конференции получили положительную оценку исследования о жизни и деятельности В. К. Арсеньева: книги, статьи и документальные публикации М. К. Азадовского, Н. Е. Кабанова, Н. М. Рогая, В. Г. Пузырева, А. И. Тарасовой, И. С. Кузьмичева, Т. В. Станюкович и др. Была одобрена подготовленная сотрудниками Хабаровского краеведческого музея специальная экспозиция, посвященная жизни и деятельности В. К. Арсеньева.

Вместе с тем отмечалось, что вопрос о влиянии традиций Арсеньева на современную научно-исследовательскую деятельность в регионе нуждается в тщательной разработке. Указывалось и на необходимость участия широкого круга специалистов в работе по выявлению новых документов о В. К. Арсеньеве, в подготовке научной биографии ученого и полного собрания его сочинений, летописи жизни и деятельности, сборника воспоминаний современников, полной библиографии его трудов и литературы о нем. Принято решение сделать чтения традиционными. Следующую конференцию намечено провести в Хабаровске в 1987 г., приурочив ее к 115-й годовщине со дня рождения В. К. Арсеньева.

А. И. ТАРАСОВА,
кандидат исторических наук

Успехи братского монгольского народа

[60 лет Народной Монголии]

В августе 1924 г. состоялся III съезд Монгольской Народно-революционной партии, который, подытоживая социально-экономические перемены, происшедшие в жизни монгольского народа после победы Народной революции 1921 года, на основе марксистско-ленинского учения о возможности перехода отсталых стран к социализму провозгласил генеральную линию партии на развитие страны по некапиталистическому пути.

Первый Великий народный хурал, состоявшийся в ноябре того же года, принял первую подлинно демократическую Конституцию страны. Великий народный хурал провозгласил Монголию Народной республикой, юридически укрепил ликвидацию политической власти феодалов, сосредоточение всей полноты государственной власти в руках трудового народа в лице народных хуралов. Решения III съезда МНРП и первого Великого народного хурала знаменовали собой важнейший рубеж в осуществлении коренных преобразований в политической и социально-экономической жизни страны и создании необходимых предпосылок для перехода МНР в дальнейшем к строительству социализма.

За 60 с лишним лет под руководством своего испытанного авангарда МНРП и при всесторонней помощи и поддержке Советского Союза монгольский народ осуществил в стране глубокие социально-экономические преобразования. В результате упорной и последовательной борьбы партии и народа была преодолена многовековая экономическая и культурная отсталость страны. Заново созданы современные отрасли промышленности, транспорта и связи, сельское хозяйство стало социалистическим, многоотраслевым. Осуществлена и неуклонно углубляется социалистическая культурная революция.

Произошли коренные изменения и в классовой структуре общества. Зародился и вырос рабочий класс — ведущая сила общества. Животноводы из единоличников превратились в социалистический класс — кооперированное аратство, сформировалась народная интеллигенция.

В настоящее время МНР вступила в период завершения строительства социализма.

За последние 20 с лишним лет монгольский народ добился крупных успехов в индустриализации страны, механизации сель-

ского хозяйства, повышении технической оснащенности всех отраслей народного хозяйства, в развитии социалистической культуры, в повышении народного благосостояния. Из года в год растет объем национального продукта, так в 1976—1980 гг. он составил 4 % в год, это означает, что он был выше, чем в любой стране «Общего рынка».

Повышается материальный и культурный уровень жизни монгольского народа, о чем, например, говорит высокий рост реальных доходов населения и розничного товарооборота за 1960—1980 гг. в 3,5 раза при росте численности населения в 1,8 раза.

МНР — неотъемлемая составная часть мировой системы социализма. Важным фактором ускорения темпов социалистического строительства в МНР служит ее активное участие в социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ, всемерное сближение в экономической, политической, идеологической и культурной областях с братскими странами социализма, в первую очередь с Советским Союзом. Многостороннее сотрудничество МНР с братскими социалистическими странами в рамках Совета Экономической Взаимопомощи является наглядным примером действенности социалистической интеграции.

Сотрудничество с СССР и другими странами СЭВ, их всесторонняя помощь явилась могучим фактором успешного решения задачи создания материально-технической базы социализма в МНР. Ныне темпы роста национального дохода Монголии приближаются к наиболее высоким показателям других стран — членов СЭВ.

Если за период 1961—1965 гг. средние темпы роста национального дохода составляли 1,1 %, то за прошлую пятилетку — 5,5 %, а за первые два года нынешней пятилетки они составили 8,4 %.

Для последовательного развития монгольской экономики большое значение имело строительство совместных предприятий, оказание помощи в освоении новых мощностей, построенных при содействии стран — членов СЭВ.

Помощь Советского Союза и других социалистических стран позволила МНР сформировать промышленные комплексы в Улан-Баторе, Дархане, Эрдэнэте, Чойбалсане и Багануре.

Для выполнения задачи, выдвинутой МНРП — превращения МНР в индустриально-аграрную страну, большое значение име-

ет целенаправленное развитие промышленности. Успехи в этой области немалые. Только за последние двадцать лет при содействии и помощи Советского Союза в стране было построено и сдано в эксплуатацию свыше 600 народнохозяйственных объектов, в том числе 150 промышленных предприятий, составляющих основу национальной индустрии республики. Промышленность МНР все больше приобретает характер ведущей отрасли народного хозяйства. В настоящее время доля промышленности составляет 43 % валового общественного продукта страны, 74 % совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства, почти 30 % национального дохода. Сейчас страна всего за 9 дней производит столько промышленной продукции, сколько за весь 1940 год. Ныне в Монголии за 2 месяца добывается столько же угля, сколько его добывалось за год 20 лет назад. Количество электроэнергии, которое производилось тогда же за год, сейчас производится меньше чем за 25 суток. Растет удельный вес промышленной продукции в общем объеме экспорта МНР. Если в 1960 г. промышленная продукция занимала около 30 %, то в 1983 г. уже более 70 %. В седьмой пятилетке МНРП ставит большие задачи по опережающему развитию промышленности, высокими темпами будет развиваться топливно-энергетическая, горнорудная и металлообрабатывающая промышленность. Осуществляются меры по формированию новых территориально-промышленных комплексов и промышленных центров, агропромышленных комплексов в перспективных районах страны.

В текущей пятилетке капитальные вложения в промышленность достигли 7,8—8,2 млрд. тугриков. Причем одна треть этих средств будет направлена на реконструкцию и расширение действующих предприятий.

В 1981—1985 гг. валовая продукция промышленности вырастет на 52—58 %, а производительность труда в промышленности — на 24,6 %.

При технико-экономической помощи Советского Союза в текущей пятилетке будет построено свыше 280 новых объектов, реконструировано и модернизировано около 60 промышленных предприятий и хозяйственных организаций, имеющих важное народнохозяйственное значение.

За первые 3 года седьмой пятилетки (1981—1985) валовая продукция промышленности возросла на 33 %, производительность труда в промышленности — на 15 % по сравнению с 1980 г. Только в 1983 г. промышленная продукция увеличилась против 1982 г. на 9,1 %, а производительность труда в отраслях промышленности на 5 %. В 1981—1983 гг. построены и введены в дей-

ствие многие промышленные объекты: осуществлялись расширение и реконструкция ряда промышленных предприятий, в том числе приняты по полной проектной мощности весь комплекс горнообогатительного комбината «Эрдэнэт», первая очередь топливно-энергетического комплекса «Баганур», ТЭЦ-4 в Улан-Баторе и цементно-известкового комплекса в Хутуле и другие объекты.

Полным ходом продолжается строительство производственных комплексов в Багануре, Хутуле, Бор-Ундуре и ряда других крупных объектов промышленности МНР.

Продолжалось внедрение новой технологии, на предприятиях осваиваются новые виды продукции. Так в 1983 г. было освоено производство 114 новых видов продукции.

В сельском хозяйстве в 1983 г. объем валовой продукции возрос почти на 3 % по сравнению со среднегодовым уровнем первых двух лет текущей пятилетки. Капиталовложения в сельское хозяйство в 1983 г. составили более 700 млн. тугриков.

Многое делается для развития животноводства, продукция которого составляет $\frac{3}{4}$ в валовой продукции сельского хозяйства. Внедряются современные научные методы в животноводство. В 1983 г. по сравнению с предыдущим годом на 8,9 % возросли заготовки молока, введено в эксплуатацию животноводческих помещений на 1181,4 тыс. голов, обводнено 2292,6 тыс. га пастбищ.

Существенные успехи были достигнуты в земледелии МНР, которое является для страны заново созданной отраслью сельского хозяйства. В 1983 г. собрано 812,8 тыс. т зерновых (на 261,5 тыс. т больше, чем в 1982 г.). Сбор зерновых превысил среднегодовой показатель прошлой пятилетки на 420 тыс. т. В 1983 г. в стране освоено 69,4 тыс. га целинных земель.

В результате выполнения задач, намеченных на текущую пятилетку, еще больше повысится удельный вес промышленности в экономике МНР. К концу пятилетки промышленность страны будет выпускать почти 80 % совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства, на ее долю будет приходиться более 40 % национального дохода.

Успешное завершение планов седьмой пятилетки явится новым крупным шагом в деле превращения страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную.

Пройденный монгольским народом путь — это героический путь борьбы и побед, имеющий международное значение. Опыт МНР, ее успехи, достигнутые под руководством МНРП — блестящее подтверждение правоты учения основоположников научного коммунизма о возможности перехода слаборазвитых стран к социализму при помощи победившего пролетариата.

Памятные страницы истории советско-китайского сотрудничества

С первых дней после Великой Октябрьской социалистической революции Советская Россия неизменно стремилась к дружбе и добрососедству с Китаем, оказывала поддержку и помощь китайскому народу в его борьбе за национальное освобождение, а также в создании материально-технической и научной базы строительства социализма. Особенно плодотворно это сотрудничество развивалось в 1949—1959 гг.

С 1950 по 1959 г. Советский Союз принял на себя огромные обязательства по оказанию помощи КНР в строительстве, реконструкции и расширении более 400 промышленных предприятий, отдельных цехов и других объектов. С помощью СССР Китайская Народная Республика наметала построить 12 металлургических комбинатов и заводов (их производственная мощность составляла: стали — 30 млн. т в год, чугуна — 28 млн. т, проката — 25 млн. т в год); 3 завода по производству алюминия общей мощностью 738 тыс. т в год; комплекс предприятий по производству олова в районе города Гюцзю мощностью 25 тыс. т в год; 7 заводов тяжелого машиностроения по производству металлургического, горнорудного, нефтяного и химического оборудования мощностью 240 тыс. т металлоизделий в год; 17 заводов по производству паровых, газовых и гидротурбин и турбогенераторов к ним годовой мощностью 11,2 млн. кВт; 100 объектов оборонной промышленности.

В общей сложности при содействии Советского Союза в КНР было построено более 250 крупных промышленных предприятий, цехов и объектов, оснащенных новейшим оборудованием. Среди них можно назвать такие предприятия, как Аньшаньский и Уханьский металлургические комбинаты, Чанчуньский автомобильный завод, комплекс Лоянских заводов (тракторный, подшипниковый и горнорудного оборудования), электромашиностроительный, турбинный и котельный заводы в Харбине, завод синтетического каучука и нефтеперерабатывающий завод в Ланьчжоу, азотнотокующие заводы в Гирине и Тайюане, сланцеперерабатывающие заводы в Фушуне, завод тяжелого машиностроения в Фулаэрцзи, целый ряд мощных электростанций и других специальных объектов.

Характеризуя значение помощи СССР Китаю в экономическом строительстве, член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера КНР Ли Фучунь говорил: «Наша оценка, причем это твердая оценка, такова: предприятия, запроектированные и построенные у

нас при помощи Советского Союза, действительно являются воплощением всего современного и всего лучшего, чем располагает Советский Союз. Эти предприятия — костяк нашей промышленности, костяк не только по объему, но и по уровню современной передовой техники... Факты подтверждают, что все советские специалисты и проектные организации действительно стремились к тому, чтобы предприятия воплотили в себе опыт Советского Союза и были лучшими в мире. И они успешно добились этого».

С помощью Советского Союза в КНР были созданы целые отрасли промышленности — авиационная, автомобиле- и тракторостроительная, радиотехническая, различные отрасли химического производства; введены в действие крупные мощности в металлургической, энергетической и других отраслях промышленности. Большое значение имела советская научно-техническая помощь КНР в области ядерной физики. При содействии СССР в Китае были построены первый экспериментальный атомный реактор и циклотрон¹.

Производственные мощности предприятий, построенных с помощью СССР и введенных в эксплуатацию, составили: по чугуну — 8,7 млн. т, стали — 8,4 млн. т, прокату — 6,5 млн. т, добыче угля — 17,2 млн. т, обогащению угля — 7,5 млн. т, производству алюминия — 38 тыс. т, аммиака — 150 тыс. т, серной кислоты — 250 тыс. т, продукции тяжелого машиностроения — 60 тыс. т, горношахтного оборудования — 20 тыс. т, нефтеперерабатывающего и химического оборудования — 40 тыс. т, паровых и гидравлических турбин — 1,7 млн. кВт, генераторов — 0,6 млн. кВт, тракторов (условные единицы) — 42 тыс. штук, грузовых автомобилей — 30 тыс. штук, металлорежущих станков — 3,7 тыс. штук, котлов для электростанций — 7 тыс. т пара/ч. На электростанциях были введены в эксплуатацию турбоагрегаты общей мощностью 3,9 млн. кВт².

В общем объеме производства КНР за 1960 г. производство продукции на предприятиях, построенных при техническом содействии Советского Союза, составило: по чугуну — 30 %, стали — около 40, прокату — свыше 50, грузовым автомобилям — 80, тракторам — более 90, синтетическому

¹ См.: Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968, с. 202.

² См. там же, с. 202—203.

аммиаку — 30, выработке электроэнергии — 25, производству паровых и гидравлических турбин — 55, генераторов — около 20, алюминия — 25, тяжелого машиностроения — более 10 % и т. д.³

Отдавая должное советской помощи и значению для КНР предприятий, построенных с помощью СССР, газета «Жэньминь жибао» в феврале 1959 г. писала: «Строительство этих промышленных предприятий сыграло решающую роль в создании в период нашей первой пятилетки фундамента индустриализации Китая. Они не только значительно повысили производственные возможности промышленности нашей страны, в результате чего она стала выпускать такие виды продукции, которые раньше не могла производить, но и помогли ей подготовить значительное число технических кадров. Помощь Советского Союза экономическому строительству нашей страны как в количественном отношении, так и по своим масштабам не имеет прецедента в истории»⁴.

В 1950—1960 гг. в КНР было командировано более 8,5 тыс. высококвалифицированных советских технических специалистов (не считая военных). За то же время в Китай было командировано около 1,5 тыс. советских специалистов для оказания помощи в области науки, высшего образования, здравоохранения и культуры⁵.

Чрезвычайно большую роль в подготовке китайских национальных кадров сыграли командированные в КНР советские специалисты-преподаватели. За период с 1948 по 1960 г. в КНР выезжало 615 высококвалифицированных советских преподавателей, которые сыграли решающую роль в создании в КНР современной системы высшего и среднего специального образования и подготовили большой отряд китайских специалистов для народного хозяйства и для преподавательской работы. Всего же за период с 1949 по 1960 г. в Китай было командировано 1269 советских специалистов высшей школы и народного образования, которые работали как в руководящих органах — министерстве просвещения, так и в вузах КНР.

По линии научно-технического сотрудничества Советский Союз принял около 2 тыс. китайских специалистов и около 1 тыс. китайских ученых для ознакомления с научно-техническими достижениями и производственным опытом нашей страны. Советский Союз передал КНР большое количество научно-технической и иной документации, жизненно необходимой для развития народ-

ного хозяйства Китая. Из общего количества технической документации, переданной Советским Союзом всем социалистическим странам, около 50 % приходилось на КНР. По советской документации, полученной только до 1 июля 1957 г., Китаем было спроектировано 159 объектов, освоено производство свыше 300 видов продукции.

В свою очередь КНР передала Советскому Союзу, по состоянию на 1 января 1961 г., около 1500 комплектов научно-технической документации различного характера.

Начиная с 1949 г. 66 вузов Китая и 85 вузов Советского Союза систематически обменивались научными данными и материалами. Советские и китайские вузы проводили совместную работу по 124 научно-исследовательским темам.

Работа советских специалистов в КНР — это славная страница истории братского отношения советского народа, КПСС к народу Китая. Своей бескорыстной помощью они завоевали большой авторитет и любовь у китайских рабочих, инженеров и техников, у всех тех, с кем работали. «Специалисты Советского Союза и стран народной демократии, работающие в нашей стране, — отмечал премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай в своем докладе VIII съезду КПК, — внесли выдающийся вклад в наше социалистическое строительство»⁶.

Заместитель премьера Государственного совета КНР и министр иностранных дел КНР Чэнь И в феврале 1960 г. заявил: «Помощь Советского Союза способствует тому, чтобы Китай... в течение непродолжительного исторического периода времени поднялся на вершины мировой науки и культуры»⁷.

Правительство Советского Союза организовало также подготовку китайских научно-технических кадров и квалифицированных рабочих на предприятиях, в высших учебных заведениях, в проектных и научных организациях СССР. В 1951—1962 гг. в Советском Союзе прошли производственно-техническое обучение более 8 тыс. китайских граждан. В учебных заведениях Советского Союза училось в это время свыше 11 тыс. китайских студентов и аспирантов. В Академии наук СССР занимались научной подготовкой и изучением методов исследований свыше 900 работников различных институтов Академии наук Китая. Кроме этого, в рамках научно-технического сотрудничества в СССР были приняты для ознакомления с научно-техническими достижениями и производственным опытом более 1500 китайских инженеров, техников и ученых⁸.

Советский Союз готовил для каждого промышленного объекта, строившегося с его помощью, практически весь технический персонал — от директора и главного инженера до начальников цехов и участков, а также других работников, принимавших непосредственное участие в процессе строительства предприятия: в строительных работах, монтаже оборудования, подготовке отдельных производственных участков предприятия к пуску в эксплуатацию⁹.

За десять с небольшим лет СССР передал Китаю по существу безвозмездно 24 тыс. комплектов научно-технической до-

³ См. там же, с. 203.

⁴ Там же.

⁵ См. там же.

⁶ Ленинская политика СССР в отношении Китая, с. 203—204.

⁷ «Известия», 14.II.1960.

⁸ См.: Ленинская политика СССР в отношении Китая, с. 204.

⁹ См.: Чан Яньцин. Техническая помощь Советского Союза — залог наших успехов. — «Внешняя торговля», 1959, № 10, с. 22.

кументации. По мнению иностранных экспертов, если бы КНР покупала такую документацию на мировом рынке, то она обошлась бы ей во много миллиардов долларов. В числе переданной Китаю документации были проекты 1400 крупных предприятий. По китайским данным, только с 1952 по 1957 г. из 51 тыс. изготовленных в КНР металлорежущих станков 43,5 тыс. штук, или 85 % их общего производства, было выпущено по технологической документации, полученной из СССР.

Особенностью советско-китайского сотрудничества в области науки и техники было и то, что Советский Союз передавал КНР несравненно больше научно-технической документации, чем получал от Китая.

Важное значение для восстановления народного хозяйства КНР и последующего планового социалистического строительства имело предоставление Советским Союзом Китаю большого количества научной и технической литературы. Уже в годы восстановительного периода фундаментальные библиотеки Академии наук СССР в Москве и Ленинграде регулярно направляли в Пекин 43 периодических и 142 серийных и многотомных издания, а также монографии по всем разделам науки. В одном только 1951 г. КНР получила 32 тыс. экземпляров книг и журналов, изданных Академией наук СССР, республиканскими академиями наук и другими научными учреждениями Советского Союза.

В 1952 г. КНР получила бесплатно около 5 тыс. названий советских книг, многие из которых были включены в планы китайских издательств для перевода и издания на китайском языке. В том же году на китайском языке вышло в свет 756 названий советских книг тиражом 8,6 млн. экземпляров. При этом следует иметь в виду, что доля советских книг в общем количестве книг, переизданных в КНР в 1952 г., составила 78 % и что с 1 октября 1949 г. до конца 1952 г. в КНР было издано 3114 названий советских книг. Кроме того, в 1951 и 1952 гг. в КНР из Советского Союза поступило около 3 млн. экземпляров советских книг на китайском языке. В последующие годы издание советской литературы в КНР получило еще больший размах. Так, в период с 1949 по 1955 г. в КНР было издано 3 тыс. названий одних только советских научных и технических книг общим тиражом более 20 млн. экземпляров¹⁰.

Дальнейшее развитие получили связи советских и китайских библиотек академий наук обеих стран. Например, в одном только 1956 г. фундаментальные библиотеки АН СССР направили Академии наук Китая около 70 тыс. томов разнообразной научной литературы¹¹.

В интересах экономического строительства и укрепления оборонной мощи КНР Советское правительство предоставило ее правительству несколько долгосрочных кредитов на льготных условиях. Всего с 1950 по

1961 г. Советский Союз предоставил КНР на льготных условиях 11 долгосрочных кредитов на общую сумму около 2 млрд. инвалютных рублей.

Наряду с экономической и научно-технической помощью Советский Союз с первых дней провозглашения Китайской Народной Республики содействовал ей в создании собственной военной промышленности, передал КНР техническую и технологическую документацию на производство современных видов военной техники. Вместе с тем Советский Союз предоставил большое количество военной техники и материалов для освобожденной армии Китая.

Жизненно важное значение для КНР имела торговля с СССР. В условиях экономической блокады и эмбарго на торговлю с КНР со стороны США и многих других капиталистических стран роль такого емкого и стабильного рынка для китайских товаров, каким был Советский Союз, трудно переоценить.

С первых лет существования Китайской Народной Республики Советский Союз стал основным покупателем китайских товаров. Так, в 1950 г. доля СССР в экспорте КНР составляла 28,7 %, а в годы первой пятилетки — в среднем 59,4 %. Советский Союз стал для КНР практически единственным источником получения современных средств производства.

Следует также иметь в виду, что Китайской Народной Республике, переживавшей экономические трудности, было весьма сложно пробиться на мировые рынки, учитывая номенклатуру и качество ее товаров, и выдержать конкуренцию даже со стороны некоторых развивающихся стран, не говоря уже о высококоразвитых в экономическом отношении капиталистических государствах. Только тесные экономические связи КНР с социалистическими странами, в первую очередь с СССР, позволили ей в значительных количествах экспортировать сельскохозяйственное и промышленное сырье, а также другие товары по выгодным для нее ценам. Более того, Советский Союз часто либо сам покупал, либо активно помогал КНР сбывать многие китайские товары, которые не пользовались спросом на мировом рынке.

Большое практическое значение для социалистического строительства в Китае имело культурное сотрудничество с Советским Союзом. Знакомство с культурной жизнью советского народа, прошедшего длительный путь борьбы за социализм, с его наукой, литературой и искусством способствовало усилению влияния марксистско-ленинского мировоззрения на китайских трудящихся, усвоению социалистических идей строителями нового Китая.

Передовые люди Китая, преданные делу социализма руководящие деятели КПК хорошо сознавали первостепенную важность духовного общения китайского и советского народов, с первых дней победы Октябрьской революции стремились к налаживанию глубоких и всесторонних китайско-советских культурных связей. В Китайской Народной Республике из года в год расши-

¹⁰ См.: «За прочный мир, за народную демократию!», 25.XI.1955.

¹¹ См.: «Дружба», 9.XI.1956.

рялось издание произведений классической русской и советской художественной литературы. Только за первые шесть лет после образования КНР их общий тираж превысил 42 млн. экземпляров¹².

В 1957 г. Союз китайских писателей в приветственном обращении к Союзу писателей СССР в связи с 40-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции подчеркивал: «Китайский народ является постоянным читателем советских книг, для него советская литература — это учебник жизни и борьбы... Китайские писатели всегда брали и берут за образец советскую литературу, серьезно изучают накопленный ею богатый опыт и готовы решительно встать вместе с братьями — советскими писателями на защиту социалистического реализма в литературе».

В огромных масштабах в Советском Союзе и в Китайской Народной Республике осуществлялось издание переводной литературы.

За период 1946—1960 гг. в Советском Союзе в переводе на русский язык и 50 других языков народов СССР было выпущено в свет 976 книг китайских авторов общим тиражом около 43 млн. экземпляров. В одном только 1958 г. было издано 90 названий книг китайских авторов тиражом 4 млн. экземпляров.

Большой размах получило издание советской литературы в Китае. За 1950—1958 гг. в КНР было переведено и издано более 13 тыс. названий произведений советских авторов общим тиражом около 230 млн. экземпляров.

Советский Союз, исходя из принципов социалистического интернационализма, направил за 10 с лишним лет (1949—1960 гг.) на длительную работу в Китайскую Народную Республику по просьбе ее правительства около 2 тыс. наиболее опытных специалистов в области культуры и образования, что составило приблизительно 20 % всех

командированных в КНР советских специалистов.

В 1949—1960 гг. с помощью советских специалистов в КНР было подготовлено около 17 тыс. преподавателей, главным образом по отраслям новой техники. Если добавить к этому число подготовленных для КНР в Советском Союзе преподавателей (около 1,7 тыс. человек), то их общая численность составит около 19 тыс. человек, или приблизительно четвертую часть всего преподавательского состава китайских вузов¹³. В вузах Советского Союза в 1951—1962 гг. обучалось свыше 11 тыс. студентов и аспирантов из КНР¹⁴. Советское правительство взяло на себя 50 % расходов по их обучению.

Между СССР и КНР существовали тесные связи в области киноискусства. В 1949—1959 гг. в Китае демонстрировалось около 750 советских фильмов, которые просмотрело примерно 1,9 млрд. зрителей. В этот же период на экранах Советского Союза было показано более 100 китайских фильмов. За 10 лет в КНР побывало 112 советских исполнительских коллективов, СССР посетило 134 китайских художественных коллектива.

В 1949—1959 гг. в КНР побывали многие известные советские художественные коллективы.

В какой бы области ни развивала наша страна сотрудничество с Китайской Народной Республикой, она исходила из главного — всемерно способствовать укреплению социализма в Китае, упрочению советско-китайской дружбы.

К сожалению, с середины 60-х годов не по вине советской стороны объем многогранного взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами стал сокращаться. Однако неизменная политика Советского Союза, направленная на нормализацию отношений с КНР, ныне стала приносить свои плоды. Как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, в настоящее время «...возрождаются взаимовыгодные связи в экономике, культуре, науке и других сферах. Это не по душе тем, кто хотел бы извлекать выгоду из обострения отношений между СССР и Китаем. Но зато это идет на пользу и обеим нашим странам, и делу оздоровления общей обстановки в мире»¹⁵.

¹² См.: Н. Т. Федоренко. Китайская литература. М., 1956, с. 453.

¹³ «Развитие образования за 10 лет после провозглашения КНР». Пекин, 1959, с. 5.

¹⁴ См.: «Правда», 3.IV.1964.

¹⁵ «Правда», 3.III.1984.

60-летие О. Б. Рахманина

7 октября 1984 г. исполнилось 60 лет крупному советскому китаеведу, ученому-международнику, доктору исторических наук, профессору, члену редколлегии журналов «Партийная жизнь» и «Проблемы Дальнего Востока» Олегу Борисовичу Рахманину. Родился Олег Борисович в подмосковном городе Дмитрове, в 1939 г. вступил в комсомол, в 1945 г. принят в члены КПСС. С 1939 по 1942 годы О. Б. Рахманин — курсант 1-й артиллерийской спецшколы в Москве. Олег Борисович — участник Великой Отечественной войны советского народа, с 1942 по 1945 г. он в рядах Советской Армии, во время великой битвы на Курской дуге был тяжело ранен, награжден двумя медалями «За отвагу».

С 1945 по 1963 г. О. Б. Рахманин работает в системе Министерства иностранных дел СССР, долгое время — на ответственной дипломатической работе в Китае, которую успешно совмещал с учебой, закончив Народный университет в Пекине и Высшую Дипломатическую школу МИД СССР, освоил китайский и английские языки. Олег Борисович в течение ряда лет был уполномоченным Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) в КНР, ведая вопросами общественных и культурных связей между нашими странами.

В 1963 г. О. Б. Рахманин переводится на работу в аппарат ЦК КПСС, а в 1968 г. назначается первым заместителем заведующего Отделом ЦК КПСС. На XXIV съезде партии тов. О. Б. Рахманин избран членом Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, а на XXV и XXVI съездах — членом ЦК КПСС. О. Б. Рахманин избирался депутатом Верховного Совета РСФСР девятого созыва, депутатом Верховного Совета СССР десятого созыва, ныне он — депутат Верховного Совета СССР, заместитель председателя Комиссии по иностранным делам Совета Союза. Он занимает ответственные посты в ряде общественных организаций: первый заместитель председателя Центрального Правления Общества советско-китайской дружбы, заместитель председателя Всесоюзной ассоциации китаеведов, член президиума Советского комитета солидарности стран Азии и Африки и Советского комитета солидарности с народами Латинской Америки. О. Б. Рахманин — лауреат Государственной премии СССР и премии имени В. В. Воровского.

Олег Борисович — автор многочисленных научных и публицистических трудов — монографий и статей, посвященных исследованию международных отношений в новейшее время, истории Коммунистической партии Китая, истории советско-китайских отношений. Известный ученый — коммунист и интернационалист — О. Б. Рахманин неизменно выступает за развитие и упрочение дружбы между советским и китайским народами. Совместно с другими советскими китаеводами Олег Борисович активно участвует в разработке методологических основ современного советского китаеведения на базе творческого применения марксизма-ленинизма.

О. Б. Рахманин — член Ученого совета Дипломатической академии МИД СССР, где ведет курсы истории международных отношений и внешней политики СССР, член

ученого совета Института Дальнего Востока АН СССР, активный участник советских и международных научных конференций по проблемам китаеведения.

Помимо боевых наград, О. Б. Рахманин награжден орденом Октябрьской революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов и многими медалями.

Научная общественность желает Олегу Борисовичу дальнейших успехов в его благородном труде во имя торжества великих идей марксизма-ленинизма, социалистического, пролетарского интернационализма и дружбы советского и китайского народов.

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1984, № 3, 208 с.

Технический редактор *Серкина О.*

Сдано в набор 11.7.84 г.	Подписано в печать 29.8.84 г.	A-13488	Формат 70×108 ¹ / ₁₆ .
Бумага типографская № 1.	Печать высокая.		Гарнитура литературная.
Усл. печ. л. 18,2.	Уч.-изд. л. 21,36.		Усл. кр.-отт. 18,2 тыс.
Изд. № 39020.	Тираж 13 185	Заказ 1676	

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

119847, ГСП. Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области